МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. Г. ПЕТРОВСКОГО»

На правах рукописи

САГИМБАЕВ Алексей Викторович

КОЛОНИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ФАКТОРЫ И МОДЕЛИ ЭВОЛЮЦИИ (1918-1939 гг.)

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история Западной Европы и Америки)

Диссертация

на соискание учёной степени доктора исторических наук

Научный консультант:

доктор исторических наук,

доцент Артамошин С. В.

Брянск – 2018 г.

Содержание

Введение……. 4

Глава I. Колониальная стратегия Великобритании в условиях развития британского общества и государства в межвоенный период…….....60

§1. Социально-экономические факторы изменения императивов колониальной политики Великобритании в 1920-х – 1930-х гг……..60
§2. Воздействие внутриполитической ситуации на функционирование британского колониального механизма в межвоенный период……94
§3. Влияние системных изменений в сфере международной политики и фактора британского общественного мнения на формирование колониальной стратегии Великобритании после завершения Первой мировой войны……126
§4. Интеллектуальный поиск в сфере колониальной идеологии: влияние традиции и оформление новых подходов к решению колониальных проблем …….....149

Глава II. Формирование модели диархии как переходный этап в эволюции колониальной стратегии Великобритании в Индии ……..….....202

§1. Изменение ситуации в Британской Индии вследствие Первой мировой войны и принятие нового закона об управлении индийскими владениями в 1919 г. ……...……202
§2. Проблемы реализации системы диархии в британских политических дискуссиях в 1920-х гг……252

Глава III. Конституционная реформа системы индийского управления 1935 г.: позиции ключевых британских политических сил……289
§1. Обострение ситуации в Индии на рубеже 1920-х -1930-х гг. и поиск политических вариантов выхода из кризиса……289
§2. Подготовка проекта индийской конституции в первой половине 1930- х гг.: столкновение интересов внутри британской политической элиты…… 310

Глава IV. Формирование и эволюция модели «завуалированного контроля» Великобритании над Египтом в 1920-х – 1930-х гг……343

§1. Кризис системы протектората и признание формальной независимости Египта в британских политических дискуссиях на рубеже 1910-х – 1920-х гг……343
§2. Эволюция модели «завуалированного протектората» в 1920-х гг. ……...369
§3. Трансформация системы «завуалированного протектората» в контексте подготовки англо-египетского договора в первой половине 1930- х гг…….....414

Заключение…….464

Библиография……472

Введение

Современное развитие международной системы определяется сложными и противоречивыми тенденциями, связанными, с одной стороны, с процессами глобализации и усилением взаимозависимости государств и народов, а с другой – с ростом стремления отдельных этнических и конфессиональных образований к сохранению своей идентичности. Наиболее очевидным проявлением данной амбивалентности является наблюдаемая в ряде регионов мира тенденция к усилению этнического и религиозного радикализма, а также рост конфликтности на национальной или конфессиональной основе.

Важной её составляющей остаётся сохраняющаяся дихотомия между «Западом» и «Востоком», отражающая сложившиеся на протяжении длительного исторического периода стереотипы взаимного восприятия европейской цивилизации социокультурных типов, существовавших на территории Азии и Африки. Особенности данного восприятия, а также многие из существующих до настоящего момента политических и социально-экономических тенденций, определяющих противоречивость современной глобализационной модели развития, сформировались в эпоху колониализма и были связаны с возникновением и развитием крупных колониальных империй, среди которых совершенно особое и наиболее важное место занимает история британской колониальной системы.

К концу периода Нового времени, Британская империя являлась крупнейшим в мире государственным образованием, обладавшим огромным политическим и экономическим весом в мировой системе. Вместе с тем, она не имела однородной структуры и включала в себя различные элементы, восприятие которых в политической среде Великобритании, как и специфика политики в их отношении, отличалось заметным разнообразием.

На рубеже 1910-х - 1920-х гг. британская имперская система включала в себя пользовавшиеся широкой самостоятельностью доминионы,

обладавшую отдельной системой управления «Индийскую империю», управлявшиеся напрямую колонии, пользовавшиеся ограниченным суверенитетом протектораты, отдельные опорные пункты или военно-морские базы (Гибралтар и Мальта), «территории, оккупированные в силу их стратегической значимости» (Египет и Кипр), концессионные территории и так называемые «свободные портовые города» («treaty-ports» - Шанхай), т. н. «неформальную империю», в которую входил ряд формально суверенных государств, являвшихся экономическими клиентами Великобритании, а также территории некоторых стран, признанных британской сферой влияния на договорной основе (Афганистан, часть Персии и Китая)[1].

В конце XIX и в первые десятилетия XX в. Британская империя выступала в качестве первоначального ядра формирования глобализационных процессов. В данный период её мировое лидерство основывалось, как минимум, на трёх факторах. Первым из них являлось экономическое и военное присутствие практически во всех регионах мира. Вторым – интеграция разрозненных до того момента территорий путём развития политических, коммерческих и культурных связей, а также создания общей системы ценностей, общественных и политических институтов, правовой системы. Третьим являлась выгодная международная конъюнктура, связанная либо с кризисом, либо с незрелостью, на тот момент, её реальных и потенциальных конкурентов.

Вместе с тем, после завершения Первой мировой войны обозначился явный кризис прежних методов имперского управления, положивший начало процессу её постепенной децентрализации. На рубеже 1910-х – 1920-х гг. в обстановке сложных политических дискуссий на фоне обострявшегося внутреннего кризиса империи британское правительство попыталось осуществить несколько проектов, связанных с реформированием системы управления в некоторых из своих владений. Данные реформы обозначили

---

[1] *Magdoff H*. Colonialism (1763- 1970). Encyclopedia Britannica, 15th ed. L.: Encyclopaedia Britannica (UK) Lt., 1974. Vol.4. P. 893-894. См. также: *Fieldhouse D.K*. The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century. N.Y.: Delacorte Press, 1967. P. 178.

вектор эволюции колониальной политики Великобритании на последующий период.

Важнейшей её составляющей стал акцент на методы косвенного управления, теория которых начала формироваться во второй половине XIX в. при активном участии Ф. Лугарда[1] и других известных колониальных деятелей викторианского периода. Суть данной системы заключалась в минимизации британского присутствия и передаче значительной части властных полномочий местным элитам, при сохранении за представителями метрополии функций общего контроля, в особенности, в финансово-экономической сфере.

Актуальность исследования связана с отсутствием в отечественной и зарубежной историографии обобщающих научных трудов, посвящённых комплексному анализу механизмов и основных направлений трансформации колониальной стратегии Великобритании в межвоенный период. Всестороннее исследование данной проблемы имеет важное значение для развития отечественной исторической науки.

Объект исследования – история колониальной системы Великобритании в межвоенный период.

Предмет исследования – причины и характер изменения моделей управления колониальными владениями, на примере Индии и Египта, в контексте политического развития Великобритании в 1918-1939 гг.

Цель работы – проанализировать факторы и основные модели трансформации британской колониальной стратегии в межвоенный период.

Данная цель предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- охарактеризовать влияние факторов международной политики, а также изменений, произошедших после завершения Первой мировой войны

[1] Трактовка системы косвенного управления применительно к африканским колониям нашла отражение в работе Ф. Лугарда «Двойной мандат в Британской Тропической Африке», вышедшей в свет в 1922 г.

во внутриполитической жизни Великобритании, на изменения в британской колониальной стратегии;

- проанализировать воздействие социально-экономических изменений, произошедших в межвоенные десятилетия на смену приоритетов колониальной политики Уайтхолла;

- определить идейные позиции основных британских политических сил в сфере колониальной стратегии данного периода;

- выявить предпосылки и рассмотреть содержание политико-административных преобразований в Британской Индии в 1920-х гг. в контексте позиций ключевых политических сил Великобритании;

- охарактеризовать политические механизмы и определить специфику перехода к конституционной модели управления в Индии в 1930-е гг.;

- проанализировать причины кризиса системы протектората Великобритании над Египтом после завершения Первой мировой войны и эволюции позиции британского руководства по англо-египетским отношениям;

- рассмотреть процесс перехода к договорной модели взаимоотношений с Египтом в контексте политических дискуссий в Великобритании в 1930-е гг.

Хронологические рамки диссертации в целом охватывают межвоенный период. При этом изучение генезиса отдельных исторических процессов и интеллектуальных тенденций в рамках исследуемой темы обусловило необходимость обращения к событиям более раннего периода.

Феномен колониализма до настоящего момента является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в исторической науке. При всём многообразии трактовок данного определения, колониальная система, по своей сути, предполагала господство небольшой группы экономически развитых стран (метрополий) над остальным миром, существовавшей в период с XVI по XX в. В отечественной историографии в последние годы предпринимается попытка поиска сбалансированного подхода, который

позволил бы анализировать столь сложное историческое явление во всём многообразии его аспектов[1]. Важное место, в данной связи, уделяется анализу причин кризиса традиционного колониализма, сопряженного с поиском новых форм и методов отстаивания сложившихся колониальных интересов метрополий. Данный процесс оказался одной из важных составляющих политики ведущих европейских государств первой половине XX в., а с другой стороны, оказал огромное воздействие на особенности последующего развития многих восточных обществ.

Понятия «колония» и «колониальная политика» в современной историографии имеет множество трактовок, которые отражают широкую вариативность конкретных форм и механизмов колониальной политики европейских государств[2]. В течение нескольких столетий они претерпели существенную эволюцию, отражавшую как особенности развития метрополий, так и историческую специфику подчиняемых ими территорий. В широком смысле своего значения термин «колония», происходящий от лат. colōnia («поселение»), предусматривает определённую форму зависимости территории, «находящейся под властью иностранного государства (метрополии), без самостоятельной политической и экономической власти, управляемой на основе особого режима»[3]. Характер административно-политической системы и специфика механизма взаимоотношений колониальной территории и метрополии могли существенным образом отличаться, предполагая различную степень развития в них элементов внутренней автономии.

Значительный исследовательский интерес до настоящего момента вызывает история британской колониальной системы. Связана данная ситуация во многом с тем, что английский колониализм характеризовался максимальным многообразием форм и методов распространения своего

---

[1] Британская империя в XX веке./ под ред. Пегушева А.М. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010.

[2] *Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А*. Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI Середина XIX века). Нальчик, 2007. *Валлерстайн И*. После либерализма. М., 2003. *Райзберг Б.А*. Современный социоэкономический словарь. М., 2012, с. 219-220.

[3] Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://bse.sci-lib.com/ (дата обращения: 12. 12.2016).

влияния, а также большей, в сравнении с другими колониальными системами гибкостью, позволявшей ему достаточно успешно приспосабливаться к менявшейся исторической обстановке.

В рамках Британской империи формы колониальной зависимости варьировались от прямого администрирования захваченными территориями до системы протектората, предполагавшей сохранение очень широкой степени внутреннего самоуправления. Принципиальным отличием характеризовалась политика Великобритании в отношении двух различных типов колониальных владений – переселенческих и сырьевых (эксплуатируемых) колоний.

Первый тип колоний, отличавшийся значительной или преобладающей долей европейского населения, уже в начале XX в. обладал практически полной внутренней автономией, оформленной в виде системы доминиона. Согласно утвердившейся к концу XIX в. в британской политической мысли и историографической традиции точке зрения, переселенческие колонии, тесным образом связанные с создавшей их метрополией множеством социокультурных, языковых и ментальных связей, а также объединённые единой правовой системой и сходной политической организацией, должны были естественным образом эволюционировать в сторону полной государственной самостоятельности, ограниченной лишь узами лояльности в отношении британской короны[1].

Отношение ко второму типу колониальных владений основывалось на принципиально ином понимании британской политической и интеллектуальной элитой целей управления данными владениями. Сырьевые (эксплуатируемые) колонии, расположенные преимущественно в афро-азиатском регионе рассматривались британцами как территории, находящиеся на гораздо более низкой стадии развития и совершенно неспособные к самостоятельному политическому существованию, а также

[1] *Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А.* Британская империя. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2004. *Keith A.B.* Responsible Government in the Dominions. Vol. 1 2. L., 1909. *Grigg E.* the Greatest Experiment in history. L., 1924.

прогрессу в социально-экономической сфере. Исходя из этого, британское правление ими трактовалось как «естественное благо», обусловленное объективными законами исторического процесса[1].

Данное расхождение со всей полнотой проявилось в специфических особенностях колониальной стратегии Великобритании в межвоенный период. Первая мировая война дала мощный импульс деволюционным процессам, приведшим к фактическому обретению доминионами государственного суверенитета. С другой стороны, она послужила важным стимулом к подъёму национально-освободительного движения в ряде азиатских владений британской Короны, в первую очередь, в Индии и Египте.

Факторы, связанные с изменением внутренней ситуации, а также серьёзными переменами в международной обстановке побуждали британскую элиту к заметной смене вектора колониальной стратегии. Вместе с тем, дискуссии относительно изменения механизмов управления некоторыми колониями, и, в первую очередь, Индией, являлись в 1920-х - 1930-х гг. важной составляющей британской политической повестки, а также заметным фактором, влиявшим на характер межпартийной конкуренции и баланс сил внутри ведущих партий Великобритании.

Методологическая основа работы.

В целях решения исследовательских задач использовался ряд общенаучных и специальных методов познания. Ключевым из них явилось применение системного подхода, основанного на диалектическом способе рассмотрения исторических событий, а также принципах научности и объективности. Его использование предполагает всесторонний объективный анализ конкретно-исторических факторов, определяющих характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку доступной эмпирической и теоретической информации. На основе анализа материалов источников и научной литературы выявляются общие закономерности и

[1] *Fieldhouse D.* Economic and empire 1830-1914. N.Y., 1973. P. 462.

специфические проявления предмета исследования. Анализу влияния различных факторов в процессе трансформации британской колониальной стратегии в межвоенный период способствовало использование дедуктивного и индуктивного методов.

При изложении материала использовался проблемно-хронологический принцип, позволяющий наиболее полно воссоздать последовательность рассматриваемых событий. Важной составляющей исследовательского процесса явилось также использование комплексного подхода в работе с источниками, сочетающего сравнительно-исторический анализ и применение методов герменевтики.

В диссертации был использован ряд общих и специальных исторических методов. К их числу следует отнести:

- диалектический метод, предполагающий анализ исторических явлений и процессов с точки зрения их развития, основанного на взаимодействии диалектических противоречий;

- системный метод, представляющий возможность комплексного освещения факторов трансформации британской колониальной стратегии в рассматриваемый период;

- историко-генетический метод, предполагающий верификацию событий исторического прошлого и выявление причин рассматриваемых исторических событий;

- историко-типологический метод, дающий возможность выявить общие и специфические черты в позициях ключевых политических партий Великобритании в сфере колониальной политики в 1920-х – 1930-х гг.;

- сравнительно-исторический метод, позволяющий определить особенности трансформации отдельных моделей колониального управления.

В процессе исследования применялись принципы междисциплинарного подхода, выразившиеся в использовании результатов теоретических и методологических разработок в области политологии,

социологии, истории международных отношений, социально-политической психологии.

Источниковая база исследования.

В процессе исследования отдельных аспектов, связанных с трансформацией форм и методов реализации британской колониальной стратегии в межвоенный период были использованы различные источники, которые могут быть классифицированы и объединены в следующие основные группы.

1. Делопроизводственные источники.

Делопроизводственные источники представляют большие возможности для раскрытия заявленной научной темы. К данной категории следует отнести, в первую очередь, стенографические отчеты заседаний обеих палат британского парламента в течение исследуемого периода, а также протоколы заседаний его специальных, комиссий[1]. Материалы парламентских дебатов содержат разнообразную информацию, касающуюся различных аспектов развития внутриимперских отношений и позволяют проанализировать содержание политических дискуссий по вопросам взаимоотношений метрополии и колониальных владений, а также выявить специфику механизма выработки политических решений в данной сфере. Документы британского парламента и его структурных подразделений детально отражают процесс обсуждения и разработки законопроектов о конституционной реформе в Индии, позволяют подробно проанализировать эволюцию позиций ключевых политических партий Великобритании относительно различных аспектов стратегии в отношении Египта. Кроме того, они предоставляют разнообразную информацию, касающуюся оценки деятельности правительства представителями ключевых политических сил Великобритании.

[1] Great Britain Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. 1918 -1939. L.: H.M. Statt. Off., 1918-1939; Great Britain Parliament. House of Lords. Parliamentary Debates. 1918- 1939. L.: H. M. Statt. Off., 1918-1939. The most gracious speeches to Parliament. 1900-1974. Statements of Government Policy and Achievements. L.: The Macmillan Press Ltd., 1975.

К категории делопроизводственных источников относятся также документальные материалы британских министерств и ведомств. Значительное их количество собрано в фондах Государственного архива Великобритании (National Archives of the United Kingdom)[1]. В данном ряду следует отметить также документы, собранные в многотомном сборнике «*Документы британской внешней политики, 1918-1939*»[2], отражающие, в первую очередь, деятельность Форин офиса в рассматриваемый период. Несмотря на определённую тенденциозность, связанную с подборкой документов, сборник содержит огромный фактический материал, позволяющий не только составить более полное представление о международно-политических факторах, влиявших на изменения в колониальной стратегии Уайтхолла, но и выявить специфику воздействия внешнеполитической ситуации на трансформацию механизмов контроля над Индией и Египтом.

Важное место среди источников данной группы, занимают документы, связанные с функционированием англо-индийской администрации, а также структур, обеспечивавших реализацию влияния Великобритании в Египте[3]. В контексте изучения различных аспектов эволюции британской стратегии в Индии заметный интерес представляют документы специальных комитетов и комиссий, функционировавших в рассматриваемый период в целях изучения ситуации и подготовки проектов политико-административных реформ. В данном контексте необходимо выделить, в первую очередь, материалы комитета Батлера, комиссий, созданных в рамках подготовки Акта об управлении Индией 1919 г., а также комиссии Саймона, рекомендации которой легли в основу конституционной реформы в Индии 1935 г.[4] Несмотря на различие в целях своей деятельности, деятельность данных структур сводилась к апологетике сюзеренитета британской Короны над

---

[1] National Archives of the United Kingdom[Электронный ресурс]. / URL: URL: http://nationalarchives.gov.uk/ (дата обращения: 23.12.2012).
[2] Documents on British Foreign Policy, 1918-1939. L., 1949-1961.
[3] Egypt Parliamentary Committee. The Milner Report. L.:HMSO, 1921.
[4]Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3, Calcutta, 1948–49.

индийскими владениями. Применительно к анализу британской политики в Египте столь же значимый интерес представляют материалы специальной комиссии Милнера, созданной на фоне подъёма египетского национально-освободительного движения в 1919 г., а также документы, относящиеся к периоду последующей подготовки двустороннего договора. Некоторые из указанных документальных материалов собраны в опубликованных в Великобритании сборниках[1].

Наряду с этим в процессе рассмотрения основных аспектов политико-административных преобразований в Индии, было использовано несколько промежуточных документов, в частности, «*Белая книга*» по индийской конституционной реформе 1930 г., а также отчеты объединенного парламентского комитета, активно участвовавшего в её подготовке[2]. Анализ их содержания позволяет сделать выводы о существенных сдвигах в политике Великобритании по отношению к индийским владениям, выявить причины перехода британской политической элиты от позиции невмешательства в дела традиционной индийской знати к активной заинтересованности в её поддержке предложенной схемы реформ. Официальный характер данной группы документов придал их содержанию достаточно сдержанный и корректный политико-правовой смысл, отражавший сложный компромисс позиций различных групп внутри британского истеблишмента.

При разработке некоторых общих проблем в рамках исследуемой темы, использовались материалы Министерства по делам колоний. Одной из основных публикаций данного ведомства были ежегодно издаваемые сборники документов, а также годовые отчеты, касающиеся деятельности администраций в отдельных колониях. Они содержат разнообразную

---

[1] Great Britain and Egypt. 1914-1936. L.: The Royal Institute of International Affairs, 1952. *Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary record. Princeton, 1956. Vol. 2. - N. Y., 1972. Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. - L., 1947. Selected documents on British policy. Ed. by Keith A. B. Vol. 2, 1918-1931. From Self-government to National Sovereignty. Vol. 2. Oxford, 1961.

[2] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta: Nabu Press, 2012.

фактическую информацию, характеризующую различные параметры развития колониальных территорий[1].

Отдельной группой делопроизводственных источников, использованных в ходе исследования, явились протоколы имперских конференций. Они содержат обширный материал, связанный с развитием имперских отношений, и дают возможность выделить основные этапы трансформации имперской идеи, полнее определить отношение представителей британского политической элиты к проблемам трансформации имперской системы и расширения самостоятельности колониальных владений. Особенно важными, в данном контексте, явились результаты конференций 1921 и 1926 гг., ставшие важнейшими шагами на пути складывания концепции Британского Содружества[2].

В контексте рассмотрения процесса подготовки конституционной реформы в Индии несомненной ценностью обладают стенограммы пленарных заседаний, а также заседаний подкомитетов конференции Круглого стола», в ходе которых предпринимались попытки поиска компромисса между стратегическими интересами Великобритании и стремлениями индийских политических сил и, в первую очередь, её свараджистской части[3].

2. Законодательные источники.

Важную роль в изучении проблемы эволюции колониальной стратегии Великобритании в рассматриваемый период играет изучение законодательных актов, связанных с управлением колониями стратегии Великобритании в рассматриваемый период имеет изучение законодательных актов, связанных с управлением колониями. В частности,

---

[1] Colonial office list. London, HMSO, 1862-1966. The Colonial Office List, L.: HMSO. Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy, 1763-1917. 2 vols. Volume II. Edited by Keith A. B. L.: HMSO, 1918.

[2] . Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Magisty. L., October, 1918. Colonial Conference. 1921. L., HMSO, 1921; Colonial Conference. 1921. Minutes of proceedings. L., HMSO, 1921; Memorandum of Colonial Conference of 1926. L., HMSO, 1926; Colonial Conference, 1926. Minutes of proceedings of the Imperial conference. L., HMSO, 1926. Extracts from Imperial Conferences., L.: HMSO, 1926.

[3] *Gupta P. S.* Towards Freedom: Documents on the Movement for Independence in India. Oxford University Press, New Delhi, 1996-1997. 3 vols.

сравнительный анализ законодательных Актов об управлении Индией 1919 и 1935 гг.[1] представляется принципиальной теоретической основой для изучения процесса трансформации политики метрополии в отношении ключевого элемента британской колониальной системы. Оба законодательных документа явились итогом длительных и напряжённых дискуссий, в которые оказались вовлечеными ключевые политические силы Великобритании, и представляют собой результат ставших следствием этих дискуссий сложных компромиссных решений.

3. Статистические издания.

Статистические материалы в рассматриваемый период публиковались многими британскими ведомствами. В контексте исследуемой темы, особый интерес представляют статистические сборники, издаваемые министерством колоний[2]. Данные, содержащиеся в них, позволяют проанализировать обусловившие существенные изменения ситуации в Британской империи общие особенности экономического развития британских колоний в межвоенный период. Кроме того, в работе были использованы статистические материалы Казначейства и других правительственных структур, позволяющие проанализировать взаимосвязь тенденций экономического развития метрополии и изменений в области её колониальной стратегии[3].

4. Документы британских политических партий.

К числу основных источников, позволяющих подробно охарактеризовать позиции ключевых политических партий Великобритании в межвоенный период относятся различного рода партийные документы – предвыборные программы, стенограммы партийных конференций, агитационные листовки и памфлеты. Данные материалы содержатся в британских электронных архивах, в отдельных сборниках документов, в

---

[1] Government of India (Reforms) Act. URL https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).

[2] Abstract of British Historical Statistics. Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. Survey of Overseas Markets. Committee on Industry and Trade. L., 1925. The British Empire. A report of its Structure and Problems by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. Oxford, 1938.

[3] *Kinley D.*The Financial History of Great Britain. N.Y.: Oxford University Press, 1918.

приложениях к научным исследованиям[1]. Кроме того, значительный объём документов, касающихся деятельности Лейбористской партии в рассматриваемый период, оказался собранным в архиве Коминтерна, и в настоящее время хранится в фондах РГАСПИ[2].

Наибольшее значение в контексте исследуемой проблематики имеют официальные документы партии, включая манифесты, издававшиеся накануне выборов 1918, 1922-1924 и 1929 гг., а также протоколы конференций лейбористов, состоявшихся в 1923 и 1924 гг. Данные материалы представляют возможность провести сравнительный анализ программных установок и конкретных действий Лейбористской партии в сфере колониальной стратегии, как во время деятельности первого и второго лейбористских кабинетов, так и в период пребывания партии в оппозиции.

В памфлетах формулировались конкретные планы действий в отношении актуальных для Великобритании проблем, разрабатывались теоретические направления политики в различных направлениях, подвергались критике взгляды и позиции политических оппонентов партии. При этом отрицательное отношение к «капиталистическому империализму» сочеталось в программных установках лейбористов с верой в идею об «органическом союзе англосаксов». Различные проекты и варианты сохранения единства имперского пространства продолжали оставаться в числе наиболее актуальных тем в политических дискуссиях ведущих политических сил Великобритании в межвоенный период.

5. Труды британских политических деятелей рассматриваемого периода.

---

[1] British general election manifestos. 1900 – 1974. L., 1975. British general election manifestos. 1900 – 1974. L., 1975. *Bundock C. J*. Direct Action and the Constitution pamphlet. L.: Independent Labour Party, 1920. *Butler G*., *Butler D*. British political facts, 1900-1994. L.: Macmillan, 1994. *Butler G.*, *Butler D*. Twentieth-Century British Political Facts, 1900-2000. L.: Palgrave Macmillan, 2000. Conservative Party: General Elections Manifestos, 1900-1997. Ed. by I. Dale. Volume I. L., N.Y., 2000. Labour Party. The Colonial Empire. London: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. Labour Party. The Colonial Empire. London: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. Labour Party. The Colonial Empire. L.: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. The Fabian Colonial Essays. L., 1954. Memorandum of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. May 16, 1925. Manchester, 1926. Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933 / Luke Reader. «Not Yet Able to Stand by Themselves»:Leonard Woolf, Socialist Imperialism, and Discourses of Race, 1925-1941. Irvine, 2011

[2] РГАСПИ. Ф. 495. «Коммунистическая партия Великобритании».

В контексте исследуемой темы значительный интерес представляют произведения британских политиков, с различных точек зрения рассматривавших проблемы управления обширными колониальными владениями, а также перспективы дальнейшего развития колониальной системы Великобритании. Они подразделяются на две основные категории. К первой из них относятся труды апологетов сложившейся к началу Первой мировой войны модели британского колониализма – лорда Кёрзона, лорда Милнера, Л. Эмери и др.[1] Большинство из них начали свою политическую карьеру в викторианский период. Вторую группу составляют произведения политических деятелей, условно именуемых в научной литературе «антиимпериалистами». При наличии заметного расхождения в политических позициях, их объединяло понимание необходимости определённой модификации сложившейся на тот момент модели управления колониями и изменения отношения к ним со стороны британской политической элиты и широкой общественности. К данной группе относились, в основном, политические и общественные деятели либеральных или социалистических взглядов. С точки зрения влияния на принятие политических решений, из них наиболее значимыми представляются идейные позиции представителей Лейбористской партии[2].

Неся на себе печать индивидуальности автора, его политической приверженности, культурной, философской, национальной направленности, они дополняют и обогащают картину исторического процесса. Эта особенность относится к политическим произведениям и сборникам текстов публичных выступлений лорда Ирвина, У.Черчилля, К. Эттли, С.Хора, Дж.

---

[1] *Эмери Л.* Моя политическая жизнь. М. Изд-во иностранной литературы, 1960. *Curtis L.* The Commonwealth of Nations: An Inquiry into the Nature of Citizenship in the British Empire, and into the Mutual Relations of the Several Communities Thereof. L.: MacMillan and Co, 1916-1917. Idem. The Windows of Freedom. // The Round Table, December 1918. p.5-33. *Cromer E. B.* Political and Literature Essays, 1908-1919. N. Y., 1969. *Milner G. C.* England in Egypt. L., 1909. Idem. Empire and Nation. L., 1913.

[2] *Attlee C. R.* As It Happened. L.: Heinemann, 1954. *Henderson A.* Labour's Foreign Policy. L.: Labour Party, 1933. Idem. Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935. *MacDonald J.R.* A Policy for the Labour Party. L.: Leonard Parsons, 1920. Idem. The Government of India. N.Y: Huebsch, 1920. *Snowden P.* Labour and National Finance. L.: Leonard Parsons, 1920. *Woolf L.* Economic imperialism. Oxford, 1920. Idem. Empire and Commerce in Africa. L., 1920.

Саймона, а также к работам представителей индийских политических сил - М.Ганди, М.Неру, Д.Неру, и др[1].

6. Материалы личного характера.

В работе использован широкий круг документов частного характера. К ним относятся, в первую очередь, опубликованные автобиографические и мемуарные произведения представителей британских политических и общественных кругов, чиновников колониальной администрации, представителей Уайтхолла за рубежом. К данной же категории следует отнести мемуары представителей возникавших в данный период антиколониальных движений, оказывавших всё более заметное воздействие на ситуацию в британских владениях.

Трудности работы с мемуарными произведениями обусловлены, в первую очередь, заметным субъективизмом, с которым их авторы обычно подходили к описанию собственной роли в тех или иных событиях. В то же время, несомненным достоинством указанных работ является, достаточно глубокое воссоздание психологической атмосферы, существовавшей внутри британской политической элиты, позволяющее полнее восстановить ход дискуссий и выявить настроения отдельных политических деятелей.

В данную группу входят также дневники и материалы переписки видных британских политиков рассматриваемого периода, таких как Р. Макдональд, Л. Эмери, К. Эттли, Д. Ллойд-Джорджа и др[2]. Они являются ценными источниками, содержащими первичную информацию о

---

[1] *Bose S. C.* The Indian Struggle, 1920-1942. Delhi, 1997. Nehru J. The Discovery of India. N.Y.: John Day Company,1946. Idem. The Unity of India. L.:1948.

[2] *Churchill W. S.*: His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5: 1928-1935 / ed. by James R. R. New York and L.: Chelsea House & Bowker, 1974. *Eden A.* The Eden memoirs: Facing the Dictators. L.: Cassell & Company, 1962. *Lord Parmoor*. A Retrospect: Looking Back on the Life of More than Eighty Years. L.: Heinemann, 1936. Papers of James Ramsay MacDonald, 1893-1937. Manchester: John Rylands University Library, 1995. *Snowden P.* An Autobiography. L.: Nicholson & Watson, 1934.The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with his Sisters Hilda and Ida, 1916-1937 / ed. by Self R. C. Cambridge and L.: Cambridge University Press, The Royal Historical Society, 1995. The Earl of Oxford and Asquith. Memories and Reflections 1852 to 1927. Vol. 2. Whitefish: Kessinger Publishing, 2004. The Milner Papers. Ed. by C. Headlam. L., 1931-1933. Vol. 1-2. The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk.(дата обращения: 20.10. 2013). *Turner E.* Catalogue of the Papers of Alfred Milner, Viscount Milner, 1824-1955. Bodleian Library,1979. Он-лайн версия: UPL: http:// http://www.bodley.ox.ac.uk/dept/scwmss/wmss/online/modern/milner/milner.html (дата обращения: 1.11.2015).

происходивших событиях, а их субъективная сущность даёт возможность более всесторонней характеристики исследуемых проблем.

Отдельно следует упомянуть содержащиеся в фондах АВПРФ отчёты советских дипломатических и консульских представителей, в которых содержатся различные сведения и аналитические оценки политической и социально-экономической ситуации в Великобритании, а также в её владениях, включая Индию и Египет[1].

7. Публицистические произведения.

Британская публицистика межвоенного периода отражала существующие в обществе позиции и оценки ключевых политических проблем, среди которых особое место занимали вопросы, связанные с управлением колониями, а также отношением к перспективам их развития. Публицистические работы, с одной стороны, отличаются разноплановостью и ориентированностью на широкие слои населения, с другой – в основном отражают позицию представителей интеллектуальной элиты общества. Данные в этих произведениях оценки процессам, происходившим в рамках британской колониальной системы, заметно варьировались в зависимости от политических предпочтений их авторов.

Отличительной чертой межвоенного периода являлось заметное увеличение числа работ, в которых в той или иной степени подвергались критике традиционные формы реализации колониальных интересов[2]. Лишь незначительный процент публицистических произведений данного периода можно отнести к числу политически нейтральных[3].

8. Материалы периодической печати.

Отдельной важной группой источников являются материалы британской периодики, содержащей не только описание событий, происходивших в Великобритании и её обширных владениях, но и их

---

[1] АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69.

[2] Constructive Criticism by Leading Indians on the Montagu-Chelmsford Scheme. Madras, 1918. *Lajpat Raj*. England's Debt to India. 1918. Lajpat Raj. India and the Future. New York, 1919.

[3] *Brand R. H.* War and National Finance. L. : Edward Arnold & Co, 1921.*Chirol V.* The Egyptian Problem. L.,1921. *Gibbons H. A.* Great Britain in Egypt. N. Y., 1920. *Williamson J. A.* A Short History of British Expansion. L.:Macmillan and Company Ltd., 1922.

определённые оценки, которые заметно отличались в зависимости от политических пристрастий хозяев печатных изданий. Изучение содержания центральных и региональных британских периодических изданий позволило существенно дополнить картину происходящих событий, а также охарактеризовать основные публичные оценки действий правительственных кабинетов в сфере колониальной политики. В диссертации использовались материалы следующих основных изданий прессы Великобритании исследуемого периода: «The Times», «The Manchester Guardian», «Liberal Magazine», «Daily Chronicle», «New Leader», «Morning Post», «Daily Mail», а также некоторых региональных газет. Большой объём материалов прессы размещён на электронных ресурсах и в электронных архивах[1]. Важная особенность информационной политики большей части центральной британской печати, в частности лондонской «Таймс», заключалась в том, что они стремились отстоять необходимость сохранения целостности имперской системы, выступали за развитие механизмов экономического, военного и политического контроля метрополии над основными колониальными владениями. Важным органом консервативной печати, отстаивавшим единство Империи, была британская «Daily Express». С более умеренных позиций выступали «Westminster Gazette», «Evening Standard», «Evening Herald». В этих изданиях публиковались материалы, отражавшие интересы как сторонников, так и противников имперской идеи, содержались различные оценки колониальной политики и проекты колониальных реформ. Точку зрения сторонников Либеральной партии наиболее последовательно представляли газеты «Daily News» и «Daily Telegraph». Позиция Лейбористской партии находила поддержку в таких печатных изданиях как «Labour Leader», «Daily Herald», «Observer», «The London Gazette».

Историография и степень изученности проблемы.

Различные аспекты эволюции британской колониальной системы в межвоенный период явились предметом внимания большого числа

[1] UPL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk. (дата обращения: 18.01.2017).

отечественных и зарубежных исследователей. В Великобритании уже в 1920-х – 1930-х гг. вышел ряд работ, посвящённых рассмотрению изменений, произошедших в сфере управления и контроля над колониальными и зависимыми территориями, произошедших вследствие Первой мировой войны.

В центре внимания исследователей данного периода в основном находились процессы, связанные с трансформацией имперской системы в Содружество наций, а также с важными реформами, осуществлявшимися в Индии и некоторых других британских владениях.

Менее значимым предметом изучения были механизмы влияния произошедших вследствие Первой мировой войны политических и социально-экономических изменений на формы и методы реализации колониальной политики Великобритании.

Попытки анализа процессов, происходивших под влиянием событий Великой войны в различных сегментах жизни британского общества и государства, включая имперскую организацию Великобритании, проходили на фоне кризиса позитивистской методологии и усиления консервативного направления в британской историографической традиции.

Британская историография в межвоенные десятилетия продолжала эволюционировать в рамках трёх основных направлений, сложившихся на рубеже XIX – XX вв. Первое из них во многом основывалось на преобладавшей в предыдущий период либеральной традиции, возникшей на основе научных работ Дж. Сили, Дж. А. Крэмба и некоторых других исследователей. На данном этапе она фактически являлась основанием для официальной историографии Британской империи. В 1920-1930-х гг. либеральное направление претерпело определённые изменения, связанные, в частности, с постепенным формированием новой методологии и отходом от преимущественно описательного характера к большей аналитичности.

Заметным явлением в данный период продолжала оставаться и консервативная историография, ориентированная на обоснование

необходимости сохранения сложившихся политико-правовых форм реализации британских колониальных интересов. В немалой степени она опиралась на традицию Кембриджской школы историографии Британской империи.

Продолжала формироваться и историографическая линия противников империализма. В самой Великобритании она была представлена с одной стороны направлением, восходящим в своей основе к трудам классиков британского либерализма второй половины XVIII-первой половины XIX в., рассматривавших колониальные предприятия и имперскую экспансию как «пустую трату денег» и фактор, препятствовавший «свободной экономической интеграции» различных частей человечества[1].

С другой стороны с антиимпериалистических позиций выступали представители различных направлений марксистской историографии, отправной точкой формирования которой в Великобритании считается публикация фундаментальной работы Дж. А. Гобсона *«Империализм»* [2], а также близких с точки зрения методологии исследований социолога Л. Т. Хобхауса[3]. В своих теоретических формулировках они в немалой степени обращались к идеям главных противников колониальной экспансии середины XIX в. Р. Кобдена и Дж. Брайта, солидаризировавшихся с выводами представителей манчестерской экономической школы того периода о принципиальной несовместимости расширения британской внешней торговли и активной завоевательной политики.

С творчеством Р. Кобдена было связано появление одного из ключевых тезисов либеральной политической философии последующего периода, связанных с тем, что распространение британских ценностей не нуждалось в силовой поддержке имперских структур[4]. Как отмечает в данной связи британский историк Н. Фергюсон «Тенденция судить британские имперские

---

[1] *Фергюсон Н.* Чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 22.
[2] *Hobson J.* Imperialism. L., 1902. Гобсон, Дж. Империализм. Л.: Соцэкгиз, 1927.
3*Hobhouse L.T.* Mind in evolution. L., 1901. Idem. Morals in evolution, a study in comparative ethics. L., 1906. Idem. Development purpose. L., 1913.
[4] *Dawson W.H. R.* Cobden and foreign policy. L., 1926. P. 335.

действия в соответствии с критерием свободы была столь сильной и последовательной, что это давало Британской империи импульс к самоликвидации»[1].

В числе первых работ, посвящённых изучению изменений в колониальном механизме вследствие Первой мировой войны, явилась опубликованная в 1920 г. при содействии Королевского института колониальных исследований монография профессора Лондонского университета Ф. Дж. С. Хиарншоу «*Демократия и Британская империя*»[2]. Составленная на основе лекционного курса работа, в определённой степени явилась продолжением традиции, заложенной Дж. Сили, связанной с изучением взаимовлияния развития традиционных демократических институтов Великобритании и её активной имперской экспансии. Автор уделил особое внимание анализу возможного воздействия кризисных ситуаций, возникших в Ирландии и некоторых других британских владениях на дальнейшее развитие политической системы, подчёркивая необходимость осуществления трансформации имперской системы в рамках классических принципов английского либерализма. В работе Ф. Дж. С. Хиарншоу, подчёркивалось, что «Британская империя являлась абсолютно уникальным явлением,… поскольку доказала сочетание в рамках свободной цивилизации либерального и имперского начал, между индивидуальной свободой и ответственностью, а также отсутствие принципиального противоречия между системами представительного и имперского правления»[3]. Данная трактовка опиралась на традицию либеральной историографии Британской империи, восходящей к интеллектуальной традиции шотландского историка второй половины XIX – начала XX в. Дж. А. Крэмба. При этом особый акцент автором делался на необходимости «развития демократических институтов в различных частях империи, в первую очередь – в Индии и Египте»[4].

---

[1] *Фергюсон Н.* Ук. соч. С. 29.
[2].*Hearnshaw F.J.C.* Democracy and the British Empire. L., 1920.
[3] Idid. P. 190.
[4] Idid. P. 105.

В 1920 г. вышла в свет работа Ф. Динлота «*Англия после войны*»[1], посвящённая анализу изменений, произошедших в политической системе, экономике, социальных отношениях, а также в международном положении Великобритании вследствие мирового конфликта. Автор одним из первых характеризует Первую мировую войну как важный переходный этап в британской истории, отмечая, в частности, заметные перемены, произошедшие в отношениях метрополии с доминионами, а также Индией и другими колониальными владениями.

В числе заслуживающих внимания исследований данного периода следует отметить монографию профессора колониальной истории Оксфордского университета Х. Э. Эгертона «*Британская колониальная политика в XX в.*»[2], в которой рассматриваются общие особенности эволюции британской имперской системы и уделяется особое внимание специфике её развития на современном для автора этапе. Одним из важных аспектов работы является попытка анализа роли формировавшегося национального самосознания во взаимоотношениях Великобритании с доминионами и колониальными владениями.

В межвоенный период продолжала развиваться и кембриджская школа имперской истории, одним из наиболее заметных представителей которой являлся Ч. Лукас, снискавший известность своими исследованиями эволюции колониальной системы Великобритании ещё до Первой мировой войны. В 1923 г. вышла одна из наиболее известных его работ «*Британская империя*»[3], вошедшая в число теоретических источников при составлении фундаментального исследования «*Кембриджская история Британской империи*».

Попытка формулировки принципиально нового подхода к изучению системных изменений, произошедших в британской имперской организации вследствие войны, была предпринята американским исследователем,

---

[1] *Dinlot F*. England after the war. N.-Y., L., 1920.
[2] *Egerton H. E*. British Colonial Policy in the 20th century. L., 1922. Idem. A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. L., 1924.
[3] *Lucas Ch*. The British Empire. L., 1923.

профессором Гарвардского университета У. Я. Эллиоттом, опубликовавшим в 1932 г. обстоятельный труд «*Новая Британская империя*»[1]. Автор уделил особое внимание анализу причин, вызвавших кризис модели британского доминирования, подробно рассмотрев новые социально-экономические тенденции в жизни Великобритании и её владений, а также деволюционные процессы, связанные с изменением характера взаимоотношений метрополии и доминионов. Отдельная часть работы посвящена особенностями эволюции стратегии Уайтхолла в отношении Индии и других колониальных владений, которая оценивалась автором как попытка найти оптимальный баланс между «системой эксплуатации и доверительными отношениями»[2].

В работе Дж. Дангерфилда «*Странная смерть либеральной Англии*»[3], вышедшей в свет в 1935 г., анализируются причины кризиса и упадка Либеральной партии Великобритании. В их числе упоминается неспособность партийного руководства найти оптимальный вариант выхода из ирландского кризиса, а также решения проблем, возникших в сфере колониального управления в послевоенный период. Отсутствие эффективных решений со стороны лидеров Либеральной партии, способствовало, по мнению автора, окончательному переходу инициативы к консерваторам во главе с Э. Б. Лоу и С. Болдуином.

На фоне кризисных явлений, охвативших колониальную систему Великобритании к моменту начала Второй мировой войны, возникли новые попытки переосмысления опыта её имперского управления. Они нашли отражение в ряде исследований, вышедших в свет в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. В их числе следует отметить работы Р. Мартина «*Колониальная политика Британской империи*»[4] и В. Т. Харлоу «*Характер британского империализма*»[5].

---

[1] *Elliot W. Y.* The New British Empire. N. Y.- L.., 1932.
[2] Ibid. P. 235.
[3] *Dangerfield G.* The Strange Death of Liberal England. L., 1935.
[4] *Martin R. M.* Colonial Policy of the British Empire. L., 1938.
[5] *Harlow V. T.* The Character of British Imperialism. L., 1939.

Обстоятельный анализ истории формирования британской имперской системы содержится в монографии Дж. Т. Адамса «*Империя семи морей. Британская империя в 1784-1939 гг.*»[1] Подробно характеризуя особенности её эволюции, включая этап становления и развития идеологии «нового империализма», исследователь в последней главе подчёркивает роль событий Первой мировой войны как важного переходного этапа в истории британского колониализма.

После Второй мировой войны, в британской историографии наблюдался заметный рост числа исследований, посвящённых изучению факторов и моделей эволюции колониального механизма, что объяснялось стремительной деколонизацией в целом завершившейся к началу 1970-х гг. Несмотря на то, что трансформационные процессы межвоенного периода продолжали изучаться в основном в рамках общих работ по истории Британской империи, для данного периода характерен активный поиск теоретических концепций, позволявших аналитически обосновывать причины начавшейся в 1920- 1930-е гг. деструкции колониального механизма.

Период 1950-х – 1960-х гг. ознаменовался новыми тенденциями в развитии британской историографии, что было напрямую связано с происходившими в данный период процессами деколонизации. В связи с окончательным упадком Либеральной партии, прежние позиции либерального направления историографии в данный период наследует активно формирующаяся лейбористская историография. При этом её представители продолжали исходить из главного тезиса историков-либералов, предполагавшего «естественный» характер развития империи, а также закономерный характер её распада и трансформации в Содружество наций.

Стремительные изменения, связанные с распадом колониальной империи, требовали всестороннего изучения и научного анализа. На этом

[1] *Adams J. T.* Empire of the Seven Seas. N. Y. - L., 1940.

фоне появился целый ряд исследований, посвящённых как широкому освещению феномена британского колониализма, так и специальному рассмотрению отдельных его аспектов и хронологических периодов. Некоторые исследователи предпринимали попытки анализа изменений, начавших происходить в колониальной системе Великобритании вследствие Первой мировой войны и в дальнейшем приведших к её распаду. В этом ряду следует отметить, в частности, монографию А. Л. Бёрта «*Эволюция Британской империи и Содружества со времён Американской революции*»[1], вышедшую в свет в 1956 г. В ней предпринимается попытка анализа исторических особенностей эволюции английской колониальной системы с конца XVIII в. и причин её последующей трансформации в Содружество наций. Автором уделяется особое внимание изучению специфических особенностей формирования административной системы в отдельных частях обширных британских владений. Исследователь подчёркивает роль событий Первой мировой войны, ставших важнейшим переходным этапом в истории британского колониализма[2].

Анализу внешнего фона событий, связанных с трансформации колониального механизма Великобритании в межвоенный период посвящено исследование А.Дж П. Тэйлора «*Нарушители порядка*»[3], составленное на основе разработанного им лекционного курса. В работе освящаются основные этапы эволюции британского внешнеполитического курса в период с 1792 по 1939 г. Отдельная часть монографии отведена освещению ключевых проблем, с которыми Великобритания столкнулась на международной арене в межвоенный период. А.Дж П. Тэйлор отмечает важные тенденции, связанные с осложнением её внешнеполитических позиций, ставшим очевидным после событий Великой депрессии. Нехватка ресурсов, необходимых для обеспечения безопасности обширных имперских

---

[1] *Burt A. L.* The Evolution of the British Empire and Commonwealth from the American Revolution. Boston, 1956.
[2] Ibid. P. 827.
[3] *Taylor A. J. P*. The Trouble-Makers: Dissent over Foreign policy. L., 1957.

владений явилась, в свою очередь, важным побудительным мотивом к трансформации механизмов колониального управления[1].

Изучению влияния внешнеполитического фактора и воздействия международных событий на эволюцию британской колониальной стратегии посвящено исследование Р. М. Рэйнера «*Двадцатилетнее перемирие, 1919-1939*»[2]. Характеризуя противоречия версальско-вашингтонской системы мироустройства, автор обращает определённое внимание на заметное противоречие между стремлением британской политической элиты удержать лидирующие позиции в мире и заметно сократившимися ресурсами, которые она могла использовать для сохранения прежнего влияния как на международной арены, так и во внутриимперском пространстве.

Принципиально новый взгляд на причины распада имперской системы Великобритании, близкий к методологии интеллектуальной истории был представлен во впервые опубликованном в 1959 г. исследовании А. П. Торнтона «*Имперская идея и её враги*»[3]. В контексте анализа исторических особенностей развития Британской империи на рубеже XIX-XX вв., автор характеризует идеологические основы колониальной стратегии, уделяя особое внимание изучению взаимовлияния и взаимодействия имперских ценностей с традиционными принципами английского либерализма, а также подчёркивает возраставшую в данный период роль различных версий активно распространявшейся националистической идеологии.

Важным явлением в историографии данного периода явилось завершение в 1959 г. публикации многотомного издания «*Кембриджская история Британской империи*»[4], продолжавшийся на протяжении трёх десятилетий. В нём в полной мере нашла отражение историческая концепция формировавшейся со второй половины XIX в. кембриджской школы историографии колониальной политики Великобритании. Восьмой том издания посвящён, в том числе, и освещению трансформационных

[1] Ibid. P. 235.
[2] *Rayner R. M*. The twenty years truce 1919-1939. L., 1943.
[3] *Thornton A. P*. The Imperial idea and its enemies. L., 1959.
[4] *The Cambridge History of the British Empire*. In 8 vols. Cambridge, 1929-1959. Cambridge, 1959.

процессов, начавшихся в британской имперской организации после Первой мировой войны.

В 1968 г. вышла в свет монография британского историка А. Марвика «*Британия в столетие тотальной войны. Война, мир и социальные изменения, 1900-1967*»[1]. В ней был дан довольно подробный анализ эволюции различных сфер жизни британского общества в первой половине XX в. Особый интерес в контексте исследуемой темы, вызывают выводы автора, касающиеся воздействия социально-политических и экономических изменений на трансформацию имперской организации и колониальной стратегии Великобритании.

Важный вклад в исследование завершающего периода истории Британской империи внесли исследования Дж. Морриса[2], в которых особенно интересным представляется попытка анализа идеологических противоречий внутри правящей элиты Великобритании, которые, в немалой степени, по мнению автора, способствовали ослаблению внутреннего единства имперской системы.

Идеологическая составляющая эволюции британского колониализма в начале XX в. явилась главным предметом внимания в исследовании М. Белоффа «*Имперский закат*»[3], первый том которого «Британская либеральная империя, 1897-1921 гг., был опубликован в 1969 г. В данной части обширной работы, посвящённой анализу причин кризиса и распада колониальной системы Великобритании, подробно рассматриваются изменения, произошедшие в результате Первой мировой войны и приведшие, по мнению автора, к существенному изменению прежнего характера имперской организации.

В то же время, усилившийся в начале XX в. либеральный «тренд», нашедший своё практическое отражение, в том числе, в реформе Морли-Минто в Индии, призванной ввести элементы местного самоуправления, в

---

[1]*Marwick A.* Britain in the century of total war. War, peace and social change. 1900-1967. L., 1968.
[2]*Morris J.* Pax Britannica. The climax empire. L., 1968. Idem. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978.
[3]*Beloff M.* Imperial Sunset. Vol. 1: Britain's Liberal Empire, 1897-1921. L., 1969.

немалой степени сформировал вектор последующих преобразований, направленных на постепенное увеличение степени самостоятельности колониальных и зависимых территорий.

В числе исследований данного периода, в которых уделялось определённое внимание рассмотрению различных аспектов трансформации колониального механизма Великобритании в межвоенный период следует отметить монографию Дж. Боула «*Имперское достижение. Подъём и трансформация Британской империи*»[1].

На фоне стремительного распада, колониальной системы Великобритании, фактически произошедшего в течении четверти века с момента окончания Второй мировой войны, внимание британских историков обращали на себя как общий анализ причин и факторов, вызвавших данный глобальный исторические процесс, так и его отдельные составляющие.

С середины 1950-х гг., после событий Суэцкого кризиса, знаменовавшего собой ликвидацию системы британского влияния на Ближнем Востоке, в Великобритании вышел ряд исследований, посвящённых рассмотрению различных аспектов эволюции стратегии Великобритании по контролю над Египтом. Данные работы нередко основывались на использовании новых источников и содержали новые, довольно важные теоретические выводы. В их ряду следует особо отметить исследования Дж. А Морлоу и Дж. Ватикокиса[2].

Эволюция британской историографии рассматриваемой темы в последней четверти XX – начале XXI вв. ознаменовалось заметным влиянием постмодернистских тенденций. Одной из них явилась оформившаяся с середины 1980-х гг. историографическая школа, получившая название «новая имперская история» и ставшая частью более широкого направления, именовавшегося «новая глобальная история». Его типичным примером

---

[1]*Bowle J*. The Imperial Achievement. The Rise and Transformation of the British Empire. Boston-Toronto, 1975.

[2]*Marlowe J. A*. History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations, 1800-1956. L., 1965. Idem. Anglo-Egyptian Relations 1800-1953. L., 1954. Idem. Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics. L., 1961. Idem. The Anatomy of Empire. L., 1972. Idem. Cromer in Egypt. L., 1970. *Vatikiotis J. A*. History of Modern Egypt. New York, 1969.

явилось исследование Э. Бохмера «*Империя, национализм и постколониализм, 1890-1920: сопротивление во взаимодействии*»[1]. Автор уделил особое внимание анализу влияния модернистских тенденций на развитие британской имперской системы, а также роли формировавшегося националистического фактора в эволюции её отдельных сегментов.

Близким с точки зрения методологии явился коллективный труд «*Британский мир: диаспора, культура и идентичность*»[2], в котором ключевая роль отводится анализу социокультурного стержня британской имперской идентичности. Предметом подробного рассмотрения в работе стали также миграционные процессы и роль развивавшихся СМИ в эволюции восприятия британским социумом имперских ценностей в период конца XIX-первых десятилетий XX вв.

К числу исследований, в которых нашли отражение новые подходы к изучению имперской истории, следует отнести двухтомный труд П. Дж. Кэйна и А. Дж. Хопкинса «*Британский империализм*»[3]. Рассматривая эволюцию колониальной системы с момента Славной революции, авторы акцентируют внимание на кульминационном этапе её развития, относящемся к викторианской эпохе. В то же время, отдельные разделы работы посвящены важным переходным процессам, происходившим в Британской империи в межвоенный период.

Объектом внимания историков становятся финансово-экономические процессы, связанные с постепенной утратой Великобританией своей лидирующей роли, перемены, произошедшие в умонастроениях британской политической элиты, а также изменения, наметившиеся в сфере управления Индией и африканскими колониями.

Особого внимания заслуживает подробный анализ эволюции форм и методов британского управления, сделанный британским историком Дж. У.

---

[1] *Boehmer E*. Empire, the National and Postcolonial, 1890-1920: Resistance in Interaction. Oxford, 2002.
[2] The British World: Diaspora, Culture and Identity/ Ed. by C. Bridge, K. Fedorovich. L., 2003.
[3] *Cain P., Hopkins A*. British Imperialism. In 2 vols. L., 1993.

Келлом и ставший частью фундаментального издания «*Оксфордская история Британской империи*»[1], вышедшей в свет в 1990-х гг.

Интеллектуальной дискуссии, связанной с имперской идеей, а также формированию антиимпериалистического направления с середины XIX в. вплоть до 1920-х гг. посвящена монография Г. Клэйеса «*Имперские скептики: британские критики Империи, 1850-1920*»[2]. Автор уделяет особое внимание моральным основаниям критики имперской экспансии в общественно-политических кругах Великобритании, подробно характеризует точку зрения представителей позитивистской школы, эволюцию позиции фабианцев и других социалистических течений от поддержки идеи «Малой Англии» в середине XIX в. до складывания концепции «социалистического империализма» в первые десятилетия XX в. Г. Клэйес особо подчеркивает роль Дж. А. Гобсона, в трудах которого, по его мнению, произошло окончательное оформление антиимпериалистической интеллектуальной парадигмы.

Изучению международных позиций Великобритании в рамках версальско-вашингтонской системы, а также её роли в существовавшем военно-политическом балансе, посвящена работа А. Клэйтона «*Британская империя как сверхдержава, 1919-1939*»[3]. В ней делается попытка анализа причин, вызвавших ослабление позиций Великобритании и её неспособность поддерживать стабильность, как в своих обширных владениях, так и в рамках международной системы в целом.

Социально-экономическим факторам, вызывавшим трансформацию системы британского колониализма в межвоенный период, посвящено исследование «*Колониализм и богатство: Социальная политика и Британское имперское наследие*»[4] опубликованное в 2011 г. под редакцией профессора Лондонской школы экономики Д. Пичауда, а также профессора

---

[1] *Cell J. W.* Colonial Rule. The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. N. Y., 1999.
[2] *Claeys G.* Imperial Sceptics: British Critics of Empire, 1850-1920. Cambridge, N. Y., 2010.
[3] *Clayton A.* The British Empire as a Superpower, 1919-1939. L.,1986.
[4] Colonialism and Welfare: Social Policy and the British Imperial Legacy. Ed. by Midglay J., Piachaud D. L., N. Y., 2011.

Калифорнийского университета Дж. Мидглэя. На основе анализа особенностей основных этапов эволюции британского колониализма, автор подчёркивает принципиально важную роль Великобритании в формировании современного облика глобальной экономики. В исследовании столь обширной и многоплановой проблемы, авторы попытались использовать междисциплинарные подходы, сочетающие элементы социальной истории, «новой имперской истории», а также современных концепций изучения социально-экономических процессов в «развивающихся» странах.

Тенденции и противоречия межвоенного этапа развития колониальной системы Великобритании нашли отражение в обстоятельной монографии американского историка Дж. Дарвина «*Незавершённая империя: глобальная экспансия Британии*»[1]. Предметом научного анализа автора явился весь спектр многообразных форм правления, существовавший в рамках британских владений. Характеризуя роль Великобритании и созданной ею империи в формировании современной международной системы, исследователь, в то же время, обращает внимание на ряд противоречивых тенденций, определявших её внутреннее положение и предопределивших её последующий распад. Рассматривая различные историографические оценки данных процессов, Дж. Дарвин подчёркивает специфику восприятии данных перемен представителями британской политической и интеллектуальной элиты.

Попытка интеграции «двух взаимосвязанных сфер истории Великобритании и Британской империи» предпринята в работе профессора истории и международных отношений университета Дж. Вашингтона Д. Кеннеди[2]. Автор касается широкого круга различных аспектов, влиявших на происходившие в конце XIX- первой половине XX в. в рамках имперской системы процессы, включая социокультурные изменения, а также влияние трансформаций в международно-политической сфере.

---

[1] *Darwin J.* Unfinished Empire: The Global Expansion of Britain. Bloomsburg, 2013.
[2] *Kennedy D.* Britain and Empire, 1880-1945. N.Y., 2002.

Анализу эволюции политико-правовых институтов, сопровождавшей трансформацию Британской империи в Содружество наций посвящена монография Д. Джадда и П. Слинна «*Эволюция современного Содружества, 1902-1980*»[1].

В исследовании М. Фридена «*Либерализм разделяется: Изучение британской политической мысли, 1914-1939 гг.*»[2] рассматриваются различные аспекты развития идеологии британского либерализма в период Первой мировой войны и межвоенные десятилетия. Уделяя внимание описанию той роли, которую Либеральная партия, несмотря на внутренний кризис, продолжала играть в сохранении традиционных демократических институтов Великобритании, автор подробно останавливается на анализе интеллектуального взаимодействия либералов и социалистов. По мнению М. Фридена, принципы либеральной идеологии оказали немалое воздействие на формирование программных установок Лейбористской партии, в том числе, в сфере колониальной стратегии и решения многочисленных проблем, возникших в данный период в имперской системе.

Масштабностью исследовательского поля и стремлением к оригинальным концептуальным оценкам многих, изучавшихся ранее исторических проблем, отличаются исследования шотландского историка Н. Фергюсона. В их числе следует отметить изданную в 2004 г. монографию «*Империя: подъём и упадок британского мирового порядка, и уроки для глобального могущества*»[3], а также переведённую на русский язык вторую часть этой работы «*Империя: чем современный мир обязан Британии*»[4]. Н. Фергюсон в целом придерживается традиционной для британской историографии точки зрения, подчёркивая роль «цивилизаторской миссии» Великобритании, сыгравшей ключевую роль в становлении современного глобального миропорядка. Подвергая критике различного рода «ревизионистские» историографические оценки, исследователь подчеркивает

[1] *Judd D., Peter S*. The Evolution of the Modern Commonwealth, 1902-1980. L., 1982.
[2] *Freeden M*. Liberalism divided. A study in British political thought. 1914 – 1939. Oxford, 1986.
[3] *Ferguson N*. Empire: the Rise and Demise of the British World Order and Lessons for Global Power. N.Y., 2004.
[4] *Фергюсон Н*. Империя: чем современный мир обязан Британии? М., 2013.

в немалой степени иррациональный, по его мнению, механизм эволюции британской имперской системы, в основе которого лежало стремление к распространению английских демократических ценностей и институтов. Такой же иррациональный характер, в соответствии с его точкой зрения, носил и просил процесс её распада. Н. Фергюсон подчёркивает, что империя «была принесена в жертву во имя победы свободного мира» во Второй мировой войне[1].

Одной из наиболее полных и всесторонних с точки зрения анализа общественно-политической и интеллектуальной составляющей британского антиколониализма в первой половине и середине XX в. является исследования С. Хоуи «*Антиколониализм в британской политике*»[2]. Эволюцию антиколониальных настроений в британском обществе он характеризует с одной стороны как ответную реакцию, связанную с осознанием процессов роста национального самосознания и формированием национальных движений в колониальных владениях, а с другой – как реакцию на стремительные процессы трансформации мирополитической системы. Критика колониализма, осуществлявшаяся одновременно с нескольких теоретических позиций, привела, в конечном счёте, к осознанию значительной частью британского общества пагубности его сохранения «для дальнейшего прогресса и развития демократического общества, как в колониальных владениях, так и дома»[3].

Опыт британского имперского строительства, а также конкретные примеры его реализации, в первую очередь, в Индии, явились предметом внимания американского историка Д. Джадда[4]. Анализируя исторические особенности эволюции колониальной системы Великобритании с момента войны за независимость североамериканских колоний вплоть до середины XX в., известный британский историк акцентируется, в том числе, на характеристике идеологических основ колониальной экспансии и

[1] Там же. С. 506.
[2] *Howe S.* Anticolonialism in British Politics. Oxford, 1994.
[3] Ibid. P. 159.
[4] *Judd D.* Empire: The British Imperial Experience, 1756 to the Present. N. Y., 1996.

рассмотрении специфики её различных политико-правовых форм. Отдельного внимания заслуживает раздел работы, посвящённый истории британского колониализма в межвоенный период. Следуя превалирующей в британской историографии тенденции, автор продолжает рассматривать колониальную экспансию Великобритании исключительно с точки зрения «экспорта» демократических ценностей и институтов. В работе «*Лев и Тигр: Подъём и падение британского правления в Индии, 1600-1947*»[1] Д. Джадд подробно анализирует историю британского завоевания Индии, а также формирования специфической системы англо-индийского правления, обозначаемой в англоязычной историографии понятием «Raj». Характеризуя причины кризиса и падения власти Великобритании в ключевом колониальном владении, автор пытается обосновать их преимущественно с позиций влияния субъективного фактора, подчёркивая исключительную роль М. Ганди в становлении и развитии «индийского национализма»[2].

Попытка критического осмысления причин кризиса и распада колониальной системы Великобритании содержится в монографии британского историка Дж. Лоуренса «*Взлёт и падение Британской империи*»[3], впервые опубликованной в 1991 г. Рассматривая её историю на протяжении длительного исторического периода, включающего три с половиной столетия, автор уделяет некоторое внимание оценке процессов, происходивших в Британской империи в межвоенные десятилетия, указывая на то, что факторы, приведшие к её упадку после 1945 г., в немалой степени стали следствием кризисных тенденций возникших в 1930-х гг.

Анализу причин быстрого роста и ещё более стремительного упадка Британской империи посвящено исследование профессора университета Торонто Т. О. Ллойда «*История Британской империи*»[4]. Представляется достаточно интересным некоторые выводы автора о влиянии событий

---

[1] *Judd D*. The Lion and the Tiger: the Rise and Fall of the British Raj, 1600-1947. Oxford, 2004.
[2] Ibid. P. 108.
[3] *Lawrence J*. The Rise and Fall of the British Empire. N.Y. 1991.
[4] *Lloyd T. O*. Empire: The History of the British Empire. L., 2001.

Первой мировой войны на рост центробежных тенденций в имперской системе и трансформацию приоритетов колониальной стратегии Уайтхолла.

В монографии Д. Э. Лоу «*Британия и Индийский национализм: отпечаток двусмысленности, 1929-1942*»[1] детально рассматривается процесс развития национально-освободительного движения в Индии и характеризуется его роль в процессе нарастания кризисных тенденций в колониальном механизме Великобритании. Используя многочисленные и разнообразные источники, автор делает некоторые, вызывающие интерес умозаключения относительно мотивов сложной трансформации, которую претерпела в данный период стратегия британской правящей элиты на фоне серьёзного обострения ситуации в индийских владениях.

Своеобразный взгляд на процессы, происходившие внутри британского имперского механизма в межвоенный период предложен в работе американского историка У. Р. Луиса «*Конец британского империализма. Схватка за империю, Суэц, деколонизация*»[2]. Характеризуя причины происходивших изменений, исследователь особенно подчёркивает роль внешнего фактора, связанного с введением новых принципов международных отношений, включающих признание права наций на самоопределение, а также создание первой международной универсальной организации, ответственной за их соблюдение. В данных условиях Великобритания была вынуждена вносить заметные коррективы в политико-правовые формы реализации своей колониальной стратегии. Типичным примером данной тенденции явилась политика Лондона в отношении подмандатных территорий. Особый интерес вызывает предпринятая автором попытка сравнительного анализа моделей управления колоний, использовавшихся двумя ведущими колониальными державами – Великобританией и Францией.

---

[1] *Low D. A.* Britain and Indian Nationalism: the imprint of ambiguity, 1929-1942. Cambridge, 1997.
[2] *Louis W. R.* Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez, Decolonization. L.-N.Y, 2006.

Одним из заметных явлений в историографии британской колониальной системы последнего периода явилось издание в 2001 г. очередного сборника «*Кембриджской истории Британской империи*»[1]. В его составлении приняли участие более десяти специалистов, проанализировавших основные этапы эволюции колониальной системы Великобритании, а также особенности британской колонизации в различных регионах мира. Особый акцент в работе был сделан на изучении процессов, связанных с формированием в рамках империи единого социокультурного пространства, заложившего, по мнению авторов, основу современной глобализации.

Роль Британской империи как центра мировых глобализационных процессов, возникших в первой половине XX в. подчёркивается и в работе южноафриканского историка Б. Нэссона «*Британская империя: становление Великой Британии*»[2].

Масштабный анализ исторического опыта колониальной экспансии Великобритании с точки зрения его влияния на современное состояние британского общества содержится в работе одного из ведущих современных британских специалистов по имперской истории Б. Портера «*Рассеянные империалисты: что британцы реально думали об империи*»[3]. С точки зрения междисциплинарного подхода, включающего методы социологического и культурологического анализа, исследователь характеризует всестороннее влияние имперской идеологии на образ жизни и специфику менталитета представителей различных социальных групп населения метрополии. Анализируя специфику восприятия имперских ценностей в различных слоях британского общества, Б. Портер пришёл к выводу о том, что, несмотря на активную пропаганду имперской идеологии, осуществляемую посредством

---

[1] The Cambridge Illustrated History of the British Empire. Cambridge, 2001.
[2] *Nasson B.* Britannia's Empire: making a Britain Great. Stroud: Tempus, 2006.
[3] *Porter B.* Absent-minded imperialists what the British really thought about empire. N. Y., Oxford, 2004.

различных каналов и механизмов, оно никогда не стало «подлинно имперским» по своим убеждениям[1].

К числу наиболее заметных научных работ последнего периода, предметом которых явился анализ причин начавшегося в межвоенный период упадка системы британского колониализма следует отнести исследование английского историка, профессора Кембриджского университета Д. Рейнолдса «*Отмена Британии: британская политика и мировое могущество в XX в.*»[2]. По мнению автора к 1918 г. Британская империя достигла пика своего экономического могущества и международного влияния. Дальнейший период ознаменовался постепенным сокращением «ресурсного потенциала», который представители правящей элиты Великобритании могли использовать в целях сохранения своих лидирующих позиций. Показателями этого явилась политика умиротворения в сфере международных отношений, а также тактика уступок «националистам» внутри империи[3].

История эволюции британской имперской системы в контексте складывания современной глобальной цивилизации явилась предметом научного изучения в работе английского исследователя Р. Джонсона «*Британский империализм*»[4]. Наряду с подробной характеристикой политических, социально-экономических, военных факторов колониальной экспансии Великобритании, заметное место в работе отводится критическому анализу концепций возникновения феномена неоимпериализма с позиций теорий «культурного империализма», постколониализма и постимпериализма.

Освещению ключевых историографических позиций, связанных с трактовкой эволюции британской колониальной системы посвящена монография А. Уэбстера «*Дебаты о происхождении британского*

---

[1] Ibid. P. 176.
[2] *Reynolds D*. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. L., 1991.
[3] Ibid. P. 369.
[4] *Roberts J*. British Imperialism. L., 2003.

империализма»[1]. В работе анализируются различные теоретические позиции, связанные как апологетикой имперской экспансии, так и с её критическим осмыслением. Автором уделяется отдельное внимание принципиально новым исследовательским подходам, в том числе концепции «культурного империализма».

С точки зрения теоретико-методологического анализа феномена британского колониализма интерес представляют теоретические изыскания некоторых азиатских исследователей. Важным аспектом их изучения является, в числе прочего, проблема социокультурного воздействия колониальной системы и его последствий для последующего развития восточных обществ. В данной связи следует упомянуть, в частности, фундаментальную работу арабского историка Э. Саида «*Ориентализм*», а также труды индийского философа Г.Ч. Спивак[2].

Изучению различных аспектов истории Индии колониального периода, формирования и развития национально-освободительного движения, посвящены исследования индийских историков. В их ряду следует упомянуть труды Р. Гопала, К.К. Тумаллы, Дж. Н. Сахни и др.[3] Для работ индийских авторов характерно в целом критичное осмысление опыта британского правления. Вместе с тем, они уделяют значительное внимание анализу влияния колониальной политики Великобритании на изменения в различных сегментах традиционного индийского социума, а также на процесс формирования общественно-политических институтов Индии, важный этап которого пришёлся на межвоенные десятилетия.

Отечественные исторические исследования советского периода, как правило, в анализе колониальной политики Великобритании основывались на строго классовом подходе. Советские историки рассматривали тему

---

[1] *Webster A.* The Debate on the Rise of British Imperialism. Manchester: Manchester, 2006.

[2] *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006. *Spivak G. Ch.* Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues. Ed. by Sarah H. N.Y, L., 1990.

[3] *Gopal R.* The Viceroyalty of Lord Irwin, 1926-1951. Oxford, 1957. *Idem.* Indian Muslims: A Political History. N.Y., 1959. Krishna K. Tummala. Public Administration in India. Mumbai, 1994. Sahni J. N. Fifty Years of Indian Politics, 1921-1971. New Delhi, 1982.

эволюции британского колониализма сквозь призму главным образом социально-экономических факторов, уделяя приоритетное внимание процессам становления и развития национально-освободительного движения в ключевых звеньях Британской империи, к числу которых относились Индия и Египет.

Одними из первых в отечественной историографии исследований британской истории межвоенного периода были работы советского историка С. В. Захарова, составленные на основе лекционного курса, который читался им в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). Особый акцент в них был сделан на анализе социально-экономических процессов, а также эволюции политической системы и государственных институтов Великобритании[1].

Активное обращение к проблемам, связанным с эволюцией форм и методов британского колониализма произошло в 1950-х – 1960 – х гг., что было напрямую связано с начавшимися в тот период процессами деколонизации, оказавшими громадное воздействие на систему международных отношений. В 1964 г. было опубликовано обстоятельное коллективное исследование «*Распад Британской империи*»[2], в котором давался анализ различных аспектов упадка колониального могущества Великобритании в середине XX в. До настоящего момента данная работа остается наиболее полным и всесторонним описанием в отечественной историографии процесса распада самой крупной из существовавших в мире колониальных систем.

В работе известного дипломата, историка, академика АН СССР Ф. А. Ротштейна[3] «*Захват и закабаление Египта*», было уделено значительное внимание анализу форм и методов, которые использовались британским руководством для реализации своих колониальных интересов на египетской территории. Работа имела ярко выраженную антиимпериалистическую направленность, став своеобразным ответом на произведения одного из

---

[1] *Захаров С.В.* Англия в 1918-1922 гг. М., 1941. *Он же.* Англия 1918-1939. М., 1952.
[2] Распад Британской империи /Отв. ред. А. Г. Милейховский. М., 1964.
[3] *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта 2 изд., М., 1959.

главных создателей системы британского контроля над Египтом - лорда Кромера.

В контексте изучения политических и социально-экономических факторов эволюции британской колониальной системы в рассматриваемый период, особый интерес представляют исследования профессора Н. А. Ерофеева, в 1969-1974 гг. возглавлявшего сектор истории Великобритании Института истории АН СССР. В своих произведениях, в частности, в монографии «*Закат Британской империи*»[1], опубликованной в 1967 г., на основе широкого круга источников, автор характеризовал успехи колониальной экспансии Лондона как результат «длительных продуманных и настойчивых усилий»[2]. Анализируя причины распада британской колониальной системы, Н. А. Ерофеев подробно охарактеризовал основные этапы политического и экономического обособления доминионов от метрополии.

Важный вклад в процесс научного освещения истории Великобритании межвоенного периода на данном этапе внесли работы советского и российского историка, дипломата, академика РАН В.Г. Трухановского[3], в которых отдельное внимание уделяется рассмотрению влияния социально-экономических процессов на эволюцию внешней политики и колониальной стратегии Уайтхолла.

В монографии историка и политолога С.П. Перегудова «*Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании*»[4] был дан достаточно подробный анализ особенностей идейной и организационной эволюции одной из ключевых британских политических партий XX в., включая специфику партийной стратегии в вопросе управления колониальными владениями.

---

[1] *Ерофеев Н.А*. Закат Британской империи. М., 1967.
[2] Там же. С. 243.
[3] *Трухановский В.Г*. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918-1939 гг.). М., 1962. 411 с. *Он же*. Новейшая история Англии. М., 1958.
[4] *Перегудов С.П*. Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1976.

В 1970-х гг. научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР А.Г. Судейкин в своих исследованиях впервые в отечественной исторической науке обратился к проблеме детального изучения процесса формирования идеологии и стратегии Лейбористской партии в колониальной сфере[1]. Особый интерес представляют его выводы относительно влияния различных социалистических концепций, в особенности фабианства, на идейные взгляды лейбористов относительно трансформации форм и методов колониального управления, обуславливавшие активную поддержку ими в межвоенный период идеи развития Британского Содружества. Исследования А.Г.Судейкина были подготовлены на основе многочисленных архивных материалов британских правительственных структур.

Новые подходы в анализе феномена британского колониализма в отечественной историографии стали формироваться на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Важными вехами, в данной связи, явились исследования Л.А. Зимулиной и И. Д. Парфёнова. В работе доцента Владимирского государственного педагогического института Л.А. Зимулиной «*Доминионы и неоколониалистическая политика Англии*»[2], опубликованной в 1990 г., по сути впервые в отечественной историографии предпринимается попытка системного анализа деволюционных процессов, явившихся следствием Первой мировой войны и приведших к обретению британскими доминионами в межвоенный период фактической самостоятельности. В последующем данное направление исследований получило продолжение ряде других работ Л.А. Зимулиной и её учеников.

В монографии профессора Саратовского госуниверситета И.Д. Парфёнова «*Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: (Движущие силы, формы и методы)*»[3], посвящённой анализу

---

[1] *Судейкин А.Г.* Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., Наука, 1976. Он же. Британская империя и лейбористы до второй мировой войны./ В сб. Политическая и духовная культура Европы. Пермь, 1992. С. 92-101. *Он же*. Об историческом месте колониализма // Россия и Британия. Выпуск 2. М. 2000. С. 35.

[2] *Зимулина Л.А.* Доминионы и неоколониалистическая политика Англии. Владимир, 1990.

[3] *Парфенов. И. Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: (Движущие силы, формы и методы) / И. Д. Парфенов. М., 1991.

различных аспектов колониальной политики Великобритании поздневикторианского периода, даётся комплексное рассмотрение различных факторов, обуславливавших эволюцию форм и механизмов управления обширными территориями Британской империи. Принципиальная важность данного исследования заключается в том, что автор отказался от господствовавшей ранее в советской историографии марксистской методологии в изучении колониальной политики Великобритании. Одновременно он полагал некорректной и преобладавшую в западной историографии концепцию британской «цивилизаторской миссии». И. Д. Парфёнов охарактеризовал процесс колониальной экспансии как «совокупность политических, экономических, военных и идеологических форм и методов подчинения других стран с целью их эксплуатации и создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности представителей метрополии»[1].

Монография арабиста А. М. Голдобина[2] является первым в советской историографии исследованием, с использованием разнообразных источников исследована специфика британской колониальной политики в Египте на протяжении длительного периода, включая межвоенные десятилетия. Им были проанализированы формы и методы ее осуществления, а также особенности складывания египетского национально-освободительного движения, рассмотрен процесс формирования системы протектората, описаны длительные переговоры, приведших к подписанию англо-египетского договора 1936 г., который оказал заметное влияние на дальнейшие судьбы страны.

С точки зрения теоретического осмысления новейшего этапа эволюции британской системы, важными представляются результаты ряда отечественных исследований 1960-1980-х гг., связанные с изучением феномена неоколониализма, форм и механизмов реализации

[1] Там же. С. 31.
[2] *Голдобин А. М.* Национально-освободительная борьба народа Египта 1918-1936 гг. М., 1989.

неоколониалистской политики западных государств в отношении развивающихся стран[1].

Актуальность изучения истории Британской империи заметно возросла после распада СССР. Для отечественных исследований 1990-х – 2000-х гг. характерно стремление к переосмыслению истории британского колониализма, а также обращение к ранее невостребованным темам, связанным, в том числе, с интеллектуальными и этнопсихологическими основами колониальной политики Великобритании. Важнейшую роль в развитии научного поиска играет созданная в 1992 г. при Институте всеобщей истории РАН Ассоциация британских исследований.

Следствием исследовательских изысканий стало появление большого числа работ, посвящённых научному анализу различных проблем истории Великобритании и Британской империи.

Значительный вклад в изучение интеллектуальных основ британского колониализма и теоретических составляющих колониальной политики Великобритании внесли исследования доктора исторических наук, ведущего сотрудника Института всеобщей истории РАН М. П. Айзенштат[2]. В контексте рассматриваемой темы они представляют существенный интерес с точки зрения понимания интеллектуальных источников политической дискуссии вокруг проблем колониального управления Великобритании в первые десятилетия XX в.

Процессы ликвидации крупнейшей колониальной системы, а также роль в них ведущих британских политических сил явились одним из объектов научных исследований ведущего научного сотрудника Института

---

[1] Неоколониализм: сущность, формы, методы. М. 1987; Неоколониализм: формы и методы эксплуатации развивающихся стран. М. 1986. (Серия "Проблемы международных экономических отношении"); Западноевропейский коллективный неоколониализм (ЕЭС и развивающиеся страны). М. 1981. (Серия "Проблемы международных экономических отношений"); *Байчоров А. М.*, Неоколониализм: социально-политические цели и методы экспансии. М. 1984 и др. *Брутенц К. Н.* Новая форма порабощения народов. М. 1969; *Брутенц К. Н.* Колониализм без империй. М. 1963. *Солодовников В. Г.* Неоколониализм: теория и практика. М. 1966.

[2] *Айзенштат М.П.* Британия Нового времени: политическая история. М.: КДУ, 2007. 204 с. Она же. Власть и общество Британии 1750 – 1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с.

всеобщей истории РАН Г. С. Остапенко[1]. Характеризуя специфические черты британского колониализма, исследователь уделяет особое внимание анализу факторов, побудивших политическую элиту Великобритании к осознанию необходимости ликвидации традиционной системы колониального управления.

В своей монографии «*На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм*»[2], впервые вышедшей в свет в 1996 г., профессор Челябинского государственного университета В.В. Грудзинский подробно исследует идейно-политические аспекты трансформации Британской империи в период с последней трети XIX до середины 20-х гг. XX в. Особое внимание автор уделяет проблеме эволюции взаимоотношений метрополии с доминионами, рассматривая процесс их постепенного продвижения в сторону большей самостоятельности как важнейший фактор, предопределивший дальнейшую судьбу всей имперской системы. Одним из важных аспектов исследования В.В. Грудзинского является анализ идейных поисков, связанных с попытками сохранения единства империи.

Деятельность левого крыла в Лейбористской партии и эволюция идеологии левого лейборизма в межвоенный период является предметом научного изучения доктора исторических наук Е.Г. Блосфельд. В её работах, основанных на широком и разнообразном круге исторических источников делается особый акцент на анализе межфракционных противоречий, оказывавших существенное влияние на формирование позиции партии по наиболее актуальным для того времени проблемам развития британского государства[3].

---

[1] *Остапенко Г.С.* Британские консерваторы и деколонизация. М.: ИВИ РАН, 1995. *Она же.* Британский колониализм: духовное влияние метрополии // Британия и Россия. Сб. ст. М.: Издательство РАН, 1997. *Она же.* Британская модель деколонизации // Россия и Британия. Вып. 2. М., 2000.

[2] *Грудзинский В.В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм». Челябинск, 1996.

[3] *Блосфельд Е.Г.* Английский левый лейборизм, 1918-1945. Саратов, 1990. *Блосфельд Е. Г.* Вопросы социального прогресса в трудах Г. Ласки и программных документах левого лейборизма 1920-1930-х годов. Ленинград, 1990. *Блосфельд Е.Г.* Идеология английского левого лейборизма (1918-1945). М., 1991. *Блосфельд Е.Г.* Левые лейбористы и всеобщая забастовка 1926 года в Великобритании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, Религиоведение, Международные отношения. 2017, №6 (том 22). С. 145-153.

Изучению различных аспектов политической истории Великобритании и формирования британской имперской идеологии в последней трети XIX в. посвящены исследования доктора исторических наук, профессора РГПУ им. А.И. Герцена Н.В. Дроновой. Отдельное внимание в своих работах автор уделяет анализу проектов оформления политико-правового единства империи, и, в частности, создания общеимперского парламента, являвшихся важной составной частью идеологии «нового империализма» последней трети XIX в.[1]

Важный вклад в изучение процессов деволюции и развития федерализма в Британской империи внесла старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Е.Ю. Полякова, подробно исследовавшая идейно-политические аспекты британского федерализма как явления, призванного сохранить имперской организации на фоне сложных процессов первых десятилетий XX в.[2]

Процессы социально-политической трансформации, происходившей в Великобритании в начале XX в. явились центральной темой исследования А. П. Большакова «Эволюционные процессы в британском обществе в начале XX в. и возникновение правого радикализма»[3]. В нём был сделан особый акцент на анализе внутренних и внешних причин формирования праворадикального направления в политической жизни британского общества данного периода. В статье С. Ю. Тороповой «Ллойд Джордж и радикальная политика британских либералов в 20-е годы XX века»[4] была дана подробная характеристика радикальных тенденций, проявившиеся в

---

[1] *Дронова Н. В*. Дискуссия о принципах управления британскими колониями в 70-х годах XIX в. // Империи нового времени: типология и эволюция (XV-XX вв.) / Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. Спб., 1999. Она же. Вопрос об общеимперском парламенте в теоретических исканиях периода раннего британского федерализма (50-е – 70-е гг. XIX в.) // Британский мир. История Британии: современные исследования. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, март 2014 г. ИВИ РАН, Ассоциация британских исследований. М., 2015. С. 294-299.

[2] *Полякова Е.Ю.*Федерализм в Великобритании: идеи и реальность.// Опыт европейского федерализма. История и современность. М., ИБИ РАН, 2002.

[3] *Большаков А.П*. Эволюционные процессы в британском обществе начала XX века и возникновение правого радикализма // Британская история XIX-XX: люди, события, идеи. Под ред. Высоковой В.В. Челябинск, 1997.

[4] *Торопова С. Ю*. Д. Ллойд Джордж и радикальная политика британских либералов в 20-е годы XX века// Под ред. Высоковой В.В. Британская история XIX-XX: люди, события, идеи. Челябинск, 1997.

межвоенный период в политике переживавшей кризис Либеральной партии. Различные аспекты, связанные с процессом кризиса и распада британской колониальной системы явились предметом анализа авторов коллективного труда под редакцией В.В. Высоковой «*Британская империя: становление, эволюция, распад*»[1].

Этнопсихологических компонентов истории колониализма в своих исследованиях касается российский культуролог С.В. Лурье, в работах которой даётся оригинальный сравнительный анализ социокультурных различий российской и британской моделей колонизации[2].

Основной темой исследований О.О.Тартыгиной является эволюция английского либерализма в первой четверти XX в., а также анализ причин начавшегося в годы Первой мировой войны кризиса Либеральной партии[3]. Особого внимания заслуживает попытка автора подробно охарактеризовать различные аспекты социокультурной эволюции интеллектуальной элиты Великобритании, изменения её ценностных ориентиров на фоне сложной трансформации британского общества в первые десятилетия XX в.

Диссертационное исследование П.А. Абрамкина посвящено рассмотрению отдельных направлений деятельности первого лейбористского кабинета Р.Макдональда[4]. В контексте освещения непродолжительного периода существования лейбористского правительства, он характеризует особенности формирования и реализации его политического курса, в том

---

[1] Британская империя: становление, эволюция, распад/ под ред. Высковой В.В. Екатеринбург, 2010.

[2] *Лурье С. В*. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации. В сб.: Цивилизации и культуры / Под ред. Б.С.Ерасова. Вып. II, М., 1995. Она же. Российская и Британская империи: культурологический подход. //Общественные науки и современность, 1996, N 4. Она же. Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // Общественные науки и современность, 1997, N 2, 1,5 п.л. Она же. IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО – XXI, 2012. – с.174 Она же. Российская и британская империи на Среднем Востоке в XIX-начале XX вв.: идеология и практика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Институт Востоковедения РАН. 1996. - 22 с. [На правах рукописи].

[3] *Тартыгина О.О., Гурин И.Г*. Имперская идея в представлении элиты Великобритании XIX-начала XX вв. // Вестник Самарского университета. Самара, 2007. № 5/3 (55). С. 89-95. *Тартыгина О.О*. Об образе британских либералов и его трансформации в 20-е годы XX века // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. Екатеринбург, 2008. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. С. 152-161.Она же. Либеральная элита Великобритании в первой четверти XX в. Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Казань, 2012.

[4] *Абрамкин П.А*. Джеймс Рамсей Макдональд и адаптация британских лейбористов к власти: диссертация. кандидата исторических наук. Челябинск, 2002.

числе, и в отношении наиболее сложных колониальных проблем, связанных с управлением Индией и сохранением контроля над Египтом.

Важным этапом в изучении сложного процесса эволюции британского либерализма явились исследования профессора Орловского государственного университета Т.Н. Геллы[1], представляющие значительный интерес с точки зрения понимания идейных истоков феномена «либерального империализма», являвшегося в первых десятилетиях XX в. важной составляющей британской колониальной идеологии. Принципиальную значимость представляют выводы Т.Н. Геллы относительно влияния изменений, происходивших в партийно-политическом механизме Великобритании, и, в частности, внутри Либеральной партии на эволюцию колониальной стратегии и внешнеполитической линии Уайтхолла в конце XIX-начале XX в.[2]

Отдельным аспектам истории британского колониализма посвящены исследования профессора, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Е.Ю. Сергеева. Среди них следует особо выделить вышедшую в 2013 г. в США и в 2014 г. в РФ монографию «Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии»[3], а также наиболее полное на данный момент в отечественной историографии биографическое исследование, посвящённое одному из наиболее известных британских политиков конца XIX-начала XX в. лорду Кёрзону. В этих и ряде других работ Е.Ю. Сергеев, опираясь на обширный массив новых источников, собранных, в том числе, в британских

---

[1] *Гелла Т. Н.* Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX века. Орёл, 1992. Она же. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX-начале XX веков. Орёл, 2009.

[2] См. например: *Гелла Т. Н.* Россия и страны Запада в системе международных отношений в начале XX века: к предыстории Первой мировой войны // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2014, №5, с. 35-41. *Гелла Т. Н.* Белые колонии в идеологии и практике британских политических и общественных кругов в последней трети XIX в. / Pax Britanica: история Британской империи и созданного ею мира: сборник научных работ к 60-летию профессора В.В. Грудзинского. Под ред. Нохрина И.М. Челябинск, 2016. С. 39-61.

[3] *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. *Sergeev E.* The Great Game 1856-1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Washington, D.C, 2013. *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Керзон – последний рыцарь Британской империи. М., 2015.

архивах, подробно анализирует ряд аспектов функционирования сложного механизма формирования колониальной стратегии Великобритании[1].

Сложным перипетиям геополитической борьбы вокруг Афганистана в межвоенный период посвящены исследования профессора Липецкого государственного университета Ю.Н. Тихонова[2], основанные на анализе обширных массивов архивных материалов. Важной их составляющей является изучение целей политики Великобритании, стремившейся сохранить афганское государство в сфере своего исключительного влияния и не допустить усиления позиций на его территории своих геополитических конкурентов, основным из которых являлся СССР.

Отдельную важную роль в осмыслении феномена британского колониализма и его воздействия на историческое развитие восточных обществ играют современные исследования отечественных востоковедов. В их ряду следует отметить работы советских и российских индологов Л.Б. Алаева, А.И. Левковского, В. И. Павлова, А.В. Райкова, В.Я. Белокреницкого, А. Л. Черешневой, Ф.Н. Юрлова и Е. Ю. Юрловой[3]. Если для работ советского периода было характерен преимущественный акцент на изучении роли социально-экономических факторов в индийской истории, то на современном этапе российские исследователи стремятся дать взвешенный

---

[1] *Сергеев Е. Ю.* Структура и система представлений имперских элит Великобритании и России (опыт сравнительного анализа). – В сб.: Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 / отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас, 2010. С. 86-90. Комитет имперской обороны – главный орган координации внешней политики Великобритании. – В сб.: Европейские сравнительно-исторические исследования / отв. ред. А.А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 4. Восток на Западе, Запад на Востоке. С. 129-143.

2 *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Третьего рейха. М., 2003. *Он же.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена.1919 — 1945. Липецк, 2007.

[3] *Алаев Л.Б.* Индия: Национально-освободительное движение и обострение конфессиональных разногласий // История Востока. Т. 5. Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. Р.Г. Ланда (отв. ред). М.: Вост. лит., 2006, с. 307–311. *Алаев Л.Б., А.А. Вигасин, А.Л. Сафронова*. История Индии. М, 2010. *Белокреницкий В.Я.* Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов / Британская империя в XX в. Под ред. Пегушева А.М. и др. М., 2010. *Он же*. История Пакистана в XX в. М.: ИВ РАН, 2008. *Левковский А.И.* Особенности развития капитализма в Индии. М.: Восточная литература, 1963. *Павлов В.И.* Формирование индийской буржуазии. М.: Изд. восточной литературы, 1958. *Райков А.В.* Пробуждение Индии. Деятельность национально-революционных организаций Индии в 1900-1918 гг. М., 1968. *Он же.* Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905-1930 гг. М.: Наука, 1979. *Он же*. Амритсарская трагедия 1919 г. М.: Наука, 1985. *Черешнева Л.А.* Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии в 1947 г. М., 2012. Она же. Пурна сварадж и Вторая мировая война. Борьба политических сил колониальной Индии в 1939-1945 гг. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* История Индии. XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.

и всесторонний анализ сложных процессов, приведших Индию к независимости в середине XX в. Важную роль в этом научном поиске играет деятельность Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

Несмотря на достаточно большое количество исследований, в современной историографии до настоящего момента остаются не достаточно проработанными некоторые проблемы, связанные с развитием британского колониализма в новейший период истории. К их числу, относится, в частности, исследование некоторых компонентов трансформации, происходившей в рамках крупнейшей колониальной империи в межвоенные десятилетия и приведшей, в итоге, к деструкции её традиционной структуры. В данной связи, представляется важным изучение взаимовлияния возникших в данный период политических, экономических, идеологических факторов, обусловивших изменения в сфере колониальной стратегии Великобритании, а также в формах и методах её реализации.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые в отечественной и зарубежной историографии в ней предпринята попытка разнопланового анализа факторов, влиявших на формирование колониальной стратегии Великобритании в межвоенный период, а также исследования непосредственных форм её реализации на примере британской политики в отношении Индии и Египта. Несмотря на наличие обширного числа работ, посвящённых истории британской колониальной системы, межвоенный этап её развития характеризуется в значительной степени поверхностно и фрагментарно. В российской исторической науке до настоящего момента не предпринималось попыток сравнительного и системного анализа изменений, произошедших в сфере колониальной стратегии Великобритании вследствие Первой мировой войны, а также сопоставления форм и методов её реализации.

В научный оборот впервые введён ряд документов, иллюстрирующих изменения, произошедшие в умонастроениях британского общества,

вследствие Великой войны, раскрывающих специфику интеллектуального поиска в сфере колониальной идеологии, а также политических дискуссий вокруг некоторых важных проблем колониального управления. Несмотря на то, что проблемы колониальной периферии не являлись «мейнстримом» общественно-политической жизни Великобритании в 1920-х – 1930-х гг., их явно нельзя отнести и к темам абсолютно не волновавшим британских политиков, общественных деятелей и учёных. Более того, в отдельных случаях они являлись фактором напрямую и существенно влиявшим на политическую ситуацию и баланс политических сил в метрополии. Типичным примером данной взаимосвязи явился процесс реформирования системы управления Индией, который по целому ряду оснований, явился ключевой проблемой для колониальной системы Великобритании в рассматриваемый период.

Представляется не вполне корректной существующая во многих отечественных и зарубежных работах оценка межвоенного периода как эпохи однозначного «заката» Британской империи. Это было время активного поиска новых форм и методов реализации колониальных интересов, в ходе которого делался больший акцент на косвенные, «завуалированные» механизмы управления и влияния, включающие тесное взаимодействие с местными элитами, а также использование финансово-экономических и социокультурных рычагов воздействия. В данной связи Великобританию данного периода можно с полным основанием назвать пионером в реализации тех технологий глобального влияния, которые в начале XXI в. получили в научной литературе наименование методов «мягкой силы».

Практическая значимость работы заключается в возможности использования собранных в ней фактических сведений, а также теоретических заключений и выводов для исследования как конкретного периода в истории британской колониальной системы, так и общих проблем, связанных с эволюцией форм и методов колониализма. Материалы

диссертации могут оказаться полезными при написании общих работ по истории Великобритании и Британской империи, а также при разработке учебных и учебно-методических пособий, подготовке лекционных и специальных курсов по рассмотренной в работе тематике.

Положения, выносимые на защиту.

1. Межвоенный период явился важным переходным этапом в истории Великобритании и британской колониальной системы. Будучи одним из ключевых элементов международной системы начала XX в., Британская империя в 1920-х – 1930-х гг. претерпела сложную трансформацию, связанную, в основном, с нарастанием центробежных тенденций в различных сегментах её структуры.

2. К моменту завершения Первой мировой войны британская политическая элита, и, в первую очередь, та её часть, которая относилась к представителям Консервативной части, продолжала оставаться в основном приверженной принципам империалистической идеологии, оформившейся в последних десятилетиях XIX в. Укрепление позиций Великобритании в послевоенном мире не в последнюю очередь связывалось ею с дальнейшим расширением колониальных владений, в первую очередь, на азиатском и африканском континенте. Данная задача являлась важной составляющей деятельности британской дипломатии, как в годы войны, так и на последующем этапе формирования новой системы мироустройства. Кроме того, приверженцами империалистической стратегии, занимавшими важные позиции в коалиционном кабинете Д. Ллойд-Джорджа в данный период активно разрабатывались конкретные планы дальнейшей колониальной экспансии. В качестве одной из форм реализации своих колониальных интересов, Уайтхолл рассматривал и учреждённую решениями Парижской мирной конференции мандатную систему управления.

3. На рубеже 1910-х-1920-х гг. британскому политическому истеблишменту, пришлось столкнуться с рядом негативных тенденций всерьёз подорвавших надежды на дальнейшее укрепление и расширение

Империи. К их числу следует отнести: а) относительное экономическое ослабление Великобритании, вызванное последствиями войны и обострившейся международной экономической конкуренцией; б) заметное «полевение» британского политического поля, связанное как с послевоенными социальными проблемами, так и с тяжёлым кризисом внутри Либеральной партии; в) существенное изменение морально-психологического состояния британцев, обусловленное шокирующим воздействием событий Великой войны и приведшее к заметному кризису веры в традиционные имперские ценности, нарастанию пацифистских и антиимпериалистических настроений; г) появление новых составляющих международно-политической системы, связанных с реализацией вильсонианских принципов, создававших негативный международно-правовой фон для дальнейшего существования традиционных колониальных систем; д) нарастание деволюционных процессов, приведшее к фактическому обретению доминионами государственного суверенитета и последующему образованию Британского содружества наций; е) появление идейно и организационно оформленных антиколониальных движений в ряде британских владений, принявших наиболее массовый и последовательный характер в Индии.

4. Следствием возникших трудностей явился активный интеллектуальный поиск в сфере колониальной стратегии, осуществлявшийся, в первую очередь, идеологами двух ведущих политических партий данного периода – Консервативной и Лейбористской. Его итогом явилось возникновение принципиального межпартийного реформаторского консенсуса, основанного на осознании необходимости преобразований в сложившейся организации колониального механизма. Лейбористами активно использовался в данной сфере интеллектуальный опыт Либеральной партии, а также различные компоненты социал-реформистской идеологии, в первую очередь, идеи фабианства. Результатом этого явилось появление своеобразной концепции «социалистического империализма», в которой главные акценты делались на

идеях морального долга и ответственности британцев за социально-экономическое развитие азиатских и африканских владений и их постепенную подготовку к самостоятельному существованию. Внутри Консервативной партии заметные позиции занимали критики реформаторской стратегии в колониальной сфере, рассматривавшие её как угрозу традиционным ценностям и основам международного могущества Великобритании.

5. Наиболее важным реформаторским проектом, инициированным Уайтхоллом в сфере колониального управления после завершения Первой мировой войны, явилась административно-политическая реформа в Индии, оформленная Биллем британского парламента в декабре 1919 г. Созданная в результате данной реформы административная конструкция получила наименование системы «диархии». Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании в данный период отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции её колониальной политики. Он был связан с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима управления в ключевом колониальном владении.

6. В последующий период политика метрополии в Индии не отличалась последовательностью, что отражало наличие серьёзных разногласий в данной сфере между различными группами британской политической элиты. Курс на дальнейшую либерализацию системы управления крупнейшей британской колонией был взят в период правления вице-короля лорда Ирвина. Ключевыми событиями, определившими данную тенденцию, явились деятельность комиссии Дж. Саймона, а также созыв конференции «Круглого стола», к участию в которой были приглашены представители различных индийских политических сил. Начатое по итогам работы комиссии Дж. Саймона обсуждение проекта новой реформы, предполагавшей введение системы полного внутреннего самоуправления в первой половине 1930-х гг. привело к заметному расколу, как в британском

общественном мнении, так и в настроениях политической элиты Великобритании. Наиболее серьёзно данный раскол повлиял на ситуацию внутри Консервативной партии. Партийное меньшинство, неформальным лидером которого являлся У. Черчилль, категорически отвергло предложенный правительством законопроект, расценив его как предательство фундаментальных национальных интересов Великобритании. Принятый в августе 1935 г. последний в истории Акт об управлении Индией, так же как и Билль 1919 г. явился итогом сложного компромисса интересов между различными группами британской политической элиты. Реформы 1919 и 1935 гг. фактически демонтировали многие важные элементы британского господства на полуострове Индостан, существовавшие в течение предыдущих полутора столетий, создав вектор дальнейшего быстрого продвижения Индии к полностью независимому статусу.

7. Важнейшей составляющей колониальной стратегии Великобритании межвоенного периода явился акцент на косвенных методах управления и завуалированных формах реализации своего влияния, как в колониях, так и во владениях, не имевших непосредственного колониального политико-правового статуса. Одним из первых важных примеров её реализации явился отказ Уайтхолла от сохранения статуса протектората в Египте и признание его формальной независимости. При этом независимый статус египетского государства реально ограничивался жёсткими политико-правовыми рамками, предусматривавшими сохранение британского контроля над его внешней и внутренней политикой, присутствие британских войск на египетской территории, фактический вывод из-под суверенитета Египта зоны Суэцкого канала. Данная система, впервые апробированная в Египте, была использована Великобританией и для сохранения в сфере собственного влияния некоторых других территорий, в частности, Ирака и Трансиордании, переданных под британское управление на основании мандата Лиги Наций.

8. Последующее развитие внутренней ситуации в Египте, а так же международной обстановки в Восточном Средиземноморье и бассейне

Красного моря, подталкивало британское правительство к дальнейшему совершенствованию политико-правовых механизмов контроля над Египтом. Данные усилия увенчались заключением в августе 1936 г. полномасштабного англо-египетского договора, с одной стороны, подтверждавшего международно-правовой статус Египта в качестве суверенного государства, но с другой – сохранявшего «особые права» британской стороны на его территории. Оформленная договором 1936 г. система англо-египетских отношения позволила Великобритании в непростых международных условиях сохранять своё господство в долине Нила на протяжении последующих двух десятилетий.

9. В течение межвоенного периода Великобритания, обладавшая обширной колониальной и полуколониальной периферией, продолжала оставаться важнейшим элементом системы международных отношений. Процессы, происходившие в рамках Британской империи в немалой степени определяли дальнейшие тенденции развития системы международных отношений в целом. Обусловленные целым рядом факторов изменения в колониальной стратегии Великобритании, наметившиеся в межвоенные десятилетия, закладывали основы для формирования принципиально новых методов реализации интересов ведущих держав на международной арене, в значительной степени предопределив тенденции развития мировой политики в последующий период.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. Её основные положения и выводы нашли отражения в докладах и сообщениях на международных («Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 2011), «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского», 2012 г.), «История Британии: современные исследования»

(Москва, Институт всеобщей истории РАН, 2013), «Британский мир: опыт политического, социального и культурного развития» (Санкт-Петербург, Институт всеобщей истории РАН, СПГУ, 2014 г.), «Первая мировая война - пролог XX века». (Москва, Институт всеобщей истории РАН, МГУ, МГПУ, 2014 г.), «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского», 2015 г.), «Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты» (Рязань, ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный педагогический университет имени С. А. Есенина », 2017,) и всероссийских («Историческое событие в современных исторических и историографических практиках» (Брянск, Брянский госуниверситет, 2013) конференциях, симпозиумах и семинарах. По теме исследования опубликовано 2 монографии и 38 научных статей.

Структура диссертации обусловлена логикой исследовательского процесса, а также обозначенными целью и задачами. Работа включает введение, четыре главы, заключение, а также библиографический список.

Глава I. Колониальная стратегия Великобритании в условиях развития британского общества и государства в межвоенный период.

§1.1. Социально-экономические факторы изменения императивов колониальной политики Великобритании в 1920-х – 1930-х гг.

Закономерности эволюции британской имперской системы, являвшейся крупнейшим и одним из наиболее сложных в мировой истории государственных образований представляются важным объектом изучения, требующим всестороннего анализа с учётом всего многообразия обуславливавших её факторов. Несмотря на масштабный территориальный рост Британской империи на рубеже XIX-XX вв., предметом научной дискуссии до настоящего момента является вопрос о системном характере её организации[1].

Взгляды политической элиты Великобритании относительно целей и характера имперской экспансии претерпели к этому времени существенную трансформацию. Вплоть до 1870-х гг. в британских общественно-политических кругах весьма распространённым являлся скептический взгляд в отношении масштабных колониальных захватов. Индия, а также африканские колонии рассматривались как чрезмерное бремя для Великобритании, поскольку, как полагали скептики, в силу традиционного менталитета их населения, несмотря на все усилия метрополии, «будут тяготеть к рабству, деспотизму и экономическому истощению»[2]. Специфика британского колониализма, как отмечает российская исследовательница С. В. Лурье, в течение долгого времени заключалась в том, что «английское правительство, в противоположность испанскому и португальскому, на деле

---

[1] Активная дискуссия в британской историографии относительно характера политико-правового и административного характера устройства империи началась ещё в межвоенный период. См. например: *Dunlot F*. England after the War. N.Y., 1920. *Egerton H. E*. British Colonial Policy in the XXth century. L., 1922. *Elliott W.Y*. The New British Empire. N.Y. - L. 1932.

[2] *Darwin J*. Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. N.Y., 2009. P.8. См. также: *Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А*. Британская империя. М., 2004. Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy, 1763-1917. In Two Volumes. Volume II. Edited by Keith A. B. L., 1918.

не принимало участия в основании колоний; вмешательство метрополии в их внутреннюю организацию по праву всегда было ограничено, а на деле равнялось нулю»[1].

На фоне господствовавшей концепции экономического и политического либерализма, в английских политических кругах общепринятой являлась точка зрения о неизбежности, и даже желательности потери колоний. Данная позиция строилась, в том числе и на рациональных научных расчётах, составленных в середине XIX в. представителями Манчестерской школы экономистов[2].

Стремительные изменения, происходившие в последней трети XIX в., как в самой Великобритании, так и на международной арене, поставили под определённое сомнение некоторые ключевые постулаты английской либеральной идеологии. Значительный рост конкуренции на внешних рынках, а также заметное снижение доли Великобритании в мировом промышленном производстве, приводили к росту популярности идей, связанных с отказом от принципа фри-треда и введением системы таможенных тарифов, направленных на поддержку британской промышленности. С другой стороны, оформившаяся в данный период идеология империализма, предполагавшая неограниченную территориальную экспансию, нивелировала ценность возникших в середине XIX в. концепций «неформальной империи» и «Малой Англии», которые пользовались заметной популярностью в либеральной среде[3].

Формирование идеологии британского империализма, кульминационный период в развитии которой пришёлся на 1880-е – 1890-е гг. сопровождалось сложной дискуссией внутри британской интеллектуальной элиты. Одной из ключевых проблем, возникших при этом, явилось соотнесение новых, возникших в данный период имперских

---

[1] Цит. по. *Лурье С. В*. IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М., 2012. С. 158.
[2] Манчестерская школа экономики сложилась в 1830-х гг. на фоне завершения процесса промышленной революции в Великобритании. Её базовыми принципами являлись идеи экономического либерализма и отстаивание политики фри-треда.
[3] *Berard V*. British Imperialism and Commercial Supremacy. L., 1906. P.42.

ценностей и концептуальных установок британского либерализма, восходивших, в своей основе, к уникальной традиции английского Просвещения.

Стремительный территориальный рост Британской империи на рубеже XIX-XX вв. привёл к заметному усложнению политико-правового механизма управления обширными колониальными владениями Великобритании. Именно в данный период окончательно складываются несколько принципиально отличавшихся друг от друга уровней имперской организации. К первому из них относились самоуправляемые доминионы, обладавшие собственными законодательными и исполнительными властными структурами. Вторую группу составляли колониальные владения, обладавшие собственными представительными институтами. Третью, самую многочисленную часть представляли коронные колонии, находившиеся в непосредственном подчинении метрополии[1].

Первая мировая война, ставшая, по мнению многих современников, тяжелейшим испытанием для британского государства за длительный исторический период, обусловила ряд принципиально новых тенденций в экономическом и политическом развитии Великобритании, напрямую повлиявших на дальнейшую эволюцию её имперской организации и колониальной стратегии.

Одним из итогов войны явилось видимое укрепление позиций Британской империи и расширению её пределов. Британские владения увеличились примерно на один млн. квадратных миль, а количество подданных империи – на 13 млн. чел. Великобритания продолжала оставаться ключевым элементом в рамках новой, версальско-вашингтонской системы международных отношений[2]. В то же время, Первая мировая война оказала сложное и во многом негативное воздействие на развитие Великобритании и британского общества. К 1918 г. потери вооружённых сил

---

[1]The Cambridge History of the British Empire / Gen. ed. J. Holland Rose, A. P. Newton, E. A. Benians. Cambridge 1930-1959. Vol. III. P. 948.
[2] *Kennedy D*. Britain and Empire, 1880-1945. L., 2014. P. 43.

метрополии и её доминионов на фронтах военных действий достигли примерно 900 тыс. чел., что составляло почти 6% от общего числа погибших в годы войны. Из 21 млн. человек, получивших ранения, британцы составляли 8-10%. За четыре года войны совокупный государственный долг Великобритании вырос почти в 10 раз, составив около четверти всего национального богатства страны[1]. К 1918 г. трудности, связанные с военной мобилизацией экономики достигли в Великобритании своей кульминации. Правительство было вынуждено ввести нормирование продажи ряда продуктов питания. Высокая интенсивность труда вызывала рост забастовочного движения[2]. С осени 1919 г. Великобритания оказалась охваченной волной забастовок, происходивших в основном на угольных предприятиях, а также в других отраслях промышленности. На фоне возраставших экономических трудностей правительство было вынуждено приостановить процесс демобилизации в ряде регионов, в том числе, в Египте. Для борьбы с возникшими в данный период беспорядками британские власти были вынуждены использовать силы Адмиралтейства и ВВС[3].

Проблемы военной экономики потребовали серьёзного пересмотра прежней социально-экономической стратегии. Существенно возрос элемент государственного регулирования и бюрократизации экономической жизни империи. Кабинеты Г. Асквита, и, в особенности, Д. Ллойд-Джорджа, пошли на шаги, которые были немыслимы для прежней британской экономической стратегии – была введена система государственного контроля над военными производствами, распределением стратегических материалов, создана система арбитража для разрешения трудовых споров со значительным участием государственных институтов[4]. Административные и политические

---

[1] *Lucas Ch*. The British Empire. L., 1923. P. 107.
[2] Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. L., October, 1918. P. 217.
[3] Ibid.
[4] *Гранат И*. Классы и массы в Англии в их отношении к внешней торговле: К постановке вопроса. М., 1927. С. 60.

изменения военного периода способствовали, в том числе, и постепенной эволюции британской колониальной политики в сторону более активного разрешения социальных проблем.

Одной из наиболее сложных трудностей, с которыми столкнулась Великобритания по завершении войны, являлась необходимость быстрой перестройки промышленности, в значительной степени переориентированной на производство военной продукции, а также демобилизации огромного количества военнослужащих, общая численность которых по данным правительственных источников оценивалась в 3,5 млн. человек[1]. В соответствии с разработанной в январе 1919 г. военным ведомством во главе с У. Черчиллем схемой, демобилизация должна была проходить поэтапно и основываться на способности британской экономики абсорбировать и трудоустроить значительное число бывших военных. В рамках первого этапа реализации данного плана в январе 1919 г. британская армия уменьшилась на 950 тыс. чел.[2] Сокращение объёмов промышленного производства, которое неминуемо последовало после прекращения масштабных военных действий, вызвало уменьшение размера заработной платы, и снижение жизненного уровня значительной части населения[3].

Экономическое развитие Великобритании и её обширных владений в межвоенные десятилетия характеризовалось противоречивыми тенденциями. Оно не было более сложным и проблемным, чем в других индустриальных странах. Сокращение доли Великобритании в мировом промышленном производстве и торговле, наблюдавшееся в 1920-е – 1930-е гг., было связано с ранним завершением процесса её индустриализации, что обусловило и более низкие темпы роста британской экономики в сравнении с её основными конкурентами. На этом фоне среди британской интеллектуальной элиты наблюдалось заметное беспокойство относительно сохранения прежнего уровня экономического благополучия. Как отмечалось в одной из

---

[1] Abstract of British Historical Statistics. Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge, 1962. P.379.
[2] *Гилберт М.* Черчилль. Биография. М., 2015. С. 434.
[3] *Гранат И.* Ук. соч. С. 98.

информационно-аналитических работ, посвящённых послевоенному экономическому состоянию Великобритании, тревожные ощущения объяснялись «не столько потерей большой доли национального богатства в сравнении с другими державами, сколько утратой международной позиции лидирующей индустриальной нации»[1].

На рубеже 1910-х – 1920-х гг. британские правительственные кабинеты были вынуждены вести сложные переговоры, связанные с вопросом урегулирования внешнего долга Великобритании, достигшего к моменту окончания войны показателя в 4,5 млрд. долл. Одной из наиболее трудных проблем являлся стремительный рост внешней и внутренней задолженности британского Казначейства. Пик роста долгов пришёлся на 1919-1920 финансовый год, когда её размер составил 1,365 млрд. ф.ст. Внутренняя задолженность достигла максимальных размеров в 1923-1924 финансовом году, составив 6,687 млрд. ф. ст[2]. По данным газеты «Морнинг пост» в 1926-1927 финансовом году общий объём финансовой задолженности Великобритании составил 6,503 млрд. ф.ст. Проблема внешних и внутренних долгов возникших вследствие Первой мировой войны впервые приобрела для британского бюджета хронический характер.[3]

Одной из главных трудностей для коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа после завершения войны явился поиск путей для сбалансирования бюджета. В 1919-1920 финансовом году объём расходов бюджетных расходов составил 1,642295 млрд. ф.ст. при доходах в 1,168850 млрд. ф.ст. Дефицит бюджета, таким образом, достиг 473,645 млн. ф. ст. Данная тенденция оказалась тесным образом сопряжённой с проблемой роста государственного долга, составившего, по заявлению главы Банка Англии Р. Киндерсли 8,075 млрд. ф.ст. из которых 842 млн. ф.ст. приходилось на задолженность правительству США[4]. В связи с конверсией

---

[1] *Cole G. D. H.* British Trade and Industry: Past and Future. L., 1932. P.73.
[2] *Kinley D.* The Financial History of Great Britain. N.Y., 1918. P.87.
[3] АВПРФ. Ф. 69, оп. 14, папка 47. Л.71.
[4] *Dunlot F.* Op. cit. P. 94-95.

промышленности, а также необходимостью значительных выплат демобилизованным из армии, бюджетные расходы Великобритании выросли в данный период до 750 млн. ф. ст.[1]

Финансовые трудности, обозначившиеся в период 1919-1922 гг., согласно оценкам ряда экспертов, были не просто кратковременным явлением, а отражали долговременную тенденцию, связанную с относительным ослаблением экономических и политических позиций Великобритании в послевоенном мире[2].

Восстановление финансовой системы Великобритании продолжалось вплоть до середины 1920-х гг. К этому моменту с немалыми трудностями был урегулирован вопрос британского финансового долга перед США. Он должен был выплачиваться поэтапно и одновременно с выплатами в пользу Великобритании со стороны Франции, Бельгии, Италии и Японии, чья совокупная задолженность превышала два миллиарда ф. ст.[3] В 1924 г. по инициативе министра финансов в лейбористском правительстве Ф. Сноудена был начат процесс возвращения к золотому стандарту фунта стерлингов, отменённого с началом Первой мировой войны. Данное решение, нашедшее поддержку со стороны главы нового правительства консерваторов С. Болдуина, вызвало неоднозначную реакцию среди британских политиков и экономистов. Занявший в консервативном кабинете пост главы Казначейства У.Черчилль полагал, что данная мера может нанести ущерб развитию промышленности[4].

Рост кризисных явлений в финансовой сфере напрямую отражал негативные тенденции в других секторах британской экономики, в частности, в области внешней торговли. Общий объём британского экспорта в 1918 г. сократился по сравнению с 1913 г. с 634 до примерно 500 млн. ф. ст. В то же время потребность в импорте за данный период увеличилась с 768

---

[1] *Brand R. H.* War and National Finance. L., 1921. P. 245.
[2] *Ashworth W.* An Economic History of Britain, 1870-1939. L., 1960. P.233.
[3] Ibid.
[4] *Гилберт М.* Ук. соч С. 517.

млн. ф.ст. до 1,316 млрд. ф.ст.[1] Перевод промышленности на мирные рельсы привёл к заметному сокращению экспортных показателей. В 1919 г. британский экспорт в европейские страны составил около 400 млн. ф. ст. В отношениях со своим основным коммерческим конкурентом – США, позиции Великобритании выглядели более слабыми. Объём вывоза британских товаров на американский рынок, включая реэкспорт колониальной продукции, составил в 1919 г. 18 млн. ф.ст., в то время как импорт американских товаров достиг 250 млн. ф. ст.[2]

Произошли также существенные изменения в характере инвестирования британского капитала. Если к началу Первой мировой войны на долю империи приходилось 46% инвестиций, то к 1929 г. данный показатель достигал уже 59% и продолжал расти в последующий период. Крупные британские компании всё активнее переходили от торговых к производственным операциям в азиатских и африканских колониях. В условиях спада торговой активности на международных рынках, в межвоенный период для Великобритании ещё более возросло экономическое значение её колониальных владений. «В глубине души, - писал в 1937 г. Дж. Оруэлл, - никто из англичан не желает потерять империю, поскольку, помимо прочих соображений, с ней тесно связаны высокие стандарты жизни, которые в немалой степени, обеспечиваются её тропической частью, в особенности, Индией и Африкой»[3].

Конверсия промышленности привела к начавшемуся с осени 1919 г. спаду в сфере промышленного производства. Конфискация немецкого флота вызвала дополнительное падение производственных показателей и снижение занятости в британском судостроении. На протяжении большей части 1920-х гг. сохранялись сложности в угольной промышленности, достигшие пика в 1926 г. и вылившиеся в общенациональную забастовку, которая справедливо рассматривается как кульминация социально-экономических противоречий в

---

[1] *Dunlot F*. Op. cit. P. 88.
[2] Ibid. P. 100.
[3] *Оруэлл Дж*. Эссе, статьи, рецензии. Пермь, 1992. Т.II. С..250.

Великобритании межвоенного периода[1]. Рост военного производства в других крупных странах, а также активный демпинг на мировых рынках, в первую очередь, со стороны Японии, негативным образом сказывались на состоянии экспорта Великобритании, по-прежнему остававшейся приверженной базовым принципам фри-треда[2].

Послевоенное восстановление британской промышленности шло медленно и неравномерно, завершившись лишь к середине 1920-х гг., когда промышленный сектор Великобритании вышел на среднегодовые показатели роста в 3% при среднегодовых темпах роста ВВП в 2%. С 1913 по 1937 г. доля промышленного производства в британском ВВП выросла с 30 до 35%, в то время как доля сервисного сектора сократилась примерно в той же пропорции[3].

Сокращение экспорта промышленных товаров компенсировалось опережающим ростом внутреннего спроса, в том числе и в сфере новых высокотехнологичных отраслей – химической и автомобильной, на долю которых к 1937 г. приходилось не менее 20% промышленного производства Великобритании. В данный период отмечалось также появление нового типа промышленников, тесно связанных с финансовым капиталом. В то же время, по мнению ряда экспертов, данный промышленный рост сочетался с сохранением ставших уже традиционными проблем – нарастанием технологической отсталости в «старых» отраслях промышленности и меньшей, в сравнении с Германией и США эффективностью менеджмента. На эти же проблемы указывали Дж. Кейнс и другие известные экономисты того времени[4].

В 1929 г. начался крупнейший в истории экономический кризис, который оказал серьезнейшее воздействие на ход экономического и политического развития всех ведущих стран мира. Для Великобритании он

---

[1] *Блосфельд Е.Г.* Левые лейбористы и всеобщая забастовка 1926 года в Великобритании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, Религиоведение, Международные отношения. 2017, №6 (том 22). С. 149.
[2] *Волков Ф.Д.* Великобритания: трудные времена. М., 1977. С.34.
[3] An Economic and Social History of Britain, 1760-1990. Ed. by May T. L., 1996. P.329.
[4] *Ashworth W.* Op. cit. P. 407.

имел свою особую специфику. Мировой экономический кризис затронул её с некоторым опозданием: падение производства наметилось лишь в первом квартале 1930 г. Наибольшей глубины кризис достиг весной 1932 г., когда производство упало на 23% от уровня 1929 г. По сравнению с такими странами, как США или Германия, ущерб выглядел несколько меньшим, но объяснялось это тем, что в предкризисное десятилетие британская промышленность развивалась крайне медленно и к началу кризиса едва достигла довоенного уровня производства[1].

Основным симптомом начала Великой депрессии в финансово-экономической сфере явился начавшийся летом 1931 г. под влиянием негативных тенденций в европейской банковской системе, кризис Банка Англии, обеспечивавшего сохранение восстановленного в 1926 г. золотого стандарта. Заём в размере 50 млн. ф. ст., сделанный у США и Франции летом был потрачен британским правительством всего за несколько дней. В создавшейся обстановке, лейбористский кабинет Р. Макдональда был вынужден предложить программу резкого сокращения государственных расходов, в первую очередь, социальных выплат, что вызвало раскол в Лейбористской партии и обусловило правительственный кризис в августе 1931 г. Его следствием стало формирование «национального» правительства во главе с Р. Макдональдом, ключевые позиции в котором заняли представители Консервативной партии. Новый кабинет в итоге был вынужден пойти на принятие ряда непопулярных мер, а также запросить новый кредит у США и Франции в размере 80 млн. ф.ст. Одним из самых непростых для британского руководства решений в этому ряду стал вторичный, и на этот раз окончательный отказ Великобритании от золотого стандарта, последовавший 21 сентября 1931 г. Как отмечал в 1940 г. американский исследователь Дж. Т. Адамс, данный шаг «явился

[1] *Трухановский В.*Г. Новейшая история Англии. М., 1958. С.81.

окончательным ударом по претензиям Великобритании на лидирующую роль в международной торговой системе»[1].

Великая депрессия оказалась серьёзным испытанием для британской промышленности и торговли. В 1929-1931 гг. экспорт промышленных товаров из Великобритании сократился более чем на 50%, а в 1932 г. британское правительство было вынуждено пойти на введение протекционистских тарифов в отношении импортных промышленных товаров. Это позволило уменьшить долю готовой промышленной продукции в импорте, которая продолжала сокращаться вплоть до 1937 г.[2] Зависимость Великобритании от ввоза сырья и продовольствия не позволила ей существенно ограничить импорт, при том, что экспорт британских промышленных товаров уменьшился практически вдвое. Результатом данной ситуации огромный дефицит торгового баланса. Но если в докризисный период он перекрывался доходами от так называемого «невидимого» экспорта (от зарубежных инвестиций, от международных финансовых операций и от судовых фрахтов), то теперь этих доходов уже не хватало. Зарубежные инвестиции обесценились почти на четверть, финансовые операции Сити сократились, а тоннаж британского торгового флота уменьшился на 2,5 млн. т. В 1931 г. расходы Англии впервые на 110 млн. ф.ст. превысили доходы, а в последующие годы дефицит платежного баланса еще более возрос[3].

В отличие от США, где основным инструментом государственного регулирования экономики, был рост государственных расходов и всесторонняя поддержка промышленности и предпринимательства, главным инструментом стабилизации экономики в Англии было обеспечение сбалансированности бюджета и улучшение положения страны во внутренней и внешней торговле. Сокращение государственных

[1] *Adams J.T.* Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784-1959. N.Y., L., 1940. P.361.
[2] Economic, vol.4, issue 16 (November 1937). P. 386.
[3] *Hill C.P.* British Economic and Social History. L., 1986., P.155.

расходов, а также жёсткая бюджетная политика рассматривались как главные направления экономической политики британских кабинетов в 1930-е гг.[1]

В 1931 г. была создана специальная комиссия по национальной экономике под руководством финансиста Дж. Мэя, которая на основе изучения экономической ситуации выработала рекомендации по дальнейшему развитию экономики, получивших наименование «плана экономии»[2]. На основании концепции государственного регулирования ею был разработан план по преодолению последствий мирового кризиса. Его ключевым инструментом была избрана политика обеспечения устойчивости финансовой системы Великобритании за счёт обеспечения равновесных показателей государственного бюджета. Главной экономической задачей правительства объявлялось обеспечение благоприятных финансовых условий для развития промышленности, сельского хозяйства и торговли[3]. При этом одним из важных направлений достижения баланс бюджетных показателей в рекомендациях комиссии являлась оптимизация расходов, связанных с колониальным администрированием[4].

В середине 1930-х годов экономическое положение Великобритании заметно улучшилось. В 1934 г. объем промышленной продукции достиг уровня 1929 г., а в 1937 г. превысил его на 23%. Заметное ускорение темпов экономического роста в 1935—1937 гг. происходило под влиянием ряда факторов. Одним из них явилась переориентация капиталовложений британскими предпринимателями с зарубежного на внутренний рынок, который после 1932 г. был огражден высоким таможенным «барьером». Внутренние капиталовложения выросли с 160 млн. в 1934 г. до 217 млн. ф.

---

[1] *Hobsbawn E.J.* Industry and Empire. L., 1986. P. 335.

[2] *Lee C. H.* The British economy since 1700: a macroeconomic perspective. Cambridge, 1987.P.269.

[3] Ibid.

[4] Ibid P.270.

ст. в 1936 г. Оживлению индустрии способствовало и то, что в результате мирового экономического кризиса цены на промышленные товары хотя и уменьшились, но не в такой степени, как на сырье. Расширение выпуска промышленной продукции стимулировалось также за счет увеличивавшихся государственных расходов на вооружение: с 1929 по 1937 г. они возросли более чем в два с половиной раза[1].

Определенную положительную роль в том, что экономика страны в середине 1930-х годов смогла быстро развиваться, сыграл и тот факт, что Великобритания с 1934 г. перестала выплачивать значительный военный долг Соединенным Штатам, погасив за предшествующие годы лишь немногим более половины внешних заимствований. В то же время, как отмечал британский публицист П. Уилльямсон, улучшение экономической ситуации позволило Великобритании легко погасить 130-миллионный долг, взятый у Франции и США в начале кризиса[2].

Несмотря на определённые экономические сложности, Лондонский Сити на протяжении всего межвоенного периода продолжал оставаться главным мировым финансово-кредитным центром. Пострадав от экономической депрессии меньше, чем основные конкуренты, в первую очередь США, Великобритания смогла в 1930-е гг. сохранить роль фактически единственной экономической сверхдержавой и главным двигателем глобализации мировой экономики[3]. В одном из сообщений финансового комитета Палаты общин в 1930 г. подчёркивалось, что «… в отдельных аспектах Сити остаётся существенно более ориентированным на обеспечение капиталом иностранных экономик, чем собственно британской промышленности»[4].

---

[1] The British Empire. A report of its Structure and Problems by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs… P. 80.
[2] *Williamson P*. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. L:, 2003. P.389.
[3] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.234 (1930). Col.306.
[4] Ibid.

Согласно распространённой в историографии точке зрения межвоенный период ознаменовался медленным упадком экономического могущества Британской империи, напрямую влиявшим на особенности формирования государственной стратегии Великобритании в ряде ключевых сфер. В ведущих отраслях промышленности «наблюдалась стагнация, обусловленная, в первую очередь, медленным технологическим обновлением… В особенности сложным являлось положение текстильной отрасли, которая не выдерживала иностранной, в первую очередь, японской конкуренции. Наблюдалось заметное отставание и в новых, передовых с технологической точки зрения отраслях»[1]. Межвоенные десятилетия ознаменовались падением многих важных показателей, характеризующих положение Великобритании в мировой экономической системе. Её доля в мировой торговле сократилась с 17% в 1913 г. до 14% в 1938-м. Впервые за сто лет вследствие Первой мировой войны в Великобритании стало наблюдаться снижение инвестиционной активности. Общий объём иностранных инвестиций упал более чем на 1 млрд. ф. ст. В 1935-1939 гг. доля внешней торговли в структуре национальных доходов Великобритании сократилась по сравнению с 1913 г. С 33 до 19 %, экспорт – с 22 до 10%, а иностранные инвестиции – с 8,6 до 3,9%[2].

Общее замедление темпов развития Великобритании не было непрерывным процессом. Известный американский экономист Ч. Киндлбергер выделяет в нем несколько этапов, характеризуя 1919-1931 гг. - как период стагнации, а 1932-1939 гг. - как время умеренного развития. Хотя число лет, характеризовавшихся положительной динамикой, преобладало, даже в периоды роста темпы экономического развития оказывались ниже, чем в других крупных европейских державах.

При анализе причин ослабления Британской империи, исследователи очень часто обращают внимание на внешние факторы - замедленность

[1] *Williamson P*. Op. cit. P. 418.
[2] *Porter B*. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. P. 252.

реакции на импульсы мирового рынка, конкуренцию со стороны других ведущих держав, захват территорий, не дававших никаких экономических преимуществ. В то же время, данный перечень представляется неполным без анализа внутренних причин, вызывавших, по выражению одного из английских политических деятелей, «экономический атеросклероз»[1].

Вместе с тем, противоречивые тенденции экономического развития не влияли на достаточно устойчивый рост показателей качества жизни населения Великобритании. Статистические данные свидетельствуют о заметном повышении в первой трети XX в. стандартов жизни британского общества, в том числе рабочих слоёв. В 1920-1938 гг. реальные доходы населения Великобритании выросли на 18%. Продолжал численно увеличиваться средний класс. С 1921 г. и особенно в 1930-е гг. рост цен в Великобритании был ниже, чем в других крупных индустриальных государствах. Благодаря активной деятельности лейбористов, популярной становится идея «социализма в наши дни», предполагавшая резкую активизацию социальной политики государства[2]. Мировая экономическая конъюнктура позволяла Великобритании сохранять весомые позиции в мировой экономике. Согласно официальной статистике, опубликованной в 1930 г., в докризисный период объём внешней торговли Британской империи увеличивался быстрее, чем аналогичный показатель США[3].

Под влиянием новых экономических тенденций происходили заметные изменения императивов внешней политики Уайтхолла. На протяжении межвоенных десятилетий правящие британские кабинеты пытались восстановить доминирующие позиции, которые Великобритания ранее занимала в мировой торговле и промышленном производстве. Основным препятствием на этом пути являлся переход не только основных внешнеэкономических конкурентов Великобритании, включая США, но и части доминионов, к политике протекционизма. Продолжала сохранять свою

---

[1] *Henderson A.* Labor's Way to Peace. L., 1935. P.129.
[2] Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L., 2007. P.75.
[3] АВПРФ. Ф. 69, оп. 18, папка 56, дело 34. Л.20.

остроту проблема безработицы, усугублявшейся значительным демографическим ростом в Великобритании. К 1937 г. численность населения Соединённого королевства увеличилась на 10 млн. чел.[1] Одним из способов разрешения проблемы лишних рабочих являлось поощрение миграции главным образом в доминионы, что являлось предметом активных дискуссий британского правительства с правительствами доминионов.

Экономические трудности послевоенного периода побудили британское руководство к пересмотру ряда традиционных постулатов политики и к началу «внутренней реконструкции, предполагавшей увеличение государственных расходов и государственного регулирования экономики»[2]. В тоже время, следует признать в целом справедливой оценку, данную в коллективной монографии «Власть и стабильность. Британская внешняя политика, 1865-1965»[3], согласно которой в рамках изменившейся формы международных отношений, Великобритания в межвоенные десятилетия стремилась сохранить прежние основные цели своей внешней политики, «сводившиеся к поддержанию баланса сил, защите британских интересов и престижа, а также обеспечении безопасности рынков, стратегических опорных точек и линий коммуникаций»[4].

На фоне сложностей, которые испытывала Великобритания при адаптации к новым экономическим реалиям, особое значение придавалось совершенствованию внутриимперской кооперации, и развитию более активных экономических взаимосвязей с различными элементами колониальной периферии. В 1925 г. один из членов Палаты общин от Консервативной партии отмечал: «… Абсолютно существенное значение имеет развитие имперских рынков и поощрения привилегий, которыми пользуются доминионы…»[5]. В данной связи высказывались опасения о том,

---

[1] *Lloyd T. O.* Empire to Welfare State. English history. 1906-1985. 3rd ed. Oxford, 1986. P.291.
[2] *Hynes W. G.* Op. cit. P.229.
[3] Power and Stability. British Foreign Policy, 1865-1965. Ed. by Goldstein E. and McKercher B.J.C. L., 2003. P. 146.
[4] Ibid.
[5] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.234 (1930). Col.638.

что «экономическая гравитация может привести к фатальной дезинтеграции Империи»[1].

К числу важных экономических тенденций, наметившихся вследствие Первой мировой войны относилось усиление зависимости Великобритании от торговли в рамках стерлинговой зоны, а также сокращение экспорта на рынки традиционных внешних партнёров[2] Доля британского экспорта в стерлинговую зону в 1929-1937 гг. увеличилась с 50% до 2/3[3]. Рост зависимости от внутриимперской торговли продолжал оставаться одной из определяющих тенденцией экономического развития Великобритании в 1930-х гг.[4] В то же время, доля экспорта в промышленно развитые европейские страны, а также США, упала с 24% в 1913 до 21% в 1929 и 19,5 % в 1937 г.[5] На этом фоне доля британского экспорта в неиндустриальные регионы мира за период с 1913 по 1929 г. выросла с 69, 6 до 75%[6]. Данная тенденция была связана, в том числе, с распространением индустриализации и усилением тенденции к протекционистской политике со стороны ведущих государств. Наряду с этим, в промышленных кругах Великобритании отмечалась проблема общего снижения конкурентоспособности британских товаров на традиционных рынках Латинской Америки, а также Ближнего и Дальнего Востока.

С начала 1920-х гг. для развития британской торговли всё большее значение начинают играть связи с азиатскими и африканскими колониями. В то же время, несмотря на определённый прогресс, связанный с ростом экономических взаимосвязей метрополии с наименее развитыми африканскими колониями, объём торговли с ключевым колониальным владением – Индией имел тенденцию к определённому сокращению. В 1917 г. англо-индийское правительство добилось права введения тарифных

---

[1].Ibid. Col. 639.
[2]*Ashworth W*. Op. cit. P.304.
[3] Ibid.
[4] After the Imperial Turn. Thinking with and trough the Nation/ Ed. by Bourbon A.. Durcham, 2003. P. 143.
[5] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.321 (1937). Col.557.
[6] Ibid. Col.558.

барьеров, направленных на стимулирование индийского производства и защиту внутреннего рынка Индии от импорта шерсти и некоторых других видов товаров из метрополии[1]. Наличие системы внутренних преференциальных ограничений сделало индийский рынок менее привлекательным для британского промышленного экспорта. Наиболее заметным данный тренд стал после событий мирового экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг.[2]

Наметившаяся тенденция к экономическому замыканию Великобритании на своей колониальной периферии обуславливала существование до определённого момента надежды «на имперское решение экономических проблем», связанной с достижением экономической самодостаточности Великобритании, благодаря, в первую очередь, наличию у неё обширных колоний. Данная стратегия казалась немалой части британской элиты предпочтительной с идеологической точки зрения, поскольку демонстрировала широкому общественному мнению видимое сохранение прежней «британской мощи»[3].

Программы экономической интеграции империи, продвигавшиеся в начале XX в. Дж. Чемберленом, после 1918 г. встретили достаточно слабую поддержку со стороны имперских элит. Активная индустриализация Канады, Австралии и Индии сделала невозможной прежнюю внутриимперскую систему разделения труда в рамках обширных британских владений. Тем не менее, в 1930- е гг. имперский рынок получил заметный импульс к развитию, чему, в немалой степени, способствовало введение протекционистской тарифной системы. В итоге, с 1913 по 1938 г. доля империи в британском экспорте выросла с 35 до 41,2%, а в импорте – с 26,9 до 41,3%[4].

В конце 1920-х гг. в правительстве С. Болдуина возобновилось активное обсуждение введения протекционистских мер в целях защиты имперских рынков от иностранной конкуренции. В связи с последующим

---

[1] *Tomlinson B. R.* The Political Economy of the Raj, 1914-1947. L., 1979. P. 140
[2] Ibid.
[3] *Porter B.* Op. cit. P. 252.
[4] An Economic and Social History of Britain, 1760-1990. P.462.

переходом в оппозицию после поражения на парламентских выборах 1929 г., ряд влиятельных членов Консервативной партии, среди которых были Л. Эмери, Н. Чемберлен и У. Черчилль, инициировали обсуждение вопроса о возможном союзе с либералами. Однако одним из главных препятствий на этом пути являлись планы консерваторов по введению протекционизма для защиты колониальных рынков.[1]

Договор о введении системы имперских преференций, подписанный 20 августа 1931 г. был результатом длительных переговоров и сложного компромисса внутри имперской элиты, основная заслуга в успехе которых принадлежала канцлеру казначейства Н.Чемберлену. Он являлся, согласно оценкам современников, «символом наступления новой эпохи в торговых отношениях как внутри страны, так и за её пределами», завершившим длительный процесс отказа Великобритании от одного из своих главных традиционных постулатов – политики фри-треда[2].

Важнейшим шагом «национального» правительства Макдональда-Болдуина явилось введение в действие по итогам конференции в Оттаве в 1932 г., универсального 10% тарифа на все импортируемые примышленные товары. Через некоторое время он был дополнен положением об установлении 33% тарифа на некоторые виды товаров, составлявших наиболее серьёзную конкуренцию британской продукции. Оттавский договор стал основой для целой системы имперских преференций, образованный более чем двумястами договоров и соглашений, заключённых в 1930-е гг. между Великобританией и её доминионами[3]. В том же году по итогам экономической конференции в Оттаве, правительства доминионов, с одной стороны поддержали идею С. Болдуина о создании «имперского экономического союза», но с другой, договорились о возможности введения двусторонних экономических преференций. С точки зрения приверженцев либеральной идеологии эти шаги означали принципиальный отказ

---

[1] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 524.
[2] The Derby Telegraph. 1932, 16th May. P.1.
[3] *Grayson R.S.* Liberals International Relations and Appeasement. N.Y., 2007. P.16.

британской элиты от базовых принципов классического фри-треда и переход к «экономическому национализму»[1]. В соответствии с принятым законом вводились «имперские преференции» - система налоговых льгот для колоний и доминионов при торговле с метрополией[2].

Наряду с проблемой введения системы протекционистской защиты экономики колоний, важным направлением деятельности британских правительственных структур явились попытки создания определённых стимулов для их социально-экономического развития. Важная роль в их продвижении принадлежала Л. Эмери, занимавшему в кабинете С. Болдуина пост министра по делам колоний. В середине 1920-х гг. при его активном участии правительством была разработана комплексная программа укрепления имперской системы, включавшая в себя три основных элемента: «во-первых – усиление единства белых доминионов; во-вторых – расширение самоуправляемых территорий за счёт некоторых владений в Восточной Африке, и, возможно, Палестины; в третьих – принятие ряда мер по социально-экономическому развитию остальных колониальных владений»[3]. В то же время, ещё в 1921 г. Л. Эмери, занимавший на тот момент пост заместителя министра колоний, суммируя мнения руководителей ведомства, был вынужден признать ограниченность ресурсов, которые могли быть использованы для развития колониальных территорий. «Наши имеющиеся желания сурово ограничены экономическими возможностями, обуславливающими нашу слабость», - отмечал он в одном из посланий[4]. В том же году, оставляя пост министра по делам колоний, лорд Милнер писал Л. Эмери: «В настоящий момент, у нас, к сожалению, мало людей, искренне сочувствующих нашим предприятиям»[5]. В последующем Л. Эмери

---

[1] *Drummond I.M.* Imperial Economic Policy, 1917-1939. L., 1974. P.81.
[2] Ibid.
[3] Эмери Л. Ук. соч. С. 129.
[4] Там же. С.110.
[5] Там же. С.129.

неоднократно жаловался С. Болдуину на слабость своих позиций «в сравнении с партикуляризмом колоний и консерватизмом Казначейства»[1].

В то же время, возможности правительства по совершенствованию экономической инфраструктуры колоний и активизации социальной стратегии в рамках колониальной политики, были заметно ограничены наблюдавшимися в экономике кризисными явлениями. На фоне проблемы значительной финансовой задолженности, в 1921 г. специальным правительственным комитетом во главе с А. Гиддесом, была выработана программа жёстких мер по сокращению государственных расходов. Программа, получившая нарицательное наименование «топор Гиддеса» (Geddex Axe), резко сократила возможности государства по поддержанию колониальных программ. У. Черчилль, занимавший в 1921-1922 гг. должность министра колоний, был вынужден признать, что «управление провинциями требует от нас всё более огромных сумм»[2].

В 1926 г. в Имперской торговой палате началось изучение вопроса о создании системы стимулирования развития колониальных рынков. Через год при колониальном ведомстве были созданы две новых структуры – Колониальный медицинский исследовательский комитет (Colonial Medical Research Committee) и Совет по развитию сельского хозяйства (Agricultural Advisory Council)[3]. В соответствии с принятым вскоре Актом о развитии колоний, предусматривалось определённое финансирование исследований, связанных с развитием системы коммуникаций в колониальных владениях. В частности, в 1929-1932 гг. на эти цели, несмотря на кризис, было выделено около 1 млн. ф. ст.[4]

Общая стоимость проектов, рекомендованных Консультативным комитетом министерства по развитию колоний (Colonial Development Advisory Committee) с момента его создания в августе 1926 г. и утверждённая руководством министерства, а также Казначейством составила

[1] Там же. С.158.
[2] *Гилберт М.* Ук. соч. С.465.
[3] *Эмери Л.* Ук. соч. С.139.
[4] *Porter B.* Op. cit. P. 269.

примерно 5,6 млн. ф.ст.[1] В то же время, по оценкам многих специалистов, их полная реализация с самого начала представлялась маловероятной, в первую очередь, в силу очевидной нехватки во многих колониях необходимых ресурсов и подготовленных профессиональных кадров[2].

По итогам последующих консультаций, было принято решение о выделении из бюджета около 1,362 млн. ф.ст. Наряду с этим, предполагалось привлечь дополнительные средства за счёт займов и грантов на общую сумму 588 и 774 тыс.ф.ст.[3] В частности, на основании рекомендаций специального комитета, на развитие восточноафриканских владений планировалось потратить 3,950 млн. ф.ст. Данная сумма была предусмотрена принятым в 1926 г. Актом о займах для Палестины и Восточной Африки (Palestine and East Africa Loans Act, 1926). В соответствии с положениями Акта о развитии колоний 1929 г. данную сумму предполагалось увеличить ещё на 837320 ф.ст. При этом в качестве основного источника финансирования в обоих документах рассматривались займы британской колониальной администрации[4]. В то же время, суммы финансовых ассигнований некоторым другим колониям были существенно уменьшены. Так, на развитие Нигерии изначально предполагалось выделить 6,3 млн. ф.ст. К 1930 г. данный показатель был сокращён до 5 млн. ф. ст.[5] Аналогичным образом размер ассигнований на развитие Золотого Берега был уменьшен с 3,7 до 2,6 млн. ф. ст. Гамбия из выделенных на основании Акта 1926 г. 253 тыс. ф. ст. в итоге получила лишь 184 тыс. ф. ст. Также были существенно сокращены расходы на программы развития и в ряде других британских колоний[6]. В 1931-1932 финансовом году объём правительственных грантов

---

[1] Colonial office list. L.: HMSO,1926. P. 15.

[2] *Wotton S. Lord Hailey*. The Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War. L.:, 2000. P. 12.

[3] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 235 (1930). Col.1949.

[4] Ibid. Col. 1981.

[5] Colonial office list. L., HMSO, 1930. P. 16.

[6] Ibid.

на развитие колоний был урезан практически в два раза – с 1 млн. 35 тыс. до 505 тыс. ф. ст.[1]

В рамках реализации данной стратегии министерством колоний был разработан ряд конкретных программ социально-экономического развития колониальных территорий, включая те, которые перешли под управление Великобритании по итогам Первой мировой войны на основании мандатов Лиги Наций. Так, по данным, представленным колониальным ведомством в британском парламенте в 1929 г., в период с 1920 по 1926 г. общие расходы на управление Танганьикой составили около 3,5 млн. ф. ст. Из этой суммы 3,1 млн. ф. ст. составили льготные кредиты, выданные в рамках программ развития, а также безвозмездные гранты[2].

Одним из важных направлений деятельности министерства колоний являлось развитие научных изысканий, напрямую сопряжённых с основными задачами социально-экономического развития колониальных территорий. Одним из примеров такого рода явилась деятельность Школ тропической медицины в Лондоне и Ливерпуле, занимавшихся во взаимодействии с крупными международными научными центрами, включая институт Рокфеллера, разработками средств противодействия распространённым в африканских и азиатских колониях эпидемическим заболеваниям. Данные научные центры обладали сетью филиалов и исследовательских лабораторий. Крупнейшая из них располагалась в западноафриканской колонии Сьерра-Леоне и осуществляла, согласно официальным отчётам, системные исследования в сфере противодействия тропической малярии и другим эпидемиям, периодически возникавшим в Тропической Африке[3]. Значимую роль в обеспечении деятельности данных научных центров, и, в первую очередь, Лондонской школы тропической медицины, играли субсидии со стороны министерства колоний[4]. Государство также спонсировало подготовку квалифицированных медицинских кадров для работы в колониях,

[1] *Hynes W. G*. The Economics of Empire. Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1985. L., 1980. P. 126.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 225(1929). Col. 1314.
[3]Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 187 (1925). Col. 65.
[4]Colonial office list. L., HMSO, 1925. P. 12.

а также обеспечение местных медицинских учреждений достаточным объёмом лекарств, приобретаемых по их себестоимости[1].

С данными структурами тесно взаимодействовала Имперская школа сельского хозяйства, штат которой включал 115 человек. Размещаясь на о. Тринидад она изучала вопросы, связанные с улучшением показателей экономической эффективности плантационных хозяйств, а также увеличения производства экспортных сельскохозяйственных культур в различных колониях, в частности, сахара на островах Вест-Индии, каучука в Малайе, а также хлопка и какао в Западной Африке и на Цейлоне[2].

В целях развития аграрного производства некоторых колониях были введены отдельные должностей инспекторов по сельскому хозяйству, которые, должны были в числе прочего отвечать за соблюдением норм трудового законодательства в отношении представителей аборигенного населения, на которое, как отмечалось в одном из документов специальной комиссии в середине 1920-х гг., должны были распространяться «нормы, аналогичные действующим в нашей стране»[3]. Данное направление деятельности было тесно сопряжено с попытками придать колониальной политике новое гуманитарное содержание, отражавшее, по мнению британских чиновников, «особую ответственность не только перед туземным населением, но и перед всем человечеством за развитие этих народов…»[4].

Предложенные созданной при министерстве колоний в середине 1920-х гг. специальной комиссией нововведения были рассчитаны на существенную модернизацию принципов колониального управления, а также актуализации целей и задач колониальной политики для британского общества. Как отмечалось в одном из выступлений представителя министерства в парламенте в июле 1925 г., «… прискорбным является тот факт, что членам комиссии приходится выезжать в отдалённые африканские или американские колонии для того, чтобы донести до нашего народа проблемы и трудности,

---

[1]Ibid.
[2] *Hynes W. G.* Op. cit. L., 1980. P. 138.
[3]The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
[4] Ibid.

возникающие в наших тропических владениях…»[1] Сходного мнения придерживался и сам Л. Эмери, отмечавший в одном из документов, что «незнание нации о состоянии дел в тропических колониях стало причиной утраты Министерством тех способностей, которыми оно должно было обладать, а также отсутствия взаимосвязи между развитием механизма колониального управления и потребностями колоний»[2]. Следствием данной ситуации явилось чрезмерное расширение самостоятельности глав колониальных администраций во многих сферах управления. По словам одного из британских политических экспертов «стала складываться такая ситуация при которой вместо единой линии колониального управления мы имеем дело со специфической линией каждого отдельно взятого колониального губернатора… Министерство колоний в данной ситуации выступает скорее ведомой, чем ведущей силой при формировании нашей политики в колониальных владениях»[3].

С середины 1920-х гг. заметно увеличились расходы колониальных бюджетов, связанные с социальной сферой. Как отмечалось в одном из отчётов колониального ведомства, к концу 1920-х гг. они «достигли наивысших показателей за последние 10-15 лет»[4]. Согласно представленным в британском парламенте сведениям, во второй половине 1920-х гг. расходы на развитие системы здравоохранения в шести основных колониях Великобритании в Тропической Африке выросли с 12 до 22% от общей суммы налоговых поступлений[5]. В соответствии с информацией, представленной министерству колониальными губернаторами, в восточноафриканских владениях, в данный период произошло существенное увеличение числа госпиталей и других медицинских заведений. Их создание явилось, в том числе, результатом взаимодействия министерства колоний с англо-индийским правительством, поскольку от 80 до 90%

[1] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 187 (1925). Col. 85.
[2] The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries, 1929-1945. / Ed. by Barnee J., Nicholson D. L., 1987. P. 565.
[3] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 187 (1925). Col. 190.
[4] Colonial office list. L., HMSO, 1929. P. 14.
[5] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 226 (1929). Col. 46.

законтрактованных рабочих, трудившихся на плантациях в Кении и других британских владениях этого региона являлись выходцами из Индии[1].

Несмотря на заметный прогресс в данной сфере сохранялись и определённые недостатки, связанные с тем, что «отдельные подконтрольные территории вынуждены самостоятельно решать многие проблемы в сфере медицинского и санитарного обеспечения»[2]. В данном контексте, как отмечалось в одном из выступлений, «…представители колониальных администраций выражают серьёзные замечания относительно отсутствия со стороны Министерства колоний эффективной координации в данном важном направлении деятельности»[3].

В соответствии с информацией, обнародованной в конце 1929 г. Л. Эмери, министерству колоний в течение пятилетнего периода удалось добиться существенных результатов, связанных с укреплением финансовой стабильности в колониях и повышением доходности их бюджетов. Наиболее заметными данные изменения оказались в восточноафриканских владениях. Доходы этой группы колоний выросли с 7,823 млн. ф. ст. в 1924-1925 ф. ст. до 16,5 млн. ф. ст. в 1927-1928 гг., увеличившись, таким образом, в два раза в течение трёх лет[4]. Общая доходность британских колоний увеличилась в данный период с 60 до 75 млн. ф.ст. Ежегодный рост доходов колониальных владений, согласно официальным данным, составлял в данный период 25%[5]. Позитивные тенденции, как отмечал Л. Эмери, наблюдались и в сфере развития торговых отношений британских колоний. Представленная министерством колоний статистика свидетельствовала об увеличении импорта товаров в 1924-1927 гг. с 187,25 до 245,7 млн. ф. ст. В то же время, объём экспорта из колониальных владений Великобритании вырос со 170,5 до 238,25 млн. ст. Таким образом, по словам министра, общий объём торговли британских колоний увеличился к 1928 г. до полумиллиарда ф.ст. и

[1] Sahni J. N. Fifty Years of Indian Politics, 1921-1971. New Delhi, 1982. P. 115.
[2] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 226 (1929). Col. 47.
[3] Ibid.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 227(1929). Col. 1409.
[5] Ibid. Col. 1410.

«имел все шансы в последующие годы превзойти данный показатель»[1]. Детализируя представленную информацию, Л. Эмери отметил рост объёма торговли восточных британских владений, включая Цейлон, Малайю и тихоокеанские колонии, со 153,5 до 247 млн. ф.ст. В то же время, аналогичный показатель колоний в Западной Африке вырос в 1924-1927 гг. с 51 до 66 млн. ф. ст., а восточноафриканских колоний – с 25 до 32,5 млн. ф. ст.[2] Анализируя причины данных успехов, Л. Эмери особо отмечал роль эффективной политики колониальных администраций, подчеркнув, что благодаря активной деятельности «королевских агентов объём правительственных активов в колониях вырос в течение пяти лет на 33 млн. ф. ст.»[3].

Характеризуя динамику развития торговых отношений метрополии с колониями, глава колониального ведомства подчеркнул их заметный рост по сравнению с довоенным периодом. Согласно представленным им данным, объём экспорта Великобритании в колониальные владения в 1905-1924 гг. вырос с 18 до 47 млн. ф.ст. В течение трёх последующих лет данный показатель увеличился до 55 млн. ф. ст. В то же время, импорт товаров из колоний в метрополию увеличился с 19,5 млн. ф.ст. в 1905 г. до 50 млн. ф.ст. в 1924 и почти 60 млн. ф. ст. в 1927 г. [4] К концу 1920-х гг. в рамках британского имперского пространства, владения, находившиеся под контролем министерства колоний, занимали третье место по общему объёму торговли с метрополией, уступая лишь Индии и Австралии[5].

Одними из главных инициаторов обсуждения вопросов социально-экономического развития колоний в 1920-х гг. стали представители Лейбористской партии. По их инициативе в июле 1929 г., в Палате общин началось рассмотрение законопроекта о финансировании широкомасштабной программы «колониального развития», которая, как отмечали её авторы,

---

[1] Ibid.
[2] Ibid. Col. 1411.
[3] The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk.(дата обращения: 20.10. 2013).
[4] Ibid.
[5] *Ashworth W.* Op. cit. P. 248.

«сможет обеспечить работу для наших людей в этих странах»[1]. Данная программа, равно как и ряд других аналогичных проектов развития колониальных территорий, получили активную поддержку и со стороны руководства Консервативной партии[2].

Наступившая в начале 1930-х гг. экономическая депрессия заставила британское правительство отказаться от значительной части финансирования проектов, предложенных Л. Эмери. На этом фоне в политических кругах вновь широко распространилась концепция самодостаточности колоний и борьбы с высокими расходами на их содержание. В силу этого, в программах колониального развития была сделана большая ставка на «финансовую автономию» колониальных владений, а также на большее привлечение частных инвестиций к реализации связанных с ними проектов экономического развития[3]. Как отмечал в одном из писем барон Ф. Лугард, представлявший Великобританию в Постоянной комиссии Лиги Наций по вопросам мандатных территорий, «…главной нашей целью, конечно же, является развитие данных территорий и обеспечение благополучия их населения. Но я уверен, что мы не сможем развивать их и помогать им без чрезмерного расходования богатств, которые могут быть полезны нашей стране в будущие сложные времена»[4].

В июле 1929 г., в рамках обсуждения в британском парламенте Акта о развитии колоний, колониальным ведомством был подготовлен обстоятельный отчёт, содержащий значительный объём информации об экономическом положении отдельных. В представленных документах подчёркивался существенный прогресс в повышении доходов отдельных колоний по сравнению с предвоенными годами. В качестве примеров такого рода отмечался рост соответствующих показателей в Нигерии с 3 до почти 8 млн. ф. ст., в Золотом Береге – с 1,3 до 5,2 млн. ф.ст., в Кении – с 1 до почти 3

---

[1]. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 230. Col.24-25.
[2] *Науменков О.А.* Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании. Саратов, 1989. С. 102.
[3] Power and Stability. British Foreign Policy, 1865-1965. Ed. by Goldstein E. and McKercher B.J.C. L.: Routledge, 2003. P.298.
[4] Ibid.

млн. ф. ст., в Малайской федерации – с 5 до 12 млн. ф.ст., в колониях Вест-Индии – с 3 до 6 млн. ф.ст. Общий рост доходов данной группы колоний составил, согласно официальным данным, 20 млн. ф.ст.[1]

Одним из результатов окончательного утверждения парламентом в начале ноября 1929 г. Акта о развитии колоний, явилось создание межведомственного Консультативного комитета по вопросам колониального развития (Colonial Development Advisory Committee). Спустя несколько месяцев им был представлен проект, включающий шесть возможных схем развития колониальных территорий, которые должны были реализовываться в значительной степени за счёт займов Фонда колониального развития (Colonial Development Fund). Общий объем расходов в рамках предложенного проекта должен был составить 4,4 млн. ф. ст. Из этой суммы 1 020 310 ф. ст. предполагалось компенсировать в течение нескольких лет за счёт льготных кредитов и грантов министерства колоний[2].

В рекомендациях Консультативного комитета содержался ряд практических предложений, связанных с развитием экономического потенциала африканских колоний, в числе которых особо отмечалась необходимость поддержки частного крестьянского землевладения. Её основной составляющей должна было стать гибкая система налогообложения, которая была призвана воспрепятствовать наблюдавшемуся в данный период процессу разорения крестьянских хозяйств, особенно заметному в Кении и других восточноафриканских владениях Великобритании[3].

С началом Великой депрессии руководство министерства колоний сделало больший акцент на развитие механизмов экономического взаимодействия с колониальными территориями, которые рассматривались как ключевой ресурс, призванный обеспечить поддержку для сокращающегося британского экспорта. В рамках колониального ведомства в

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 230. Col. 492.
[2] The Colonial Office List, L.: HMSO, 1929. P. 15.
[3] Ibid.

начале 1930-х гг. был создан совместный комитет, отвечавший за взаимодействие «технических и административными структур, а также общественных ведомств, находящихся под контролем Правительства с колониальными администрациями…в расчёте на личный опыт людей, непосредственно управляющих колониями»[1]. Отобранные комитетом специалисты, вошедшие в штат отдельного директората, должны были осуществлять регулярные инспекционные поездки в колонии и, кроме того, «консультировать руководителей и сотрудников территориальных отделов [министерства колоний – *А.С.*], способствуя формированию общей политической линии по развитию наших тропических владений, разделяемой всеми ведущими политическими силами…»[2] В процессе обсуждения приоритетов деятельности новой структуры, руководители министерства подчёркивали, что основным из них должно было стать «обеспечение преемственности основных направлений политики в данной сфере вне зависимости от смены Правительств и колониальных губернаторов»[3].

Идеи, связанные с повышением эффективности взаимодействия с колониями в целях получения больших экономических выгод, являлись в данный период одной из актуальных тем политических дискуссий. В феврале 1930 г. членами Палаты общин от трёх политических партий было подготовлено специальное заявление, в котором содержался призыв к правительству принять меры по совершенствованию административного механизма и повышению экономической эффективности британской политики в африканских колониях.

В ходе возникших в данной связи дебатов, группа представителей Консервативной партии, которых оппоненты называли «фундаменталистами» или «твердолобыми», подвергла критике деятельность администраций в восточноафриканских владениях, сравнивая её с более эффективным, по их мнению, экономическим курсом колониальных властей

[1] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 235 (1930). Col. 1949.
[2] Ibid.
[3] Ibid. Col. 1981.

в Западной Африке[1]. Однако, точка зрения «твердолобых» не получила признания парламентского большинства, выразившего поддержку действиям, предпринимаемым министерством колоний. Более того, в последующем представителями колониального ведомства были представлены обстоятельные статистические данные, свидетельствующие о существенно лучших показателях экономической динамики в восточноафриканских владениях, которые смогли сохранить сравнительно высокие объёмы экспорта сырьевых культур, в первую очередь – хлопка[2].

Одной из важных составляющих политики по оптимизации расходов на содержание колониального аппарата на рубеже 1920-х – 1930-х гг. явились изменения в сфере налогообложения. В соответствии с информацией, представленной в документах министерства колоний, подобная стратегия позволила в начале 1930- х гг. сократить бюджетные расходы в африканских колониях, а также Палестине и Трансиордании на сумму не менее 150 млн. ф.ст. в год[3]. Наибольшего успеха в данном направлении добились администрации Уганды, Занзибара, Золотого Берега, Маврикия, Гибралтара, Кипра и Кении, которые, согласно официальным данным, смогли обеспечить формирование полностью сбалансированного бюджета. В крупнейшей британской колонии в Африке – Нигерии, в 1931-1932 финансовом году показатель бюджетного дефицита был уменьшен с 1, 330 млн. до 335 тыс. ф.ст. В Северной Родезии дефицит бюджета был сокращён со 177 до 39 тыс. ф. ст. По словам авторов документа, данный результат «оказался тем более примечательным, что был достигнут на фоне существенно падения цен на товары, являвшиеся предметом экспортной специализации данных колоний»[4]. В отчётах ведомства подчёркивалось, что выработанная им стратегия бюджетной экономии послужила образцом для аналогичных

[1] Ibid. Col. 2275.
[2] Ibid. Col. 2276.
[3] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 264 (1932). Col.1779.
[4] Ibid. Vol. 292 (1934). Col.547.

действий других британских административных структур, в частности, англо-индийского правительства[1].

В начале 1932 г. представлявший колониальное ведомство в Палате общин П. Канлиф-Листер отмечал, что в период с 1913 по 1931 г. совокупная численность служащих министерства увеличилась со 189 до 393 чел.[2], а расходы на выплату зарплаты – с 57 до 144, 5 тыс. ф.ст.[3] По его словам, в сфере компетенции министерства колоний к началу 1930-х гг. находилась территория общей площадью в 2 млн. квадратных миль и населением в 50 млн. чел. Три четверти данных территорий приходились на Тропическую Африку, где располагались наиболее отсталые с социально-экономической точки зрения владения британской короны, требовавшие «усилий не только в плане экономического прогресса, но и в сферах социального развития, связанных, в первую очередь, со здравоохранением и образованием»[4].

В то же время, в 1930-х гг. продолжала сохраняться заметная зависимость бюджетов ряда колоний от финансовой поддержки со стороны метрополии. В документах министерства колоний данного периода отмечалось наличие «весьма высоких потребностей в Уганде, Танганьике, Занзибаре и Кении… в увеличении бюджетных расходов», связанных, в частности, с возросшей необходимостью в развитии местной системы образования. В период с 1913 по 1923 г. размеры финансовых грантов, выделяемых на развитие колоний увеличились с 526885 до 13328250 ф.ст.[5] Но в начале 1930-х гг. в силу трудностей, связанных, в первую очередь, с финансово-экономическим кризисом, объёмы финансирования программ по развитию колониальных владений сократились фактически до предвоенных показателей, лишь к концу 1930-х гг. увеличившись до 4380000 ф.ст.[6]

---

[1] Ibid. Col. 585.
[2] Данная статистика была приведена с учётом произошедшего в 1925 г. выделения из системы министерства колоний, отдельного ведомства, занимавшегося вопросами взаимоотношений с доминионами (Dominion Office)
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 264 (1932). Col. 1779.
[4] Ibid. Col. 1785.
[5] Ibid. В эту цифру были включены расходы Ближневосточного департамента министерства, составившие в начале 1920-х гг.6614905 ф.ст.
[6]Ibid.

По состоянию на март 1938 г. совокупные грантовые выплаты в рамках различных программ развития колоний составили 10892685 ф.ст. В дополнение к этому специальным фондом были выделены кредиты в размере 1205068 ф.ст.[1] К концу 1930-х гг., по данным министерства, администрации ряда колониальных территорий и протекторатов смогли добиться практически полной финансовой самостоятельности. В их число вошли Аден, Багамские острова, Барбадос, Бермудские острова, Британские Соломоновы острова, Цейлон, Фолклендские острова, Фиджи, федеративных Малайских Штатов, Гибралтар, Гренада, Гонконг, Ямайка, Маврикий, Северное Борнео, остров Св. Елены, Св. Винсент, Саравак, Сейшельские о-ва, Стрейтс-сетлментс, Тринидад и Занзибар.

Усилия министерства по делам колоний в данный период не принесли должного эффекта, а экономическая депрессия рубежа 1920-х – 1930-х гг. явилась дополнительным негативным фактором, сказавшимся, в силу узкой экспортной специализации, на развитии колоний,. По словам члена Палаты общин от Лейбористской партии, Дж. Уидгвуда в результате экономической депрессии, ряд британских колоний «ощутили себя простыми зубцами гигантской торговой машины, которая внезапно потерпела аварию, оставив их с их сырьём и продукцией, без средств к существованию»[2].

В то же время, среди колониальных чиновников, несмотря на сильную инерцию мышления, появлялись сторонники изменения методов экономической политики, предлагавшие собственные проекты по поддержке частной инициативы, в том числе, поощрению формирования частнособственнических отношений в аграрном секторе. С этой целью предлагалось, в числе прочего, поощрение развитие «белого» фермерства в некоторых колониальных владениях. В целом, попытки британского правительства стимулировать экономическое развитие колоний в течение 1920-х гг. имели ограниченный успех, который был фактически нивелирован

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 350 (1939). Col. 1458.
[2] *Porter B.* Op. cit. P. 269.

в результате Великой депрессии[1]. Период 1930-х гг. для колониальных владений Великобритании ознаменовался преобладанием стагнационных процессов в экономической сфере. Согласно официальной статистике, представленной министерством по делам колоний, в 1936-1937 финансовом году средний размер расходов на реализацию программ социально-экономического развития в колониях составлял всего 5 ш. на душу населения[2].

Одним из факторов, приведших к неудаче проектов по сохранению имперского единства и укреплению внутриимперских экономических связей, явились также существенные сдвиги в общественных и политических настроениях британского общества в сторону укрепления национального экономического суверенитета, явившиеся прямым следствием экономического кризиса начала 1930-х гг.

Относительное социально-экономическое ослабление Великобритании, связанное с негативным воздействием последствий Первой мировой войны, а также возросшая международная конкуренция явились факторами, заметно сузившими перед британской политической элитой «коридор» потенциальных возможностей при выборе вариантов стратегии сохранения прежнего колониального влияния. Вместе с тем поиск путей модернизации социально-экономического потенциала колоний был в межвоенный период важной составляющей проектов, связанных с реформированием системы колониального управления.

---

[1] *Darwin J.* Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge, 2009. P. 463.
[2] Ibid.

§ 1.2. Воздействие внутриполитической ситуации на функционирование британского колониального механизма в межвоенный период.

Наряду с экономическими факторами, существенное воздействие на формирование колониальной стратегии Великобритании имели и сдвиги в политической сфере британского государства, произошедшие вследствие Первой мировой войны. В военный период сложился относительный консенсус ключевых британских политических сил. Ведущие позиции в сформированном в декабре 1916 г. коалиционном правительстве Д. Ллойд-Джорджа заняли консерваторы-унионисты, а также социальные радикалы, примыкавшие к Либеральной партии. Накануне войны и непосредственно по её завершении британская политическая система претерпела существенные изменения. В результате реформы 1912 г., Палата лордов окончательно утратила своё прежнее влияние. С другой стороны, по итогам избирательной реформы 1918 г. количество мест в Палате общин было увеличено с 670 до 707. Тем не менее, система власти в военное время продолжала сохранять заметные автократические элементы. Ключевые государственные посты по прежнему принадлежали узкому кругу выходцев из аристократических слоёв[1]. Коалиционное правительство в немалой степени утратило черты коллегиальности. Ключевые политические решения принимались всего лишь пятью министрами, входившими в т.н. Военный кабинет. Кроме премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа, в его состав был включён один из лидеров лейбористов А. Хендерсон, а также три видных представителя Консервативной партии – лорд Кёрзон, Б. Лоу и А. Милнер, являвшихся твёрдыми последователями идеологии «нового империализма», а также идеи дальнейшего расширения сложившейся к началу войны колониальной империи.

[1] *Dunlot F*. Op. cit. P. 53.

В 1918 г. произошла четвёртая и самая масштабная за всю историю политической системы Соединённого королевства избирательная система. В соответствии с законом, вступившим в силу в начале февраля 1918 г. было подтверждено всеобщее избирательное право для мужчин с 21 года, военнослужащих с 19 лет, а также впервые предоставлялось право голоса почти 6 млн. женщин. Избирательная реформа привела к расширению британского электората с семи миллионов в 1910 г. до 21 млн. в 1918 г., т.е., в 3,8 раза. 70 % избирателей впервые голосовали на выборах 1918 г., причём три четверти из них являлись выходцами из рабочих слоёв. Столь значительное расширение электората в условиях экономических трудностей, с которыми столкнулась Великобритания в результате четырёх лет войны, неминуемо привело к определённому сдвигу фокуса политической жизни британского общества влево[1].

Кризис внутри либеральной части британского политического спектра, а также организационно- идеологическая неустойчивость выдвинувшейся в качестве новой политической силы Лейбористской партии привёл к фактически полному доминированию в Великобритании на протяжении межвоенного периода консервативных сил. В то же время, избирательная реформа, проходившая на фоне набиравших силу социально-экономических трудностей, привела к заметному усилению левого фланга в британском электоральном поле[2].

Первые после завершения войны парламентские выборы, состоявшиеся 14 декабря 1918 г., несмотря на довольно низкую явку, не превысившую 50%, завершились уверенной победой сторонников коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа и окончательно зафиксировали изменившийся в военный период баланс политических сил. Сторонники правительства получили 478 мест в Палате общин. Консерваторы получили около 40% голосов и более 54% парламентских мест, добившись, таким образом, первого серьёзного

[1]A Companion to Early Twentieth Century Britain. / Ed. by Wrigley Ch. Oxford, 2003. P. 492.

[2] British Electoral Facts, 1885-1975. / ed. by Craig F.W.S. L., 1976. P.180.

успеха с 1905 г. Коалиционные либералы во главе с Д. Ллойд-Джорджем заручились поддержкой 13% избирателей и заняли 18% мест в Палате общин. Оппозиционные либералы под руководством Г. Асквита смогли получить лишь 5% мест в нижней палате парламента. Серьёзного успеха по итогам голосования добилась Лейбористская партия, вышедшая накануне выборов из состава правительственной коалиции. Лейбористы одержали победу в 63-х округах, получив более 21% голосов и заняв 8% мест в Палате общин. Ушедшие в оппозицию либералы во главе с Г. Асквитом, смогли занять лишь 28 мест в нижней палате парламента[1].

Парламентские выборы 1918 г. явились важным симптомом социально-политических изменений, происходивших в Великобритании в межвоенные десятилетия и затронувших все ключевые политические силы страны. В межвоенный период Консервативная партия стала более коалиционной и репрезентативной по своему составу, чем то было до 1914 г. По итогам выборов 1918 г. почти половину созданной консерваторами коалиции составляли представители бизнеса. Существенно снизилась роль и влияние крупных землевладельцев, традиционно составлявших опору тори. В то же время, руководство партии продолжало оставаться в руках в основном представителей традиционной элиты. Так, в 1937 г. к ним относились 19 из 21 члена кабинета, возглавленного Н. Чемберленом. Внутренняя перестройка в немалой степени помогла партии удерживаться у власти в течение большей части межвоенного периода. При этом, в отдельных случаях, консерваторы были вынуждены идти на формирование коалиционных кабинетов, делясь властью с представителями других ключевых партий. Консервативная партия продолжала пользоваться поддержкой основной части финансовых кругов. Как отмечал один из британских обозревателей, «Сити рассчитывала на партию, полагая, что она сможет обеспечить климат политической стабильности, существенной для обеспечения его роли в качестве мирового

[1]*Butler G., Butler D.* British political facts, 1900-1994. L., 1994. P.104.

финансового центра…»[1] Хотя смена либералов лейбористами в качестве второй ведущей политической силы, привела к увеличению представительства рабочих в Парламенте, задача защиты интересов широких слоёв мелких собственников в межвоенный период фактически перешла от либералов к консерваторам[2].

Среди специалистов, изучавших историю Консервативной партии, существует точка зрения о позитивной роли возникших в период войны внутренних трудностей для восстановления имиджа консерваторов на фоне общего усилению влияния государства на социально-экономические процессы[3]. Росту популярности консерваторов в период войны способствовали антигерманизм, патриотизм, идеи тарифной реформы и последовательной защиты имперских ценностей. В итоге, консерваторы-юнионисты составили основу для формирования коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа, вызвавшего фатальный раскол Либеральной партии.

Росту авторитета и влияния Консервативной партии в межвоенный период способствовала не только относительная слабость её основных конкурентов, но и эффективная тактика, избранная новым партийным руководством. В период с 1918 по 1939 г. консерваторы одержали победу на пяти из семи парламентских выборах, большую часть данного периода уверенно контролируя Палату общин и формируя правительственные кабинеты. За более чем 20 лет консерваторы лишь 36 месяцев находились в оппозиции.

После завершения Первой мировой войны, Консервативная партия претерпела ряд организационно-структурных изменений, которые были призваны адоптировать её деятельность к сущёственно менявшейся социальной ситуации и электоральным настроениям. В 1918-1930 гг. консерваторы получали сравнительно меньшую долю голосов, чем на тех предвоенных выборах, на которых они терпели поражения. Сама партия

---

[1] *Ball S., Holliday I.* Mass conservatism: the Conservatives and the public since the 1880s. L., 2002. P. 226.
[2] Ibid. P.227.
[3] *McKenzie R. T.* British Political Parties: The Distribution of Power within the Conservative and Labour Parties. L., 1964. P.591.

обрела в данный период черты сетевой организации, включающей ассоциации с различным типом членства, ориентированных на различные типы избирателей[1]. Организационные изменения имели ключевое значение для электоральных успехов. Как отмечается в партийных документах, «результатом (Первой мировой – А.С.) войны явилось превращение Консервативной партии в подлинно национальную партию с активным присутствием во всех частях страны и в каждом избирательном округе, что принципиально отличало её от партийных структур Либералов и Лейбористов»[2]. Финансовые возможности Консервативной партии позволяли ей содержать «постоянную сеть системно действующих агентов, работавших в различных социальных слоях и группах (британского общества – А.С.)»[3]. Наряду с прежними формами политической активности, большую роль в деятельности партии стало играть взаимодействие с различного рода ассоциациями и общественными организациями. По словам одного из исследователей, «консерватизм стал органической частью британской общественной ткани даже в тех её частях, которые до этого не были связаны с политикой»[4].

Анализ динамики политических настроений британцев свидетельствует о том, что почти половину электоральной базы консерваторов составляли представители рабочих слоёв, причём в 1930-х гг. рабочие голосовали за Консервативную партию чаще, чем за лейбористов[5]. Во внутрипартийной жизни данного периода проявились некоторые принципиально новые черты. В частности, заметно возросла активность заднескамеечников, которые начали играть более заметную роль в парламентской деятельности партии. Результатом этого стало формирование к середине 1920-х гг. общего партийного комитета, а также отдельных, «предметных» комитетов, призванных проводить более скоординированную

---

[1] *Ball S., Holliday I.* Op. cit. P.76.
[2] *Butler G., Butler D.* Op. cit. P.282.
[3] *Ball S.* The Conservative Party and British Politics, 1902-1951. L., N.Y., 2013. P.63.
[4] *Dean D. W.* Contrasting Attitudes of the Conservative and Labour Parties to the Problems of Empire, 1922-1936. L., 1974. P.21.
[5] British Electoral Facts, 1885-1975. / ed. by Craig F.W.S. L., 1976. P.149.

политику в парламенте, максимально учитывающую настроения различных внутрипартийных групп. Избирательная реформа способствовала существенному расширению масштаба деятельности партии, как на общенациональном, так и на местном уровне. Кроме того, в партию пришло новое поколение деятелей, «опыт окопной жизни которых позволял максимально упростить контакт между выпускниками университетов и представителями рабочего класса»[1]. Среди этих молодых политиков, привнёсших в 1920-е гг. новое видение в осмысление многих проблем, стоявших перед Великобританией, оказались и будущие партийные лидеры – Э. Иден и Г. Макмиллан.

В 1925 г. в Англии и Уэльсе Консервативная партия вернула своё прежнее название, сохранив, тем не менее, в своём наименовании понятие «юнионистская». В 1931-1940 гг. консерваторы вступали в различные коалиции с юнионистскими, либеральными и лейбористскими группами, принимавшими их концепцию «Национального правительства». Без союза с этими группами, они выигрывали выборы лишь дважды – в 1922 и 1924 гг., формируя исключительно консервативные кабинеты в 1922-1924 и 1924-1929 гг.[2]

После завершения Первой мировой войны руководство Консервативной партии уже не столь прочно как ранее связывало себя идеями юнионизма. Тем не менее, в своих программных установках лидеры консерваторов продолжали позиционировать себя как «партию империи»[3]. В документах партии по-прежнему заметное место занимали идеи сохранения и укрепления колониальной империи, которая характеризовалась как важнейшее «средство обеспечения экономического роста и реализации идеологических ожиданий британского общества»[4]. В то же время, приход в руководство партии нового поколения лидеров, наиболее заметными

---

[1] *Ball S.* Op. cit. P.64.
[2] *Blake R.* The Conservative Party from Peel to Thatcher. L., 1985. P.208.
[3] 1918 Conservative Party General Election Manifesto. URL http://www.conservativemanifesto.com/1918/1918-conservative-manifesto.shtml (дата обращения: 4.11.2013).
[4] *Kennedy D.* Op. cit. P. 57.

представителями которого являлись Э. Бонар Лоу, С. Болдуин, Н. Чемберлен, способствовало повышению гибкости партийной тактики в решении обострившихся проблем колониального управления.

В 1924-1926 гг. лидер партии С. Болдуин попытался сформулировать новую партийную доктрину, получившую наименование «нового консерватизма». Её отдельные положения нашли отражение в речи главы партии на партийной конференции 11 февраля 1924 г., в партийном памфлете «Смотря вперёд», опубликованном в июне того же года, а также в изданном в марте 1925 г. партийном буклете «Мир и экономика»[1]. В окончательном виде они были сформулированы в сборнике партийных выступлений, составленном под руководством С. Болдуина в апреле 1926 г.[2] Авторы доктрины «нового консерватизма» в немалой степени обращались к традиции, заложенной в концепции «единого народа» Б. Дизраэли. Они, в частности, апеллировали к идеям социальной гармонии, партнёрства бизнеса и рабочего класса, поиска общественного консенсуса и ориентированности внешней политики на национальные интересы Великобритании[3]. Как отмечается в одном из исследований, посвящённых истории Консервативной партии данного периода, С. Болдуин «… взял курс на умиротворение, как внутри страны, так и за её пределами. При этом данное умиротворение ещё не рассматривалось в том негативном контексте, в котором оно станет восприниматься к концу 1930-х гг. Оно основывалось на чётком представлении о рациональном и справедливом применении моральной и физической силы…»[4] Основной стратегической задачей Консервативной партии в первой половине и середине 1920-х гг. обозначалось преодоление многочисленных негативных последствий Первой мировой войны для британской экономики. Решение столь сложной задачи диктовало

[1] Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L., 2000. P. 134.
[2] Ibid.
[3] 1929 Conservative Party General Election Manifesto. URL http://www.conservativemanifesto.com/1929/1929-conservative-manifesto.shtml (дата обращения: 18.11.2013).
[4] *Dean D. W.* Op. cit. P. 23.

необходимость перехода к «умеренной внешней политики… и осуществлению уступок в колониальных вопросах»[1].

В данной связи, партийное руководство, во главе которого в данный период находились весьма опытные политические деятели, было вынуждено учитывать изменения, происходившие после завершения войны как внутри страны, так и на международной арене. На рубеже 1910-х – 1920-х гг., Консервативная партия, в своём большинстве, поддержала проекты, связанные с реформированием системы управления в Индии, а также предоставлением формальной независимости Египту и переданному под мандатное управление Великобритании Ираку. Кроме того, руководство партии во главе с Э. Б. Лоу поддержало решение Д. Ллойд-Джорджа о предоставлении Ирландии статуса доминиона.

Тем не менее, именно колониальная проблематика явилась в данный период самым сложным предметом внутрипартийной дискуссии. Внутри партии сформировалась весьма активная оппозиция, обвинявшая правительство и партийное руководство в предательстве идеалов империи. Угроза внутрипартийного раскола утратила свою остроту лишь после падения в октябре 1922 г. кабинета Д. Ллойд-Джорджа и формирования консерваторами собственного правительства во главе с Э. Б. Лоу, а затем С. Болдуином. Как отмечается в одной из работ, посвящённых истории Консервативной партии, кризис, вызванной недовольством политики коалиционного кабинета в Ирландии, Индии, а также его действиями в Турции «носил скорее горизонтальный, чем вертикальный характер, в силу чего… не имел столь фатальных последствий, как кризис в Либеральной партии в 1916 г.»[2]

Преодоление внутренних разногласий способствовало укреплению внутрипартийного консенсуса в сфере колониальной политики. В течение 1920-1930-х гг. стратегия Консервативной партии сводилась к попытке

---

[1]*Williamson P.* Op. cit. P. 481.
[2] *Ball S.* Op. cit. P. 69.

сохранения и модернизации колониальной системы с учётом набиравших силу центробежных процессов. Консервативные кабинеты продолжили политику «индианизации» административной системы в Индии, развития модели «завуалированного протектората» в Египте, расширения механизмов косвенного управления в ряде колониальных владений. Несмотря на продолжавшуюся имперскую риторику и большую роль, отводившуюся вопросам укрепления колониальной системы в программных документах партии, большинство консерваторов к концу 1930-х гг. пришли к пониманию неизбежности серьёзных изменений в сфере управления колониями и расширения их самоуправления. В данной связи, Консервативная партия сыграла принципиально важную роль в процессе постепенной трансформации британской колониальной системы, создавшей основы для её последующего демонтажа и окончательного преобразования Британской империи в Британское Содружество Наций.

Либеральная партия в межвоенный период переживала идейный и организационный раскол. Часть либералов в 1920-е гг. продолжали поддерживать Г. Асквита, являвшегося последовательным сторонником идеи Лиги Наций и «Более чистого мира («Cleaner Peace»)», а также разделять социал-реформизма и «либерального империализма». В сферах колониальной и внешней политики, сторонники Либеральной партии по прежнему ориентировались на политику фри-треда и экономию бюджетных расходов. Большая часть либералов поддерживала расширение самоуправления доминионов, достаточно осторожно воспринимая подобные перспективы применительно к «цветным» колониям. Либеральная партия в своём большинстве поддержала проект реформы Челмсфорда-Монтэгю в 1918 г. В июле и октябре 1919 г. в своих выступлениях Г. Асквит подчёркивал, что главной целью британской стратегии в послевоенный период должно стать преодоление социально-экономических трудностей и разрешение проблемы внешнего долга[1].

[1]*Asquith H.H.* Memoirs and Reflections. 1852-1927. Vol. II. Boston, 1928. P. 227.

В 1930-е гг. Либеральная партия претерпела очередной раскол, разделившись на сторонников А. Синклера и Д. Ллойд-Джорджа. Наряду с неоднозначным восприятием политики умиротворения, одной из главных причин раскола явилось отношение к проекту конституционной реформы в Индии, нашедшим поддержку со стороны большинства либералов.

Основным источником формирования политической платформы Либеральной партии в вопросах колониальной стратегии, а также в других важных сферах государственного управления, в межвоенный период являлась так называемая Либеральная летняя школа (LSS), созданная в 1921 г. группой сторонников партии из Манчестера. Историк Либеральной партии Д. М. Харт характеризовал её как «самый значимый источник радикального интеллектуального либерализма» в данный период[1]. Несмотря на то, что в целом по характеру своей деятельности, Либеральная летняя школа представляла собой дискуссионный клуб, её интеллектуальная деятельность оказывала заметное влияние на умонастроения ведущих представителей партии, входивших в Национальную Либеральную Федерацию[2].

Активная деятельность Либеральной летней школы, а также других партийных структур, не могла компенсировать общего ослабления позиций либералов в политической системе Великобритании и способствовать преодолению затяжного внутреннего кризиса, охватившего партию годы Первой мировой войны и продолжавшегося после её завершения. Тем не менее, теоретические доктрины, сформулированные либеральными идеологами применительно к сфере колониальной политики, оказали заметное воздействие на концептуальные позиции других ведущих политических партий. Наибольшее влияние они оказали на формирование официальной позиции Лейбористской партии в данной сфере.

Проблемы, связанные с экономическим развитием колониальных территорий, а также обеспечением их военно-политической безопасности, в

---

[1]*Hart D.M.* Interests, Ideas, and Entrepreneurship. URL http://www. http://oll.libertyfund.org/pages/lm-ideas (дата обращения: 04.09.2015).
[2] *Grayson R.S.* Liberals International Relations and Appeasement. N.Y., 2007. P. 58.

1920-е - 1930-е гг. являлись одним из актуальных пунктов британской политической повестки.

Наряду с уменьшением финансирования бюджетных статей, непосредственно связанных с управлением колониями, меры, принятые комитетом Гиддеса обусловили радикальное сокращение военных расходов, что ещё более затрудняло задачу послевоенной консолидации империи. В декабре 1921 г. на основании рекомендаций комитета была разработана программа резкого сокращения расходов бюджета на содержание армии, авиации и флота. Его прямым следствием явилась военная реформа, осуществлявшаяся в 1919-1926 гг. с целью возвращения численности вооружённых сил Великобритании к предвоенным параметрам.

Уровень британских военных расходов был впервые подвергнут резкому сокращению в 1920 г., когда их размер уменьшился с 604 до 292 млн. ф. ст. Ключевую роль в регулировании финансовых показателей в данный период играл т.н. Комитет национальных расходов под руководством Э. Гиддеса. При его ключевом участии военные расходы были сокращены к 1922 г. до 111 млн. ф.ст. В 1923 г. с приходом к власти консервативного кабинета Э. Бонар Лоу, их объём был несколько увеличен, достигнув показателя в 118 млн. ф.ст., что составляло 14% от всех бюджетных расходов[1]. В таком размере они сохранялись вплоть до 1930-х гг. Одним из принципов, обосновывавших столь радикальное сокращение военного бюджета, стало введённое в августе 1919 г. т.н. «десятилетнее правило», предусматривавшее, что «Великобритания с высокой долей вероятности не будет вовлечена в масштабный конфликт в течение ближайшего десятилетия, и в силу этого ей не придётся использовать многочисленные экспедиционные войска»[2]. «Десятилетнее правило» легло в основу т.н. «политики строгой экономии» (OUNE – «owing to the urgent need for economy»), сводившей уровень военных расходов к минимально возможной планке[3].

---

[1] *Ashworth W.* Op. cit. P. 371.
[2] The Times. 1919, 25th September. P. 2.
[3] *Drummond I.M.* Op. cit. P. 59.

К 1922 г. численность британских вооружённых сил была сокращена до 200 тыс. чел. В связи с резким сокращением военных расходов метрополии, а также трудностями в согласовании отдельных аспектов совместных оборонных программ с доминионами, созданный в 1923 г. Комитет начальников штабов особое внимание уделял использованию людских и материальных ресурсов колоний. Одну из ключевых ролей в британской военно-политической стратегии межвоенного периода продолжала играть Индия, а также возможные угрозы её безопасности. С 1920 г. в качестве основной из них рассматривалось возможное советское вторжение через территорию Афганистана[1]. В данной связи, в качестве приоритетной задачи военно-политическое руководство видело сохранение Афганистана в качестве буферного государства, которое в случае крайней необходимости могло было быть оккупировано британскими войсками. Индийские войска по-прежнему составляли значительную долю британских сухопутных вооружённых сил и продолжали использоваться в интересах Великобритании на огромном пространстве – от Ирака до Гонконга. Общая численность регулярных войск в начале 1920-х гг. на территории Британской Индии составляла 210 тыс. чел., в т.ч. 60 тыс. британцев и 150 тыс. индийцев[2]. Приоритет в контроле над весьма неспокойными пограничными территориями Британской Индии был отдан ВВС и механизированным подразделениям на основании так называемого «воздушного контроля», разработанного в тот период генералом Х. Тренчардом. Она предполагала широкое использование для подавления беспорядков в колониях военно-воздушных сил, впервые получивших широкое применение в период Первой мировой войны. Но, опыт применения ВВС против протестующих в Индии и некоторых других колониях, продемонстрировал ограниченную эффективность данной схемы[3]. Это вызывало в британских военных и

---

[1] *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: ЭКМО, Яуза, 2008. С.40.
[2] *Clayton A.* Op. Cit. С. 343.
[3] Тем не менее, в дальнейшем положения данной доктрины получили развитие в Уставе ВВС 1928-го, а также в меморандумах штаба ВВС 1930-го и 1933-го гг.[3] В 1930-х гг. её основные положения изучались в

политических кругах, как отмечали современники, «чувство растущей уязвимости»[1].Нараставшие проблемы британское руководство пыталось решить за счёт налаживания более эффективных контактов с местными элитами и также перекладывания значительной части военных расходов на колониальные и зависимые территории, и в первую очередь – на Индию[2]. В связи с сокращением вооружённых сил заметно уменьшилась и роль военно-политического фактора в контроле над колониальными владениями, что побуждало представителей британской элиты уделять ещё большее внимание совершенствованию социально-экономических методов и механизмов влияния.

Новые тенденции, характерные для развития политической системы Великобритании в межвоенный период, являлись важным фактором формирования колониальной стратегии. На этом фоне собственно сам механизм управления колониями подвергался изменениям существенно медленнее. Для его ключевых звеньев, включая министерство колоний, была характерна заметная приверженность сложившейся в поздневикторианский период традиции. Тем не менее, существенно изменившаяся обстановка требовала внесения корректив в устоявшийся порядок деятельности административной системы. Расширение территорий британских владений вследствие Первой мировой войны, а также новые задачи, возникшие в сфере колониального управления привели к существенному росту штата министерства колоний.

Процессы, происходившие в различных сегментах британской политической организации, не могли не оказать воздействия и на характер деятельности британского колониального аппарата, который в межвоенный период, по своему составу, продолжал представлять подобие замкнутой

штабном колледже ВВС. Доктрина «воздушного контроля» преподавалась в 1930-е годы в штабном колледже ВВС. Ведущими её теоретиками были служившие в Ираке айр-коммодор Э. Людлоу-Хьюитт, винг-коммандер Р. Саундби, и служивший в Адене групп-капитан Ч.Портал, ставшие впоследствии маршалами авиации Великобритании.

[1] *Kennedy D*. Op.cit. P.90.

[2] *Ferguson N*. Empire: the Rise and Demise of the British World Order and Lessons for Global Power. N.Y., 2004. P. 265.

касты, состоявшей, в основном, из выпускников Итона и Кембриджа. В 1920-е – 1930-е гг. программа подготовки будущих колониальных чиновником была существенным образом скорректирована с учётом роста антиколониального движения и формирования антиколониальных идеологических доктрин. В ней уделялось большее внимание физической и идеологической подготовке[1].

Специалисты, исследовавшие особенности функционирования сложной системы британского колониального администрирования отмечали, что в её рамках сложилась определённая система ранжирования, которая сравнивалась с «порядком социального ранжирования, сложившегося в течение определённого момента между различными частями Британской армии»[2]. В документах, составленных в середине 1920-х гг. отмечалось, что «… администратор, назначенный на службу в Сьерра Леоне, считал себя находящимся выше по статусу администратора, назначенного на службу в Гамбию. Равным образом, чиновник, направленный в Золотой Берег, рассматривал себя как превосходящего по своему положению, чиновника, служившего в Сьерра Леоне, в то время как чиновники, назначенные на должности в Нигерию считали себя находящимися в более привилегированном положении по сравнению с чиновниками, назначаемыми в Золотой Берег. Аналогичным образом, колониальная служба в Северной Нигерии рассматривалась как более престижная, чем в её южной части»[3].

К началу 1920-х гг. в организации колониальной службы Великобритании наметился целый ряд проблем, одной из основных причин которых явилась реализация программы комитета А. Гиддеса. Возглавивший в ноябре 1924 г. министерство колоний Л. Эмери был вынужден решать комплекс сложных задач в сфере колониального управления на фоне заметно сократившихся по сравнению с довоенным уровнем финансовых

[1] *Porter B.* The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. P. 250.
[2] *Wotton S.* Lord Hailey. The Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War. L., 2000. P. 69.
[3] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 200 (1926). Col. 1233.

возможностей. К тому моменту среди служащих колониального аппарата, как в метрополии, так и в самих британских владениях, наметилось серьёзное недовольство, вызванное «длительным отсутствием повышения уровня жалования, который по многим параметрам не соответствует растущей стоимости жизни и повышающимся налогам»[1].

Ещё в мае 1919 г. Л. Эмери, занимавший на тот момент должность заместителя министра колоний, инициировал обсуждение реформы системы оплаты труда колониальным чиновникам, которая должна была учитывать «бонусы военного периода»[2]. Данная схема, вынесенная на рассмотрение правительства, в итоге не приняла универсального характера и коснулась «лишь некоторых колоний и протекторатов»[3].

В условиях послевоенных финансово-экономических сложностей была подвергнута существенной модификации и система отбора служащих колониальной администрации, осуществлявшаяся до того момента, в значительной степени, на конкурсной основе. Среди территорий, с которыми были связаны заметные кадровые проблемы, в документах министерства колоний упоминались Цейлон, Малайя и Гонконг, «нехватка чиновников высокого ранга в которых, заполняется отбором из числа младших служащих»[4]. В 1919 г. возглавлявший колониальное ведомство лорд Милнер инициировал обсуждение вопроса о создании более эффективной кадровой системы, которая «… соответствовала бы критерию справедливости и не приводила бы к отсутствию должного выбора у представителей гражданских служб, обеспечивающих оптимальные результаты деятельности в своих колониях»[5].

В категории должностей высшего ранга, к которой были отнесены 243 губернатора и административных служащих, после завершения войны

---

[1] *Heussler R*. Op. cit. P. 115.
[2] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 115 (1919). Col. 1571.
[3] Ibid. Col. 1572.
[4] The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
[5] Ibid.

имелись проблемы с заполнением порядка 35 должностных позиций[1]. При этом в Нигерии, Сьерра-Леоне, Подветренных островах и Вэйхае губернаторами «были вынуждено назначены служащие, занимавшие ранее должности в системе младшего звена аппарата восточных владений»[2]. Ещё в 25 территориях, подведомственных министерству колоний, высшими администраторами стали «представители других подразделений колониального ведомства, а также иных правительственных структур, не имевшие ранее вообще никакого опыта работы в восточных владениях»[3]. Так, на должность генерал-губернатора Цейлона был назначен чиновник Адмиралтейства, что дало основание представителям печатных СМИ назвать колониальное ведомство «…потенциальной свалкой, куда будут сбрасываться ненужные кадры из других подразделений правительства, в ущерб возможному продвижению по службе его собственных представителей»[4].

В соответствии с информацией, представленной в мая 1919 г. заместителем министра колоний Л. Эмери лишь в пяти из 58 колониальных владений и протекторатов, которыми обладала Великобритания, на момент начала войны во главе администрации находились чиновники, не имевшие ранее опыта работы в сфере колониального управления. Отдельное место в этом ряду занимали Гибралтар, Мальта и Бермудские острова, на территории которых существовал режим военного управления, в силу чего на них распространялась компетенция военного министерства[5].

Возникшие в результате войны трудности, связанные с финансированием системы колониального управления, заметно осложняли решение проблем, связанных с обеспечением стабильности в различных регионах обширной Британской империи. В июле 1922 г. в отчёте специальному комитету Палаты общин, представители министерства

---

[1] *Heussler R.* Op. cit. P. 107.
[2] Ibid.
[3] Daily Express. 1919. 14th May. P.6.
[4] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 121 (1919). Col. 242.
[5] Ibid. Col. 243.

колоний подчёркивали, что «текущий период явился наиболее трудным за всю историю [колониального ведомства – *А.С.*]… Он был отмечен существенными проблемами не только для самого министерства, в его попытках добиться сбалансирования бюджета, но и заметными финансовыми трудностями для многих компаний и акционерных обществ, осуществлявших свою деятельность в колониях… На этом фоне полудикие народы, обитающие в наших владениях, внезапно обнаружили, что они являются всего лишь винтиками гигантского экономического механизма, который внезапно разрушился и сделал бесполезным весь их труд и все имевшиеся у них сырьевые богатства»[1]. В связи с финансово-экономическими трудностями в африканских колониях, в документе рекомендовалось скорректировать плановые показатели сокращения бюджетных расходов, предложенные комитетом А. Гиддеса, применительно к Золотому Берегу и Нигерии[2]

В середине 1920- х гг. в британских политических кругах вновь активизировалась дискуссия относительно необходимости совершенствования механизмов деятельности колониальной службы. На фоне социально-экономической стабилизации, связанной с преодолением негативных последствий Первой мировой войны, и формированием новых задач в сфере колониальной стратегии, методы её реализации министерством колоний зачастую характеризовались как «анахронизм» и «чрезмерная дань традиции»[3]. Система колониального администрирования, существовавшая в довоенный период оценивалась, с учётом новых вызовов «как антипод динамичному управлению, воспринимаемый с чрезмерным благоговением»[4].

Одна из ключевых ролей в попытках реорганизации аппарата управления колониями принадлежала Л. Эмери, назначенному в конце 1924 г. на должность министра по делам колоний. Являясь членом объединения «Круглого стола» и последователем идей А. Милнера, он рассматривал

[1] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 156 (1922). Col. 2275.
[2] Ibid. Col. 2276.
[3] *Heussler R.* Yesterday's Rulers: The Making of the British Colonial Service. N.Y., 1963. P. 27.
[4] *Robinson H.* Op. cit. P. 502.

колониальную службу как важнейший механизм, обеспечивавший сохранение единства империи и стремился укрепить в руководстве министерства позиции сторонников имперской идеологии. Л. Эмери был абсолютно убеждён в правоте её базовых постулатов, связанных с британским культурным превосходством и особой цивилизаторской миссией, которую выполняла Великобритания. В то же время, пребывая в должности заместителя А. Милнера, он испытывал всё большее разочарование в методах, с помощью которых осуществлялось руководство колониальной службой[1].

Одним из основных критериев её деятельности Л. Эмери обозначил строгое соответствие моральным принципам, отмечая в одном из писем, что «…Империя может быть сохранена лишь на основе морального единства, либо не сохранена вовсе»[2]. Следуя идеям А. Милнера, Л. Эмери пришёл к выводу о невозможности повсеместного распространения среди населения колоний британских культурных ценностей и образовательных стандартов. Вместе с тем, по его мнению, принципиально важным являлось приобщение формировавшихся в колониях местных элит «к платоническому дару Английского правления, отличающегося высочайшими показателями в сферах интеллекта, морали, законности, независимости суда и гражданской службы». Только таким образом окажется возможным «поддержание единства Империи, представляющей галактику разнообразных культурных моделей, связанных общими ценностями и формами управления»[3].

Реализация задачи сохранения «моральной общности Империи», требовала, по мнению Л. Эмери «нового солидного основания»[4]. Двумя ключевыми элементами развития колониальных территорий, должны были стать «коммуникации и научные исследования», для чего в рамках колониального ведомства были созданы два специализированных подразделения – Фонд колониального развития (Colonial Development Fund) и

[1] *Эмери Л.* Ук. соч. С. 307.
[2] Там же. С.310.
[3] The Empire at Bay... P. 549.
[4] *Heussler R.* Op. cit. P. 28.

Комитет по колониальным исследованиям (Colonial Research Committee)[1]. Главным направлением их деятельности должно было стать социально-экономическое развитие колониальных территорий, предполагавшее «принесение в жертву общему благополучию местного партикуляризма»[2].

Выступая в Палате общин 27 июля 1925 г., Л. Эмери подчёркивал, что «вопреки определённым различиям в характере функций Министерства колоний и Колониальной службы в заморских владениях оба подразделения являются достаточно близкими с точки зрения проблем, с которыми они сталкиваются в рамках своего поля деятельности»[3]. В данной связи, Л. Эмери обозначил необходимость унификации форм и методов деятельности двух основных элементов механизма управления британскими колониями. Одним из конкретных примеров реализации данной практики явилось назначение на временных основаниях чиновников министерства на должности в колониальной службе на Цейлоне и в Нигерии[4]. По мнению руководителей колониального ведомства, подобная практика должна была способствовать «более полному пониманию чиновниками тех проблем, в которых вряд ли удастся полностью разобраться, основываясь исключительно на отчётах колониальных администраций»[5].

Одним из ключевых элементов реформы, предложенной Л. Эмери и реализованной в 1925 г., явилось выделение из структуры министерства колоний отдельного ведомства, получившего наименование министерства по делам доминионов (Dominion Office)[6]. Данный шаг был обусловлен существенным укреплением позиций самоуправляемых «белых» владений Великобритании вследствие Первой мировой войны. Наряду с этим, он был призван способствовать «повышению эффективности и выработке более

---

[1] Ibid.
[2] *Cell J. W.* Colonial Rule. The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. N. Y., 1999. P. 360.
[3] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 187 (1925). Col. 65.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] *Cell J. W.* Op. cit. P. 369.

детального подхода к проблеме развития отдельных колоний»[1]. В структуре министерства колоний были созданы отдельные специализированные подразделения, занимавшиеся вопросами налоговой политики, совершенствования системы здравоохранения и образования, развития сельского хозяйства и рыболовства. Первым заместителем главы нового колониального ведомства был назначен бывший губернатор Ямайки, бригадный генерал С. Уилсон.

В 1927 г. Л. Эмери предпринял масштабное турне по британским владениям, стремясь таким образом подчеркнуть своё нежелание ограничиваться в деятельности по управлению колониями исключительно кабинетной политикой. По воспоминаниям современников в ходе своей поездки министр провёл сотни встреч и публичных выступлений[2]. Основным их лейтмотивом являлся акцент на необходимости сохранения политического и экономического единства империи, которое характеризовалось как «панацея от всех индивидуальных болезней, которые тревожат доминионы и колонии…и не являются исключительно проблемой Великобритании»[3]. Решение принципиально важных задач, связанных с развитием весьма отличных друг от друга территорий, объединённых под британской властью могло быть решено только за счёт совместных усилий. При этом единственным способом достижения колониальными владениями суверенного статуса, Л. Эмери обозначал «содействие процессам социального, экономического и политического развития, которое сможет обеспечить постепенный и безболезненный переход к самоуправлению в течение жизни одного поколения»[4]. При этом он полагал, что данная задача может «восприниматься с заметной долей оптимизма не только в отношении доминионов и Индии, но и в отношении колониальной Империи»[5].

---

[1]The Empire at Bay... P. 556.
[2] Evening Herald. 1925. 30th July. P. 5.
[3] Ibid.
[4]*Эмери Л.* Ук. соч. С. 344.
[5] *Heussler R.* Op. cit. P. 33.

Важным шагом в попытке модернизации системы колониального управления явился созыв конференции губернаторов колоний в Лондоне в 1927 г. В её работе принял участие широкий круг высших колониальных чиновников и администраторов, в том числе такие известные представители британского колониального аппарата как губернатор Золотого Берега Ф.Г. Гуггисберг, губернатор Танганьики Д. Ч. Кэмерон, а также губернатор Цейлона Х. Клиффорд, занимавший ранее аналогичный пост в Нигерии. Председателем конференции был избран лорд Лугард[1].

Одной из главных задач конференции являлись консультации «относительно планов, методов и трудностей, связанных с отбором на должности в колониальной службе»[2]. В данной связи был подготовлен специальный меморандум, предусматривавший необходимость совершенствования механизма отбора и подготовки кандидатов на должности в колониальных администрациях. Важным пунктом данного документа являлось положение о необходимости определённой унификации подходов министерства колоний и местных колониальных администраций в данной сфере, хотя, в то же время отмечалось, что «в колониях существует определённая специфика организации административного механизма, связанная с местными правовыми обычаями»[3].

В меморандуме, представленном на конференции одним из помощников Л. Эмери майором Фёрсом, содержался анализ отдельных аспектов кадровой политики министерства в период с 1913 по 1926 г. Согласно приведённым в нём статистическим сведениям, вследствие войны возникли достаточно серьёзные проблемы с кадровым обеспечением колониальной службы, который были в целом преодолёны к 1921-1922 гг. В период 1919-1921 гг. вакансии заполнялись во многом за счёт назначений на должности в колониальной службе демобилизованных из армии офицеров. К 1925 г. была в целом восстановлена предвоенная система подготовки

[1] Colonial office list. L., HMSO, 1927. P. 17.
[2] *Heussler R*. Op. cit.
[3] Colonial office list. L., HMSO, 1927. P. 18.

колониальных администраторов, основным центром которой вновь стал Оасфордский университет. Согласно данным, приведённым в меморандуме, в середине 1920-х гг. ежегодно на административные и другие должности в колониальной службе набиралось 411 чел.[1]

В документах чиновников министерства колоний первой половины 1920-х гг. упоминалась достаточно тревожащая их тенденция, связанная с тем, что на фоне решения проблемы заполнения вакансий в различных звеньях колониальной службы, происходило заметное снижение её качественного потенциала. «Уровень профессионализма людей, - отмечалось в одном из посланий, - ранее демонстрировавших себя как наиболее пригодных [для работы в колониальных администрациях – *А.С.*] специалистов, обеспечивается определёнными персональными качествами и образовательным потенциалом, которые могут сформироваться лишь в той социальной среде, которая наиболее жестоко пострадала вследствие войны»[2]. Характеризуя сложившийся к моменту начала Первой мировой войны социальный состав колониального чиновничества, автор одной из публицистических работ данного периода упоминал весьма популярный среди британской элиты данного периода тезис, согласно которому «Империя являлась гигантской системой, обеспечивающей выход вовне излишней энергии британского среднего класса»[3]. Гибель в военный период десятков тысяч представителей образованных слоёв британского общества, а также вызванное послевоенным кризисом общее снижение уровня жизни населения Великобритании привели к существенному размыванию той социальной базы, из которой, как отмечалось в одной из публикаций «происходила значительная часть управленцев колониальной службы»[4].

Проблема кадрового отбора осложнялась и экономическими причинами. В документе, представленном на конференции в Лондоне утверждалось, что вследствие гибели значительной части образованной

[1] Ibid.
[2]Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 188 (1925). Col. 900.
[3]*Robinson H.* Op. cit. P. 271.
[4] Morning Post. 1922. 23rd November. P. 4.

молодёжи, британские фирмы оказались существенно более заинтересованными «в том типе специалистов, на который мы традиционно обращали внимание»[1]. Соответственно, как отмечается в одном исторических исследований, «многие представители семей, относящихся к управленческому слою, предпочитали заниматься торговлей и принимать торговую этику, что придавало британской социальной структуре характер заметно отличающийся от того, что она имела в XIX и начале XX в.»[2]. В данной связи, сохранялась проблема комплектования колониальных администраций подготовленными в разных сферах кадрами, способными эффективно осуществлять управленческие функции с учётом специфики каждого колониального владения[3].

Несмотря на то, что к середине 1920-х гг. министерству колоний удалось частично разрешить возникшие вследствие Первой мировой войны кадровые проблемы, в документах ведомства отмечалось, что «полное обеспечение необходимыми кадрами окажется вряд ли возможным в случае, если сохраниться существующая практика игнорирования потребностей колониальных администраций… не будет преодолена»[4]. В 1925-1926 гг. благодаря улучшившийся системе взаимодействия со школами и университетами, на различные должности первого и второго классов колониальной службы было принято «более 30 претендентов, продемонстрировавших высокий уровень знаний и личных способностей»[5]. В целях популяризации деятельности колониальной службы, руководство министерства колоний в данный период начало уделять большее внимание использованию различных элементов пропаганды. В одном из информационных сообщений особо отмечалось, что «преодолению индифферентного отношения к колониальным проблемам должна

---

[1] *Heussler R.* Op. cit. P. 35.
[2] Ibid.
[3] *Balfour A.* Opinions and argument from speeches and addresses of the earl of Balfour, 1910-1927. L., 1927. P. 314.
[4] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 188 (1925). Col. 901.
[5] The Empire at Bay... P. 581.

способствовать более широкая публикация литературы, посвящённой колониям»[1].

Наряду с изданием печатных материалов, посвящённых рассмотрению ситуации в колониях, представителями министерства организовывались лекции и дискуссии в университетах и других учебных заведениях, в ходе которых «официальные лица в неформальной обстановке пытались популярно осветить жизнь наших заморских владений»[2]. В целях развития пропагандистского механизма была существенно усовершенствована система взаимодействия с университетскими центрами метрополии и доминионов, а также другими ведущими учебными заведениями[3]. Основной её целью представители колониального ведомства обозначали необходимость системной подготовки кадрового резерва для различных звеньев колониального аппарата, в основу которой должен был быть положен тщательный отбор кандидатов по критерию их индивидуальных качеств и способностей[4].

Руководство министерства колоний обозначило необходимость брать за основу при назначении на должности в колониальной службе не прошлый опыт и заслуги кандидатов, а адекватное понимание ими менявшейся ситуации и специфики процессов, происходивших в рамках конкретной территории, управлением которой должен был заниматься данный чиновник. В качестве важнейшего критерия при этом обозначалась способность администратора эффективно реализовывать свои функции при максимально возможной бюджетной экономии[5].

Одним из главных условий успешного управления колониальными владениями Л. Эмери считал возможность эффективного взаимодействия с представителями местных элит. По его мнению, к 1920-м гг. во многих колониях местная знать стала постепенно утрачивать свою прежнюю

---

[1] The Round Table. 1921. №2. P.5.
[2] *Williamson P*. Op. cit. P. 221.
[3] *Grant M*. Propaganda and the Role of the State in Inter-War Britain. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 102.
[4] Ibid.
[5] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 189 (1925). Col. 8-9.

традиционалистскую природу и «заметно менялась под воздействием вестернизации и распространения новых интеллектуальных критериев»[1]. Усложнявшаяся система социально-экономических отношений в колониях требовала подготовки более широкого круга технических специалистов в различных сферах функционирования административного аппарата. Как отмечалось в одной из публикаций середины 1920-х гг., «…прошли те времена, когда одно административное лицо одновременно выполняло в рамках своего дистрикта функции судьи, сборщика налогов, полицейского, консультанта, строителя дорог и мостов и даже доктора. В нынешних условиях все эти задачи должны осуществлять разные специалисты»[2].

Данные факторы, как отмечал Л. Эмери, «делают необходимым сохранение высоких академических стандартов и обеспечение, без всяких послаблений, такого уровня требований к профессиональным и личностным качествам [кандидатов на административные должности в колониальной службе – *А.С.*], которые позволяют надлежащим образом управлять туземным населением»[3]. При этом, согласно его точке зрения, изменения в подходах к комплектованию колониальной службы должны были сочетаться с сохранением сложившейся традиции, основанной на «культе джентльмена»[4].

Подобные оценки, означавшие формирование профессионального подхода к комплектованию Колониальной службы, зародившиеся в рамках «Детского сада» С. Родса и А. Милнера, существенным образом расходились с традицией, существовавшей до Первой мировой войны. Она предполагала, что выполнение функций политического управления колониями является в большей степени искусством, чем сферой профессиональной деятельности, требовавшей специальной подготовки. В данной связи способным к административной работе в колониях считался «любой молодой человек, обладавший честностью, преданностью своему делу, манерами джентльмена,

[1] The Empire at Bay... P. 584.
[2] The Times. 1925. 14th December. P. 6.
[3] *Эмери Л.* Ук. соч. С. 348.
[4] Там же.

и определёнными познаниями в сфере экономики»[1]. В большинстве случаев перед колониальным чиновником не ставилась задача «постижения сущности восточных или африканских обществ,… сознание представителей которых является во многом интуитивным»[2].

Попытки организации системы профессиональной подготовки колониальных управленцев начали предприниматься лишь накануне Первой мировой войны[3]. В послевоенный период усилиями А. Милнера и Л. Эмери были приняты к реализации программы, способствовавшие существенному улучшению деятельности технических служб в колониях. Незадолго до смерти А. Милнера был создан специальный комитет, который должен был координировать усилия по повышению качества деятельности различных элементов Колониальной службы. В 1924 г. его возглавил лорд Ловетт, поставивший в качестве своей основной задачи «создание нового имиджа Министерства колоний, основанного на использовании научного подхода к устройству его служб»[4]. Согласно представленной в ходе конференции губернаторов в Лондоне доктрине, «для того, чтобы адекватно осуществлять свои функции, администраторы должны пользоваться несомненным уважением со стороны своих коллег – технических специалистов, что… несомненно требует их более высокого уровня подготовки»[5].

Одним из конкретных направлений деятельности руководства Министерства колоний по подготовке технических специалистов для работы в колониях, явилось активное взаимодействие с высшими учебными заведениями, в особенности, с факультетами лесного и сельского хозяйства Оксфордского и Кембриджского университетов[6]. Результатом активных контактов руководства колониального ведомства с ведущими университетскими центрами явилась организация осенью 1926 г.

---

[1] *Prothero M.* The Development of the British Empire. L.., 1917. P. 53.
[2] *Guttsman W. L.* The British political elite. L., 1963. P. 279.
[3] Первые специальные лекционные курсы для кандидатов на должности в колониальных администрациях в Африке были организованы в Лондоне в 1909 г.
[4] *Jeffries Ch.* The Colonial Office. Westport (Connecticut), 1983. P. 182.
[5] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 176 (1924). Col. 1977.
[6] *Heussler R.* Op. cit. P. 44.

специальных курсов для стажёров министерства, большая часть которых являлась недавними выпускниками Оксфорда и Кембриджа[1]. Таким образом, в середине 1920-х гг. министерство колоний оказалось первым британским ведомством, создавшим постоянную систему взаимодействия с ведущими университетами в целях подготовки профессиональных кадров для своих нужд. При этом были приняты в расчёт и рекомендации колониальных администраций, каждая из которых, в силу своей специфики имела собственные потребности в подготовленных в той или иной сфере профессиональных кадрах.

Одновременно, в целях совершенствования механизма информационного освещения деятельности министерства, в обоих университетах были созданы комитеты Африканской Тропической службы[2]. В Оксфорде в данный комитет входил ряд видных университетских деятелей, включая специалистов по географии, экологии, колониальному праву и истории[3]. В соответствии с решениями специальных комитетов, программа подготовительных курсов ограничивалась «необходимым минимумом, нужным человеку, перед тем как отправить его в колонии»[4]. Их содержание представляло, как отмечали современники «своего рода теоретическое введение в специфику колониального управления», после которого стажёр должен был осваиваться в своей сфере профессиональной деятельности, оказавшись непосредственно в том, или ином британском владении в ходе взаимодействия с проживавшим там местным населением[5].

Программы подготовки стажёров в Оксфорде и Кембридже включали в себя изучение некоторых африканских языков, колониального права, антропологии, основ сельского и лесного хозяйства, а также «истории британского правления в Африке»[6]. Ряд сфер специальной подготовки, в частности, тропическая медицина и бухгалтерская подготовка оставались в

---

[1] Ibid.
[2] Colonial office list. L., HMSO, 1926. P. 8.
[3] Ibid.
[4] *Heussler R.* Op. cit. P. 46.
[5] The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
[6] *Heussler R.* Op. cit.

ведении Имперского института в Лондоне и, как отмечалось в одном из документов реализовывались на основе несколько модифицированных критериев, введённых в 1909 г. [1]

Преподавание колониальной истории и антропологии строилось во многом на основе теоретических разработок профессора Б. Малиновского, а также Р. С. Рэттрэя, исследовавшего в 1920-х гг. различные аспекты проблемы взаимодействия вестернизации и традиционализма в колониях. Одним из важных элементов, которые они стремились реализовать в рамках специальных курсов, являлась идея о необходимости «большей ориентации колониального управления на сложившуюся местную основу»[2]. В частности, Р.С. Рэттрэй, активно сотрудничавший в данный период с администрацией Золотого Берега, стал инициатором изменения состоявшей исключительно из британцев сельской администрации «за счёт большей опоры на туземную власть, чей авторитет основывался на местных культурных формах»[3]. Как подчёркивалось в одном из сообщений министерства колоний, «…в отличие от недавних времён, растущие атаки на колониальную идею, исходящие как изнутри, так и извне Британии, становятся слишком частыми и опасными, что делает необходимым укрепление идеологических основ самой Колониальной службы… Без чёткого осознания особой миссии своей деятельности, [колониальные чиновники – *А.С.*] будут рассматривать её лишь как обычную работу и источник доходов»[4].

Лекции по колониальной истории в рамках специальных курсов читали профессор Р. Коупланд и ряд других видных учёных, с которыми активно взаимодействовало руководство министерства колоний. Наряду с сугубо теоретическими задачами, данные занятия были призваны реализовывать и идеологическую функцию, связанную с противодействием влиянию распространявшихся в данный период в британском обществе

---

[1] Ibid.
[2] *Louis R. W.* In the Name of God: Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill. L., 1984. P. 156.
[3] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 200 (1926). Col. 1209.
[4]The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).

антиимпериалистических настроений и формированию у стажёров «системы представлений о достижениях британской политики за рубежом»[1].

Оформившаяся в середине 1920-х гг. система взаимодействия министерства колоний с ведущими университетскими центрами, способствовала повышению эффективности отбора кадров для Колониальной службы. В 1926 г., согласно официальным данным, из числа претендентов на различные должности было отобрано 107 служащих. Из них 71 имел университетское образование, остальные были назначены из нижестоящих подразделений Колониальной службы, а также из африканских колониальных администраций. Из 71 выпускника университетов 44 закончили Оксфордский и Кембриджский университеты. В 1927 г. на долю выпускников двух ведущих британских университетов пришлось 79 из 83 новых сотрудников Колониальной службы с высшим образованием. В последующие годы данная пропорция не претерпела существенного изменения. В 1928 г. она составила 84 из 88 кандидатов, принятых на работу в структуры колониального ведомства после окончания университетов. В 1929 г. – 73 из 89. С 1930 г. была прекращена практика отбора на должности в Колониальную службу кандидатов без университетского образования. Вплоть до конца 1930-х выпускники двух основных университетов Великобритании продолжали абсолютно преобладать в основных структурах британского колониального аппарата. В 1937 г. из 157 назначенцев на административные должности в Колониальной службе, 123 являлись выходцами из двух элитных британских высших учебных заведений[2].

Тем не менее, несмотря на все принятые министерством меры, полностью разрешить возникшие в данный период кадровые проблемы руководству министерства колоний не удалось. По данным на июль 1934 г. в управленческом аппарате британских колоний не хватало 160 специалистов в области сельского хозяйства, 328 медицинских служащих, 249 специалистов

---

[1] *Stephen C.* The Making of British Colonial Development Policy 1914-1940. L., 1987. P.74.
[2] *Heussler R.* Op. cit. P. 50.

в сфере образования, 99 служащих ветеринарных служб и 58 работников лесных департаментов[1]. Общая потребность колониальных служб в подготовленных специалистов составляла не менее 250 чел. в год[2]. Кроме того, экспертами колониального ведомства планировалось осуществить в течение 10 лет обучение более 6 тыс. представителей туземного населения, которых в последующем предполагалось использовать на должностях низового звена колониального аппарата[3].

Одним из аспектов, связанных с обеспечением деятельности колониального аппарата, являлось пенсионное обеспечение увольняемых чиновников. В данной связи, руководством министерства колоний в 1920-х гг. был принят ряд мер по совершенствованию применения Акта о пенсиях губернаторам колоний, принятого в 1911 г. В соответствии с информацией, представленной в июле 1928 г. размер пенсионных выплат руководителям колониальных администраций составлял в среднем 1000 ф.ст. в год[4].

В июле 1920 г. под руководством Л. Эмери был подготовлен проект изменений в системе пенсионного обеспечения, призванный способствовать обновлению кадров в колониальных администрациях. По словам заместителя министра, новый порядок пенсионных выплат коснулся «уходящих в отставку чиновников в следующих колониях и протекторатах: протекторат Восточная Африка, протектора Занзибар, Нигерия, Золотой Берег, Сьерра-Леоне, Гамбия, Наветренные острова, Подветренные острова (Св. Киттс Невис, Антигуа), Британская Гвиана, Фолклендские острова, Британский Гондурас, Маврикий, Остров Цейлон, Малайская федерация, Гонконг, протекторат Бечуаналенд, протекторат Свазиленд, Басутоленд, Гибралтар, Мальта, Кипр»[5]. При этом масштаб изменений в системе начисления пенсий заметным образом варьировался применительно к различным территориям. Так в протекторате Ньясленд, Уганде и Сомалилэнде, а также в отдельных

[1] Colonial office list. L., HMSO, 1934. P. 12.
[2] Там же.
[3] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 344 (1939). Col. 608.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 71. Col. 1001.
[5] The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).

подразделениях самого министерства колоний, увеличение пенсионных выплат коснулось лишь тех чиновников, которые имели «военные заслуги или военные льготы»[1].

Наряду с вопросами социально-экономического развития, новым важным направлением деятельности колониальных администраций в 1920-х-1930-х гг. явилось развитие информационно-пропагандистского механизма. К числу важных направлений деятельности колониальных администраций в рассматриваемый период относилось и налаживание в колониях системы беспроводного радиовещания, которое, в условиях неграмотности подавляющей части туземного населения, рассматривалось как важнейший пропагандистский инструмент. С середины 1920-х гг. в министерстве колоний велась дискуссия относительно наиболее эффективных механизмов лицензирования организации местного радиовещания. В некоторых колониях начались переговоры относительно создания отдельных радиовещательных станций. Одними из первых собственную систему радиовещания в 1924-1925 гг. начали создавать администрации Цейлона, Стрейтс Сетлментс и Гонконга. Основными критериями при её организации я являлись политическая значимость той или иной территории для британских интересов, а также финансовые возможности колониальных администраций[2].

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. британским правительством были приняты дополнительные меры по развитию системы радиовещания в колониях. С 12 декабря 1930 г. было налажено регулярное вещание Британской радиовещательной службы (BBC) на территории Африки, осуществлявшееся посредством коротковолновых станций[3]. Вплоть до конца 1930-х гг. местные колониальные администрации продолжали работы по совершенствованию технических аспектов их функционирования. Как отмечалось в британских политических документах, развитие системы радиовещания было призвано не только существенно усилить механизм

[1] Ibid.
[2] Extracts from Imperial Conferences 1930. Canberra, 1930. P. 15-17.
[3] Colonial office list. L., HMSO, 1930. P. 1.

пропагандистского воздействия на африканское население, но и способствовать сохранению «у тысяч британских граждан, пребывающих в удалённых регионах и в дикой местности» чувства связи с Родиной[1].

Анализ социально-экономических и политических изменений, произошедших в военный период в британском обществе, позволяет некоторым исследователям характеризовать межвоенный период как качественно новый этап в эволюции британской государственности. Так, украинский историк А.В. Ленько отмечает в данной связи, что «двигавшееся по пути социального либерализма Соединённое Королевство… временно превратилось в консервативное корпоративное государство, или «Великобританию с ограниченной ответственностью» («Great Britain Limited»)»[2]. При всей разнице в оценках, представляется несомненным тот факт, что Первая мировая война привела к существенным сдвигам в политической и социально-экономической подсистемах британского общества. Изменения, происходившие в метрополии не могли не сказаться на характере организации огромной колониальной системы Великобритании, а также специфики приоритетов колониальной стратегии Уайтхолла.

К числу её основных направлений относились попытки финансово-экономической и организационно-административной оптимизации системы управления колониями. На фоне финансовых трудностей и кадровых проблем основным содержанием попыток реформирования колониального аппарата в данный период явилось использование элементов косвенного администрирования, предполагавших привлечение представителей туземного населения, а также сотрудничество с представителями местных элит. В то же время эволюция британского колониального механизма в межвоенный период отражала сочетание реформаторских тенденций с традиционно присущим британской политической элите консерватизмом.

---

[1] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 350 (1939). Col. 1477.
[2] *Ленько А.В.* Объединённое королевство Великобритании и Ирландии: эпоха выбора между империализмом и либерализмом, 1868-1918.СПб., 2012. С. 305.

§ 1.3. Влияние системных изменений в сфере международной политики и фактора британского общественного мнения на формирование колониальной стратегии Великобритании после завершения Первой мировой войны.

Одной из важных проблем для Уайтхолла являлось максимально эффективное встраивание Британской империи в новую систему международных отношений. Вместе с тем, изменения, произошедшие на международной арене по итогам Первой мировой войны, явились важным фактором трансформации британского колониального механизма.

В период войны в Великобритании начались дискуссии об ограничении национального суверенитета и создании некой структуры, подобной мировому правительству. Данная идея, впервые появившись в британских антиимпериалистических кругах в конце XIX в., отражала утопическую надежду части интеллектуального сообщества на «гуманизацию и гармонизацию международных отношений»[1]. Антиимпериалистическая идея, в данном контексте, оказалась связана и с заметным усилением позиций различного рода националистических идеологий, распространявшихся в различных регионах мира, в том числе, и в пределах Британской империи.

Как отмечает в своих исследованиях американский историк У.Р.Льюис, основные британские политические силы «очень активно восприняли идею формирования нового мирового порядка и постарались принять деятельное участие в оформлении его концепции»[2]. В особенности значимой в данном контексте оказалась деятельность Лейбористской партии, «сыгравшей важную роль в утверждении универсального принципа международной системы»[3]. В статье, опубликованной в июле 1920 г. подчёркивалось, что «Британская нация готова участвовать в разработке

---

[1] *Clayes G.* Imperial Skeptics: British Critics of Empire/ 1850-1920. Cambridge, N.Y., 2010. P. 52.
[2] *Louis W. R.* Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. N.Y., 2006. P. 35.
[3] *Wenkler H.R.* The League of Nations. Movement in Great Britain, 1914-1919. New Brunswick, N.J., 1952. P. 205.

общей политики по защите мира и закона…»[1]. В то же время, среди британской политической элиты превалировала точка зрения о том, что вильсонианский принцип права народов на самоопределение применим лишь к «цивилизованным», европейским народам. Колонии же рассматривались преимущественно как необходимый экономический ресурс для послевоенного восстановления страны. Популярная в британских политических кругах идея ответственности «развитых» и «состоявшихся» наций за развитие «остальных» народов, в особенности в тех регионах мира, где национальное строительство находилось на ранней стадии, либо не было интегрировано в мировую систему, во многом восходила к трудам философов-просветителей XVIII в. В условиях поиска новых императивов международных отношений она продолжала оставаться важным аргументом, основываясь на котором, Великобритания обосновывала сохранение собственного контроля над обширными колониальными владениями.

Одним из критериев, на основании которых завоевание новых территорий рассматривалось как легитимное, являлось «не постоянное и не системное использование их земельных ресурсов»[2]. В этом случае обоснованным считалось введение популярного в европейской геополитической теории рубежа XIX в. принципа «terra nullis» или «ничейной земли». Исходя из этого принципа, все охотничьи и скотоводческие общины практически обрекались на вытеснение с данных территорий, или уничтожение. Концепция «terra nullis» восходила к известному постулату Дж. Локка о том что «Бог дал землю трудолюбивым и рациональным, а не ленивым»[3]. Британское общество рассматривалось в данном контексте как «коммерческое и по своей природе», и, в силу этого, «находящееся на величайшей стадии социальной и экономической эволюции»[4].

---

[1] The Westminster Gazette. 1920, 28th Jul. P. 4.
[2] The Fabian Colonial Essays. L., 1954. P.103.
[3] *Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: The Study in the Politics of Reconstruction. L., 1919. P.41.
[4] *Dalton H.* Call Back Yesterday. Memoirs 1887-1931. L., 1953. P.118.

В начале XX в. толкование принципа «terra nullis» было расширено и распространено не только на свободные, но и на заселённые земли, в случае, если они «не подвергаются эффективному освоению»[1]. В его основу была положена идея о том, что «все люди должны обрабатывать землю и продавать свои продукты»[2]. При этом подчёркивалось, что «в случае если какая-то суверенная нация не подчиняется этим правилам, на неё не может быть распространено действие международных законов»[3]. В 1918 г. в изданной в Лондоне работе «Идея публичного права»[4] доктрина завоевания описывалась следующим образом: «Если территория, пригодная для колонизации заселена народом, не приверженным рациональным принципам, и не позволяющим осуществлять её эффективное освоение, в отношении её завоевания не может применяться общепринятое международное право»[5]. На этом фоне особую роль играла начавшаяся ещё в середине XIX в. в британских интеллектуальных кругах дискуссия относительно соотношения между имперским экспансионизмом и идей национального суверенитета и невмешательства в дела других наций.

Формировавшаяся в результате войны новая международная система рассматривалась в британских политических и интеллектуальных кругах сквозь призму нескольких философских теорий, к числу которых относились, в первую очередь, учения Т. Гоббса, И. Канта и Г. Гроция. На смену империалистической парадигме в данный период постепенно выдвигалась идея примата международных законов. В то же время, среди британской политической элиты сохранялось сложившееся ещё в викторианский период представление о разделении человечества на «цивилизации», находившиеся на разных ступенях и уровнях развития. Данная точка зрения вступала в заметный диссонанс с укреплявшимися антиимпериалистическими настроениями. Антиимпериалисты отрицали понятие «цивилизации», как

---

[1] *Mackinder H. J.* The World War and After. L., 1924. P.174.
[2] Ibid.
[3] *Curtis L.* The Commonwealth of Nations. L., 1916. P.189.
[4] *Hearnshaw F. J.* C. Op.cit. P.163
[5] Ibid.

отражавшее колониальную агрессивность, и считали основополагающим принцип права народов на самоопределение[1].

Первая попытка формирования единого мирового порядка на основании «14 пунктов» В. Вильсона и главенства Лиги Наций, воплотившаяся в оформление на рубеже 1910-х 1920- х гг. версальско-вашингтонской международной системы, дала основание немалой части британской элиты надеяться на длительную мирную передышку. Осознавая преобладавшие в обществе настроения, связанные с глубокой усталостью от огромных жертв и экономического напряжения военного периода, правившие в межвоенный период правительственные кабинеты стремились к минимизации военных расходов, а также к возвращению традиционной для Великобритании политики дистанцирования от военно-политических блоков, предполагавшей отказ от принятие на себя каких-либо жёстких обязательств. Как отмечалось в прессе «даже консервативные империалисты были вынуждены поддерживать политику резкого сокращения военных расходов, и учитывать общественные настроения, не реагировавшие на возможное появление каких-либо угроз, из страха потерять свой избирательный рейтинг»[2]. В одной из публицистических работ, вышедших в свет в конце 1920-х гг. подчёркивалось, что «англичане предпочитают наивно верить в то, что … международные договорённости, действительно способны радикально изменить повлиять на характер международных отношений и устранить существующие для нас внешние угрозы»[3].

Одной из ключевых проблем, обсуждавшихся представителями британской политической элиты на завершающем этапе Первой мировой войны, явилась предложенная президентом США идея создания Лиги Наций. Многие из них связывали данную идею со своим давним проектом создания «мирового правительства». В частности, представители объединения «Круглого стола», оказывавшие немалое влияние на формирование

---

[1] *Гобсон Дж. А*. Экспорт капитала. Пер. с англ. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1928. С.38.
[2] Observer. 1920, 28th October. P.9.
[3] Spender J.A. Life, Journalism and Politics. L.: Cassell, 1927. Vol.2. P.194.

официальной позиции кабинета Д. Ллойд-Джорджа в ходе послевоенных переговоров, попытались реализовать как в концепции самой Лиги Наций, так и в оформившейся вскоре схеме мандатной системы, собственные имперские взгляды и представления. В рамках возникшей вокруг данных проблем дискуссии в британской элите произошёл заметный идейный раскол между приверженцами традиционной империалистической идеологии и сторонниками реализации проекта «мирового правительства», призванного обеспечить эффективность системы коллективной безопасности и действенность механизмов по мирному разрешению международных конфликтов. К последней группе относились, в первую очередь, сторонники Либеральной и Лейбористской партий[1].

Всю сложность интеллектуального поиска, происходившего в тот момент, попытался выразить в своей, получившей широкий резонанс статье под названием «Окна свободы» Л. Кёртис. Его публикация вышла в свет в журнале «Круглый стол» 21 декабря 1918 г., накануне начала работы Парижской мирной конференции. По мнению Л. Кёртиса проект Лиги Наций мог оказаться успешным лишь в случае выполнения трёх необходимых требований. Первым из них должна была стать как можно более тесная кооперация между Великобританией и США. «Война,- подчёркивал Кёртис,- показала Америке, что мир един, и ей невозможно сохранять прежнюю политику изоляции»[2]. Ещё одним существенным требованием, без которого Лига Наций не могла стать реальным центром мировой власти, являлась выборность представителей и наделение их функциями налогообложения государств-участников. До тех пор, пока «не сформируется структура мирового правительства, беспомощность Лиги будет представлять величайшую угрозу для человечества… Мир надеется увидеть в ней Правительство, говорящее и действующее от имени всего человечества», -

[1] *Ходнев А.С.* Проблема создания Лиги Наций: взгляд из Лондона // Ярославский педагогический вестник, 2012, №4. С.84-85.
[2] *Curtis L.* The Windows of Freedom. // The Round Table, December 1918. P. 5.

отмечалось в статье[1]. Третьим важным условием, предложенным Л. Кёртисом, явилась так называемая «система доверия», с помощью которой Лига «будет направлять некоторые страны к миру, порядку и эффективному управлению». Данная «система» должна была применяться в отношении «рас, которые ещё не могут надеяться на самоуправление в Африке и на Тихом океане»[2].

По сути, Л. Кёртис одним их первых озвучил идеи, ставшие в последующем основой для мандатной системы Лиги Наций. После публикации статьи, лорд Сесил, являвшийся британским представителем в комитете, готовившем базовые документы будущей международной организации, пригласил Кёртиса подробнее изложить свои взгляды на заседании секции Лиги Наций. В ходе этой встречи Кёртис, в числе прочих познакомился с будущим автором итогового проекта мандатной системы, главой делегации ЮАС Я. Смэтсом.

В то же время, позиция Л. Кёртиса разделялась далеко не всеми представителями британского истеблишмента. Внутри него существовала влиятельная группа, выражавшая скепсис в отношении идеи Лиги Наций. В её состав входили А. Милнер, Л. Эмери и Ф. Керр. Наиболее значимой, с точки зрения официальной позиции британского правительства, являлась позиция Ф. Керра, занимавшего в период с 1916 по 1921 г. должности личного секретаря и советника по внешнеполитическим делам премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа. По мнению некоторых исследователей, именно под влиянием Керра, Д. Ллойд- Джордж в январе 1919 г. заставил лорда Сесила внести существенные коррективы в первоначальный проект Устава Лиги Наций[3].

Ещё в декабре 1917 г. советник премьер-министра заявил о том, что, по его мнению, после окончания войны на базе Верховного Военного Совета Антанты, действовавшего в Версале, необходимо учредить «Лигу Союзных

---

[1] Ibid. P. 18.
[2] Ibid. P. 25.
[3]См.: *MacMillan M.* Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and its Attempt to End War. Oxford, 2001. P. 49.

Наций», которая призвана стать «центральным пунктом послевоенного мироустройства», объединяющим союзные державы «в утверждении мирового устройства»[1]. В декабре 1918 г. на одном из заседаний Военного кабинета Ф. Керр подчеркнул, что Лига Наций «не должна строиться как орган, обладающий исполнительной властью… и не может стоять выше национальных суверенитетов»[2].

31 января 1919 г. Д.Ллойд-Джордж выступил категорически против проекта Устава Лиги Наций, предложенного лордом Сесилем и А. Милнером, потребовав внести в него ряд принципиальных изменений. Перечень данных изменений был подготовлен в меморандуме, составленном Ф.Керром. В документе, в частности категорически отвергалась идея В. Вильсона о системе коллективной безопасности и территориальных гарантиях, а также подчёркивалось, что в случае, «если Лига наложит на участников обязательства воевать при любых не совсем ясных обстоятельствах, это способно привести лишь к её саморазрушению»[3]. Реальной альтернативой проекту В. Вильсона, по мнению Ф. Керра, должна была стать система «постоянных консультаций» между государствами, по итогам которых решения принимались бы в зависимости от конкретной ситуации. «Фиксированные обязательства» участников Лиги Наций должны были быть при этом сведены к минимуму[4]. Тем не менее, лорд Сесил фактически проигнорировал указания премьер-министра, и при поддержке В.Вильсона добился включения в итоговый проект Устава Лиги Наций всех его базовых идей, изложенных ещё в августе 1918 г.

Окончательное утверждение базового документа будущей международной организации означало временное поражение сторонников «империалистического» тренда среди британской политической элиты. Однако уже в марте 1920 г. ратификация Устава Лиги Наций была

---

[1] *Egerton W.* Ideology, Diplomacy and International Organization: Wilsonism and the League of Nations in Anglo-American Relations, 1918-1920. //Anglo-American Relations in 1920s: the Struggle for Supremacy / Ed. by B.J.C. McKercher. Edmonton, 1990. P. 25-26.
[2] Ibid. P.37.
[3] Ibid.
[4] *Knock T. J.* To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest of New World Order. Oxford, 1992. P. 215.

заблокирована в Сенате США. Известие об этом было позитивно воспринято многими британскими политиками. Ф. Керр в письме, адресованном членам объединения «Круглого стола» подчеркнул, что «утрата Лигой Наций поддержки со стороны одного из своих основных членов, со всей очевидностью доказывает, что общественные настроения … в настоящий момент склоняются в пользу права наций на суверенитет, а не верховенства международных законов …»[1] В связи с отказом США от участия в Лиге Наций, он считал необходимым «пересмотр подходов Великобритании к данной проблеме»[2]. Британское участие в деятельности международной организации должно быть обусловлено, по его мнению, тремя базовыми принципами. Во-первых, Великобритания должна была отказаться от «любых военных обязательств»[3]. Во-вторых, «британское правительство должно воздерживаться от принятия любых обязательств, не соответствующих его реальным возможностям»[4]. Наконец, Великобритания должна была продемонстрировать категорическое неприятие любого «военного или экономического давления», которое Лига Наций могла оказывать на «непокорные государства»[5]. Альтернативы данному подходу, по мнению Керра не было, так как «влияние Лиги Наций на британские имперские отношения в настоящий момент становится опасным и дезориентирующим»[6].

Принципы нового мироустройства, оформленные по итогам Версальской и Вашингтонской конференций, вызывали неоднозначную реакцию среди британской интеллектуальной элиты. Уже в 1919 г. один из наиболее известных экономистов и сторонников социального реформизма Дж. М. Кейнс в работе «Экономические последствия мира» указал на глубокие противоречия новой международной системы, обуславливающие

---

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P.124.
[4] Ibid. P. 125.
[5] *Kerr Ph*. The British Empire, the League of Nations and the United States // The Round Table, March 1920. P. 225-226.
[6] Ibid. P. 232.

потенциальную возможность возникновения новых масштабных конфликтов[1]. В статье «Окна свободы» Л.Кёртис подчёркивал, что «Союзники в Европе не могут быть ответственными перед Лигой Наций за весь регион за пределами Европы, отделенный ныне от Германии и Турецкой империи. Будущее системы зависит от того, примет ли Америка свою справедливую часть бремени, особенно на Ближнем Востоке… и в Германской Восточной Африке»[2].

Наряду с проблемой определения базовых принципов деятельности новой международной организации, в политических дискуссиях уделялось существенное внимание формулированию концепции мандатной системы. В статье «Окна свободы» Л. Кёртис, в числе прочего, предложил ввести в международно-правовую практику понятие «брошенных территорий», пояснив, что единственной надеждой народов, которые не могут управлять собой сами или даже учиться этому, является опека со стороны великих демократических наций»[3]. Данная точка зрения являлась вполне типичной для чиновников и экспертов, формировавших дипломатическую позицию Великобритании на послевоенных переговорах. Мандатная система рассматривалась ими преимущественно как инструмент укрепления британского влияния и распространение его на новые территории[4].

В оценках значения и перспектив функционирования мандатной системы в контексте стратегических приоритетов Великобритании, представители Уайтхолла проявляли принципиальное единодушие[5]. В частности, Ф. Керр в ходе одного из предварительных обсуждений будущей судьбы германских и османских владений, заявил о необходимости установления «цивилизованного контроля над политически отсталыми людьми, … которые не в состоянии управлять собой сами. Только

---

[1] *Кейнс Дж. М.* Экономические последствия Версальского мирного договора. М.: ГИЗ, 1922. С.78.
[2] *Curtis L.* The Windows of Freedom. // The Round Table, December 1918. P.33.
[3] Ibid. P. 25.
[4] *Ходнев А.С.* Марк Сайкс: «лучший знаток Малой Азии» // Новая и Новейшая история, 2016, №4. С. 165.
[5] *Pedersen S.* The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 13.

европейские державы могут вмешаться и защитить их от деморализующих влияний»[1].

В реализации планов «Круглого стола», касавшихся концепции мандатной системы, важную роль сыграл один из «учеников» Л. Кёртиса Дж. Л. Бир, занимавший должность эксперта по колониальным вопросам в делегации США на мирной конференции. В декабре 1918 г. он организовал встречу Кёртиса с полковником Хаузом и генералом Т. Блиссом, которые оказывали существенное влияние на формирование официальной линии США в ходе переговоров. В организации этого неформального диалога с ведома главы британского правительства участвовал и Ф. Керр.

Задача Л. Кёртиса сводилась к тому, чтобы в проекте мандатной системы был достигнут максимальный компромисс между принципами, провозглашёнными В. Вильсоном, и имперскими интересами Великобритании. В ходе этих неофициальных дискуссий Дж. Л. Бир допустил участие США в распределении будущих мандатов, и, в частности, предложил возможность установления американского управления над бывшей германской Восточной Африкой[2].

К числу фигур, оказывавших ключевое влияние на переговорный процесс по данной проблеме, относился и А. Милнер, назначенный председателем комиссии по подготовке проекта мандатной системы. Поддерживая, в целом, предложения о выделении США подмандатных территорий, в целях установления «тесного союза между США и Великобританией»[3], он выступал категорически против каких-либо уступок в Африке, которые могли бы нарушить стратегические позиции Великобритании. В конечном итоге, после отказа США от участия в Лиге Наций, распределение мандатов окончательно превратилось, по словам лорда

---

[1] *Kendle J. E*. Op. cit. P. 254-255.
[2] *Louis Wm. R.* Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. L., N.Y., 2006. P. 251.
[3] *Kendle J. E*. Op. cit. P. 259.

Бальфура, в «распределение наград»[1], основанное на традиционных стереотипах колониальной политики ведущих держав-победительниц.

В контексте будущего учреждения Лиги Наций, организация «Круглого стола», Имперская Федеративная Лига, а также некоторые другие объединения сторонников укрепления единства империи, прорабатывали идею создания имперского правительства, а также имперского федеративного парламента, состоящего из избранных представителей Великобритании и доминионов, в сферу компетенции которого планировалось передать вопросы общей внешней и колониальной политики, обороны, а также руководства вооружёнными силами. Индия, Египет, а также колониальные территории должны были быть исключены из предполагаемой «тесной федерации», в силу «незрелости политических институтов»[2]. В 1917 г. по итогам имперской конференции было принято важное решение относительно установления «нового формата конституционных отношений между составными частями империи»[3], а созданный в марте 1917 г. Британский Военный кабинет, состоявший из пяти ключевых политических фигур, представлявших метрополию и доминионы, рассматривался, как прообраз будущего имперского федеративного правительства.

В то же время, по инициативе лорда Милнера из положения о мандатах было исключен пункт, касавшийся «флага Лиги Наций для подмандатных территорий». В конечном счете, было принято решение оставить для них национальные флаги мандатариев. Таким образом, британская сторона признала, что намерена ассоциировать с мандатной системой собственный суверенитет, а не юрисдикцию Лиги Наций. Как отмечал лорд Милнер, «население подмандатных территорий должно иметь разделённый суверенитет»[4].

---

[1] Ibid.
[2] *Curtis L*. The Commonwealth of Nations. P.197.
[3] *Hearnshaw F. J. C.* Op. cit. P. 162.
[4] *Cambell L*. Empire by Mandate: Mandates, Dependencies and the Permanent Mandates Commission of the League of Nations. N.Y., 1954. P. 251.

В 1922 г. лорд Лугард, характеризуя мандатную систему, отмечал, что «британский мандат имеет двойное значение. Во-первых, это ответственность перед подчинёнными, во-вторых – перед всем человеческим сообществом. По отношению к колониальным подданным – это ответственность за прогресс в развитии их морали и образования. По отношению к человеческому сообществу – право эксплуатировать их изобильные богатства»[1]. Данная точка зрения не совпадала с концепцией Л. Эмери, следующим образом, описывавшего в 1919 г. своё видение целей колониальной политики применительно к африканским владениям: «главной целью, конечно, является развитие и благополучие обитателей этого региона. Но я уверен, что мы не сможем развивать их и помогать им без чрезмерного расходования богатств, которые могут оказать помощь стране в будущие сложные времена»[2]. Кроме того, по мнению Л. Эмери, реализация программ развития колоний должна была «обеспечить развитие как их собственного населения, так и Британской империи в целом…»[3]

Таким образом, процесс «встраивания» Великобритании в складывавшуюся по итогам Первой мировой войны международную систему отражал стремление большей части британской правящей элиты обеспечить сохранение основ своего колониального могущества. При этом Лига Наций, а также учреждённая в её рамках мандатная система рассматривались представителями британского истеблишмента в основном как практические инструменты реализации своих политических целей, в том числе и в сфере колониальной стратегии[4].

В рамках версальско-вашингтонской системы мироустройства, организация Британской империи претерпела заметные изменения. В период Первой мировой войны имперская идея, переживавшая очевидный кризис после англо-бурской войны приобрела дополнительный импульс к развитию.

---

[1] *Lugard F*. The Dual Mandate in British Tropical Africa. L., 1922. P. 282.
[2] *Porter B*. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. P. 268.
[3] Ibid.
[4] *Ходнев А.С*. Ук. соч. С. 87.

Вновь стала актуальной идея тарифного союза метрополии и доминионов, предложенная в начале века Дж. Чемберленом.

На фоне создания в 1917 г. неофициального Комитета по развитию имперских ресурсов (ERDC), в британской прессе и политических кругах возобновилось активное обсуждение формирования в рамках империи единого экономического пространства «защищённого тарифными барьерами и представляющего самую мощную экономическую единицу в мире»[1]. Один из наиболее последовательных сторонников укрепления имперской идеи лорд Милнер отмечал в 1917 г.: «Империя будет обладать большим потенциалом, если сможет создать более эффективную систему внутренних взаимосвязей. В этом случае она станет достаточно сильной, чтобы игнорировать всех своих конкурентов и оставаться в стороне трудностей, которые могут возникнуть в Европе»[2]. Таким образом, одним из политических следствий событий военного периода, явилось возникновение у немалой части представителей британской политической элиты надежд на формирование новых механизмов внутреннего имперского взаимодействия.

Британские доминионы в военный период были признаны в качестве «отдельных национальных образований, входящих на основе суверенного права в Лигу Наций»[3]. События войны способствовали росту национального самосознания населения доминионов, приведшему к формированию в рамках ранее гомогенного имперского пространства новых «молодых» наций.

Доминионы обрели широкую самостоятельность, в том числе, в вопросах внешней политики и военного строительства. Важную роль в координации политики метрополии и доминионов играли имперские конференции, а также созданный в рамках британского военного кабинета Имперский военный кабинет, первым главой которого стал премьер-министр Канады Р. Борден. В 1917 г. имперской конференцией была принята принципиально важная резолюция, ставшая одним из наиболее заметных

[1] Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. 1918. L.: HM Stationary Office, October, 1918. P.122.
[2] The Milner Papers. Ed. by C. Headlam. L., 1931-1933. Vol. II. P. 32
[3] *Porter B.* The Lion's Share…P. 210.

шагов в имперской истории и предполагавшая, что после завершения военных действий доминионы будут рассматриваться «как автономные нации в Имперском Содружестве», а Индия «как важная часть Империи, получит соответствующий голос в имперских делах»[1].

Доминионы воспринимались в британском общественном сознании как принципиально близкая метрополии часть империи, связанная с ней, согласно британской политико-правовой традиции не только «узами лояльности», но и «узами крови», то есть близостью языка и менталитета. В данной связи, на европейских переселенцев распространялось понятие «общего права» (Common Law), предусматривавшего распространение в их отношении тех же конституционных гарантий, которыми пользовались подданные Короны, жившие в Великобритании. Фактически к моменту завершения Первой мировой войны доминионы рассматривались как равноправные партнёры метрополии[2].

Все доминионы, а также Индия получили представительство в Ассамблее Лиги Наций. Прошедшие в 1923, 1926 и 1929 гг. имперские конференции, а также состоявшаяся в 1932 г. конференция по экономическому сотрудничеству в Оттаве, характеризовались наличием серьёзных противоречий между субъектами имперских отношений, касавшегося, в первую очередь, вопроса о тарифах. Тем не менее, британской политической элите удалось найти новый баланс во взаимоотношениях с доминионами, отражавший оформление их статуса как фактически суверенных государственных образований. С 1925 г. вопросы взаимоотношений с доминионами составляли сферу компетенции отдельного ведомства – министерства по делам доминионов. В 1931 г. британским парламентом был утверждён Вестминстерский Статут, фактически узаконивший равный политико-правовой статус Великобритании и доминионов, формальную взаимосвязь которых теперь обеспечивало лишь

[1] Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference…P.121.
[2] *Jenks E*. The Government of the British Empire. Boston, 1919. P. 59.

подданство британской Короне[1]. С данного момента, по мнению большинства исследователей, окончательно исчезает представление о Британской империи как едином политическом организме, хотя «британское пространство оставалось ещё сильно взаимосвязанным с точки зрения социокультурной традиции, а также общих экономических и политических интересов»[2]. Основной функцией Великобритании оставалось лишь обеспечение внешней защиты доминионов[3].

Таким образом, в 1920-х – начале 1930-х гг. империя фактически трансформировалась в конфедерацию доминионов, Британской Индии и колоний. В течении межвоенного периода в британской научной и учебной литературе термин «Империя» в значительной степени был вытеснен термином «Содружество»[4]. Вместо преобладавшего ранее аспекта имперской идеи, предусматривавшего особую роль силового фактора в колониальной политике, наблюдалось смещение акцентов на идеи «интернационализма и взаимовыгодного сотрудничества», а также повышение гибкости британской имперской системы[5]. В одном из британских учебников, изданном в данный период подчёркивалось: «Не будет преувеличением сравнить Великобританию и её владения с большим семейным кругом»[6].

Принципиально иным являлось видение британской политической элитой и значительной частью британского общества целей и перспектив своего правления в восточных владениях. Подчёркивая важность социокультурной составляющей британской колониальной экспансии, в одном из посланий лорду Милнеру лорд Кёрзон отмечал: «мы согласны с тем, что люди на Востоке, за спиной которых мы осуществляем свои действия, очень сильно отличаются от нас по взглядам… Наиболее важная вещь заключается в том, что наше реальное место будет находиться всегда

---

[1] *Porter B.* The Lion's Share…P. 364.
[2] *Hancock W. L.* Survey of British Commonwealth Affairs. Vol. 1. Problems of Nationality, 1918-1936. Oxford, 1937. Vol. I. P. 263.
[3] *Clayton A.* The British Empire as a Superpower, 1919-1939. L., 1986. P. 197.
[4] *Morgan D.* The Official History of Colonial Development. L., 1980. Vol. 2. P. 68.
[5] *Jenks E.* Op. cit. P.53.
[6] Ibid.

впереди них»[1]. Сходного мнения относительно возможных перспектив политики в отношении восточных владений придерживался и один из наиболее известных политиков рассматриваемого периода лорд Бальфур. В одном из документов он подчёркивал, что возможный «фасад» независимости некоторых азиатских владений не должен был стать для Великобритании препятствием для вмешательства в их дела «в случае возникновения угрозы утраты контроля или действий, несоответствующих нашим интересам»[2]. «Ни одно государство не может считаться независимым, - отмечал лорд Бальфур, - если в силу обычая привычно следует иностранному совету, который, в худших случаях, поддерживался войсками, аэропланами и танками»[3].

Одним из последних крупных проектов имперской экспансии, попытка реализации которого была предпринята после завершения Первой мировой войны, являлась идея главы Форин офиса лорда Керзона по созданию непрерывной цепи подконтрольных Великобритании государств и территорий от Египта до Индии. Наибольшего успеха в её реализации британской дипломатии удалось добиться в августе 1919 г., когда лорд Керзон смог убедить персидское правительство подписать двусторонний договор, де-факто устанавливавший протекторат Лондона над Персией. Однако, в силу начавшейся реализации планов по радикальному сокращению военных расходов, британское правительство было вынуждено уже к маю 1920 г. вывести большую часть войск из Персии, по сути, отказавшись от планов установления над ней прямого протектората[4].

Наряду с факторами социально-экономического и политического характера заметную роль в эволюции императивов британской колониальной стратегии играла смена настроений в массовом общественном сознании

---

[1] *Turner E.* Catalogue of the Papers of Alfred Milner, Viscount Milner, 1824-1955. Bodleian Library,1979. Онлайн версия: UPL: http:// http://www.bodley.ox.ac.uk/dept/scwmss/wmss/online/modern/milner/milner.html (дата обращения: 1.11.2015).
[2] Ibid.
[3] *Butler S. J.* Britain and Its Empire in the Shadow of Rome: the Reception of Rome in Social – Political Debate from 1850s to the 1920s. L., N.Y., 2012. P. 45.
[4] *Jenks E.* Op. cit. P. 61.

населения, как метрополии, так и колониальных владений, наметившаяся в межвоенные десятилетия. В колониях они были напрямую обусловлены постепенным развитием экономики, системы образования, а также распространением элементов западной политической культуры. В восточных владениях Великобритании данный процесс происходил неравномерно и наиболее очевидно проявился в Индии, а также в некоторых ближневосточных территориях.

В британском общественном мнении в межвоенные десятилетия, несмотря на наличие определённых трудностей, сохранялась твердая уверенность в том, что Великобритании удастся удержать статус ведущей мировой державы. В то же время, как отмечали современники с начала 1920-х гг. наблюдался спад влияния традиционной имперской идеологии и «поворот общественных настроений от идеи Империи к идее Содружества»[1]. Лондонская «Таймс» отмечала в июле 1920 г.: «Если Империя основывается на организованной силе и организованном управлении подчинёнными народами…, концепция Британского Содружества предполагает добровольную кооперацию свободных граждан. Достижение данной цели станет лучшим доказательством гения нашего правительства»[2]. В том же году британский публицист Ф. Динлот обращал внимание на заметные изменения, произошедшие в настроениях британского общества в результате войны. Данные перемены касались и политических позиций ведущих политических сил, претерпевших заметные изменения по целому ряду направлений, к числу которых относилась и сфера колониальной политики[3].

Вскоре после завершения Первой мировой войны занимавший в тот период должность заместителя министра по делам колоний Л. Эмери отмечал очевидный кризис, связанный с восприятием британским обществом «ценностей нового империализма», которые в общественном сознании всё

---

[1] *Spender J.A.* Op. cit. P. 29.
[2] The Times. 1920, 8th July. P. 2.
[3] *Dunlot F*. Op. cit. P. 23.

больше воспринимались как «аморальные, и противоречащие широким и высоким моральным идеалам, к которым должна стремиться империя»[1].

Людские потери периода Великой войны, нарастание социальных проблем и осознание немалой частью британцев неспособности правящей элиты найти на них быстрые и эффективные ответы, вызвали рост пессимистических настроений и ожиданий, находивших отражение в публицистике и художественной литературе.[2] В британской интеллектуальной среде, как отмечалось в одном из публицистических изданий, наблюдалось «гораздо меньше рвения к защите Короля и его владений, а также существенно меньше понимания величия и выгодности Империи, которая ещё прошлым поколением воспринималась как земля Надежды и процветания»[3]. В книгоиздательских домах отмечалось заметное снижение спроса на произведения Р. Киплинга, а также других поэтов и писателей, так или иначе воспевавших в своих произведениях культ Империи[4].

Очевидным стал разрыв между настроениями продолжавших доминировать среди политической элиты империалистов, и значительной части британского общества. В данной связи, в особенности после всеобщей забастовки 1926 г., Уайтхолл уделял всё большее внимание продвижению имперской идеи и имперских ценностей в сознании, как самих британцев, так и населения огромных территорий, находившихся под властью британской Короны. С этой целью предпринимались активные усилия по совершенствованию средств пропаганды, в том числе, за счёт использования возможностей новых технических достижений, в первую очередь, радио и кинематографа[5].

Наблюдавшаяся в 1920-е гг. устойчивая тенденция к изменению восприятия образа империи в широком общественном сознании была

---

[1] *Эмери Л.* Ук. соч. С. 379.
[2] Типичным примером отражения подобных настроений в художественных образах явилась опубликованная в 1922 г. поэма Т.С. Элиота «Пустоши» («Waste Land»).
[3] *Grigg E.* Op. cit. P.172.
[4] *Ward P.* British Culture and the End of Empire. Manchester, 2001. P.154.
[5] *Kennedy D.* Britain and Empire. L., 2002. P. 58.

связана, в том числе, с определённым разочарованием в возможностях империи, которая не смогла избавить Великобританию от тягот и потерь войны. К тому же события войны со всей наглядностью продемонстрировали отсутствие полного единства между метрополией и доминионами, которые рассматривались как наиболее близкая к ней в социокультурном плане часть имперского организма. Как отмечалось в одном из исследований данного периода, «моральный долг империи стала восприниматься сквозь призму целей модернизация и трансформация имперского общества по пути универсальной цивилизации»[1].

В историографии существует достаточно распространённая точка зрения о прямой взаимосвязи между социальным поворотом произошедшим в связи с либеральным реформизмом начала XX в., тенденциями и интересами британского гражданского общества, а также идеями колониального развития, и вмешательства в процессы развития т.н. «периферийных» обществ.

Колониальная политика в межвоенный период обычно принимала характер либо стремления к прямому следованию «традиции», включая формы непрямого администрирования, либо попыток создать ей некую альтернативу путём модернизации и реконструкции аутентичных социальных и коммунальных связей в колониях. В практической плоскости данная модель предполагала развитие колониальных общин, сельской кооперации и создание устойчивой модели экономического роста. Она включала в себя также механизмы трансформации традиционной общинности с возможностью использования племенной системы в качестве инструмента непрямого администрирования, распространение в отдельных регионах т.н. «городского национализма»[2].

Несмотря на расширение и совершенствование механизмов государственной пропаганды, отношение британского общества к идее

---

[1] *Lord Parmoor*. A Retrospect: Looking Back on the Life of More than Eighty Years. L., 1936. P. 223.
[2] Labour Party**.** The Colonial Empire. L.: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. P. 9.

сохранения колониальной империи в межвоенные десятилетия, не отличалась преобладанием однозначно позитивных оценок. В восприятии имперской экспансии сохранялся традиционно сильный гуманистический элемент критики, хотя соображениями гуманитарного характера ранее нередко оправдывалась факты колониальных захватов.

Как отмечалось в одном из публицистических произведений, «многие британцы… поддерживали идею империи по той же причине, по которой они выступали против греха… они поддерживали скорее некую общую веру, чем конкретные политические направления»[1]. В данной связи, подчёркивалось, что «имперское чувство, несмотря на широкий масштаб своего распространения, являлось весьма абстрактным и туманным, и когда дело доходило до обсуждения конкретных политических и экономических тем, внутри лагеря сторонников империализма возникало заметное расхождение во мнениях»[2].

Исследователи, изучавшие политические настроения различных слоёв британского общества в межвоенный период, отмечали заметное равнодушие к имперской идее среди представителей средних слоёв и практически полную индифферентность в среде рабочего класса. Известный британский историк Б. Портер, в данном контексте, подчёркивал, что даже среди высших слоёв британского социума не было абсолютного единства в восприятии империалистической доктрины. Основной опорой империализма в первые десятилетия XX в. он назвал его «высшую и высшую-среднюю» страты, что было напрямую связано с системой их социальных ориентиров. По мнению Б.Портера, «они уже привыкли управлять другими сословиями в Великобритании, и управление индийцами являлось для них просто расширением привычной социальной практики»[3].

В условиях изменений, происходивших в различных сегментах британского общества в первые десятилетия XX в., антиимпериалистическая

---

[1] *Green E.H.H.* Ideologies of Conservatism. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 287.
[2] *Matikkala M.* Empire and Imperial Ambition: Liberty, Englishness and Anti-imperialism in Late Victorian Britain. L., 2011. P. 43.
[3] *Porter B.* Critics of Empire: British Radical Attitudes to Colonialism in Africa. N. Y., 1968. P.166.

критика «притягивала новых противников империи, равно как и неудовлетворительное состояние британского общественного мнения в отношении империалистов»[1]. Несмотря на активную пропаганду имперской идеологии, как отмечалось в одной из работ того времени «основная масса британцев оставалась индифферентной к идее империи»[2].

В 1920-х гг. наблюдалось заметное изменение в восприятии империи, которая не смогла защитить британцев от экономических трудностей. Социальные реформы, расширение образования и распространение массовой культуры привели к серьёзным изменениям в сознании британского общества. Образ империи, которая в конце XIX в. считалась важнейшим предметом гордости британцев, после завершения Великой войны приобретает принципиально новые черты восприятия. В их сознании имперская идея превращается в нечто архаичное, «подобное помпезной архитектуре прошлых эпох, воспринимаемой скорее как дань традиции, чем актуальная потребность»[3].

Один из классиков британской историографии Ф. Гуэделла писал в 1924 г. о том, что посыл т.н. «нового империализма» практически не вызывал отклика среди молодого поколения жителей Туманного Альбиона, за исключением «небольшой группы студентов, активно интересовавшихся историческим прошлым»[4]. Главным символом единства имперских владений в межвоенный период окончательно становится фигура британского монарха. В связи с этим продолжала совершенствоваться система «имперского» церемониала и особой «имперской» символики и атрибутики. Типичным примером этого стало введение в 1932 г. общего для всех владений британской Короны праздника Рождества.

Оппозиция имперской идее, на тот момент, ещё не обрела в Великобритании весомой политической платформы. Тем не менее, уже в 1920-х гг. она стала распространённым трендом среди британского среднего

---

[1] Ibid.
[2] *Grigg E*. The Faith of an Englishman. L.:, 1936. P.131.
[3] Ward P. British Culture and the End of Empire. Manchester, 2001. P. 191.
[4] *Guedalla* Ph. A Gallery. L., 1924. P.193.

класса, в мировоззрении которого тесно сочеталась с идеями пацифизма, интернационализма и различными формами социалистических взглядов.

На фоне амбивалентного или индифферентного отношения многих слоёв британского общества к политической форме империализма, оно было существенно более гомогенным в отношении идеи распространения «ценностей западной цивилизации», являвшейся, по сути социокультурным аспектом империализма. Она вызывала критику лишь среди представителей той части британских интеллектуальных кругов, которые являлись последовательными сторонниками социал-дарвинистской концепции, предполагавшей «естественную» неспособность неевропейских народов воспринимать западные либеральные ценности и концепцию прогресса. Среди сторонников «антиимпериализма» также преобладала точка зрения, согласно которой азиатские и африканские народы «точно также как англичане, заслужили доступ к благам западной цивилизации», хотя и осуждали силовой вариант их распространения[1].

Современники указывали на «явную усталость британской нации от империализма» и имперского «бремени белого человека». В британской прессе межвоенного периода открыто высмеивалось и подвергалось критике то что раньше в произведениях Р. Киплинга возвеличивалось и героизировалось. Например, в «Дейли экспресс» появилась колонка Дж. Б. Мортона, который создал целый ряд смехотворных имперских персонажей, наиболее известным из которых являлся «Большой белый Картстайс». Другим персонажем карикатур Д. Лоу стал «состарившейся на колониальной службе полковник Блимп - толстый, лысый, раздражительный и никому не нужный, олицетворявший все то, что презирало в империи межвоенное поколение»[2].

По мнению британского исследователя Я. Морриса, после 1919 г. в восприятии британцев возникает ощущение «фундаментальной аномалии,

---

[1] *Matikkala M.* Op. cit. P. 44.
[2] *Н. Фергюсон.* Ук. соч. С. 301.

связанной с ослаблением британской мощи… вследствие появления ряда новых внутренних трудностей и внешних вызовов»[1]. Несмотря на сохранение определённого общественного мэйнстрима, большая часть жителей метрополии не собиралась бороться за империю любой ценой. Показательным примером, в данной связи, явилось состоявшееся в феврале 1933 г. в дискуссионном обществе Оксфордского университета, объединявшем многих молодых интеллектуалов голосование, по итогам которого его члены 275 голосами против 153 поддержали тезис о том, что они «ни при каких обстоятельствах не должны сражаться за короля и страну»[2]. Колониальная периферия, таким образом, стала рассматриваться лишь сквозь призму утилитарной выгоды и «оценивалась в качестве необходимого атрибута могущества лишь до той поры, пока не становилась чрезмерно затратной»[3].

Межвоенный период явился важным переходным этапом в истории британской колониальной системы, связанным с отказом от многих постулатов сложившейся в поздневикторианский период модели империализма. Перемены, происходившие в социально-экономическом и политическом развитии метрополии и колоний, морально-психологическое воздействие событий Первой мировой войны, существенное изменение международного фона стали теми важными факторами, которые побуждали британскую политическую элиту к поиску новых решений в сфере колониальной стратегии и выработке новых концепций в области колониальной идеологии.

---

[1] *Morris J*. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L, 1980. P. 86.
[2] *Гилберт М*. Ук.соч. С. 546.
[3] *Morris J*. Op. cit. P. 86.

§1.4. Интеллектуальный поиск в сфере колониальной стратегии: влияние традиции и оформление новых подходов к решению колониальных проблем.

В рамках современных исследований, просвещенных истории колониальных империй, предпринимается попытка сделать особый акцент на изучении интеллектуальной составляющей британского имперского строительства[1]. Анализу интеллектуального поиска, сопровождавшего различные этапы эволюции крупнейшей колониальной империи, в настоящей момент уделяется всё большее внимание в рамках различных направлений отечественной и зарубежной историографии[2].

Трудности данного поиска обусловлены сложностью самого феномена Британской империи. Несмотря на то, что её генезис принято рассматривать с эпохи раннего Нового времени, сама имперская традиция со всеми присущими ей атрибутами оформилась и стала преобладающей тенденцией политико-правовой жизни британского общества на протяжении относительно короткого исторического периода - последней трети XIX-начала XX в. Уже после окончания Первой мировой войны британская колониальная система вступила в период медленных, но неуклонных изменений центробежного характера. Их итогом явился распад империи и возникновение на её основе существующего до настоящего момента Британского Содружества. Строительство империи и её последующая эволюция сопровождалась формированием и развитием специфической идеологии британского империализма идейно-философские корни которой современные исследователи усматривают в уникальных особенностях

---

[1] Одним из популярных направлений современной западной историографии является т.н. «новая история империй». Подробнее о его теоретической составляющей см.: *Репина Л. П.*Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

[2] См. например:*Pocock J.G.A.* Discovery of Islands: Essays in British History. Cambridge, 2005. *Stockwell S. E.* The British Empire: themes and perspectives. L.: WB, 2008. 384p. The British World: Diaspora, Culture and Identity/ Ed. by C. Bridge, K. Fedorovich. L., 2003. The Empire and British Politics, in: Thompson A. (ed.): Britain's Experience of Empire in the Twentieth Century, Oxford 2012. *Webster A.* The Debate on the Rise of British Imperialism. Manchester: Manchester University Press, 2006.

английской Реформации и английского Просвещения[1]. Примечательно, что в отличие от господствовавшего в советской историографии представления об узко классовом характере данной идеологической доктрины, имперская идея в поздневикторианскую эпоху получила признание в различных слоях британского общества[2]. Она принималась, в той или иной степени представителями как консерваторов, так и либералов. При этом важную роль в её распространении играли различного рода неформальные организации и объединения.

Одним из наиболее известных примеров, связанных с популяризацией имперской идеи посредством неформальных каналов явилась деятельность возникшего в начале XX в. объединения «Круглого стола». Его возникновение связано с именем А. Милнера назначенного в конце XIX в. на пост верховного комиссара в Южной Африке и губернатора Капской колонии. Решение о его назначении на столь важный пост в одном из ключевых владений империи являлось не случайным. К тому моменту А. Милнер уже снискал известность как активный сторонник идеи «имперской федерации»[3]. Его взгляды относительно дальнейших перспектив имперской системы начали формироваться ещё в студенческий период. По воспоминаниям самого Милнера, большое влияние на него оказало знакомство в Оксфорде с работами канадского публициста Дж. Паркина, призывавшего к преобразованию империи в «тесный союз Англии и колоний в форме имперской федерации»[4]. Этот союз, по мысли Паркина, должен был основываться на идее «примата англо-саксонской расы» и предполагал «консолидацию англо-саксонского мира», с целью нейтрализации «угроз внутренней дезинтеграции, а также внешних вызовов»[5].

---

[1] Подробнее об этнокультурной специфике британской колонизации см.: *Лурье С.* Imperium. Империя - ценностный и этнопсихологический подход. М., 2012. С. 158-180.

[2] *Гелла Т.Н.* Белые колонии в идеологии и практике британских политических и общественных кругов в последней трети XIX в. // Pax Britanica: история Британской империи и созданного ею мира: сборник научных работ к 60-летию профессора В.В. Грудзинского. Под ред. Нохрина И.М. Челябинск, 2016.С. 59.

[3] Ibid. P. 206.

[4] *Gollin A.M.* Proconsuls in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. L., 1964. P.16.

[5] *Kendle J. E.* The Round Table Movement and Imperial Movement. L., 1975. P.6-7.

В последующий период А. Милнер опубликовал несколько работ, в которых изложил собственную концепцию «имперской федерации». При этом «федерализацию Британской империи» он обозначил как «главное условие её выживания»[1]. Будущее британского доминирования связывалось А. Милнером с созданием Содружества, представляющего « разбросанную по миру группу родственных наций…, объединённых равенством, партнёрством, и… особыми морально-духовными связями»[2]. Одним из условий успешности данного объединения А. Милнер видел тесное сотрудничество между Великобританией и США.

Наиболее полный и законченный вид концепция «имперской федерации» А. Милнера обрела в изданной уже после его смерти в «Таймс» статье «Кредо»[3]. Обозначая себя в качестве «патриота британского народа» и «скорее националиста, чем космополита», его автор настаивал на «естественном культурном и нравственном превосходстве британцев»[4]. «Британское господство, - подчёркивал А. Милнер,- является не просто политико-географическим, а скорее национально-культурным образованием… Я предвижу то время, когда возникнет великая Англо-саксонская конфедерация,… состоящая из самоуправляемых единиц со своими внутренними интересами, но твёрдо объединённых целями взаимной защиты. Это будет не только самый блестящий союз из когда-либо известных человечеству, но и лучшее средство обеспечения всеобщего мира»[5].

В отличие от многих «архитекторов» империи викторианской эпохи, в частности С. Родса, А. Милнер выступал против неограниченной территориальной экспансии. «Я не тревожусь относительно расширения границ империи, до тех пор, пока расширение или увеличение нашей ответственности не станет слишком обременительным», отмечал он в одной из частных бесед. «Но, если я и желаю ограничить сферу наших действий за

---

[1] *Wrench J.E.* Alfred Lord Milner: The Man of No Illusions, 1854-1925. L., 1958. P. 44-45.
[2] *Kendle J. E.* Op. cit. P.6.
[3] The Times. 1925, 25th July . P. 5.
[4] Ibid.
[5] Ibid.

границей, то это только для того, чтобы в этой ограниченной сфере мы смогли стать сильнее, энергичнее и эффективнее»[1]. Позже в одном из писем, А. Милнер конкретизировал данный тезис: «… нашей целью является не доминирование или увеличение собственной мощи, а консолидация и обеспечение безопасности. [Мы] хотим, чтобы добропорядочные британские граждане навсегда остались единой семьёй»[2].

Важным аспектом концепции имперской трансформации А. Милнера являлось его отношение к развитию демократических институтов, ставшему одним из важных атрибутов эпохи «нового либерализма» в Великобритании в начале XX в. Так же как и С. Родс, Милнер неоднократно подчёркивал своё достаточно скептическое отношение к демократии. В частности, в одном из писем Л. Кёртису, 27 ноября 1915 г. он подчёркивал: «Я воспринимаю демократию как неизбежное зло, я отношусь к ней без всякого энтузиазма, но с максимально возможной лояльностью, на которую я в данной ситуации способен»[3].

Скепсис в отношении развития демократической модели британского общества сочетался во взглядах А. Милнера с определённым пиететом, который он испытывал в отношении германской модели государственного регулирования, основанной, по его словам на вере в «плановое общество, устроенное и организованное с помощью научного интеллекта»[4]. В публикациях, вышедших в ещё свет в 1904-1905 гг. А. Милнер конкретизировал своё представление о «великом идеале имперского единства»[5]. Им была предложена, в частности, идея создания Федерального Совета Империи, структурные подразделения которого должны были располагаться во всех ключевых доминионах Великобритании. По мысли Милнера империя должна была стать «перманентным органическим

---

[1] *Nimocks W*. Op. cit. P.13.
[2] Ibid. P.14.
[3] *Kendle J. E*. Op. cit. P.7-8.
[4] *Gollin A.M*. Op. cit. P. 132.
[5] *Louis R. W*. In the Name of God: Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill. Oxford, 1984. P. 76.

союзом», поскольку «великое будущее Империи её члены могут отстоять только вместе»[1].

В сентябре 1909 г. проект Л. Кёртиса были вынесен на рассмотрение закрытой конференции представителей высшего слоя британской политической элиты, проходившей под председательством лорда Энглеси в помести «Плоис Ньюд» (Plois Newyd) в Уэльсе. По итогам обсуждения он был одобрен с незначительными коррективами. В итоговых документах конференции отмечалось, что «в долгосрочной перспективе некая форма органического союза будет являться единственной альтернативой разрушения единства империи»[2].

Реализация данного проекта с этого момента стала основным смыслом деятельности объединения «Круглого стола». В течение нескольких последующих лет его усилия были направлены на расширение организационной структуры в различных частях империи, активизацию пропаганды своих идей через различные печатные издания, а также создание специальных фондов, призванных аккумулировать финансовые средства, необходимые для осуществления этой деятельности.

С ноября 1910 г. основным периодическим изданием объединения стал журнал «Круглый стол», публиковавший материалы, являвшиеся итогом длительных исследований и обсуждений, осуществлявшихся его участниками. В редакционной статье первого номера журнала вновь был сделан акцент на растущей угрозе имперскому единству на фоне целого ряда серьёзных внутренних и внешних вызовов. В предисловии к изданию своих речей, опубликованном в 1913 г., А. Милнер предостерегал, что даже в том случае, если «британцы обеспечат мир, процветание и цивилизованные условия существования для двух пятых человеческой расы, рано или поздно это бремя станет слишком тяжёлым для … ресурсной базы, которой обладает Объединённое Королевство»[3]. Рост международной напряжённости и, в

---

[1] Ibid. P. 49.
[2] *Nimocks W.* Op. cit. P.132.
[3] O' Brien T. Milner. L., 1979. P. 67.

частности, укрепление германской военно-морской мощи, вызывали серьёзные опасения относительно способности Великобритании обеспечить защиту своих многочисленных доминионов и колоний. Подобные страхи нашли отражение в известном высказывании Л. Эмери, заявившем в 1906 г., что «с каждым годом конкуренция между ведущими мировыми державами становится острее, и если мы будем пытаться сохранить наши позиции нынешними способами и методами…, наши силы будут достаточно быстро истощены»[1].

Важным направлением деятельности объединения «Круглого стола» в данный период являлась подготовка к Имперской конференции, состоявшейся в 1911 г. Накануне его начала участники группы попытались активизировать свою деятельность и через различные формальные и неформальные каналы убедить представителей доминионов в необходимости принятия плана «имперской федерации».

В одной из статей, опубликованных в журнале «Круглый стол» подчёркивалось: «В нынешней ситуации может быть только один выход. Или нации согласятся на сотрудничество в вопросах внешней политики и обороны, или им придётся принять решение о роспуске Империи и возложить на себя всю ответственность за собственную безопасность…»[2].

Однако итоги конференции принесли А. Милнеру и его последователям полное разочарование. Лишь премьер-министр Новой Зеландии Дж. Уорд выразил осторожную поддержку проекта «имперской федерации». Представителями других доминионов он был отвергнут. Наиболее резкую критику предложения «Круглого стола» встретили со стороны правительства Канады[3].

В рамках подготовки к имперской конференции в 1910 г. «Круглый стол поручил Л. Кёртису сформулировать приемлемую для её участников модель имперской федерации. После посещения Канады и обстоятельного

---

[1] Louis R. W. Op. cit. P. 53-54.
[2] Kendle J. E. Op. cit. P.111.
[3] Quigley C. The Round Tables Groups in Canada. // Canadian Historical Review, September 1962. P. 204.

изучения местной политической ситуации, Кёртис опубликовал т.н. «Зелёный меморандум» в котором призвал к созданию «органического союза» британских владений.

На практике эту идею предполагалось реализовать путём учреждения «имперского правительства», которое должно обладать исключительными прерогативами в вопросах имперской защиты и внешней политики. Наряду с общеимперскими правительственными структурами, Кёртис предполагал создание двухпалатного «Имперского Федерального Парламента», в функции которого входили законодательная деятельность и вопросы налогообложения[1].

Проект Кёртиса вызвал серьёзные дискуссии между участниками объединения «Круглого стола». Среди его оппонентов оказались, в частности А. Милнер и Л. Эмери, видевшие основной путь к «имперской федерации» не в политической, а в экономической интеграции. А. Милнер настаивал, в частности, на создании общеимперского пространства свободной торговли и унификации тарифной системы, что, по его мнению, должно было способствовать тесной экономической привязке доминионов к метрополии[2]. С точки зрения Л. Эмери, экономический союз должен был стать «ключевым рычагом решения всей проблемы»[3]. В связи с этим они полагали глубоко ошибочной идею Кёртиса о немедленном создании общеимперских политических структур.

Тем не менее, Л. Кёртис продолжал настаивать на реализации своей концепции. В 1916 г. он опубликовал трёхтомную работу «Проект Содружества», в котором вновь обосновывал идею радикального реформирования системы отношений Великобритании и её доминионов путём введения нового общеимперского уровня управления.

Л. Кёртис предлагал, в частности, создание правительственного «Кабинета Содружества», который будет ответственным перед

---

[1] *Rose N*. The Cliveden Set. L., 2000. P.172.
[2] *Marlowe J*. Op. cit. P. 183.
[3] Ibid. P. 218.

«Парламентом Содружества». В его функции предполагалось включить «контроль в сфере общеимперской обороны, внешнеполитической деятельности, решение вопросов мира и войны, а также исключительное право введения новых налогов в имперских целях»[1]. Альтернативой «органическому союзу» по его мнению, мог быть только окончательный распад Британской империи.

Но убедить своих прежних оппонентов в правильности своих предложений Л. Кёртису вновь не удалось. Так, Л. Эмери охарактеризовал его проект как «конституционное харакири, которое принесёт в жертву базовые принципы британской системы управления, ради установления имперского союза, основанного на американской идее федерализма»[2]. Надежды на последующую трансформацию «имперской федерации» в некое подобие «мирового правительства» Л. Эмери назвал «самообманом»[3].

Попытки Л. Кёртиса найти поддержку своему проекту среди политического руководства Великобритании и доминионов также не привели к успеху. Важным фактором, влиявшим на позицию руководства доминионов, являлся рост националистических настроений среди их населения, усугублявшийся на фоне военных трудностей и потерь. В итоге ни один из членов Имперского военного кабинета не высказался в пользу идеи «федерализации»[4].

Окончание Первой мировой войны вызвало сложные процессы внутри объединения «Круглого стола». Резко сократилась активность его групп в Индии, Южно-Африканском Союзе и Новой Зеландии. Внутри самого общества возникла острая полемика, одним из главных предметов которой явились идеи, изложенные Л. Кёртисом в статье «Окна свободы». Во многом благодаря его усилиям в 1920-х – 1930-х гг. происходила постепенная трансформация прежней структуры объединения, призванная приспособить его деятельность к существенно изменившимся международным реалиям.

---

[1] *Curtis L*. The Commonwealth of Nations. L., 1916. P. 15.
[2] *Louis R. W*. Op. cit. P. 37.
[3] Ibid. P. 42.
[4] *Mclntyre W. D*. Colonies into Commonwealth. L., 1966. P. 340.

В мае 1919 г., после возвращения из Парижа, Л. Кёртис собрал в Лондоне совещание членов общества, в котором приняли участие более 30 человек, представлявших Великобританию и США. В ходе встречи была предложена идея создания «института по международным делам» с подразделениями в обеих странах, главной целью которого должно было стать «гарантированное формирование квалифицированного экспертного мнения»[1].

В ходе следующего заседания так называемого «комитета тридцати», состоявшегося в июне, было конкретизировано предложение создать специальный «Институт по международным делам» с подразделениями в Великобритании и США, призванный выполнять те же функции, которые ранее пыталось реализовывать объединение «Круглого стола»[2].

На основании этих решений в Великобритании, США и британских доминионах в межвоенный период создаётся так называемая «международная англофильская сеть», включавшая ряд новых организационных структур. В Великобритании таковой стал Королевский институт по международным делам (Royal Institute for International Affairs), в США - Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations) и Институт по взаимоотношениям в Тихом океане (Institute for Pacific Relations)[3].

Как отмечал в 1938 г. Л. Кёртис, создание этих организаций «явилось необходимым тактическим шагом для достижения стратегических целей, стоявших перед «Круглым столом»»[4]. Обе структуры сохранили основные организационные принципы и стратегические цели, которыми руководствовалось ранее в своей деятельности общество. Главная из них сводилась к формированию нового международного порядка, основой которого призван был стать англо-американский альянс.

---

[1] Rose N. Op. cit. P. 150.
[2] Ibid. P. 152.
[3] Mclntyre W. D. Op. cit. P. 340.
[4] Ibid. P. 358-359.

Одной из новых форм сотрудничества членов «Круглого стола» в межвоенный период явилась так называемая «группа Кливленда», в которую входил ряд известных американских политических и общественных деятелей. Название группы возникло в силу того, что её заседания проходили в резиденции Уолдорф Эстор, расположенной неподалёку от Кливленда.

К концу 1930-х г. основная цель деятельности группы, в работе которой активно участвовали Ф. Керр и Л. Кёртис, заключалась в формировании «объединения США и других демократий, во главе которого будет находится Федеральное Союзное Правительство,… и которое должно стать первым практическим шагом на пути к Мировому Федеральному Союзу…»[1] Идеи «группы Кливленда» оказали заметное влияние на формирование внешнеполитической стратегии США в последующий период.

Объединение, получившие название «Круглый стол», сыграло особую роль в процессе постепенной трансформации имперской системы Великобритании, происходившей в первые десятилетия XX в. и приведшей, в конечном итоге, к созданию Британского Содружества. Возникнув во многом благодаря финансовым и организационным усилиям С. Родса, оно ставило перед собой задачу поиска оптимального ответа на ряд внутренних и внешних вызовов, с которыми в данный момент столкнулась Британская империя. По мнению израильского историка Н. Роуза окончательное оформление общества, произошедшее в 1909 г. отражало «распространённое предубеждение в том, что Великобритания теряет своё положение среди великих рас. Обеспокоенные возникновением новых гигантов - США и Германии, его создатели стремились на время сохранить статус, которому суждено было воре исчезнуть. Их план был обречён на неудачу… В доминионах росли националистические настроения… Британское Содружество [оформившееся в межвоенный период – А.С.] пошло по пути,

[1] *Kendle J. E.* Op. cit. P. 293.

совершенно отличному, от предложенного Кёртисом и его последователями…»[1]

В период с 1909 г. по 1919 г. объединение «Круглого стола» являлось важнейшим интеллектуальным центром, формулировавшим перспективы имперской политики Великобритании. Входившие в него политические деятели играли важную роль в формировании стратегии британского правительства в годы Перовой мировой войны и в период послевоенного урегулирования. В первую очередь благодаря усилиям Л Кёртиса, после завершения войны был найден выход из идейного кризиса, возникшего в условиях формирования нового миропорядка. Были найдены новые организационные формы реализации сформулированных ранее объединением целей. На их основе и в русле идей «Круглого стола» была продолжена разработка перспективных планов нового мироустройства, ключевым компонентом которых стала концепция тесного союза Великобритании и США и англо-американского лидерства. Интеллектуальный опыт этих организаций оказался в немалой степени востребованным в практической политике двух государств на фоне бурных изменений, происходивших в системе международных отношений в середине и во второй половине XX в.

Важной специфической чертой концепции «нового империализма», сложившегося в последней трети XIX в. являлся акцент на зарождавшихся в тот период геополитических теориях и терминологии, получившей позднее наименование «реальной политики»[2]. В этом заключалось его принципиальное отличие от «империализма» эпохи фри-треда постулировавшего тезис об экономической выгоде и целесообразности колониальных приобретений.

Наиболее дальновидные сторонники империалистической доктрины ещё в начале последней трети XIX в. указывали на необходимость поиска

---

[1] *Rose N*. Op. cit. P. 169-170.
[2] *Haslam J*. No Virtue like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli. N.Y., 2002. P. 168.

эффективного ответа на вызов, брошенный британской гегемонии со стороны набиравших силу конкурентов, в число которых входили Германия, США и Россия. Оптимальным ответом на него им виделась активизация имперской экспансии и внутреннее укрепление империи[1].

Эволюция идеологии британского империализма в первые десятилетия XX в. сопровождалась сложной дискуссией внутри британской интеллектуальной элиты. Ключевой проблемой, возникшей при этом, являлось соотнесение оформившихся к тому моменту имперских ценностей и концептуальных установок британского либерализма, восходивших, в своей основе, к уникальной традиции английского Просвещения. Наряду с этим, проблемы колониальной политики и имперской экспансии оставались важной составляющей британской общественно-политической повестки. В данные дискуссии оказались вовлечёнными представители ключевых партий, общественных и научных кругов. Их следствием явилась постепенная трансформация существующих и формирование новых концепций в сфере колониальной стратегии. Сложившиеся в данный период тренды во многом предопределили эволюцию восприятия имперской идеи в британских политических кругах в межвоенный период.

Стремительные изменения, происходившие на рубеже XIX - XX вв., как в самой Великобритании, так и на международной арене, поставили под определённое сомнение некоторые ключевые принципы британского либерализма[2]. Значительный рост конкуренции на внешних рынках, а также заметное снижение доли Великобритании в мировом промышленном производстве, приводили к росту популярности идей, связанных с отказом от принципа фри-треда и введением системы таможенных тарифов, направленных на поддержку британской промышленности. С другой стороны, идеология империализма, предполагавшая неограниченную

[1] Истоки данной концепции восходят к творчеству Ч.Дилка, впервые сформулировавшего идею «нового» британского империализма» в конце 1860-х гг. См.: *Dilke Ch.W.* The British Empire. L.: Leopold Classic Library, 1899.

[2] *Гелла Т.Н.* Россия и страны Запада в системе международных отношений в начале XX века: к предыстории Первой мировой войны // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2014, №5. С. 35.

территориальную экспансию, нивелировала ценность возникших в середине XIX в. концепций «неформальной империи» и «Малой Англии», которые пользовались заметной популярностью в либеральной среде[1].

Переход к активным колониальным захватам, начавшийся в конце 1870-х гг. вызвал заметное идейное размежевание среди британских либералов. Поиск общего знаменателя, который позволил бы примирить традиционные либеральные ценности и новые империалистические установки, привёл к оформлению в середине 1880-х гг. новой идеологической концепции, получившей в историографии наименование «либеральный империализм». Ключевую роль в её распространении сыграли два молодых лидера Либеральной партии – лорд Розбери, занимавший пост премьер-министра в 1885-1886 гг., и Ч. Дилк[2].

Одной из важных идейных основ «либерального империализма» явилось политико-философское учение профессора Оксфордского университета Т.Х. Грина, попытавшегося объединить идеи классического либерализма и весьма популярного в тот период младогегельянства. Основываясь на последовательной критике утилитаризма И. Бентама, он выдвинул идею «органической нации», как единой общности граждан, объединённых уникальной системой общественных и духовных связей. Только «органическая нация», связанная внутренним единством, по мысли британского исследователя Т.Х. Грина способна занять достойное положение в мире и успешно справиться с многочисленными внутренними и внешними вызовами[3]. В период преподавания в Баллиол-колледже, в числе его учеников оказался ряд будущих известных британских политиков и государственных деятелей, в частности, Г. Асквит и А. Милнер. Один из идейных последователей Т.Х. Грина, Б. Босанкье продолжив развитие концепции «органической нации», подверг критике взгляды Р. Кобдена,

---

[1] *Berard V.* British Imperialism and Commercial Supremacy. L., 1906. P. 42.
[2] *Langer W.* L. The Diplomacy of Imperialism. N.Y., 1935. P. 675.
[3] *Green E.*H.H. Op. cit. P.243.

обвинив его в «пагубном интернационализме и космополитизме»[1]. В опубликованной в 1899 г. работе «Философская теория государства» он сделал особый акцент на роли «национального государства», которое по его словам является «широчайшей организацией, обладающей всеобъемлющим опытом, необходимым для обеспечения всеобщего благополучия граждан» [2]. Основываясь на данном заключении, Б. Босанкье подчёркивал особую роль «национального государства» в осуществлении широкого спектра социальных реформ, направленных на модернизацию различных сфер жизни британского общества[3].

Принципиальной точкой размежевания, приведшей к окончательному разделению британских либералов на сторонников и противников колониальной экспансии явилась англо - бурская война 1899-1902 гг. Руководство Либеральной партии Великобритании так и не смогло выработать единой оценки этого масштабного колониального конфликта. Основной причиной этого явилось принципиальное столкновение позиций «либеральных империалистов», во главе с лордом Розбери, и радикально настроенных антиимпериалистов, к числу которых относились, в частности, Г. Кемпбелл-Баннерман и Д. Ллойд-Джордж. Характеризуя причины англо-бурской войны, Г. Кемпбелл-Баннерман называл её главным мотивом «жульничество южно-африканских финансистов», обвиняя британское правительство «в варварских методах ведения войны»[4].

Одной из важных составляющих концепции «либерального империализма» являлась идея о необходимости сохранения британского экономического лидерства, основанного, в первую очередь, на принципе фри-треда. Сторонники взглядов лорда Розберри ассоциировали империализм с верой в свободную торговлю, которой, по их мнению,

---

[1] *Bosanquet B.* The Philosophical Theory of State. L., 1899. P. 337.
[2] Ibid. P. 320.
[3] *Marquis of Crewe*. Op. cit. P.989.
[4] *Langer W. L.* Op. cit. P.271.

Великобритания была обязана своим имперским величием[1]. В данной связи, в начале XX в. «либеральные империалисты» выступали последовательными оппонентами введения системы имперских таможенных преференций, с которой выступала значительная часть консерваторов-юнионистов, во главе с Дж.Чемберленом. «Протекционизм истощит, обесплодит и уничтожит имперское чувство в широких народных массах и сделает саму идею Империи не популярной в народе» - подчёркивал в одной из своих статей один из лидеров Либеральной партии Г. Асквит[2]. Систему имперских преференций он называл «низкопробным империализмом, лишённым здравого смысла»[3]. Стабильность и процветание Британской империи, по мнению Г. Асквита, могут быть обеспечены лишь при сохранении фри-треда и других базовых ценностей, свойственных английскому либерализму. С другой стороны, имперская экспансия, по его мнению, стимулирует «все те ожидания и усилия, которые либералы связывали с общим понятием социальных преобразований». Планам сторонников протекционизма, «искажённым агрессией, жадностью и насилием» Г. Асквит предлагал противопоставить идею построения «Империи, основанной на семейных чувствах, гордости и надежде на счастье»[4].

Одним из идеологов, обосновывавших в начале XX в идеи «либерального империализма» с точки зрения зарождавшейся геополитической науки, являлся профессор Оксфордского университета Х. Маккиндер. Выступая в декабре 1900 г. с циклом лекций в лондонском Институте банкиров, он изложил широкую концепцию экономической стратегии Великобритании.

Подчеркнув определённую разницу между интересами промышленных и финансовых кругов, он отметил ряд сложностей, с которыми столкнулась британская промышленность. Важнейшей из них являлась острейшая

---

[1] *Гелла Т.Н.* Белые колонии в идеологии и практике британских политических и общественных кругов в последней трети XIX в… С. 52.
[2] *Earl of Oxford and Asquith***.** Fifty Years of Parliament. L., 1926. P.78.
[3] Ibid. P.88.
[4] Ibid. P.71.

конкуренция с другими индустриальными державами, возникшая «в результате определённого выравнивания промышленных потенциалов, а также распространения промышленных мощностей и коммерческой активности по всему миру». Данная проблема, ставящая под угрозу экономическую стабильность Британской империи, требовала от имперского центра, по мнению Х. Макиндера, «величайшей воли и мобилизации управленческих способностей». Утратив своё промышленное лидерство, Великобритания, согласно его точке зрения, должна сделать ставку на сохранение своей роли в качестве ведущего финансового центра. «Представляется вполне возможным, - подчёркивал Х. Макиндер, - что финансовое значение Сити будет постепенно возрастать, в то время, как промышленная роль Великобритании будет постепенно снижаться»[1].

Опыт Первой мировой войны побудил Х. Маккиндера к дальнейшему переосмыслению ключевых аспектов имперской политики. В 1919 г. он опубликовал свою концептуальную работу «Демократические идеалы и реальность»[2], в которой заявил о принципиальной тождественности идей фри-треда и имперского протекционизма. Представителей обоих направлений Х. Маккиндер назвал сторонниками «организованного начала», противоположностью которых являлись так называемые «политические идеалисты», к числу которых им были отнесены приверженцы «либерального космополитизма»[3]. Их «интернациональная позиция» находилась, с его точки зрения, в прямом диссонансе с идеями империи и патриотизма. Теория «организованного начала», по мысли Х. Маккиндера, представляла собой синтез идей «эффективности» лорда Розбери, концепции имперских преференций Дж. Чемберлена, а также предложений лорда Робертса, связанных с укреплением системы имперской обороны[4]. Её теоретической основой являлась, по его мысли, политическая философия Т. Гоббса, рассматривавшего человека как «орудие, существующее для

[1] *Tyler J. E.* The Struggle for Imperial Unity. L., 1938. P. 46.
[2] *Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: The Study in the Politics of Reconstruction. L., 1919.
[3] Ibid. P. 9.
[4] Ibid. P. 21.

интересов государства»[1]. В то время как «идеалисты» акцентируются на идее прав человека, приверженцы «организованного начала»[2], как отмечал Маккиндер, стремятся к созданию «эффективного государства». При этом они не ставят под сомнение общую цель достижения благополучия человека и человеческого общества. «Напротив, - подчёркивал он, - реализация естественных прав личности возможна лишь в рамках эффективно организованного национального общества»[3].

Демократия и империализм, с точки зрения Х. Дж. Маккиндера, являются вполне взаимосвязанными явлениями. Более того, их успешная взаимосвязь сложилась именно в рамках британской политической традиции. «Опыт политической жизни Великобритании, - подчёркивал он, - наглядно демонстрирует, что демократическое и имперское начала могут сосуществовать друг с другом как два взаимодействующих начала[4].

Анализируя тенденции развития системы международных отношений и мировой экономики в начале XX в., Х. Маккиндер приходит к выводу о «вполне естественном характере создания имперского строительства, которое присуще, в том числе, и демократическим государствам»[5]. Географическая разбросанность Британской империи, в данной связи, создавая определённые военные угрозы, представляет, по мысли Х. Маккиндера, и несомненные выгоды, поскольку позволяет сочетать «имперское правление в тропических владениях с возможностью из поколения в поколение сохранять и развивать демократические начала дома»[6].

Важнейшей составляющей государственной политики, согласно базовым идеям «либеральных империалистов», являлось приоритетное развитие и обеспечение экономического благополучия «имперской нации». Обосновывая данное положение, лорд Розбери, в ходе своего публичного

[1] Ibid. P. 31.
[2] Ibid. P. 33.
[3] Ibid.
[4] Ibid. P. 266.
[5] Ibid. P. 342.
[6] Ibid.

выступления в Ливерпуле, 14 февраля 1902 г. отмечал: «Империя, которая нам нужна, предполагает, в первую очередь, наличие сильной, энергичной и неустрашимой имперской нации»[1]. Её строительство предполагало, в том числе, осуществление широкого комплекса глубоких и многоуровневых социальных преобразований. В том же выступлении лорд Розбери подчёркивал: «Когда вы обеспечите здоровье и одолеете бедность, когда вы добьетесь, улучшения санитарных условий и благоустройства городов…, тогда вы можете считать свои обязанности по отношению к Империи выполненными»[2].

Своё окончательное организационное оформление движение «либеральных империалистов» обрело в начале 1902 г., когда последователями лорда Розбери была создана межпартийная Либеральная Лига. В её руководство вошли Г. Асквит, Р. Холдэйн и Э. Грей[3]. Не претендуя на роль отдельной партии, Либеральная Лига, тем не менее, представила британской общественности обширную политическую программу. Ключевым её тезисом стала идея создания правительства «эффективности», которое окажется способным осуществить масштабные преобразования. Основными направлениями его деятельности должны были стать социальные реформы, которые, в сочетании с активным развитием военной и, в особенности, военно-морской мощи Великобритании, должны были гарантировать стабильность и процветание Британской империи[4] [. В программных документах Либеральной Лиги неоднократно подчёркивался тезис о том, что колониальная экспансия и расширение владений Великобритании не подрывают традиционных основ английского либерализма[5].

Появление Либеральной Лиги означало, в числе прочего, и окончательное оформление принципиального консенсуса между двумя

---

[1] *Marquis of Crewe*. Op.cit. P. 575.
[2] Ibid. P. 664.
[3] *Haldane R. B*. Op. cit. P.21-22.
[4] Liberal League Publications. № 37. P.3.
[5] Ibid. P. 3-4.

ключевыми британскими политическими силами относительно стратегических целей колониальной политики. Консерваторы-юнионисты и «либеральные империалисты» были солидарны в оценке империалистической экспансии как важнейшего фактора, который не только определял престиж Великобритании, но и стимулировал развитие её экономики в условиях обострившейся международной конкуренции. Вместе с тем, «либеральные империалисты» в начале XX в. наполнили имперскую идеологию новым содержанием, связанным, в частности, с активным социальным реформированием.

Процесс преобразований коснулся не только самой Великобритании, но и её обширной колониальной периферии. Так, в 1909 г., в период правления либерального кабинета Г. Асквита, была осуществлена первая реформа, связанная с введением элементов местного самоуправления в Индии.

Идеи лорда Розбери и его последователей, во многом основанные на ценностях традиционного английского либерализма, оказались востребованными и на фоне обозначившегося после англо-бурской войны определенного кризиса доверия к имперской идее. Одним из важных её симптомов явился провал попыток Дж. Чемберлена и его сторонников реализовать стратегически важную задачу введения единого имперского тарифа, произошедший по итогам Имперской конференции 1911 г. Политические тенденции, наблюдавшиеся в Британской империи накануне Первой мировой войны, свидетельствовали о стремлении доминионов к экономической самостоятельности и развитию сотрудничества в сфере военного строительства вне рамок общеимперских структур. Происходившая на этом фоне эволюция идеологических доктрин в сфере колониальной стратегии, представляла собой попытку объединения отдельных элементов консерватизма, различных версий либеральной идеологии, а также социал-реформизма. Возникший в данный период интеллектуальный поиск в

немалой степени предопределил тенденции развития крупнейшей колониальной системы после завершения Первой мировой войны.

Характеризуя своё видение имперской стратегии в реалиях начала XX в. лидеры «либерального империализма» подчёркивали, что «эффективная политика Империи должна касаться не только колонизируемой территории, но и проживающих на данной территории этнических общностей. Империализм, ориентированный лишь на захват территории и не берущий в расчёт различные аспекты, определяющие специфику её народонаселения, был, по их мнению, «слеп, бесплоден и обречён на гибель»[1]. Основываясь на данном тезисе, лорд Розбери считал необходимым обеспечение жизненных условий, «приемлемых для граждан и подданных Империи, … поскольку … бедное и отсталое население не будет являться надёжной основой для процветающей Империи»[2]. Достижение данной цели, предполагало, по его мнению, распространение «образовательных возможностей, являющихся необходимым условием существования имперской силы»[3].

Одним из важных показателей деятельности государства в данных условиях, по мнению «либеральных империалистов», должен был стать критерий «эффективности»[4]. С точки зрения лорда Розбери «эффективность государства… отражается в последовательных реформах, направленных на продвижение в административной, политической, коммерческой, образовательной, нравственной, военной сферах…»[5].

Несмотря на существенное влияние, которое идеи «либерального империализма» оказывали на формирование политического курса Великобритании, они сталкивались с растущей интеллектуальной оппозицией. В начале XX в., на фоне событий англо-бурской войны, серьёзно повлиявших на настроения в британском обществе, значительная часть сторонников либеральной и социалистической идеологии выступила с

---

[1] The Times. 24 January, 1900. P. 7.
[2] *Lord Rosebery*. Op. cit. P. 251.
[3] Ibid. P. 271.
[4] The Times. 17 July, 1901. P. 7.
[5] *Marquis of Crewe*. Op. cit. P. 989.

позиций критики империалистической доктрины. В немалой степени они солидаризировались с идеями, изложенными в известной работе экономиста Дж. А. Гобсона «Империализм»[1], явившейся, по словам британского историка Г. Клэеса, «исследованием, атомизировавшим характерные черты агрессивного национализма в его джингоистской форме»[2].

Характеризуя причины колониальных захватов, Дж. А. Хобсон использовал близкую к марксизму концепцию, увязывая имперскую экспансию с борьбой за власть и влияние, а также необходимостью захвата новых территорий как рынков сбыта для товаров и сфер вложения излишних капиталов[3]. По мнению британского исследователя Э. Дж. П. Тэйлора, труд Хобсона внёс «решающий вклад в развенчание имперской идеи в течение последующего десятилетия»[4].

Процесс формирования колониализма, обозначенный в ней термином «империалистическая экспансия», характеризовался как результат влияния ряда социально-экономических факторов, связанных с развитием капиталистической системы[5]. При этом популярная в тот период в Великобритании имперская идея, по мнению Дж. А. Хобсона, не соответствовала многим базовым моральным критериям и оказывала пагубное влияние на состояние британского общества[6].

Данная точка зрения во многом основывалась на возникшей ещё в середине XIX в., в период восстания в Индии, концепции английских позитивистов, подробно анализировавших морально-этические основы внешней политики Великобритании. Идеи, сформулированные Дж. А. Хобсоном, явились важной интеллектуальной основой критики взглядов консерваторов-юнионистов, связанных с продолжением активной колониальной экспансии. Данная критика основывалась на сочетании идей

---

[1] *Hobson J. A.* Imperialism. L., 1902. Перевод на русский: *Гобсон Дж. А*. Империализм. Л., 1927.
[2] *Clayes G*. Imperial Skeptics: British Critics of Empire: 1850-1920. Cambridge, N.Y., 2010. P. 169.
[3] *Hobson J*. Problems of a New World. L., 1921. P. 95.
[4] *Taylor A.J.P*. The Troubles-Makers. L., 1957. P.100.
[5] *Гобсон Дж. А*. Ук. соч. С. 263.
[6] Там же. С. 190.

пацифизма и социал-реформизма, предполагавших переориентацию основной части государственных расходов на социальные нужды[1].

Дж. А. Хобсон, подчёркивая социально-экономическую основу империалистической идеологии, направленной, в первую очередь на реализацию интересов господствующего класса, указывал на то, что её важным традиционным элементом являлось «мистическое чувство, пришедшее на смену деизму…»[2]. Аналогичный смысл имперской традиции отмечал и один из представителей позитивистской социологии П. Гиддес подчёркивавший, что «основой патриотических церемоний фактически стал теологический ритуал, подменивший собой прежнее отношение к богослужению,… в результате чего он фактически стал выражением древних религиозных чувств»[3].

Скептицизм в отношении имперской идеи, обозначившийся в период англо-бурской войны, по словам Б. Портера, был напрямую связан с активностью «радикальных антиимпериалистов, требовавших прекращения экспансии, исходя из её несоответствия моральным критериям… и характеризовавших саму идею Империи как опасную саморазрушающуюся иллюзию…»[4]. По его мнению, позиция скептиков отражала точку зрения «маленького англичанина… она была, в немалой степени идеалистической и непрактичной, но весьма страстно отстаиваемой её сторонниками»[5]. Важное место в рамках возникшей дискуссии занимали и вопросы, связанные с оптимизацией форм и методов управления колониальными владениями.

В соответствии с одной из распространённых в историографии оценок, «антиимпериализм» представлял собой реакцию приверженцев традиционных либеральных ценностей на оформление в конце XIX в. новой «империалистической» либеральной доктрины[6]. В то же время, существует

---

[1] *Taylor A.J.P*. The Troubles-Makers. L., 1957. P.100.
[2] *Гобсон Дж. А*. Ук. соч. С. 55.
[3] Цит по: *Matikkala M*. Empire and Imperial Ambition. Liberty, Englishness and Anti-imperialism. N.Y., 2011. P. 24.
[4] *Porter B*. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. P. 210.
[5] Ibid.
[6] Thornton A.P. Doctrines of Imperialism. N.Y., L., Sydney, 1965. P. 223.

мнение о том, он явился в большей степени индикатором формировавшейся в начале XX в. радикальной критики империализма, чем следствием эволюции прежней либеральной традиции[1].

В современных исторических исследованиях присутствует достаточно популярная точка зрения, согласно которой дискуссия вокруг перспектив имперской экспансии в данный период представляла собой взаимодействие двух взаимосвязанных позиций. Одна из них была представлена сторонниками идеи «процветания английской конституции», вторая – приверженцами концепции «процветания империи»[2].

Теоретической основой британского «антиимпериализма» первоначально явились идеи классической либеральной английской философии. Модель английской демократии, основанная на принципах уважения прав личности, законодательном ограничении произвола властей, парламентской модели управления, в данном контексте воспринималась как принципиальный антипод авторитарному имперскому вектору политического развития[3].

Как отмечал известный идеолог либерального реформизма поздневикторианской эпохи У. С. Блант, «есть лишь две политических линии, которым можно следовать в настоящий момент. Первая, связанная с империализмом, и рассматривающая в качестве своей цели весь мир, является рискованным предприятием, ради которого может быть принесено в жертву всё то, что мы так ценим дома – свободу, либерализм, отсутствие коррупции, финансовое благополучие. Второй является антиимпериализм, предлагающий оставить в покое весь остальной мир, и дать возможность нашим колониям самим заняться собственной судьбой без какого бы то ни было нашего вмешательства»[4].

В своих произведениях «антиимпериалисты» часто противопоставляли традиционную английскую модель политического устройства германской

---

[1] *Matikkala M.* Op. cit. P. 27.
[2] *Vernon B.* Devolution in the U. K. Oxford, N. Y., 1999. P.21.
[3] Ibid.
[4] Empire Development & Colonialism: Past and Present / Ed. by M. Duffield, V. Hewitt. L., 2009. P.180.

государственной системе, характеризуя империалистическую доктрину как «один из вариантов кайзеровской идеологии, угрожающий сохранению уникальных английских политических институтов»[1]. Как отмечалось в одном из исследований, главным направлением антиимпериалистической критики являлась не столько сама идея имперской экспансии, сколько её возможное негативное влияние на традиционные английские политические институты, основанные на либеральных принципах[2].

Одним из наиболее ранних направлений критики имперской экспансии явилась манчестерская школа фри-треда, самыми известными представителями которой являлись Р. Кобден и Дж. Брайт. К этому направлению, получившему в британской научной литературе и публицистике наименование «кобденианства» были близки идеи У.С. Бланта, а также отдельные направления формировавшегося в данной период в Великобритании социалистического движения. На первый план они ставили не колониальную экспансию, а задачи более активного участия Великобритании в формировании новой системы международных отношений, в которой, как отмечал один из британских социалистов Е. Т. Крэйг, «будет осуждаться кровопролитие и убийство»[3].

Британская социалистическая идеология начала XX в. отличался тесной взаимосвязью идей космополитизма и интернационализма, а также острой критикой различных версий националистических взглядов. Существовавшая на тот момент система колониального управления рассматривалась его представителями как «в целом ошибочная», поскольку «экономические выгоды, получаемые от колоний заметно меньше, чем прибыль от торговли со свободными государствами»[4].

Будучи сложным интеллектуальным явлением, британский «антиимпериализм» сочетал в себе элементы теоретических воззрений А. Смита, Э. Бёрка, И. Бентама, и предполагал акцент на идее фри-треда, а

---

[1] *Prothero M*. The Development of the British Empire. L., 1917. P. 52.
[2] *Taylor A. J. P*. Op. cit. P. 112.
[3] Empire Development & Colonialism: Past and Present… P.21.
[4] *Darwin J*. The Empire Project: The Rise and Fall of the British Worid-Sestem, 1830-1970. N.Y., 2009. P. 15.

также негативное отношение к имперской экспансии. В творчестве Р. Кобдена и его последователей идеи нового мироустройства, основанного на свободной торговле сочетались с требованием сокращения военных расходов. «Войска и военные корабли не смогут обеспечить нам те выгоды, которые даёт нам расширение нашей торговли», - отмечалось в одном из его памфлетов[1]. Колониальную экспансию, включая как прямую, так и косвенную формы её осуществления, Р. Кобден рассматривал как «чрезмерно затратные и обременительные мероприятия», поскольку лишь торговля, а не экспансия способствали, по его мнению, «богатству наций»[2]. Британское правление в Индии являлось, согласно точке зрения Р. Кобдена, «опасным мероприятием, несовместимым с принципами свободной торговли»[3]. Оно, по его мнению, являлось нецелесообразным с экономической и политической точки зрения, поскольку основывалось «на масштабных человеческих жертвах и затратах казны»[4].

В сфере колониальной политики «антиимпериалисты» в качестве первоочередной меры предлагали предоставление полной самостоятельности переселенческим колониям, подчёркивая, что торговля с США приносит Великобритании большие выгоды, чем экономические отношения со всеми вместе взятыми доминионами. В дальнейшем, согласно их точке зрения, предполагалось предоставить остальным колониям «максимально возможную степень местного самоуправления» и свести британское вмешательство к минимально возможному масштабу[5].

У. С. Блант, следуя интеллектуальному опыту Р. Кобдена, рассматривал колониальную политику с точки зрения экономической целесообразности, основывая свои взгляды на концепции фри-треда. Подчёркивая своё неприятие военного насилия, как инструмента международной политики, он отмечал, что испытывает симпатию ко всем

---

[1] Цит по: *Bundock C. J.* Direct Action and the Constitution pamphlet. L.: Independent Labour Party, 1920. P.7.
[2] *Cain P.J., Hopkins A. G.* British Imperialism, 1688- 2000. L., 2002. P.407.
[3] Ibid. P. 424.
[4] *Kennedy D.* Britain and Empire. L., 2002. P. 58.
[5] A Companion to Early Twentieth Century Britain. Oxford, 2003. P. 15.

угнетённым народам» и выступает против того, чтобы «превратить страну в странствующего рыцаря человеческой расы и возложить на него функции защиты человечества, присущие исключительно Создателю…»[1]

Поддерживая существовавшие в переселенческих колониях сепаратистские тенденции, он требовал предоставления полного самоуправления для «созревших переселенческих общин»[2]. Идею империи он связывал со «стремлением аристократии Великобритании создать гигантскую систему удовлетворения своих эгоистических интересов»[3]. Отдавая должное позитивистской идее оказания помощи «отсталым народам Востока», У. Блант в целом негативно относился к распространённой в европейской науке и публицистике того периода идее «цивилизационного исправления», подчёркивая право каждого народа на поиск собственного пути развития. Высказывая скепсис относительно развития на Востоке европейской модели демократии, он, в то же время, подчёркивал необходимость признания особой уникальной модели развития восточных обществ.

Одним из главных теоретико-методологических оснований «антиимпериализма» на рубеже XIX-XX вв. являлась также и философия позитивизма. Позитивисты настаивали на том, что моральные законы должны быть в равной степени применимы как к отношениям между людьми, так и отношениям между нациями. Основываясь на этом тезисе, они утверждали о необходимости упразднения существующей колониальной системы, как «противоречащей принципам мира, любви и гуманизма»[4]. С 1880-х гг. среди британских позитивистов утверждается идея о необходимости покинуть Индию как «военное, экономическое и политическое бремя»[5]. При этом сроки и конкретные формы реализации этого шага не оговаривались. Отмечалось только, что он должен быть

---

[1] *Fieldhouse D. K.* The Theory of Capitalist Imperialism. L, 1967. P. 282.
[2] Ibid. P. 284.
[3] *Etherington N.* Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital. Totowa, 1984. P. 61.
[4] The Concept of Empire, 1774-1947. Oxford, London, 1962. P.386.
[5] *Browne. H. J.* Chamberlain. Radical and imperialist. Extracts from Letters. L., 1959. P. 68.

осуществлён в силу некоего «морально-религиозного импульса»[1]. Классический вариант данной концепции был изложен в работе британского позитивиста К. Дигби «Процветающая Британская Индия»[2].

В британском «антиимпериализме» идеи либерального гуманизма тесно переплетались с позитивистской философией О. Конта. Его сторонники сходились в необходимости поддержания всеобщего мира и расширения внешних экономических отношений, что требовало от Великобритании «воздерживаться от активной политической интервенции, в первую очередь, в обширные регионы Востока»[3].

Либеральная конституционно-ориентированная точка зрения рассматривала в качестве предпочтительного переселенческий тип колонизации, предполагавший «распространение энергии и предпринимательской активности английского характера»[4]. Весьма распространённым являлось убеждение в необходимости следовать традиционно английской, а не европейской «имперской» конституционной практике, которая служила основанием для требований о развитии самоуправления в переселенческих колониях.

Индия, а также другие азиатские и африканские колонии рассматривались, в данном контексте, как «затруднение, западня и прекрасно украшенная ловушка»[5]. Подобные оценки восходили к интеллектуальной традиции концепции «Малой Англии» 1850-1860-х гг., оппонировавшей французской модели империализма Наполеона III. В данной связи, империализм как концепция управления, вступал, по мнению приверженцев либерально-конституционного подхода, в противоречие с традиционной политико-правовой системой английской королевской власти.

Для «антиимпериалистов» первой трети XX в. важнейшим являлось моральное основание критики колониальной экспансии, с позиций которого

---

[1] *Levine Ph*. The British Empire: from sunrise to sunset. L., 2007. P. 123.
[2] *Digby K*. Prosperous British India, L., 1901.
[3] *Howe S*. Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire. Oxford, 1993. P. 167.
[4] *Matikkala M*. Op.cit. P.7-8.
[5] Ibid. P. 85-86.

они характеризовали политику консерваторов-юнионистов как «беспринципную и эгоистичную»[1]. Имперская стратегия, в её прежнем виде рассматривалась в данном контексте как «аморальная, устаревшая и дорогостоящая»[2].

В либеральной среде в данный период утверждается представление о необходимости постепенного предоставления политической независимости колониальным владениям. Но реализация данной фундаментальной задачи связывалась с весьма отдалённой временной перспективой, и, по убеждению многих британских интеллектуалов была жестко обусловлена необходимостью длительного развития колониальных территорий, совершенствования их социально-экономической системы, а также существенного повышения уровня образования туземного населения[3].

В соответствии с данной точкой зрения, империя рассматривалась как необходимый предварительный этап, нужный для подготовки колониальных территорий к дальнейшему независимому политическому существованию колоний. Именно в таком ключе воспринимались действия коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа, направленные на «трансформацию самоуправляющегося государства единой расы в образование, открытое для не европейцев»[4].

В межвоенный период социалисты, либералы и определённая часть консерваторов приветствовали постепенное разрушение расовых предрассудков. В 1916 г. один из наиболее известных сторонников либерального подхода в колониальной политике Э. Монтэгю впервые выдвинул идею назначения индийца на пост госсекретаря по делам Индии[5]. Как отмечал в 1920 г. публицист Дж. Уидгвуд: «Если Британская Империя собирается быть чисто белым Содружеством, которое распространяется по

---

[1] The Earl of Oxford and Asquith. Memories and Reflections 1852 to 1927. Vol. 2. Whitefish: Kessinger Publishing, 2004. P. 156.
[2] Ibid. P. 130.
[3] *Porter B.* The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. P. 210.
[4] Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. L., October, 1918.
[5] The means of victory, a speech delivered by the Rt. Hon. Edwin Montagu, M. P., minister of munitions, on the 15th August, 1916. L.:T. F. Unwin, 1916. P.19.

всему миру, но при этом ограничивает доступность гражданства исключительно белой частью населения, или, собираясь способствовать широкому абсорбированию в нём всех рас, на исключительно добровольной основе»[1]. В группе «Круглого стола» сохранение империи также, в значительной степени, связывалось с её способностью «выйти за пределы практики предоставления самоуправления исключительно по расовому признаку»[2].

Инерция мышления и стереотипов имперской политики, привела к тому, что в межвоенный период британская политическая элита, в своём большинстве, достаточно настороженно относилась к экспериментам по предоставлению самоуправления «не белым» владениям. Подобный опыт был органичен в основном Индией, и как отмечал в своих мемуарах Л. Эмери, «парой-тройкой других, менее значимых мест»[3]. Азиатские и африканские территории воспринимались британским общественным мнением, как принципиально неспособные воспринять институты европейской парламентской демократии и предоставление им политической независимости рассматривалось как весьма отдалённая историческая перспектива. Как отмечал один из лидеров Лейбористской партии Р. Макдональд, «европейские ценности не могут быть привнесены британцами…, подобно погрузке багажа в кузов автомобиля»[4].

Данные оценки способствовали широкому распространению в британских политических кругах идей, связанных с концепцией «непрямого управления», предусматривавшей необходимость определённого переходного периода, в течение которого должны были быть созданы «местные основы» для дальнейшего самостоятельного политического развития. В её основе лежало глубоко укоренившееся в британской интеллектуальной среде консервативное убеждение о развитии

---

1 *Dunlot F*. England after the War. N.Y., 1920. P. 53.
2 *Mclntyre W. D*. Colonies into Commonwealth. L., 1966. P. 340.
3 *L. S. Amery*, My Political Life. Volume Two: War and Peace. 1914–1929. L., 1953. P. 305.
4 *Macdonald R*. Labor and Empire. L., 1907. P. 108.

«примитивных обществ» на их собственной основе, которое базтровалось, в том числе, на теоретических выводах школы «социальной антропологии»[1].

Поскольку «восточный человек склонен всецело игнорировать существование логики, - подчёркивал в начале XX в. лорд Кромер, фактически управлявший Египтом, - нужно понять его ограниченность… и попытаться найти к удовольствию подчинённой расы, более подходящие, и можно надеяться, более сильные узы единения между управляющими и управляемыми»[2].

В то же время, в одном из британских публицистических произведений того периода отмечалось, что каждый отдельный аспект колониальной политики «следует рассматривать прежде всего, с тех позиций, что в свете западного знания и опыта, согласованного с местными воззрениями, мы добросовестно считаем наилучшими для подчинённой расы…»[3]. При этом, как отмечал далее автор, британцам «возможно удастся взрастить нечто вроде космополитической лояльности, основанной на уважении, всегда оказываемом выдающемуся таланту и бескорыстному поведению, и на благодарности за выгоды как уже приобретённые, так и ожидаемые в будущем… Даже дикарь в Центральной Африке может научиться петь гимн… в честь британского чиновника, который отбирает у него джин, но взамен даёт справедливость»[4].

По мнению лорда Кромера, «восточные люди являются закоренелыми лжецами, вялыми и подозрительными, во всём противоположными ясности, прямоте и благородству англо- саксонской расы»[5]. «…Я удовольствуюсь, - отмечал он, - тем, что отмечу следующий факт: так или иначе восточный человек обычно действует, говорит и думает ровно противоположным образом по отношению к европейцу»[6].

---

[1] Ibid.
[2] Baring E., Lord Cromer. Political and Literary and Essays, 1908-1913. N.Y., 1969. P. 53.
[3] Цит. по: *Э. Саид*. Ук. соч. С. 57.
[4] Там же.
[5] Baring E., Lord Cromer. Op.cit. P. 146.
[6] Ibid. P. 164.

В то же время позиция крайнего пренебрежения по отношению к управляемым восточным народам, разделяемая Кромером и рядом других представителей британской аристократии, встречала в Великобритании заметную интеллектуальную оппозицию, оформившуюся в начале XX в достаточно внутренне разнородное направление, обозначаемое собирательным понятием «антиимпериализм»[1].

Несмотря на довольно сложную внутреннюю дискуссию, концепция патернализма, основанная на идее об отсталости Востока и его «естественном» неравенстве с Западом, прочно укоренилась в сознании значительной части представителей британской политической элиты. Её влияние в немалой степени было связано с распространенной в данный период социал-дарвинистской концепцией биологического неравенства различных рас.

Как отмечал в своё фундаментальном исследовании «Ориентализм» американский исследователь палестинского происхождения Э. Саид «весь вопрос империализма в целом, как он обсуждался… и про-, и антиимпериалистами, основывался на бинарной типологии развитых и отсталых (или неполноценных) рас, культур и обществ»[2]. В данной связи, восточные общества рассматривались в британских политических и научных кругах в основном сквозь призму политического воздействия.

Заметное влияние на теоретическое осмысление перспектив британского правления на Востоке, и, в особенности, в Индии, сыграли идеи утилитаризма И. Бентама и Дж. С. Милля. В сочетании с идеологией империализма они подчёркивали рациональную основу британского правления. Данный рационализм предполагал, что по мере того как традиционные общества продвигались в своём развитии, сохранялся общий британский контроль над ними, а также стабильные доходы, которые они приносили метрополии[3].

---

[1] Ibid. P. 167.
[2] *Э. Саид*. Ук. соч. С. 86.
[3] *Darwin J*. Op. cit. P.664.

Межвоенный период ознаменовался формированием принципиально новой патерналистской модели британского колониализма. Изменения в сфере колониальной стратегии были тесно связаны с социальной трансформацией, происходившей в самой метрополии. Как отмечается в одном из английских исторических исследований, «либерализм «был вынужден» через социальную активность распространяться в империи везде, куда доходило британское влияние»[1].

На основе данных идей в межвоенные десятилетия XX в. британская колониальная система претерпела заметную трансформацию, связанную, в том числе, с постепенным и целенаправленным переходом к косвенным механизмам управления в ряде колониальных владений и завуалированным формам контроля над некоторыми стратегически важными для Великобритании территориями. Данная эволюция была тесно сопряжена с изменениями в политической системе Великобритании, со сложными процессами, происходившими в социально-экономической сфере, а также в умонастроениях британского общества. Одной из главных составляющих этих перемен явилось постепенное снижение роли имперских ценностей в массовом сознании населения Великобритании. Заметной трансформации подверглись также идеологические установки в сфере колониальной политики ведущих британских политических сил.

К середине 1920-х гг. социальный поворот в рамках либеральной концепции империи, привёл к складыванию у политической элиты более прагматичного взгляда на колониальную политику. Тем не менее, динамика событий и набиравшие силу противоречия, приводили к постепенному размыванию прежней системы управления колониями, типичным примером чему была Британская Индия. Данные изменения были связаны, в том числе, с резко возросшим политическим влиянием Лейбористской партии, а также складывавшейся в близкой к ней политической среде концепции «социалистического империализма».

---

[1] Ibid.

В рамках текущей политической и, в частности, парламентской деятельности, в предвоенный период руководство Лейбористской партии по большинству вопросов колониальной стратегии солидаризировались с позицией либералов[1]. После завершения войны стержнем идеологических поисков лейбористов в колониальной сфере стала попытка примирить имперские ценности и возраставшие в британском обществе антиколониальные настроения.

После завершения Первой мировой войны Лейбористская партия фактически впервые выдвигается на роль одной из ведущих политических сил Великобритании. Программные установки лейбористов в своих основных моментах оформились ещё в довоенный период, хотя в последующем они подвергались корректировке с учётом происходивших внутри Великобритании изменений.

В феврале 1918 г. была принята так называемая Конституция Лейбористской партии, в которой нашли своё отражение базовые принципы партийной идеологии. Стержнем последней являлся социальный реформизм с акцентом на активное участие государства в решении многочисленных социально-экономических проблем, с которыми столкнулось британское общество в послевоенный период[2].

Колониальная политика, как и внешнеполитическая проблематика, длительное время находились на периферии идеологических интересов лейбористов. Однако, по мере роста политического веса партии, возникла необходимость в формировании её чёткой позиции по широкому кругу проблем, с которыми после завершения Великой войны столкнулась Британская империя. В связи с этим лейбористы выступили с активной критикой прежнего курса консервативной партии, основанного на идее империалистической экспансии[3]. Данная позиция основывалась на сочетании идей пацифизма и социального реформизма, предполагавшего

[1] *Ashworth L.M.* International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918-1945. P. 247.
[2] *Gupta P. S.* Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964. L., 1975. P. 188.
[3] *Howe S.* Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire. Oxford, 1993. P.167.

переориентацию большей части государственных расходов на решение внутренних проблем Великобритании[1]. Так, в одном из партийных манифестов, выпущенных в период предвыборной компании 1922 г., позиция по колониальным вопросам, нашедшая отражение в шестом пункте документа, названном «Ирландия, Индия, Египет и народы Востока», формулировалась достаточно лаконично: «Народы данных стран, страдающие в настоящие момент… от Британского империализма, получат нашу полную поддержку в их усилиях по достижению независимости»[2]. Одновременно подвергалась критике чрезмерная милитаризация международных отношения, являвшаяся, по мнению лейбористов, одним из очевидных проявлений «капиталистического империализма»[3].

В партийных документах и работах членов Лейбористской партии в межвоенный период формулируются концепции активного реформирования имперской системы, а также делается акцент на критерии морального долга как главного императива колониальной политики. Ключевым, в данной связи, становится тезис об абсолютной необходимости британского правления для «развития колониального пространства и успешного использования современных методов общественного регулирования»[4]. Осуществление данной задачи предполагало распространение передового британского опыта в сфере экономики и образования, призванного способствовать модернизации социокультурных условий жизни местного населения.

В то же время, в руководстве Лейбористской партии преобладающие позиции заняли сторонники фабианской концепции «социалистического империализма», в основе которой лежал тезис об особой «цивилизаторской» миссии Великобритании и её ответственности за социально-экономическое развитие своих владений. Приверженцы данного подхода выступали за трансформацию британской колониальной системы в «Социалистическое

[1] РГАСПИ. Ф.495. Оп. 100, д. 88, л. 8-9.
[2] Там же. Л. 6.
[3] Там же. Л.7.
[4] Labour Party. The Colonial Empire. L.: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. P.88-89.

Содружество», в рамках которого капиталистическая эксплуатация будет заменена сотрудничеством и протекционистским отношением британских властей к местному населению[1].

В партийных документах и работах членов Лейбористской партии в 1920-х – 1930-х гг. формулировались идеи имперского реформизма, основанные на постулате о моральном долге метрополии перед жителями британских владений. Важнейшим в них становится тезис об абсолютной необходимости британского правления для «развития колониального пространства и успешного использования методов общественного регулирования»[2]. В данной связи, особая надежда возлагалась на совершенствование технологий колониального управления, распространение передового британского опыта в сфере промышленности и сельского хозяйства, внедрение новых методов, способствующих социальному и культурному развитию местного населения[3].

Сформулированная в работах партийных деятелей концепция колониальной стратегии включала два основных аспекта. Первый из них был связан с представлением о неравенстве различных рас, рассматривавшемся как основной источник проблем и сложностей в отношениях между различными слоями и группами колониальных подданных. Глубокие расовые, этноконфессиональные и социальные противоречия, существующие в азиатских и африканских социумах, в соответствии с данной точкой зрения, могли быть разрешены исключительно путём вмешательства компетентных представителей метрополии[4]. Второй компонент предполагал принятие комплекса мер по продвижению колоний к более самостоятельному политическому статусу, отвечающих критерию моральной ответственности и социальных обязательств метрополии в отношении населения британских

---

[1] Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933 / Luke Reader. «Not Yet Able to Stand by Themselves»:Leonard Woolf, Socialist Imperialism, and Discourses of Race, 1925-1941. Irvine, 2011. P. 130.
[2] Labour Party. The Colonial Empire… P.18-19.
[3] Ibid. P. 21-23.
[4] *Wilson P*. The International Theory of Leonard Woolf: A Study in Twentieth Century Idealism. N. Y., 2003. P. 102.

владений. Для реализации этих целей считалось необходимым активное использование новых технологий колониального правления, британской экономической практики и научного опыта, а также методов социального и культурного развития.

Поиск нового баланса интересов в партийной идеологии занял достаточно долгий период. В 1925 г. Л. Вульф опубликовал свой меморандум, в котором делался акцент на необходимости осуществления политики «широко опирающейся на экономические, политические и социальные принципы и идеалы лейбористов»[1]. Наряду с защитой интересов рабочих, Вульф придавал большое значение позиционированию Лейбористской партии как защитника интересов колониальных поданных Великобритании. В этой связи, он полагал принципиально важным внесение в партийную программу тезисов о необходимости стимулирования различных видов экономической деятельности в колониях и более справедливом распределении прибыли между колониальными территориями и метрополией[2]. Одним из основных направлений развития колониальной экономики, по мнению Вульфа, должно было стать поощрение различных форм кооперации внутри сельских общин с целью «повышения эффективности использования земли для их собственной выгоды и пользы»[3]. При этом он высказывался за ограничение прав европейских колонистов по экспроприации земельных участков и подчёркивал необходимость обеспечения гарантий собственности на них местным крестьянским общинам. Ответственность за реализацию соответствующих направлений политики должны были нести колониальные администрации[4].

Экономическое развитие колониальных территорий, как отмечалось в меморандуме, должно сочетаться с комплексом мер по «образованию местных племён с целью подготовить их к тому, чтобы они, в качестве свободных людей, заняли достойное место в экономической и политической

[1] *Porter B*. Critics of Empire: British Radical Attitudes to Colonialism in Africa. N. Y., 1968. P. 189.
[2] Ibid. P. 196.
[3] *Wilson P*. Op.cit. P. 201.
[4] Ibid. P. 202.

системе, которую установили европейцы…»[1]. Задача Лейбористской партии, в этих условиях, по мнению автора документа, состояла в том, чтобы обеспечить жителям британских владений возможность получения знаний, «которые позволят им приспособиться к новым социальным, политическим и экономическим условиям, созданным британским правлением»[2].

Одним из важных аспектов колониальной стратегии Лейбористской партии в 1920-х гг. стала идея о международных механизмах регулирования, которые были призваны помешать эксплуатации сырьевых, земельных и трудовых ресурсов колониальных территорий, а также смягчить трения между конкурирующими европейскими державами. Международное воздействие на имперскую политику, осуществляемое, в первую очередь, через Лигу Наций, должно было, как отмечалось в партийных документах, способствовать активизации усилий колониальных держав по экономическому развитию своих владений и повышению благосостояния их населения[3].

Колониальная политика, кроме того, предполагала реализацию мер по «образованию местных племён с целью их подготовки к тому, чтобы они, в качестве свободных людей, заняли достойное место в экономической и политической системе, установленной европейцами»[4]. Задача Лейбористской партии, в этих условиях, как подчёркивалось в одном из партийных памфлетов, состояла в том, чтобы обеспечить жителям британских владений доступность обучения и получения знаний, «которые позволят им приспособиться к новым социальным, политическим и экономическим условиям, устанавливаемым британским правлением»[5].

Корректировка политической линии коснулась и колониальной стратегии. В 1929 г. лейбористы инициировали принятие британским

---

[1] Ibid. P. 225.
[2] Ibid. P. 230.
[3] Memorandum of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. May 16, 1925. Manchester, 1926. P.11.
[4] Idid.
[5] Idid. P.12.

парламентом «Акта о колониальном развитии» (Colonial Development Act)[1], предполагавшего определённые меры по экономической поддержке колоний, а также шаги по расширению их самостоятельности. В документе предусматривалась, в том числе, и возможность предоставления Индии статуса доминиона[2].

Однако в последующий период руководство Лейбористской партии внесло существенные коррективы в свои программные установки, касавшиеся, в том числе, и вопросов колониальной стратегии. Новый этап в развитии партийной идеологии был обусловлен комплексом сложных внутренних проблем и внешнеполитических трудностей, с которыми Великобритания столкнулась в 1930-х гг.

В начале февраля 1933 г. был опубликован важный партийный документ, получивший название «Заметки Консультативного комитета Лейбористской партии по имперским вопросам»[3]. В июне и июле того же года появились ещё два меморандума Консультативного комитета, ключевую роль в подготовке которых сыграли Л. Вулф, а также Р. К. Бакстон и Г. Роуз[4]. Данные документы заложили основу колониальной стратегии Лейбористской партии в 1930-х гг.

Одной из ключевых позиций партийной программы лейбористов по-прежнему оставался тезис о моральном долге Великобритании и британского общества и их ответственности за защиту населения колоний от империалистической экономической эксплуатации. Основываясь на идеях Дж. Милля, авторы документов высказывали критические замечания в адрес администрации колоний, сдерживающей, по их мнению, финансовые инвестиции в колонии. Сложившийся экономический механизм, как отмечалось в документах, мешал реализации метрополией важнейшей задачи социального развития и превращал колонии лишь в средство

---

[1] *Etherington N*. Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital. Totowa, 1984. P. 46.
[2] *Darwin J*. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System. N.Y., 2009. P. 664
[3]*Etherington N*. Op.cit. P. 61.
[4]Ibid. P. 68.

обогащения узкого слоя аристократии, о чём в своё время предупреждал Э. Бёрк[1].

В меморандумах подчёркивалось, что задачей партии должно стать сохранение традиционной имперской роли Великобритании. В тоже время, лейбористам необходимо поощрять «социальный и профессиональный успех развивающихся общин… путём предоставления колониальным подданным возможностей по социальному, политическому и экономическому развитию до того уровня на который они способны»[2].

Данная задача предполагала «развитие гражданских институтов, судебной системы, образования, обеспечение равенства возможностей и создание политических органов, которые будут поощрять социальный и экономический прогресс»[3]. Колониальные владения, по мнению авторов документов, должны были стать одним из полигонов для апробации партийных принципов социального реформизма. Как отмечал в одном из выступлений Л. Вулф, «нет более обещающего и, в то же время, более запущенного поля для быстрого развития социализма, чем Азия и Африка, опыт которых позволит эффективнее осуществить реформы в самой метрополии»[4].

С другой стороны, лейбористские идеологи характеризовали туземное население как глубоко отсталое и чуждое достижениям современной цивилизации, а колониальный статус - как единственное средство их приобщения к передовым знаниям и культурному опыту. Распространение западных технологий, в частности авиации и радио, по их мнению, было призвано способствовать «сильнейшему воздействию современных идей на сознание всех местных общин»[5].

Реорганизация традиционной структуры восточных обществ, согласно лейбористской концепции, предполагала обучение колониальных подданных

---

[1] *Ashworth L.M.* International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918-1945. L., 2007. P. 247.
[2] Idid.
[3] Idid. P.248.
[4] Idid.
[5] *Etherington N.* Op. cit. P. 82.

и их подготовку к самостоятельному политическому существованию. Применительно к африканским колониям, как наиболее отсталой части британских владений, решение данной задачи предполагало создание системы кооперативов, которые должны были, с одной стороны, способствовать повышению эффективности аграрного производства, а с другой – стать важным инструментом обучения туземного населения навыкам административного самоуправления.

В данном контексте программные установки лейбористов предполагали существенный пересмотр традиционных социокультурных установок британской колониальной политики. Единственный способ достижения колониями Великобритании независимого политического статуса партийные идеологи видели в длительном приобщении туземного населения к европейским экономическим, политическим и социальным ценностям.

Одним из важнейших аспектов колониальной доктрины лейбористов стала, таким образом, идея о глубочайших ментальных различиях между европейцами и населением азиатских и африканских колоний. Авторы программных документах партии, обращаясь к интеллектуальному опыту либеральных мыслителей первой половины XIX в, в частности, к идеям Дж. Стюарта Милля и Т. Макколея, определяли колониальную политику как моральную ответственность и особую социальную обязанность, возложенную не только на британское государство, но и на британское общество в целом. Исходя из этой общей установки, лейбористская пресса и публицистика формировали в Великобритании «имперское чувство самовосприятия колониальной политики как оказания содействия народам, находящимся вне общепринятых цивилизационных и культурных рамок»[1].

[1] *Ashworth L. M.* Op. cit. P. 252.

В дополнение к партийным меморандумам, в 1933 г. Л. Вулфом был опубликован памфлет «Колониальная империя»[1]. В нём приводилась своеобразная иерархия колониальных владений Великобритании, основанная на степени их «цивилизационного развития». На первое место в этом иерархическом ряду Л. Вулф поставил колонии с «европейской культурой», к числу которых им были отнесены британские владения в Средиземноморье и Вест-Индии. Принципиальным их отличием являлась «европейская принадлежность по культуре, языку, религии и экономической деятельности»[2]. В силу этих особенностей к населению данных территорий, по мнению автора, нельзя применять определение «туземцы».

Принципиально иной категорией являлись колонии «с восточной культурой», к которым относились Индия, Цейлон, Малайя и британские владения в Китае. Для них, с точки зрения Л. Вулфа, была характерна определённая степень готовности к самоуправлению. К третьей категории относились африканские и тихоокеанские колонии, населённые народами «с примитивной культурой»[3].

Смысл колониального правления Великобритании виделся автором в побуждении населения во владениях второй и третьей категории к постепенному отказу от «традиционных культурных форм, моделей социальной организации и методов экономической деятельности для достижения европейского уровня цивилизации и осознания готовности к самоуправлению»[4]. Таким образом, единственный способ достижения населением колониальных территорий политической независимости заключался, по его мнению, в аккультурации и «приобщении к ценностям западной цивилизации»[5].

---

[1] Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933 / Luke Reader. «Not Yet Able to Stand by Themselves»: Leonard Woolf, Socialist Imperialism, and Discourses of Race, 1925-1941. Irvine, 2011. P. 130.
[2] *Ashworth L. M*. Op. cit. P. 254.
[3] Idid. P. 258.
[4] Idid.
[5] *Callahan J*. The Labour Party and Foreign Policy: A History. L., 2007. P. 92.

С середины 1930-х гг. на стратегию лейбористов всё большее влияние оказывала растущая международная напряжённость, создававшая серьёзные угрозы, как самой метрополии, так и её обширным колониальным владениям. Попытки партийных идеологов найти ответы на новые вызовы нашли своё отражение в ряде партийных документов, в частности, в опубликованном в 1936 г. памфлете «Требования экономического равенства для колониальных территорий»[1]. В нём предлагалось распространить политику умиротворения Германии и Италии на колониальную периферию. Авторы памфлета предполагали, в частности, что упреждающие компромиссы в Африке позволят смягчить германские и итальянские претензии и ослабить международную напряжённость. Кроме того, в документе делался акцент на необходимости принятия дополнительных мер по экономическому развитию колоний и развитию местной системы тред-юнионов, что должно было воспрепятствовать «росту националистической агитации»[2].

Руководителями Лейбористской партии в данный период подчёркивалась необходимость адаптации системы королевских колоний к постепенной передаче большей доли самоуправления местному населению. При этом делался особый акцент на необходимости обеспечения твёрдых гарантий для европейских переселенцев, инвесторов, а также связанных с колонизаторами представителей местной знати. Идеальным вариантом, в данной связи, считалось создание системы «доверительного управления», при которой местное население воспринимало бы колониальный режим как своего рода форму обучения, призванную подготовить его к самостоятельному политическому существованию[3]. При этом в партийных документах и прессе подвергались критике расистские концепции, «предполагавшие сохранение колониальных подданных в их состоянии подчинения, невежества и низкого качества жизни»[4].

---

[1]. *Gupta P. S.* Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964. L.: Palgrave Macmillan UK, 1975. P. 288.
[2] *Callahan J.* Op.cit. P. 94.
[3] Idid.
[4] *Thorpe A. A.* Op. cit. P.51-52.

В развитие базовых партийных установок, представителями Лейбористской партии в данный период были разработаны конкретные проекты «социализации» экономики африканских колоний, предполагавшие развитие различных форм сельскохозяйственной кооперации, создание системы доступного кредитования и поддержку местной промышленности. Развитие приоритетных направлений экономики колоний, в частности, инфраструктурных отраслей и добычи полезных ископаемых, рассматривалось в них в качестве важнейшей задачи колониальной администрации.

Предполагалось, что эти меры должны будут способствовать эффективному освоению природных ресурсов, формированию экспортно-ориентированной экономики и постепенному преодолению бедности основной массы колониального населения. Реализация этих планов, с одной стороны, соотносилась с преобладавшими в тот момент в британском обществе либеральными настроениями, а с другой, - должна была способствовать сохранению контроля над ресурсами колоний и облегчению задачи структурной перестройки экономики самой метрополии[1].

Африканские колонии, по мнению лейбористских идеологов, являлись идеальной моделью для апробации различных методик экономического и социального планирования. При этом в развитии их экономики должны были в обязательном порядке учитываться «ошибки, выявленных европейским опытом»[2].

Наиболее важным направлением данной политики, согласно лейбористским концепциям, должна была стать подготовка африканских колоний к политическому самоуправлению. Как отмечал в одном из документов Л. Вулф, важнейшей и очень сложной обязанностью колониальной администрации является постепенное «продвижение не цивилизованных и находящихся вне рамок приличного общества и развития»

---

[1] *Boehmer E*. Immensurable Strangeness in Imperial Times: Leonard Woolf and W. B. Yeats/ Modernism and Empire. Ed. by Booth H. J. and Rigby N. N.Y., 2000. P.106.
[2] Idid.

африканцев «к экономическому прогрессу и процветанию, к самоуправлению и самой цивилизации»[1].

Основным средством в реализации данной цели должно было стать развитие системы образования. «Только с помощью обучения, в том числе и в Англии, - подчёркивал Л. Вулф, - африканцы смогут выйти из отсталого состояния»[2]. С этой целью он предполагал направить в африканские колонии на короткий срок британских тьютеров для инструктирования и создания учительских колледжей, а также открытия преподавательских программ. Школьные курсы должны были сочетать определённую вариативность с необходимостью соблюдения критериев обучения «либеральному искусству»[3]. Они должны «формировать у туземных детей знания, необходимые для понимания и интеллектуальной адаптации к новым условиям, которые создаёт для них западная цивилизация»[4].

Расширение системы среднего образования, увеличение числа технических школ и институтов, по мнению Л. Вулфа, создаст важные предпосылки для развития местной англоизированной элиты, представленной высококвалифицированными рабочими, учителями, инженерами, работниками системы здравоохранения и органов местного самоуправления. Таким образом, единственным способом освобождения от колониальной зависимости, согласно его мнению, являлось усвоение африканцами британского культурного и интеллектуального опыта[5].

Одним из важных положений «социал-империалистической» концепции, окончательно оформившейся в межвоенный период, явилась идея активного перехода к социальному реформизму, предполагавшему улучшение условий труда, а также повышение качества медицинских услуг и образования в колониальных владениях. Особое место, в данной связи, уделялось реформаторским проектам в Индии.

---

[1] *Howe S.* Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire. Oxford, 1993. P. 167.
[2] Idid.
[3] *Thomas J. H.* Op. cit. P. 80-81.
[4] Idid. P.86.
[5] *Darwin J.* Op. cit. P. 664.

Сторонники данной точки зрения полагают, что такой поворот в колониальной политике Великобритании не выходил за рамки традиционных либеральных принципов. Подобная трансформация отражала важные тенденции в социально-экономическом развитии самой метрополии и переход к более активной роли государства в разрешении социально-экономических проблем индустриального общества.

Подчёркивая, что универсализм идей социального усовершенствования, призыв к увеличению роли государственной помощи в преодолении трудностей индустриализации, колониальная политика отражала социальный поворот в метрополии. Социальная активность, в этих условиях, рассматривалась, как способ распространения присущего британскому правлению либерализма. В середине 1920-х гг. приверженцы «социалистического империализма» обратились к идее более твёрдого и жёсткого социального порядка, которую они пытались реализовать на примере модели управления Индией. Ключевое же противоречие между либеральными принципами и идеей активного социального регулирования продолжала оставаться стержнем «социал-империалистической» парадигмы вплоть до распада британской колониальной системы.

Важную роль в формировании идей «социал-империализма» сыграли фабианцы, а также либеральные и лейбористские радикалы, с начала XX в. активно выдвигавшие свои проекты реформирования управления империей. Радикальные мыслители, работавшие в рамках правительственных структур, а также международных организаций, в первую очередь, Лиги Наций, миссионерские и исследовательские объединения, в частности «Роунтри Траст и Родс Фоундэйшнз» (Rowntree Trust и Rhodes Foundations) предлагали меры по защите населения колоний от разрушения их традиционной их «традиционной жизни, и подготовить их к существованию в современном мире»[1].

[1] *Grayson R.S.* Liberals International Relations and Appeasement. N.Y., 2007. P.21.

В межвоенный период сторонники «социал-империализма» активно обсуждали вопросы соотнесения колониализма и принципов демократии, а также роли государства в регулировании сложных процессов социально-экономической трансформации колониальных обществ и защите местных аграрных обществ от пагубного влияния индустриальной цивилизации. Заметную роль в этих дискуссиях сыграла деятельность лорда Хэйли, А. К. Джонса, М. Перихэма, которые пытались обосновать моральную цель империи как «модернизацию» и «трансформацию» колониальных обществ « по пути установления универсального порядка»[1].

По мнению одного из современных британских исследователей Д. Кеннеди, в данной связи «прослеживалась широкая генеалогия между социальным поворотом гражданского общества, социальным капиталом, идеей развития «периферийных обществ», модернизации и реконструкции аутентичных социальных и коммунальных связей как альтернативу традиционному прямому колониальному управлению»[2]. Данная фундаментальная задача предполагала развитие колониальных общин, системы сельских кооперативов, и «других форм, обеспечивающих устойчивое развитие»[3].

В межвоенный период идеологические установки Лейбористской партии, в том числе, в части, касавшейся колониальной политики, претерпели сложную эволюцию. На фоне целого комплекса внутренних проблем и внешних вызовов, с которыми столкнулись Великобритания и её колониальная система, партийные идеологи пытались предложить оптимальную модель стратегии, сочетавшую традиционные имперские ценности и свойственную лейбористам, на раннем этапе существования партии, антиимпериалистическую риторику.

В конечном счёте, базовые принципы политики в сфере управления колониями, нашедшие отражение в ключевых партийных документах 1920-х

[1] Ibid. P.22.
[2] *Kennedy D*. Britain and Empire. L., 2002. – P. 58.
[3] *Adelman P*. The Rise of the Labour Party 1880-1945. L., N.Y., 1986. P. 144.

– 1930-х гг., стали очевидным доказательством условности различий в колониальной стратегии между консерваторами, позиционировавшими себя как твёрдых приверженцев имперских ценностей, и лейбористами, которые, в немалой степени продолжали апеллировать к антиимпериалистической фразеологии.

Трансформацию колониальной системы идеологи Лейбористской партии рассматривали как важную составную часть своей общей реформистской платформы. В тоже время, за счёт использования социал-реформистских концепций, ими, в данный период, была предпринята попытка определённого реанимирования терявшей популярность в британском обществе имперской идеи. Несмотря на то, что период правления лейбористских кабинетов был достаточно кратким, а в сфере внешней политики и колониальной стратегии лейбористы зачастую уступали более опытным консерваторам, их реформаторские идеи и проекты в немалой степени повлияли на последующую эволюцию колониальной системы Великобритании после завершения Второй мировой войны.

В отличие от Лейбористской партии, являвшейся новичком на политической арене Великобритании, Консервативная партия, фактически вернувшая себе в данный период монополию на власть, обладала сложившейся системой взглядов на ключевые вопросы государственного управления, к числу которых относилась и политика в отношении колоний.

С 70-х гг. XIX в. в сфере колониальной политики консерваторы выступали как последовательные сторонники имперских ценностей, лоббируя проекты, связанные с расширением колониальных владений и укреплением британского влияния в различных регионах мира. Данную стратегию большинство представителей партийного руководства полагали возможным продолжить и после окончания Первой мировой войны. Сам факт победы Великобритании рассматривался ими как очередной важный шаг на пути укрепления Pax Britanica. Значительная часть консервативного истеблишмента активно поддерживала идеи расширения колониальных

владений Великобритании в Африке, а также включения в непосредственную сферу британского влияния Ирана и бывших провинций Османской империи на Ближнем Востоке.

В то же время, к моменту завершения Первой мировой войны новое поколение партийных лидеров, во главе с Э. Б. Лоу, исходило из понимания необходимости определённых преобразований в сфере управления некоторыми колониями, в первую очередь, Индией. При этом большая часть руководства Консервативной партии была твёрдо убеждена в том, что данные реформы должны носить крайне осторожный характер, и ни в коей мере не подрывать сложившиеся устои британского господства на данных территориях.

В партийных документах рубежа 1910-х – 1920- х гг. аспекты, связанные с колониальной политикой, часто рассматривались в более широком контексте имперской стратегии наряду с проблемами урегулирования ситуации в Ирландии и перспектив взаимоотношений метрополии и доминионов.

В манифесте, подготовленном лидерами Консервативной партии Э. Б. Лоу и С. Болдуином к выборам 1918 г., в части касающейся колониальной проблематики подчёркивалась необходимость предоставления колониям и зависимым территориям «преференций в рамках существующей системы налогообложения, а также относительно возможных новых обязательств»[1].

В качестве одной из базовых целей стратегии партии, являвшейся на тот момент основным элементом коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа, в нём обозначалось «продолжение укрепления единства и развитие нашей Империи, а также составляющих её народов, защита наших позиций, влияния и власти, достигнутых их жертвами и усилиями во имя человеческой свободы и прогресса…»[2] Наряду со стремлением к решению ирландской проблемы, авторы манифеста заявляли о стремлении поддерживать

[1] 1918 Conservative Party General Election Manifesto. URL http://www.conservativemanifesto.com/1918/1918-conservative-manifesto.shtml (дата обращения: 4.11.2013).
[2] Ibid.

«продвижение Индии в развитии институтов ответственного правительства»[1].

Изменения, происходившие в восприятии истеблишментом Консервативной партии приоритетов в сфере колониальной стратегии, нашли отражение и в ряде других партийных документов. Основным содержанием стратегии партии в сфере колониальной стратегии явилось сочетание реформаторских идей, имевших своей целью постепенное продвижение колониальных территорий к более самостоятельному статусу, со стремлением сохранить британское экономическое и геополитическое доминирование[2]. Глубокая убеждённость в необходимости обеспечения общего британского политического контроля над азиатскими и африканскими владениями совмещалась во взглядах консервативных идеологов с пониманием необходимости адаптации колониального механизма к новым, возникшим вследствие Первой мировой войны тенденциям. Важное влияние на взгляды партийных идеологов оказывали и новые тренды, обозначившиеся в данный период в сфере общественных настроений британцев.

В начале XX в. в Великобритании развернулась широкая дискуссия, связанная с определением содержания понятия «английской нации» и той роли, которую она должна была играть в мире. К тому моменту в британской интеллектуальной среде существовало две версии патриотической идеологии. Первая была связана с британской имперской ролью в мире, в то время как вторая, получившая со стороны оппонентов пренебрежительное наименование «Малая Англия» основывалась на критике империалистской доктрины и призывала к концентрации на решении внутренних проблем[3].

В рамках возникшей в поздневикторианский период идеологии «нового империализма» британская идентичность была тесно связана с идей Британской империи, а понятие «британскость» воспринималось как антипод

---

[1] Ibid.
[2] Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L., 2000. P. 136.
[3] *Guttsman W.L.* The British political elite. L., 1963. P. 330.

понятию «английскость». На рубеже XIX-XX вв., широкое распространение и поддержку со стороны правящей элиты получила концепция «британскости», предполагавшая тесную и непосредственную увязку британской национальной идентичности с имперской идеей. Понятие «Британской империи», занимавшей исключительную роль в мировой политической системе в данном случае чётко противопоставлялась категории «английской империи», замкнутой, в основном на внутренних проблемах. Вместе с тем, имперская концепция, при всей своей значимости, никогда не обладала абсолютной монополией в британских интеллектуальных кругах. Важной темой дискуссий являлась также проблема взаимоотношений между колонизаторами и населением колоний. Наиболее часто данная проблема обсуждалась применительно к Индии.

Главным объектом критики в данный период становятся «дурные» методы управления британскими колониями, которые, по мнению скептиков, вели к истощению их ресурсов и росту бедности. Данная критика, в немалой степени, основывалась на постулатах позитивистской философии, с позиций которой выступал Г. Спенсер и ряд других известных британских деятелей. В её основе лежало неприятие со стороны широкого спектра политических сил Великобритании т.н. «цезаристской» модели империализма[1].

В соответствии с распространённой в историографии точкой зрения в первые десятилетия XX в. значительную часть британского общества интересовал не столько сам процесс имперской экспансии, сколько её возможные последствия для эволюции либеральных политических институтов в самой метрополии. Как отмечалось в одной из публикаций, данный интерес строился, на стремлении понять, «насколько доминион, находящийся на удалённой территории, затрагивал традиционный характер английской политики и английские институты»[2]. В силу этого в

[1] Cain P. J., Hopkins A. G. British Imperialism. In 2 vols. L., 1993. Vol. II. P.109.
[2] *Jackson T. A.* The British Empire. L., 1921. P. 13.

поздневикторианский и эдвардианский периоды, наряду с доминировавшей имперской повесткой в британских политических дискуссиях продолжалась и активная эволюция различных вариантов «антиимпериалистических» концепций.

В условиях изменений, происходивших в различных сегментах британского общества вследствие Первой мировой войны, «антиимпериалистическая» критика «притягивала новых противников империи, равно как и неудовлетворительное состояние британского общественного мнения в отношении империалистов»[1].

Среди сторонников «антиимпериализма» также преобладала точка зрения, согласно которой азиатские и африканские народы «точно также как англичане, заслужили доступ к благам западной цивилизации», хотя и осуждали силовой вариант их распространения[2]. При этом критики империализма в межвоенные десятилетия редко прибегали к гуманитарной тематике применительно к ситуации в самих британских колониях. Напротив, гуманитарный аргумент становится одним из оснований империалистической идеологии, использовавшимся, в частности, для обоснования необходимости сохранения, в модифицированном виде, режима колониального управления. По словам одного из британских исследователей, «миссионерское влияние на данном этапе оказалось столь значительным, что смогло привлечь широкое общественное внимание в Великобритании к имперским проблемам, убедив его в необходимости экспансии... «Многие… казалось, были за империю, подобно тому, как многие были против греха, что означало, что они скорее поддерживали общее настроение, чем разделяли некую частную веру… Чувство это было сколь сильным, столь же и туманны…»[3] В то же время, «в отношении конституционных и

[1] *Hearnshaw F. J. C.* Op. cit. L., 1920. P. 162.
[2] *Grayson R.S.* Op. cit. P.58.
[3] *Freeden M.* Liberalism divided. A study in British political thought. 1914 – 1939. Oxford, 1986. P. 354.

экономических аспектов проблемы, артикуляция настроений была более определённой, и здесь обозначались определённые расхождения»[1].

В 1920-е гг. моральная идея империи стала восприниматься как «модернизация и трансформация туземных обществ по пути универсальной цивилизации»[2]. В данной связи, отмечалась прямая взаимосвязь между социальным поворотом внутри традиционной либеральной империи, идеями колониального развития, тенденциями и интересами британского гражданского общества и вмешательством в процессы развития т.н. «периферийных» обществ.

Колониальная политика в межвоенный период обычно принимала характер либо прямых попыток следования «традиции», включая формы непрямого администрирования, либо пытались создать ей некую альтернативу путём модернизации и реконструкции аутентичных социальных и коммунальных связей. В практической плоскости данная модель предполагала развитие колониальных общин, сельской кооперации и создание устойчивой модели экономического роста. Она включала в себя также механизмы трансформации традиционной общинности с возможностью использования племенной системы в качестве инструмента непрямого администрирования, распространение в отдельных регионах т.н. «городского национализма»[3].

Таким образом, в межвоенный период в Великобритании продолжали сосуществовать две версии империалистической идеологии. Первая из них являлась более традиционной и основывалась на восприятии имперской экспансии как неотъемлемого атрибута «исключительности британской идентичности». Вторая предполагала необходимость защиты зависимых территорий от «издержек» имперского управления[4]. Данные направления, в свою очередь, в немалой степени, являлись преемственными по отношению к

---

[1] Ibid.
[2] *Cell J. W.* Colonial Rule. The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. N. Y., 1999. P.177.
[3] Empire Development & Colonialism: Past and Present. Ed. by M. Duffield & V. Hewitt. L., 2009. P..305.
[4] *Matikkala M.* Op. cit. P.5.

идеологическим течениям, возникшим в рамках колониального дискурса в викторианский период.

Окончание Первой мировой войны ознаменовалось существенной перестройкой механизма колониальной политики Великобритании, обусловленной комплексом факторов. К их числу следует отнести негативные экономические тенденции, приведшие к существенному сокращению бюджетных расходов, связанных с управлением колониями. Изменения в имперской политике, произошедшие в данный период были обусловлены также глубинными социальными процессами, происходившими в британском обществе в первые десятилетия XX в. и связанными с ними изменениями в политической системе. Следует отметить также роль перемен, произошедших в результате войны в психологии, существенную смену акцентов в умонастроениях рядовых британцев, уставших от военных трудностей и ожидавших решения, в первую очередь, внутренних социально-экономических проблем. Наконец, перед британским руководством встала весьма непростая задача приспособления своей политики к реалиям послевоенной ситуации в мире, а также к обозначившемуся росту национально-освободительного движения и сепаратистских настроений, отражавших нарастание кризиса внутри империи. Вызванные данными факторами изменения в политике метрополии, происходившие на рубеже 1910-х – 1920-х гг., предопределили многие принципиально важные тенденции в эволюции колониальной системы Великобритании в последующие десятилетия.

Глава II. Формирование модели диархии как переходный этап в эволюции колониальной стратегии Великобритании в Индии.

§ 2.1. Изменение ситуации в Британской Индии вследствие Первой мировой войны и принятие нового закона об управлении индийскими владениями в 1919 г.

На протяжении нескольких столетий своего существования, система колониализма претерпела достаточно сложный процесс эволюции. Стремясь приспособиться к менявшимся историческим реалиям, она, в свою очередь, оказывала громадное воздействие на мировые социально-экономические и политические процессы. При всём многообразии вариаций европейского колониализма, многие исследователи, изучая закономерности его развития, заостряют своё внимание, в первую очередь, на британской колониальной системе. Великобритании удалось не просто создать крупнейшую по территории колониальную империю. Британский колониализм отличался заметно большей в сравнении с другими колониальными системами гибкостью, а также вариативностью форм и методов осуществления собственного влияния. Будучи внутренне достаточно сложным и противоречивым явлением, Британская империя в своём развитии отражала динамику восприятия английским обществом и политической элитой Великобритании его базовых ценностей и ключевых целей. Данная динамика на протяжении длительного исторического периода представляла собой взаимодействие двух основных начал, вокруг которых строилось развитие империи – либерального и консервативного[1].

Одним из наиболее типичных проявлений данного взаимодействия являлась политика правительства Великобритании в ключевой колонии, которая по праву признавалась стержнем империи – в Британской Индии. К

[1] Подробнее см.: *Сагимбаев А.В*. Проблема поиска новых императивов колониальной политики Великобритании во второй период правления коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа (1918-1922 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История» ИВИ РАН, № 3 (11).

началу Первой мировой войны, Индия являлась важнейшим центром формирования британской политики на всём азиатском континенте, а также играла огромную роль в имперской экономической системе. По состоянию на 1914 г. из почти четырёхсот миллионов небелых подданных британской короны, 312 миллионов приходилось на долю её индийских владений[1]. В силу огромного стратегического веса, который Индия имела в составе империи, её не могли не коснуться те важные изменения, которые начались в системе британского колониализма после окончания войны. Они отражали начало общего кризиса имперской системы и побуждали английскую политическую элиту к поиску новых форм и методов отстаивания традиционных колониальных интересов.

К 1914 г. в основе системы управления крупнейшей британской колонией лежали принципы, заложенные Хартией 1833 г. и закреплённые после восстания 1857-1859 гг. Они предусматривали высокую степень централизации административного механизма и концентрацию власти в руках относительно немногочисленного английского чиновничьего аппарата, входившего в структуру Индийской гражданской службы [Indian Civil Service][2]. В то же время, система англо-индийского управления, часто обозначаемая в англоязычной историографии термином Raj, обладала достаточно высокой степенью автономии и самостоятельности в принятии решений от Лондона.

Британская политика в Индии на протяжении большей части XIX – начала XX вв. характеризовалась чередованием консервативного и либерального подходов. Как отмечает российский исследователь В.Я. Белокреницкий: «… базовым и большую часть времени преобладающим был первый из них, что вполне объяснимо потребностями установления политического контроля над иным в культурном отношении населением и

---

[1] *Egerton H.E.* British colonial Policy in the 20th Century. L., 1922. P.176.

[2] На тот момент общая численность английских служащих Индийской гражданской службы не превышала 1600 чел. См.: *Cohn, B. S.* Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton University Press, 1996. P.43.

его закрепления путём на господствующие в местном обществе силы»[1]. Несмотря на определённые различия, представители обеих тенденций вплоть до начала XX в. сходились в достаточно негативной оценке способности индийцев к управлению своей страной. Концентрация всей полноты власти в руках англичан объяснялась сложной этноконфессиональной и кастовой структурой населения Индии, косностью и консерватизмом мышления индийцев, основанного на традиционных религиозно-философских нормах, отсутствием у них элементов политической культуры в европейском её понимании.

После весьма ограниченных по своему характеру либеральных преобразований, предпринятых вице-королём лордом Риппоном в первой половине 1880-х гг. в управлении Британской Индией возобладала консервативная тенденция, наиболее ярко проявившаяся в 1898-1905 гг., когда должность вице-короля занимал Дж. Н. Керзон. Его политический курс, обозначаемый британским историком Н. Фергюсоном понятием «ториентализм», сводился к отрицанию либеральной установки на поддержку и сотрудничество с европейски образованной индийской интеллигенцией. Лейтмотивом британской политики в Индии, по мнению Керзона, должно было стать «сохранение все лучших черт туземного общества»[2]. Главной опорой британского правления он считал традиционную индийскую знать, а основным направлением колониальной политики видел консервацию традиционной иерархической структуры индийского общества и поддержание имевшихся в нём противоречий[3]. Наиболее заметными шагами в данном направлении явился перенос административного центра колонии из Калькутты в Дели, а также территориальное разделение провинции Бенгалия, вызвавшее резкое обострение отношений между индуистской и мусульманской общинами, а

---

[1] *Белокреницкий В.Я.* Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов / Британская империя в XX в. Под ред. Пегушева А.М. и др. М., 2010. С. 270.
[2] *Фергюсон Н.* Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 291.
[3] Там же. С. 286-287.

также усиление политического радикализма среди различных слоёв индийского общества[1].

Новый импульс либеральным преобразованиям был дан на рубеже 1900-1910-х гг., что в немалой степени было связано с успехами политики «нового либерализма» в самой метрополии. Осуществлённая в данный период вице-королём лордом Минто и госсекретарём по делам Индии Дж. Морли административная реформа привела к созданию во всех крупных индийских провинциях совещательных Советов, и введению, впервые в индийской истории, ограниченной куриальной системы голосования[2]. Тем не менее, политический эффект данной реформы оказался весьма незначительными, поскольку она не смогла объединить вокруг британской администрации индийскую знать и интеллектуальную элиту. В высших слоях индийского общества всё активнее звучали призывы ввести в Индии систему представительной власти и ответственного правительства.

В начале XX в. Британская Индия являлась достаточно сложным административным образованием. Часть её территории находилась под прямым управлением английской администрации. Она подразделялась на девять больших или «основных», а также на шесть «малых» провинций. Всего на данных территориях к тому моменту проживало около 247 млн. чел. Другой административно-территориальной составляющей огромной колонии являлись княжества, обозначаемые в английской литературе и документах понятием «Native States» Подавляющее большинство из них занимали весьма незначительную территорию и лишь некоторые, например Хайдерабад, представляли собой достаточно крупные образования. Княжества были полностью лишены внешнеполитической самостоятельности, но обладали различной степенью автономии во внутренних делах, которая заметно варьировалась и определялась как юридическими договорами, так и сложившимися нормами обычного права. Они управлялись собственными

[1] *Сергеев Е.Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 106.
[2] *Ilbert, Sir Courtenay Peregrine*. The Government of India. Third Edition revised and updated. Clarendon Press, 1922. P. 119–122. См. также: Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3, Calcutta, 1948–49. P.413.

династиями, считавшимися вассалами британской короны и находившимися под контролем представителей британской администрации. Отдельные княжества обладали правом самостоятельного сбора налогов, выпуска собственных денег, пользовались заметной самостоятельностью в сфере судопроизводства[1]. Всё европейское население Британской Индии к началу 1920-х гг. составляло около 135 тыс. чел., из которых 60 тыс. были военными[2].

К моменту окончания войны в ключевой британской колонии сложились важные предпосылки, предопределявшие необходимость преобразований. В военный период произошло заметное укрепление экономических позиций Индии, существенно выросли показатели промышленного и сельскохозяйственного производства, появились новые и окрепли ранее существовавшие отрасли индустрии. Наметилась тенденция к диверсификации внешнеэкономических связей, ослаблению зависимости индийской экономики от британского импорта, укреплению самостоятельности индийской буржуазии. С другой стороны произошли существенные изменения в умонастроениях значительной части индийского населения, в первую очередь, его интеллектуальной элиты. Они были связаны с появившимся убеждением в том, что мировая война и та роль, которую сыграла в ней Индия, неминуемо должны привести к изменению её статуса и положения внутри империи. Показательно, что подавляющее большинство индийцев абсолютно искренне поддержали метрополию в начавшемся военном конфликте и оказали содействие военным усилиям англо-индийского правительства. Оценивая данный вклад, бывший вице-король лорд Хардинг, выступая в Палате лордов в июле 1917 г. отмечал: «В августе и начале сентября [1914 г. – А.С.] индийские экспедиционные силы, состоявшие из двух дивизий, были направлены во Францию, куда они прибыли для того, чтобы заполнить образовавшуюся на фронте брешь…, и

[1] *Fraser L*. India under Curzon and after. L., 1911. P. 15-17.
[2] *Aga Khan*. India in Transition. A Study of Political Evolution. L., 1918. P.147.

освятить своей кровью союз Индии и Британской империи. Из Индии на тот момент было переброшено семь кавалерийских дивизий из девяти, сорок четыре британских пехотных батальона из пятидесяти двух, сорок три батареи Королевской артиллерии из пятидесяти шести. …В течение нескольких недель до их прибытия численность британских войск в Индии сократилась на пятнадцать тысяч человек. Безопасность Индии, таким образом, подверглась опасности в интересах империи. В данном случае я сознательно пошёл на риск, поскольку доверял индийцам и должен сказать, что они полностью оправдали моё доверие»[1]. Согласно приведённым в том же выступлении оценкам, на тот момент в войне непосредственно участвовало 1 млн. 457 тыс. индийцев, из которых 552 тыс. в составе регулярных войск и 391 тыс. в составе вспомогательных подразделений находились за пределами индийской территории[2].

Наряду с Западным фронтом, где дивизии из Индии сражались в течение нескольких месяцев, сыграв немаловажную роль в отражении немецкого наступления во Фландрии, индийские части активно задействовались в боевых операциях на Ближнем Востоке и в Африке, где их участие стало ключевым в обеспечении конечного успеха Великобритании. За период войны на различных фронтах погибло, и было ранено не менее 100 тыс. индийцев[3]. При этом в многочисленных документах и воспоминаниях британских чиновников и офицеров весьма высоко оценивались моральные качества индийских военнослужащих. Индийские войска неоднократно использовались британским правительством за пределами Индостана и до Первой мировой войны. Тем не менее, их численность и масштаб понесённых ими потерь никогда не были столь значительными. В индийском обществе, в данной связи, распространилась тесно связанная с религиозно-философскими представлениями идея об искупительной жертве, понесённой

[1] Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Ser., . Vol. 65 (1917). Col. 39-42.
[2] Ibid.
[3] *Белокреницкий В.Я.* Ук. соч. С.271.

индийцами во имя достижения большей свободы и более достойного положения в рамках империи.

В период Первой мировой войны численность войск, находившихся в Британской Индии выросла со 160 до 800 тыс. чел. Общее количество мобилизованных достигло 1,5 млн. чел. Индийские войска действовали на фронтах в Месопотамии, во Франции, в Греции, на Галлиполийском полуострове и в Восточной Африке. Следствием войны явилось возникновение феномена «военной диаспоры», появившейся, в том числе, и в метрополии, также оказалась подорванной существовавшая в Британской Индии расовая иерархия, увеличился уровень гражданских требований[1].

Не менее масштабной была и финансово-экономическая помощь, оказанная Индией метрополии. Наряду с ежегодной выплатой в размере 20 млн.ф.ст. на содержание размещённых в Индии войск, в период войны за счёт индийского бюджета осуществлялось и обеспечение частей, переброшенных с полуострова на различные фронты военных действий. Кроме того, производились ежегодные специальные выплаты в пользу британского Казначейства. Последний из них, сделанный с санкции Индийского Законодательного Собрания в 1918 г. составил 14 млн. ф. ст. Общий объём военных расходов к концу 1917 г. оценивался англо-индийской администрацией в сумму около 100 млн. ф.ст., из которых порядка 40 млн. пришлось на долю займов в пользу метрополии[2]. В результате к концу войны сложилась довольно парадоксальная ситуация, когда метрополия оказалась должником перед своей основной колонией.

Вклад Индии в военные усилия империи и её конечную победу не мог остаться без внимания правительства Великобритании. Изменения, происходившие в период войны в системе внутриимперских связей, коснулись и положения ключевой британской колонии. В 1917 г. представители англо-индийской администрации впервые приняли участие в

---

[1] *Kennedy D*. Britain and Empire. L., 2002. P. 43.
2 *Busch B.C.* Britain, India and Arabs, 1914-1921. Berkeley, 1971. P. 467-468.

работе Имперской конференции, куда до того момента допускались лишь представители пользовавшихся самоуправлением доминионов. Кроме госсекретаря по делам Индии, в состав индийской делегации вошли С. Сингха, выступавший в качестве неофициального представителя Британской Индии, а также махараджа Биканера, представлявший индийские княжества. Они были также включены в состав Имперского военного кабинета, функционировавшего при ключевом органе управления военного времени – Имперском военном Совете. В 1918 г. англо-индийское правительство получило приглашение участвовать в послевоенной мирной конференции наравне с суверенными государствами-победителями и самоуправляемыми доминионами, входившими в состав Британской империи[1]. Данные шаги, тем не менее, носили достаточно формальный характер и не отвечали надеждам индийцев на изменение самого механизма управления Индией, носившего исключительно колониальный характер.

В то же время, среди британской политической элиты, в особенности либеральной её части, росло число сторонников проведения определённых преобразований, нацеленных на введение на уровне крупных индийских провинций элементов самоуправления и представительной власти.

Дискуссии о перспективах проведения соответствующей реформы в Индии начались в годы войны, несмотря на заметное сопротивление некоторых влиятельных членов кабинета, к числу которых относились возглавлявшие Форин офис лорд Бальфур и лорд Кёрзон. В 1916 г. появился известный пакт Конгресса-Лиги, а вскоре на ведущие позиции в ИНК вернулся Б.Г. Тилак. Идеи Тилака поддержала представительница английского феминизма и теософ Э. Безант. «Её активность, - отмечал позднее Э. Монтэгю, - серьёзно возбудила ситуацию в стране»[2]. В июне 1917 г. англо-индийская администрация приняла решение о депортации Э. Безант, что вызвало новую волну протестов. На фоне нараставшей напряжённости,

[1] *Horne E.A.* The Political System of British India. Oxford, 1922. P. 32.
[2] *Porter B.* The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. P. 210.

возглавивший министерство по делам Индии Э. Монтэгю, в августе 1917 г. сделал принципиально важное заявление, положения которого, по воспоминаниям современников, в последний момент были несколько смягчены по настоянию лорда Кёрзона.

В период войны ряд представителей индийской знати, а также крупные общественно-политические движения Индии выступили с проектами будущей реформы. Свои идеи в данной связи предложили и представители английской администрации. Уже через несколько месяцев после начала военных действий, по просьбе губернатора Бенгальской провинции лорда Веллингтона, один из наиболее авторитетных индийских политиков Г. К. Гокхале составил обстоятельный документ, содержавший анализ возможных путей укрепления лояльности индийского населения по отношению к британской Короне. В его преамбуле отмечалось: «Предоставление провинциальной автономии … будет соответствующей уступкой, которую необходимо предоставить населению Индии после окончания войны. Она включает двойную операцию по освобождению провинциальных правительств от значительной части контроля со стороны Правительства Индии и государственного секретаря в вопросах внутреннего управления и установление контроля над ними со стороны представителей налогоплательщиков через Провинциальные Законодательные Советы»[1]. В соответствии с предложенной в документе схемой, на провинциальном уровне предполагалось ввести систему разделения властей. Во главе исполнительной ветви должен был находиться губернатор, назначаемый из метрополии, которому подчинялся Исполнительный Совет, состоявший из шести министров, трое из которых являлись представителями индийского населения. В сферу компетенции министров-индийцев предполагалось передать вопросы, касающиеся провинциального законодательства и юстиции, развития местной промышленности, торговли, сельского хозяйства,

[1] India's Goal: Constructive Criticisms by Leading Indians on the Montagu-Chelmsford Scheme. Madras, 1921. – P.23.

руководство системами образования, медицинского обслуживания, управление провинциальным бюджетом, за исключением вопросов, являвшихся исключительной прерогативой губернатора. Наряду с реформированием исполнительной власти, проект Г. К. Гокхале предполагал создание в каждой провинции представительных структур, которые должны были состоять из 75-100 членов и быть на 80% избираемыми. При этом взаимоотношения между двумя ветвями власти должны были строиться по образцу отношений между Рейхстагом и Имперским правительством в Германии. За губернатором, в частности, закреплялось право абсолютного вето в отношении законопроектов и резолюций, принимаемых Законодательным Собранием. Кроме того, лишь перед ним несли персональную и коллективную ответственность министры провинциального правительства[1].

Введение системы провинциального самоуправления, по мысли Г.К. Гокхале, должно было явиться прологом к реформированию центральных органов управления. «Я предлагаю, - отмечал он, - создать Совет, состоящий из шести членов, по крайней мере, двое из которых обязательно должны быть индийцами. Совет при вице-короле должен быть преобразован в Законодательную Ассамблею, состоящую не менее чем из ста человек с существенно расширенными функциями»[2]. Предполагалось, что первоначально основную часть её членов должны были составлять назначаемые лица, и лишь позднее после обобщения и анализа первого опыта деятельности провинциальных законодательных собраний, могло быть принято решение о преобразовании Законодательной Ассамблеи в преимущественно выборную структуру[3].

В 1915 г. меморандум Г.К. Гокхале был вынесен на рассмотрение т.н. «Круглого стола» - неформального объединения представителей британской элиты, занимавшегося обсуждением способов укрепления единства империи.

---

[1] Indian constitutional documents, 1757–1939… P. 494.
[2]. India's Goal… P. 28.
[3] The Times. 1917. March 30th. P. 5.

Члены клуба организовывали регулярные собрания с целью обменами мнениями и формировали во многих колониях, включая Индию, специальные исследовательские группы, результаты деятельности которых публиковались в периодических изданиях[1].

В мае 1916 г. дополненный с учётом длительного обсуждения меморандум был представлен губернатором Бенгалии новому вице-королю лорду Челмсфорду, известному своими либеральными взглядами. Данный документ должен был стать одной из главных основ предполагаемой новым руководством Британской Индии реформы. В августе 1917 г. основные его тезисы были опубликованы.

К тому моменту меморандум Г.К. Гокхале был уже не единственным проектом реформ. В сентябре 1916 г. Реформистская партия Индии представила вице-королю документ, подписанный девятнадцатью членами Индийского Законодательного Собрания и получивший наименование «меморандума девятнадцати». Анализируя политические настроения в индийском обществе, его авторы подчёркивали, что «Население Индии некоим образом не может участвовать в управлении своей страной и находится в состоянии… глубокого несчастья, от которого освобождены другие члены Британской империи. Это особо характерно для молодого поколения индийцев, чей кругозор существенно шире благодаря образованию, путешествиям за границу и контактам с другими народами»[2]. Апеллируя к лозунгам британского правительства военного времени, индийские политические деятели отмечали: «Нет сомнения, что окончание войны предоставит возможность реализации идей правительств цивилизованного мира и, в особенности, Британской империи, которая вступила в борьбу за свободу малых и слабых наций, обильно проливает кровь и тратит свои богатства, поддерживая дело справедливости в международных отношениях»[3].

---

[1] *Horne E.A.* Op.cit. P.69.
[2] India's Goal… P.5.
[3] *Broughton U.H.* The British Empire at War. L., 1916. P.114.

Главная цель будущей реформы формулировалась в документе следующим образом: «… они должны дать народу реальное и эффективное участие в управлении страной и устранить источники недовольства»[1]. С этой целью предполагалось изменить состав существовавших на тот момент Центрального и провинциальных собраний, которые должны были включить в не менее половины индийцев. В отличие от существовавшей прежде административной системы, авторы «меморандума девятнадцати» настоятельно предлагали ввести выборность большинства их членов. Число депутатов в Центральном Законодательном Собрании должно было быть увеличено до ста пятидесяти, в больших провинциях до ста, в малых – до семидесяти пяти[2]. Также как и в меморандуме Г.К. Гокхале, в данном проекте предлагалось предоставить провинциям определённую долю налоговой автономии, а большую часть бюджетных вопросов передать в сферу компетенции провинциальных представительных органов. Кроме того, они должны были получить всю полноту власти в вопросах местного управления. Предполагалось также существенное расширение функций Индийского Законодательного Собрания, из сферы компетенции которого, тем не менее, должны были быть изъяты вопросы, связанные с внешними сношениями, а также управлением армией, полицией и системой юстиции. За вице-королём или губернатором провинции сохранялось право вето в отношении законопроектов предлагаемых законодательными собраниями. Оно могло применяться в случаях, которые как говорилось в документе «угрожали интересам безопасности»[3].

Данный документ, как и меморандум Г.К. Гокхале, отражал взгляды умеренной части индийской элиты, настроенной на сотрудничество с колониальными властями и согласной с достаточно ограниченными рамками реформы, а также растянутой по времени перспективой её реализации.

---

[1] *Horne E.A.* Op.cit. P. 72-73.
[2] India's Goal… P. 6.
[3] Ibid.

В то же время, в данный период появляются и более радикальные проекты преобразований. В декабре 1916 г. фактически одновременно в Лакноу прошли очередные съезды наиболее влиятельных общественно-политических движений Индии - Индийского Национального Конгресса Мусульманской Лиги. Они приняли согласованный план реформы, вошедший в историю под названием «проекта Конгресса-Лиги». В него были включены некоторые заимствования из «меморандума девятнадцати» и предложений Г.К. Гокхале, касавшиеся, в частности перераспределения властных полномочий в пользу провинциальных законодательных собраний. В то же время, в проекте Конгресса-Лиги содержались более радикальные предложения относительно их состава. В соответствии с ними 80 % членов законодательных собраний должны были избираться и лишь 20% назначаться колониальными властями. Численность состава законодательных собраний в данном проекте предлагалось увеличить до ста двадцати пяти депутатов в больших провинциях и семидесяти пяти – в малых[1]. В документе подчёркивалось, что они должны стать, в первую очередь, представительными структурами, избираемыми на основе как можно более широкого избирательного права. Очевидным следствием влияния Мусульманской Лиги явился тезис о необходимости введения в законодательных собраниях ряда провинций отдельной квоты для представителей мусульманской общины, которые должны были избираться через специальные курии выборщиков. В Пенджабе они должны были составить половину избираемых членов, в Бенгалии – 40%, в Бомбее – одну треть, в Объединённых Провинциях – 30%, в Бихаре – 26%, в Центральных Провинциях и Мадрасе – 15%[2].

Характеризуя своё представление о функциях будущих законодательных собраний, авторы документа подчёркивали: «Провинциальное Собрание должно обладать всей полнотой власти в

[1] *Elliott W.Y.* The New British Empire. N.Y., L., 1932. P. 172.
[2] *Horne E.A.* Op.cit. P. 83.

вопросах, касающихся внутренних дел провинции, включая право брать займы, вводить и изменять налоги, принимать бюджет. Все вопросы, касающиеся [провинциальных – А.С.] расходов, а также путей и способов получения необходимых доходов, решаются путём принятия Биллей, рассматриваемых и утверждаемых Собранием. Резолюции и Билли, принимаемые Собранием должны иметь обязательный для провинциального правительства характер, за исключением случаев, когда губернатор использует своё легитимное право вето»[1]. Предполагалась возможность преодоления губернаторского вето, в случае, если законодательное собрание в течении не более чем года повторно принимало данный законопроект. Таким образом, в данном документе в максимально акцентированном виде выражалась идея установлениях контроля на провинциальном уровне со стороны представительных структур над исполнительной ветвью власти.

Наряду с реформированием провинциальных органов управления, проект Конгресса – Лиги предполагал и существенные изменения в системе центрального управления. Её важнейшим элементом должно было стать Индийское Законодательное Собрание в составе 150 депутатов, 80% которого должны были избираться населением. Как и в случае с провинциальными собраниями, для выборов в общеиндийскую представительную структуру предполагалось создание отдельной мусульманской курии. В сферу компетенции Индийского Законодательного Собрания авторами проекта предлагалось передать большинство вопросов, связанных с внутренними проблемами, а также руководство бюджетной политикой. В то же время, Законодательное Собрание не могло вмешиваться в вопросы управления, касающиеся военной сферы и внешней политики[2].

Центральное правительство Британской Индии в соответствии с данным проектом должно было быть реорганизовано по той же схеме, что и провинциальные органы исполнительной власти. В Исполнительный совет

[1] India's Goal… P.13.
[2] Indian constitutional documents, 1757–1939… P. 467.

при вице-короле предлагалось включить индийцев, которые должны были избираться из числа выбранных членов Законодательного Собрания. Авторами меморандума особо подчёркивалось, что индийское правительство должно пользоваться максимально возможной степенью автономии от госсекретаря и правительства метрополии. Тем не менее, даже в этом документе, который характеризуется исследователями как самый радикальный проект индийских реформ данного периода, не содержалось и намёка на требование независимости. Максимальной задачей представителей политической элиты Индии на тот момент являлось реформирование провинциального уровня управления и расширение представительства и участия индийцев в центральных органах власти с целью последующего поэтапного продвижения к статусу доминиона.

В конце 1916 г. в Великобритании был сформирован новый коалиционный правительственный кабинет во главе с Д. Ллойд-Джорджем, включивший представителей большинства крупных политических сил, решивших объединить свои усилия на фоне военных трудностей. Должность госсекретаря по делам Индии была предоставлена известному стороннику либеральных преобразований Э. Монтэгю. К тому моменту британскими властями уже была проведена значительная работа по обобщению и анализу планов возможных преобразований в крупнейшей колонии.

Отправной датой начала реформы считается 20 августа 1917 г., когда госсекретарь по делам Индии в ответ на вопрос одного из членов Палаты Общин сделал важное заявление, касающиеся базовых принципов политики кабинета в крупнейшей британской колонии. Характеризуя содержание будущих преобразований, он подчеркнул: «Политика Правительства Его Величества, в соответствии с которой осуществляется политика Правительства Индии, направлена на увеличение представительства индийцев во всех ветвях администрации и постепенное развитие институтов самоуправления с целью продвижения по направлению к ответственному

правительству Индии как составной части Британской Империи»[1]. При этом особо оговаривалось, что «…существенные шаги в данном направлении должны быть предприняты как можно скорее…»[2]. В завершении своего выступления Э. Монтэгю сделал особый акцент на том, что реформа будут осуществляться в течение достаточно длительного периода, подчеркнув, что «Британское Правительство и Правительство Индии, несущие ответственность за благополучие и прогресс в жизни индийцев, будут судить о времени и степени этого развития…»[3].

Сформулированные Э. Монтэгю принципы будущей реформы получили поддержку не только в либеральной среде, но и со стороны значительной части консерваторов. Планы госсекретаря нашли отклик, в том числе, и со стороны представителей объединения «Круглого стола», опасавшихся возможной потери Индии в случае сохранения там сложившегося статус-кво. Как отмечал в своих исследованиях британский историк Б. Портер, «Сложившаяся в период войны ситуация, создала благоприятные условия для реализации… планов либеральных реформ в Индии, которые не смог осуществить лорд Морли, столкнувшийся с консолидированной оппозицией чиновников Индийской гражданской службы»[4].

На фоне традиционного пренебрежительного отношения к индийцам, британская общественность была впечатлена поддержкой и степенью лояльности, продемонстрированной индийским населением в период войны. В либеральных британских кругах утвердилось мнение о том, что отсутствие определённого вознаграждения со стороны Великобритании, может иметь самые пагубные последствия для системы её правления над индийскими территориями. Тем не менее, заявление Э. Монтэгю о возможности создания «ответственного правительства» в Индии, сделанное в августе 1917 г. вызвало, по воспоминаниям современников, «политический шквал в

[1] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 65 (1917). Col. 114.
[2] Ibid. Col.115.
[3] Ibid. Col.117-118.
[4] Ibid. P. 214.

Лондоне и волну добровольных отставок в Индии». Вскоре после резонансного выступления госсекретаря, лорд Крю в одном из интервью дал типичную для британских консервативных кругов оценку планам по созданию индийского «ответственного правительства». «Данная цель, - отмечал он, - также далека как любой Атлант или Эйрихон, которые могут рассматриваться как лишь как порождение фантазии, повествующих о них авторов»[1]. Несмотря на наличие серьёзной критики планов реформ, Э. Монтэгю и поддержавший его вице-король лорд Челмсфорд, были твёрдо убеждены в необходимости их реализации. Как отмечал госсекретарь по делам Индии в феврале 1918 г. «идея реформы… позволила сохранить спокойствие в Индии в течение шести критических месяцев войны…, в условиях, когда национализм бушевал по всей стране»[2].

На фоне прозвучавших заявлений нового госсекретаря по делам Индии, а также других представителей британского правительства, продолжилась активная подготовка проектов будущих преобразований. В октябре 1917 г. в летней штаб-квартире правительства Бенгалии прошло неформальное собрание с участием ряда высокопоставленных чиновников британской администрации, а также представителей индийской знати. Спустя месяц по его итогам вице-королю был представлен меморандум, состоявший из двенадцати согласованных его участниками пунктов и получивший название Сводное послание [Joint Address].

Данный документ создавался во многом как альтернатива плану Конгресса-Лиги. Он предполагал создание в некоторых крупных провинциях правительств нового типа, включавших представителей партий, получивших большинство голосов на выборах в провинциальные законодательные собрания. При этом под их контроль предполагалось передать департаменты, ведавшие развитием местного самоуправления, образования и здравоохранения, руководившие организацией общественных работ,

[1]The Manchester Guardian. 1917. 20th August. P. 2.
[2] *Porter B.* The Lion's Share...P. 235.

управлявшие сельским хозяйством и инфраструктурой провинции. Они должны были получить определённую долю из доходов провинциального правительства. В то же время, наряду с новыми департаментами, сохранялись и прежние административные структуры в ведении которых оставался контроль над сферой судопроизводства и юстиции, полицией и некоторые другие функции.

Провинциальные законодательные собрания первоначально должны были иметь исключительно совещательных характер, и лишь по истечении определённого времени предполагалась передача им определённых законодательных и контрольных полномочий. В документе отмечалось, что «по мере прогресса в осуществлении Провинциальными Правительствами своих функций, в том числе, в части, касающейся поддержания порядка и законности, будет осуществляться постепенная передача им дополнительной власти»[1]. При этом отдельно оговаривалась возможность вмешательства британских структур в деятельность новых индийских департаментов, «подобно тому как Правительство Индии имеет право при определённых обстоятельствах вмешиваться в дела индийских княжеств»[2]. Конечной долгосрочной целью реформы авторами документа провозглашалось создание в Индии системы представительной власти и ответственного правительства.

Авторы Сводного послания в своём проекте максимально близко подошли к идее т.н. диархии, то есть системы двойственного управления, которая ранее уже апробировалась англичанами на Мальте и в некоторых других колониях. Важным отличием документа от других проектов был акцент на необходимости административно-территориальных преобразований. Предполагалась возможность разукрупнения некоторых крупных провинций с целью создания административно-территориальных

---

[1] *Elliott W.Y.* Op.cit. P. 223.
[2] *Horne E.A.* Op.cit. P.81.

единиц с максимально однородным этнолингвистическим составом населения, которые были бы пригодны для реализации данной системы[1].

В конечном счёте, многие идеи Сводного послания представляли собой попытку примирить требования радикальной части индийских политических сил, нашедшие отражение в меморандуме Конгресса – Лиги с идеями, изложенными Э. Монтэгю и представителями британской общины в Индии.

Активность, связанная с разработкой проектов административных реформ отражала существенные изменения, касавшиеся положения Британской Индии в рамках империи. В свою очередь, она явилась важным фактором, побуждавшим британские власти ускорить непосредственное начало преобразований, ставших важным этапом на пути Индии к обретению независимости.

Наряду с подготовкой к конституционной реформе, в британских политических кругах обсуждались меры по преодолению возникших в Индии социально-экономических проблем и противодействию росту протестных настроений. Ещё в августе 1917 г. в Палате общин был представлении меморандум Ч. Бедфорда с предложением создать представительный консультативный совет в Лондоне с целью координации политики в области индийского промышленного развития, которая будет сотрудничать с комиссиями, созданными на провинциальном уровне[2].

С окончанием Первой мировой войны социально-экономическая ситуация в Индии резко осложнилась. В ряде индийских провинций к началу 1919 г. возник голод. В результате засухи в ноябре-декабре 1918 г. в Бомбее, Центральных провинциях, а также ряде других индийских регионов возникли серьёзные перебои с продовольствием. Согласно информации, представленной правительственными структурами 10 марта 1919 г., несмотря на принятые меры, цены на основные виды продовольствия выросли более чем на 50 процентов[3]. Практически одновременно различные регионы Индии

[1] India's Goal… P. 33.
[2] Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. 1919, Vol. 113 (10 March 1919). Col. 909.
[3] Ibid. Col. 910-911.

оказались охваченными различными эпидемиями. В июне 1918 г. вспыхнула эпидемия гриппа, в результате которой в Бомбее умерло более 1600 человек. Осенью того же года последовали новые вспышки заболевания, вызвавшая смерть около 15 тысяч человек[1]. Во второй половине декабря в Индии началась эпидемия холеры, продолжавшаяся примерно до февраля. Согласно отчётам Индийской медицинской службы, в общей сложности за данный период смертность от эпидемий на территориях, непосредственно управляемых англо-индийским правительством составила порядка полумиллиона человек, а в индийских княжествах – около 100 тысяч человек[2].

В соответствии с решениями кабинета, в ноябре 1917 г. Э. Монтэгю прибыл в Индию, где совместно с лордом Челмсфордом, занимавшим на тот момент пост вице-короля, приступил к непосредственной подготовке предстоящей реформы. В июле 1918 г. англо-индийским правительством был опубликован документ, получивший название Сводный отчёт [Joint Report][3]. В нём, в свете базовых принципов, обозначенных Э. Монтэгю, было обобщено большинство из имевшихся на тот момент проектов реформы, и сформулирована идея т.н. диархии, то есть двойственного управления, которая ранее уже апробировалась англичанами на Мальте и в некоторых других колониях. Сводный отчёт был подписан рядом видных бизнесменов, представителей европейской общины, а также некоторыми индийскими политическими деятелями, принадлежавшими к умеренным политическим движениям. В целом, в документе нашёл отражение умеренный вариант предполагаемых преобразований

Идея реформы, связанная с введением элементов ответственного правительства, а также участием индийского населения в выборах представительных структур столкнулась с достаточно серьёзным противодействием со стороны консервативной части британской

[1] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta, 2012. P. 337.
[2]Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. , Vol. 113 (10 March 1919). Col. 932.
[3] India's Goal…P.V.

политической элиты, а также влиятельных сил внутри англо-индийской администрации и европейской общины в Индии. Они выступали с жёсткой критикой системы диархии как на стадии подготовки проекта реформы, так и при последующем его обсуждении в британском парламенте. Не отрицая, в принципе, саму необходимость преобразований, приверженцы данной позиции полагали, что превращение индийских законодательных собраний в представительные органы власти, наделённые парламентскими функциями, в английском их понимании, даже на провинциальном уровне, приведёт к дестабилизации системы управления и создаст угрозу политической анархии в Индии. Кроме того, некоторые идеи реформы, изложенные Э. Монтэгю, угрожали, по их мнению, базовым принципам английского управления в Индии и расценивались ими как «похоронный звон по имперскому правлению»[1].

В июле 1918 г. рапорт госсекретаря и вице-короля с согласия их коллег был представлен на рассмотрение британского парламента. К подготовительной работе были подключены фактически все структуры, которые тем или иным образом были связаны с управлением Индией. К концу года в Индию был направлен специальный парламентский комитет, возглавленный лордом Соузбороу. В его компетенцию были отведены вопросы, связанные с механизмом организации выборов и определением характера системы голосования. Другой комитет во главе с одним из авторов конституции Южно-Африканского Союза М. Физхэмом занимался вопросами разделения функций между центральными и провинциальными административными структурами, а также разграничением полномочий внутри провинциальных правительств между структурами, подчиняющимися законодательным собраниям и остающимися под контролем британских властей. В период с октября 1918 по январь 1919 г. специальная комиссия осуществляла сбор сведений, касающихся отношения к проекту реформы провинциальных правительств, партий и движений, а также известных

[1]Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser., Vol. 143(14 June 1919). Col. 267.

политических деятелей Индии. Собранные сведения были обобщены в так называемой «Голубой книге». Кроме того, 5 ноября 1918 г. было подготовлено специальное письмо Правительства Индии, характеризующее его отношение к законопроекту. Впоследствии Палатой лордов был создан ещё один комитет во главе с лидером оппозиции лордом Крю, занимавшийся изучением возможных вариантов изменения функций и сферы компетенции Индийского Совета и характера его взаимоотношений с англо-индийским правительством. Комиссия лорда Селбурна подготовила дополнительные рекомендации относительно реформирования электоральной системы. Согласно им право участия в выборах должны были получить около 5 млн. из 312 млн. жителей Британской Индии[1].

Практически одновременно началось обсуждение проекта закона, призванного ужесточить меры по борьбе с политическими протестами. Он был подготовлен специальной комиссией, возглавленной С. Роулеттом[2]. В британских политических кругах существовали различные точки зрения относительно соответствия законопроектов планам предполагаемой реформы. Своё критическое отношение к ним высказали и некоторые члены самого комитета Роулетта, в частности, члены Верховных судов Мадраса и Калькутты. В результате было достигнуто компромиссное решение, в соответствии с которым срок действия будущих законов было предложено ограничить тремя годами[3].

В ноябре 1918 г. госсекретарь внёс законопроект, разработанный комитетом Роулетта в индийское законодательное собрание, где он вскоре получил одобрение[4]. С изменениями, внесенными специальным комитетом, он устанавливал срок лишения свободы до двух лет с правом на пересмотр дела следственным комитетом в конце первого года. Индийские члены Законодательного Совета, выступили против введения закона о

---

[1] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1918), vol. 110. Col. 2649-2650.
[2] *Kennedy D*. Britain and Empire, 1880-1945. L., 2002. P. 116.
[3] Своё наименование данные законы получили по имени одного из их главных авторов - юриста англо-индийского правительства С. Роулетта.
[4] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser., Vol. 113 (18 March 1919). Col. 1880-1882.

чрезвычайных полномочиях, поддержав поправку, согласно которой рассмотрение законопроекта было отложено на шесть месяцев с момента истечения срока полномочий действующего Совета.

В ходе его обсуждения в британском парламенте, многие члены Консервативной партии высказывали критические замечания в отношении действий англо-индийского правительства, связанных с амнистией участников антибританских беспорядков, а также стремлением Э. Монтэгю оказать воздействие на политику кабинета в отношении Турции, в связи с опасениями по поводу роста халифатского движения в Индии[1]. При этом консерваторы неоднократно обращались к традиционной для тори точке зрения, предполагавшей отказ от принципиального изменения системы администрирования в крупнейшем колониальном владении. «Существующая в Индии система управления, - отмечалось в одном из партийных памфлетов, - полностью отвечает традиции, сложившейся в течение двух тысяч лет и которая полностью понимается и принимается индийским населением»[2]. Одним из главных аргументов противников расширения системы индийского самоуправления являлся низкий уровень грамотности индийского населения. По словам одного из активных критиков политики Э. Монтэгю в Палате общин У. Джойнсон-Хикса «нет ничего более худшего, чем реформирование Индийской Гражданской службы в условиях, когда на 300 миллионов человек населения Индии приходится не более 1,5 миллионов грамотных»[3]. Согласно точке зрения многих консерваторов, действия Э. Монтэгю, направленные на трансформацию сложившейся в течение столетия административной практики были чреваты лишь нарастанием хаоса в системе управления обширными и густонаселёнными индийскими территориями[4].

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919), vol. 34. Col.1143.
[2] *Porter B.* The Lion's Share... P.151.
[3] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser.(1919), Vol. 116. Col.1701.
[4] *Clayton A.* The British Empire as Superpower, 1919-1939. L., 1986. P. 188.

В течение 1919 г. обсуждение проекта реформы системы англо-индийского управления являлось одной из главных тем политических дискуссий, как в Великобритании, так и в самой Индии. В ходе обсуждений обозначилась принципиальная поддержка большей частью британской политической элиты предложенной правительством концепции преобразований. Вместе с тем, дискуссии выявили определённую озабоченность некоторой части истеблишмента будущим имперской системы, в которой Индия играла ключевую ролей. На этом фоне сформировалась немногочисленная, но весьма активная оппозиция законопроекту, представителями которой являлись в основном члены консервативной партии. Содержательная часть дебатов по индийской проблематике, происходивших в данный период в британском парламенте, а также в прессе и публицистике, явилась, в целом, важным свидетельством постепенной смены акцентов в колониальной стратегии Великобритании. Одним из основных факторов, влиявших на ход политических дискуссий в Лондоне, явилось качественное изменение ситуации в самой Индии. Ухудшение экономической конъюнктуры, отсутствие существенных преобразований в системе управления, усиление репрессивного законодательства вызвали невиданный со времён сипайского восстания взрыв антибританских выступлений. Принципиально новым явлением стало формирование массовых политических движений в лице Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги, придавших стихийному протесту достаточно чёткую организационную и идеологическую основу. Данные процессы не могли остаться в стороне от внимания британских парламентариев.

17 февраля 1919 г. в Палате общин прошли первые слушания, посвящённые подготовке Билля о реформе управления Индией. В ходе дебатов ряд парламентариев обратились с просьбой к Э. Монтэгю прокомментировать ситуацию, связанную с беспорядками в Бомбее и Пенджабе и применением в связи с этим репрессивного законодательства

Роулетта. Проинформировав о ходе работы специальных комитетов, госсекретарь попытался убедить парламентариев в том, что власти полностью контролируют положение дел. Он выразил поддержку действиям губернатора Пенджаба М. О' Дуайера заявив, что «Палата должна стремиться продемонстрировать ему свои симпатии, поскольку столкнувшись со сложной ситуацией, он немедленно предпринял все необходимые шаги для её разрешения»[1]. Применение военной силы против протестующих в сложившихся обстоятельствах Э. Монтэгю назвал «абсолютно необходимой мерой»[2].

10 марта 1919 г. в Палате общин был поднят вопрос о возможной оппозиции провинциальных правительств Индии проекту реформы, в связи с отказом некоторых из них сотрудничать с комитетом лорда Соузбороу. Несмотря на неоднократные опровержения со стороны англо-индийского правительства, оппозиция продолжала использовать данный аргумент в последующей критике законопроекта.

В феврале 1919 г. по призыву М. Ганди в Индии начался первый хартал, направленный против введения законодательства Роулетта[3]. Компания массового неповиновения, организованная М. Ганди, явилась, по сути, первым общеиндийским протестным движением, имевшим организационную основу и чётко сформулированную политическую доктрину. Благодаря этому она получила широкий международный резонанс и общественную поддержку в западных странах[4].

Волна беспорядков, приведших к блокированию железнодорожных коммуникаций и разрушению многих объектов инфраструктуры охватила несколько провинций. Обострение ситуации происходило на фоне начавшейся войны с Афганистаном. Кульминацией противостояния явились трагические события, произошедшие в пенджабском городе Амритсар, где по приказу полковника О'Дойера 14 апреля была расстреляна мирная

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 112. Col.535.
[2] Ibid. Col. 536.
[3] *Tummala K. K.*. Public Administration in India. Mumbai, 1994. P. 57.
[4] *Collen N*. The Butcher of Amritsar: General Reginald Dyer. L., 2005. P. 234.

демонстрация, в результате чего погибло 370 человек. «Амритсарская бойня» вызвала широкий резонанс как в Индии, так и в самой метрополии[1]. Британское общественное мнение в связи с амритсарскими событиями испытало глубокий раскол, который по выражению английского историка П. Брендона подточил «этическую опору британского правления в Индии»[2]. События в Амритсаре вызвали крайне неоднозначную реакцию в британском обществе и политической элите. В Палате лордов сформировалась активная и влиятельная группа в поддержку О' Дойера, включавшая в основном представителей Консервативной партии. По призыву консервативной газеты «Монинг Пост» общественные активисты создали специальный фонд в его поддержку, в который всего за месяц было перечислено более 26 тыс. ф.ст.[3]

На фоне общего роста недовольства политикой кабинета Д. Ллойд-Джорджа и растущими противоречиями внутри коалиции, критика в отношении политики Э. Монтэгю продолжала усиливаться. Политические оппоненты обвиняли его в неспособности справиться с дестабилизацией обстановки в ключевом колониальном владении. По мнению ряда представителей Консервативной партии, Э. Монтэгю использовал своё должностное положение в коалиционном кабинете с целью продвижения прежней, сугубо либеральной политической линии в индийской политике. «Данный джентльмен, - отмечалось в консервативной прессе, - следовал за философской школой Либеральной партии, игнорируя мнение большей части консерваторов, преданно поддерживавших действия кабинета в течение двух последних лет»[4]. Лейтмотивом позиции руководства Консервативной партии в данный период становится мнение, высказанное в ходе парламентских слушаний лордом Кёрзоном, охарактеризовавшим ситуацию в Индии как «чрезвычайно беспокоящую и угрожающую»[5].

---

[1] Райков А.В. Амритсарская трагедия 1919 г. М., 1985. С. 120.
[2] *Брендон П.* Ук. соч. С.347.
[3] *Porter B.* The Lion's Share… P. 246.
[4] Daily Mail. 1920. 9th July. P. 2.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919), vol. 37. Col. 974.

На фоне активных политических дискуссий, сопровождавших подготовку проекта будущей реформы, ситуация в индийских владениях стремительно осложнялась. Усилившаяся социально-экономическая напряжённость стала катализатором политического кризиса, охватившего Британскую Индию в первые послевоенные годы, масштаб которого современники сравнивали лишь с Великим восстанием 1857-1859 гг. Одним из главных раздражителей, вызывавших недовольство индийцев, стало сохранение введённого в военный период репрессивного законодательства. Тем не менее, несмотря на карательные меры, в 1919 г. протестные выступления охватили ряд индийских регионов. Наиболее напряжённая ситуация при этом сложилась в Пенджабе.

Осложнение обстановки в Индии вызывало рост опасений относительно возможных перспектив проведения реформы. 7 апреля 1919 г. в Палате общин был поднят вопрос о наличии серьёзной оппозиции законопроекту со стороны ряда индийских политических сил. Х. Фишер попытался успокоить парламентариев, заявив, что у властей в Индии достаточно сил и юридических механизмов для контроля над ситуацией[1]. Однако уже на следующий день в была опубликована телеграмма вице - короля в которой сообщалось о масштабных беспорядках, произошедших в конце марта в Дели. В послании упоминались факты применения войсками оружия против участников протестных акций, в результате чего по официальным данным погибло 6 и было ранено 16 человек[2].

14 апреля 1919 г. в Палату общин был приглашён госсекретарь по делам Индии Э. Монтэгю, которого попросили прокомментировать циркулировавшие в прессе слухи о беспорядках. В числе прочено были упомянуты события в Лахоре, Алахабаде и Амритсаре. Несмотря на то, что они были охарактеризованы Э. Монтэгю как «незначительные», согласно обнародованной им информации протестующими был уничтожен ряд

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 114. Col. 1701.
[2] Ibid. Col. 1863-1864.

административных зданий, а в ходе столкновений погибло несколько человек, среди которых были и англичане[1].

В конце мая, Э. Монтэгю сообщил в Палате общин о новых крупных беспорядках в Пенджабе, упомянув в частности о разрушении железнодорожных объектов и церквей, а также возникшей в связи с этим угрозе жизни английскому персоналу и членам их семей. Своеобразной кульминацией выступления явилось заявление госсекретаря об использовании авиации для борьбы с беспорядками в районе Гуджаранвалы, вызвавшая бурную реакцию зала. При этом он затруднился ответить на вопрос о количестве пострадавших в ходе бомбардировок, сообщив, что общее число жертв в Пенджабе, Дели и Ахмедабаде превысило 400 человек, включая 8 или 9 европейцев. Общий материальный ущерб от беспорядков был оценён Э. Монтэгю в сумму не менее 1 млн. ф.ст.[2]

В начале лета 1919 г. в британских политических кругах началось активное обсуждение идеи создания Совместного комитета из представителей обеих палат с целью согласования окончательного варианта Билля о реформе управления Индией. На заседании Палаты общин 2 июня её глава, лидер консерваторов Э. Б. Лоу сообщил о предложении правительства передать проект Билля на рассмотрение Совместного комитета после второго чтения. Некоторые оппозиционно настроенные парламентарии стали настаивать на необходимости изменения документа, ссылаясь на несогласие ряда провинциальных правительств с содержащимися в них положениями[3]. Наряду с общей критикой, предложенной в законопроекте системы диархии, его оппоненты в парламенте подвергали сомнению объективность деятельности специальных комиссий, работавших в Индии, а впоследствии – и работы Совместного комитета.

13 июня 1919 г. проблемы, связанные с предстоящей реформой в Индии были вынесены на обсуждение Палаты лордов.

---

[1] Ibid. Col. 2475.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 115. Col. 1184.
[3] Ibid. Vol. 116. Col. 1676.

Председательствовавший на заседании лорд Кёрзон в своём выступлении подробно охарактеризовал работу по подготовке реформы начиная с 1915 г., упомянув, в частности о деятельности комитета лорда Лоребурна по упорядочению отдельных сфер индийского законодательства. Характеризуя, в целом положительное отношение парламента к Биллю, отразившееся в ходе его рассмотрения в первых двух чтениях, Кёрзон отметил, что далеко не все британские и индийские политические деятели разделяли одну из ключевых его идей – систему диархии, на которой, тем не менее, настаивало англо - индийское правительство. Характеризуя ситуацию в Индии, он отметил «всеобщее стремление к переменам»[1], обусловленное событиями, происходившими в течение нескольких предыдущих лет. В данной связи Кёрзон высказался «не только за растущую децентрализацию, но и за предоставление широкой автономии провинциальным правительствам», выступив при этом против ослабления центрального правительства, «которое являются символом и хранителем законной власти и справедливости в Индии»[2]. Оно, по его мнению, должно было сохранить все нынешние функции и оставаться свободным от любых «нелегитимных форм давления»[3]. В завершении своего выступления Кёрзон подчеркнул, что «Великобритания не может существовать без Индии, а Индия – дрейфовать в сторону от империи. Индия может реализовать себя лишь под британской опекой и покровительством»[4].

Выступление Кёрзона вызвало бурную дискуссию. В своих репликах большинство членов Палаты поддержали высказанную им оценку принципиальной важности рассматриваемого законопроекта для дальнейшей судьбы империи. В то же время, маркиз Солсбери и некоторые другие оппозиционеры выразили ряд замечаний в адрес работы правительства, обвинив его, в том числе, в «пренебрежительном отношении к парламенту» в

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919), vol. 34. Col. 1127.
[2] Ibid. Col. 1132.
[3] Ibid. Col. 1136.
[4] Ibid. Col. 1140.

период подготовки законопроекта, начиная с 1917 г.[1] Кроме того, они указывали на некоторые разночтения в тексте Билля, а также упоминали о недовольстве ряда губернаторов, в частности, глав Мадрасского и Бомбейского президентств, предполагаемой передачей части властных полномочий индийским структурам. Представители оппозиции неоднократно подчёркивали свою принципиальную поддержку самой идее реформ, выступая при этом против слишком поспешных, по их мнению, действий. Маркиз Солсбери заявил, в частности, о том, что «введение парламентских институтов требует копирования английского опыта и тщательного образования, которые формируются постепенно и могут быть абсолютно чуждыми для индийцев»[2].

В ходе прений, состоявшихся 3 июля в Палате общин, полковник Ч. Йет, представлявший оппозиционно настроенную часть депутатов-консерваторов, заявил, в частности, о том, что «система диархии, вводимая госсекретарём является абсолютным нонсенсом, против которого высказываются фактически все опытные чиновники, которым, однако, не предоставляется свободная возможность высказать свою точку зрения перед Совместным комитетом»[3]. Аргументируя свою точку зрения, представители оппозиции чаще всего ссылались на мнение ряда индийских губернаторов, критически воспринявших идею реформы. Одним из пунктов критики явился и состав самого Совместного комитета, не отражавший, по их мнению всего спектра позиций по предлагаемому законопроекту. Отвечая на критику, Э. Монтэгю, присутствовавший на данном заседании, заявил о том, что в составе комитета «представлено большинство, сложившееся по итогам второго чтения, а также меньшинство, представляющее другие точки зрения. В пропорциональном отношении из семи членов комитета трое представляют оппозицию. Из них двое обладают значительным опытом работы в Индии»[4]. Характеризуя своё отношение к альтернативным позициям, госсекретарь

[1] Ibid. Col. 1143.
[2] Ibid. Col. 1145.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 117. Col. 1236.
[4] Ibid. Col. 1237.

подчеркнул, что «как и вице-король он будет приветствовать любые изменения, соответствующие данным нами ранее обещаниям»[1]. Итогом дискуссий явилось голосование по кандидатурам представителей Палаты общин в Совместном комитете. За предложенный Э. Монтэгю состав проголосовало 336 парламентариев, в то время как против высказалось лишь 23. Из восьми представителей Палаты в Совместном комитете пятеро являлись членами Консервативной партии, двое – либералами и один – лейбористом[2].

7 июля Палата лордов также одобрила кандидатуры семи своих представителей в Совместном комитете. В их числе оказались как сторонники правительственного законопроекта, так и оппозиционно настроенные парламентарии. Некоторые из них, в частности маркиз Крю, граф Селборн и лорд Саденхэм и ранее активно участвовали в разработке плана реформы[3]

В последующий период в ходе парламентских дискуссий, оппозиция неоднократно подвергала критике деятельность Совместного комитета. 23 июля Ч. Йет вновь выступил с заявлением о том, что при обсуждении Билля не учитываются все существующие мнения, акцентировавшись, в частности, на позиции ряда влиятельных индийских губернаторов и чиновников – М. О'Дайера, лорда Пентланда, лорда Кармишеля и А.Эрла[4]. В ходе прений 30 июля представители оппозиции вновь подвергли сомнению объективность сведений, собираемых Совместным комитетом, указав, в частности, на необходимость оказания финансовой помощи представителям сельских комитетов и низших каст, которые самостоятельно не могут прибыть в Лондон[5].

6 августа ситуация в Индии вновь стала предметом обсуждения на заседании Палаты лордов. Представлявший англо-индийское правительство

---

[1] Ibid. Col. 1240.
[2] Ibid. Col. 1242.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919), vol. 35. Col. 263.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 118. Col. 1329.
[5]Ibid. Col. 263.

лорд Сингха выступил с подробным отчётом о мерах, предпринимаемых для наведения порядка в индийских провинциях, уделив особое внимание анализу событий, произошедших весной в Пенджабе, в частности, массовому расстрелу протестующих в Амритсаре, вызвавшему, к тому моменту, широкий резонанс не только в Индии, но и в самой метрополии[1].Трагедия в Амритсаре по сути впервые привела к серьёзному расколу в британском обществе относительно поддержки политики правительства в индийских владениях. На вопрос о точном количестве жертв «амритсарской бойни» представители британских властей смогли дать определённый ответ лишь в октябре. В ходе прений в Палате Общин 29 октября Э. Монтэгю заявил, что «число погибших по последним данным составляет 334 человека. К судебному разбирательству было всего привлечено 1792 человека, из которых 1083-м были вынесены смертные приговоры»[2]. Госсекретарь при этом сделал оговорку о том, что в исполнение было приведено лишь 18 приговоров, в остальных случаях по распоряжению правительства Индии смертная казнь была заменена тюремным заключением или публичными порками.

Завершающий этап обсуждения Билля о реформе управления Индией пришёлся на декабрь 1919 г. К тому моменту завершилась деятельность Совместного комитета и согласованный текст был вынесен на рассмотрение обеих палат парламента. В Палате общин окончательное обсуждение законопроекта состоялось 5 декабря[3], в Палате лордов – 16-17 декабря[4]. В ходе дискуссий представители оппозиции предприняли попытки внести ряд поправок, в своей основной массе отклонённых большинством членов обеих палат. Получив окончательное одобрение в парламенте, 23 декабря законопроект был утверждён королём и вступил в силу как Акт о реформах правительства Индии (Government's of India Reforms Act). Он явился

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919), vol. 36. Col. 490.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 119. Col. 490.
[3] Ibid. Vol. 122. Col. 793.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919), vol. 37. Col. 974.

юридической основой для деятельности англо-индийской администрации в течение последующего десятилетия[1].

В преамбуле документа отмечалось: «В соответствии с постепенным развитием институтов самоуправления в Провинциях Индии целесообразно предоставить в соответствии с отведённой им компетенцией как можно более широкую степень независимости от правительства Индии, которая соответствует их собственному восприятию ответственности». В связи с этим предполагалось законодательно разделить функции центрального и провинциальных правительств в административных и финансовых вопросах. Данное положение закона являлось ключевым, поскольку означало отход от прежней линии, основанной на концентрации всех административных и финансовых ресурсов в руках центрального правительства, которую Великобритания проводила в Индии, по крайней мере, с 1833 г.

Акт предполагал создание, впервые в индийской истории, системы органов представительной власти парламентского типа, включавшей провинциальные законодательные собрания, а также центральное Законодательное собрание, состоявшее из двух палат – нижней (Законодательная Ассамблея) и верхней (Государственный Совет). В больших провинциях законодательные собрания должны были на 70% заполняться избираемыми лицами и лишь на 20% состоять из назначаемых лиц, включая членов Исполнительного Совета при губернаторе. Сложный механизм косвенного избрания, введённый в 1909 г. заменялся системой прямых выборов[2].

В то же время, несмотря на декларированную британскими властями широкую автономию провинциальных законодательных собраний по целому ряду важных вопросов их функции ограничивались необходимостью получения соответствующей санкции со стороны губернатора. В общей сложности от двадцати двух до двадцати девяти мест в законодательных

---

[1] *Elliott W.Y.* The New British Empire. N.Y- L., 1932. P. 132.
[2] Government of India Act. URL: https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).

собраниях провинций отводилось для назначаемых лиц. Две трети из них занимали губернаторские чиновники – секретари провинциального правительства и главы департаментов, выполнявшие также консультативные функции. В отличие от порядка, установленного по итогам реформы Морли-Минто, назначаемые лица на этот раз были свободны при голосовании[1].

Законом вводилось также разделение полномочий на провинциальном уровне управления, которое составляло основное содержание системы диархии. В ведение провинциальных Законодательных собраний передавался ряд административных функций, обозначенных термином «transferred subjects»[2]. К их числу относились, в частности, вопросы, связанные с управлением системами образования, здравоохранения и санитарии, местного самоуправления, развитием сельского хозяйства, промышленности и инфраструктуры, налоговой и акцизной политикой[3]. Все они выводились из сферы компетенции центрального англо-индийского правительства. Департаменты, которым передавались данные функции, должны были возглавляться индийскими министрами и нести ответственность перед законодательными органами власти. Предполагалось, что часть провинциального правительства, включённая в сферу «transferred subjects» включала двух или трёх министров, назначаемых из числа выбранных членов Законодательного Собрания, которые были известными в провинции общественными деятелями. Индийские министры формально наделялись равным статусом с членами Исполнительного Совета при губернаторе и получали равное с ними жалование[4].

В то же время, ряд административных полномочий на провинциальном уровне продолжал оставаться исключительной прерогативой колониальных властей. Они были обозначены термином «reserved subjects» и включали

---

[1] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta: Nabu Press, 2012. P..503.
[2] *Horne E.A.* Op. cit. P. 92.
[3] *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* История Индии. XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С.25.
[4] На практике данное положение соблюдалось далеко не всегда. В 1922 г. лишь в Центральной провинции Законодательное Собрание установило заработную плату индийским министрам в размере трёх тыс. рупий в месяц, в то время как члены Исполнительного Совета при губернаторе получали жалование в размере четырёх тысяч рупий. См.: *Egerton H.*E. British Colonial Policy in the Twentieth Century. L., 1922. P. 91.

вопросы, связанные, в частности, с обеспечением законности и правопорядка, управлением полицией и руководством судебной системой. Департаменты, отвечавшие за них, оставались абсолютно независимыми от законодательных собраний и подчинялись напрямую англо-индийскому правительству[1].

Третий раздел Акта определял новый статус губернаторов провинций, за которыми и в изменившихся условиях закреплялись весьма широкие властные полномочия. Предусматривалось, что они «совместно со своим Советом осуществляют всю полноту власти в отношении департаментов, входящих в категорию «reserved subjects», и совместно с министрами, в отношении департаментов, входящих в категорию «transferred subjects»»[2]. В административные функции губернатора входило также право «…назначать министров, не являющихся членами Исполнительного Совета, а также чиновников в департаменты, отнесённые к категории «transferred subjects» и эти лица несут ответственность лишь перед ним… В отношении деятельности департаментов данной группы, губернатор должен руководствоваться советами министров, срок полномочий которых не должен превышать шесть месяцев. При этом он может действовать иным образом, если сочтёт, что для этого есть соответствующие основания»[3]. Губернатор оставался абсолютно независимым от законодательных Собраний в отношении руководства департаментами, отнесёнными к категории «reserved subjects»[4].

На основании положений дополнявшего Акт инструктивного документа направленного провинциальным властям и получившего название «Перечень инструкций» («Instrument of Instructions»), губернатор нёс исключительную ответственность за защиту прав и интересов различных расовых, этнических, религиозных и социальных групп местного населения.

---

[1] Government of India (Reforms) Act. URL: https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).
[2] *Horne E.A.* Op. cit. P. 75.
[3] India's Goal:… P. 60.
[4] Government of India. URL: https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).

С этой целью ему позволялось при определённых обстоятельствах приостанавливать деятельность департаментов, отнесённых к категории «transferred subjects» и вводить режим своего прямого правления.

В соответствии с пунктом 8.1 Акта губернатор при определённых обстоятельствах обладал правом роспуска законодательного собрания, что создавало условия для определённых коллизий в его взаимоотношениях с представительными органами власти. Кроме того положениями документа предусматривалось, что «В случае, если Законодательный Совет отказывается утвердить предлагаемый законопроект, или отказывается следовать указаниям губернатора, последний обладает правом, входящим в его компетенцию, несмотря на несогласие Совета, утверждать и вводить в действие любой законопроект, относящийся к «reserved subjects», своей подписью, … без согласования с Советом»[1].

Наряду с данными полномочиями, губернатор на основании пункта 11.4 Акта, наделялся правом вето, носившим абсолютный характер, в отношении законопроектов, предлагаемых Законодательным Собранием, в случае, если «Билль, который предлагается или может быть предложен, а также любые изменения, вносимые в законы, … затрагивают безопасность или спокойствие провинции или какой-либо её части, а также других провинций»[2].

Главами провинций Мадраса, Бомбея и Бенгалии могли назначаться известные британские политики, носившие титул лордов. В остальных провинциях губернаторы назначались Короной из числа высших чиновников Индийской гражданской службы по согласованию с вице-королём. При губернаторе функционировал Исполнительный Совет. В его состав входило, как правило, по одному официальному и одному неофициальному представителю. Официальные представители назначались из числа британских чиновников Индийской гражданской службы, неофициальные, в

[1] *Horne E.A.* Op. cit. P. 98.
[2] Ibid. P. 102.

свою очередь, выступали в качестве представителей местного индийского населения. Данная часть системы провинциального управления получила наименование «губернатор в Совете (Governor in Council)»[1]. Её деятельность детально регулировалась нормами Сводного Акта о Правительстве Индии (Government of India (Consolidating) Act)[2].

В соответствии с положениями Акта устанавливался трёхлетний период функционирования провинциальных легислатур и Законодательной Ассамблеи, а также пятилетний период деятельности Государственного Совета. За вице-королём сохранялось право досрочного роспуска центральных, а за губернатором – провинциальных представительных структур. При этом новый их состав должен был быть созван не позднее чем через девять месяцев с момента роспуска предыдущего. В особых случаях срок функционирования законодательного собрания мог быть продлён соответствующим представителем Короны на год.

Отдельным нормативным актом, получившим название «Оговорки относительно правил принятия Биллей» (Reservation of Bills Rules) определялись рамки законотворческой деятельности будущих представительных органов. Для того чтобы выдвигаемый легислатурой законопроект вступил в силу, требовалось согласие на соответствующем уровне либо губернатора провинции либо вице-короля. Британские власти, таким образом, сохраняли за собой право отклонить любую инициативу органов, представлявших индийское население. Согласие представителя Короны требовалось и в отношении законодательных инициатив, связанных с установлением новых или изменением уже существующих налогов[3].

Наряду с разделением департаментов провинциальных правительств на две категории, в индийских провинциях, на которые распространилось действие Акта о реформах, вводилась частичная финансовая автономия.

---

[1] В крупных провинциях в Исполнительный Совет при губернаторе могло входить по два официальных и неофициальных представителя – См.: *Curtis L*. Papers Relating to the Application of the Principle of Dyarchy to the Government of India. Oxford, 1920. – P. xxxii.

[2] Government of India Act. URL: https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).

[3] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P.526.

Одним из пунктов Акта предусматривалась возможность для провинциальных правительств получать займы, как в самой Индии, так и за её пределами для обеспечения расходных статей своих бюджетов[1]. Законодательные собрания провинций получили возможность устанавливать дополнительные налоги без санкции центральных властей при условии, что вводимый налог предусмотрен законодательством[2].

Разделение доходных статей осуществлялось в соответствии с распределением функций между департаментами, отнесёнными к двум категориям. В распоряжении центральных органов власти оставались доходы от таможен, железных дорог, почты, телеграфа, подоходного налога, соляной и опиумной монополий. Под контроль провинциальных департаментов, входивших в категорию «transferred subjects», передавались доходные статьи от земельного налога, ирригационных работ, лесного хозяйства, акцизные сборы от продажи алкоголя и легальных наркотиков, а также регистрации различных юридических сделок. В случае возникновения разногласий по финансовым вопросам между департаментами двух категорий в качестве арбитра должен был выступать губернатор провинции. В связи с возросшей финансовой ответственностью провинциальных правительств Актом предусматривалось создание в их структуре отдельных ведомств, призванных контролировать эту важную составляющую деятельности департаментов, отнесённых к категории «transferred subjects»[3].

В положениях Акта, а также ряда других официальных документов, неоднократно подчёркивался тезис о временном характере системы диархии. Её существование связывалось с переходным периодом, в течение которого в Индии должны были быть оформлены основы системы самоуправления. К моменту его завершения в провинции должна была сформироваться единая система управления, включающая назначаемого митрополией губернатора и представляющих индийское население министров. В соответствии с

[1] Ibid.
[2] The Morning Post. 1920. 15th October. P.1.
[3] *Curtis L.* Op.cit. P. xxvi.

положениями нескольких дополнявших акт нормативных документов, британский парламент на основании периодического анализа степени эффективности новой системы, мог принимать решения о перераспределении административных функций в пользу «transferred subjects». В то же время, в случае если данный анализ выявлял существенные проблемы, связанные с функционированием департаментов, возглавляемых индийскими министрами, они могли быть возвращены по прямой английский контроль. В пятой части Акта упоминалось о необходимости создания специальной комиссии, в задачу которой входило исследование в течение десятилетнего периода различных аспектов «функционирования структуры управления, совершенствования образовательной системы, развития представительных институтов в Британской Индии», и сообщить «в какой степени желательно установить принципы ответственного правительства, а также степени изменения или ограничения нынешней степени ответственности правительства»[1].

В соответствии с положениями семнадцатого пункта Акта определялась структура центрального Индийского Законодательного Собрания. Его верхняя палата, – Государственный Совет, - должна была состоять из шестидесяти членов, до одной трети из которых являлись назначаемыми лицами, а остальные – избирались. Законодательная Ассамблея включала не менее ста сорока представителей, по крайней мере, пятьдесят семь из которых избирались населением, а из оставшихся две трети являлись официальными представителями, то есть британскими чиновниками. Так в качестве официальных представителей в состав Законодательной Ассамблеи должны были назначаться все члены Исполнительного Совета при вице-короле[2].

На основании положений Акта, а также ряда дополняющих и конкретизирующих его нормативных документов, к числу которых

---

[1] Ibid.

[2] Government of India Act. URL: https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).

относились, в частности, т.н. «Правила передачи» («Devolution Rulers») устанавливались чёткие рамки компетенции англо-индийского правительства и Законодательного Собрания Британской Индии. К их числу были отнесены вопросы, связанные с руководством вооружёнными силами (за исключением полиции), внешней политикой, отношениями с княжествами, общим управлением транспортной инфраструктурой, финансовой системой и таможнями. Кроме того, в сфере компетенции центральных органов власти оставался контроль над общеиндийскими гражданскими службами, а также соблюдением установленных ранее монополий на добычу и продажу соли и опиума. В соответствии с положениями Акта функции и обязанности правительства Индии определялись следующим образом: «Надзор и контроль над гражданской и военной администрацией передаются Вице-королю, который должен действовать в соответствии с указаниями Государственного Совета.… Каждое местное Правительство обязано повиноваться распоряжениям Вице-короля и должно надлежащим образом информировать его по всем вопросам,… касающимся провинциального управления»[1].

За центральными органами законодательной и исполнительной власти были закреплены исключительные полномочия, связанные с регулированием и осуществлением контроля над исполнением гражданского и уголовного законодательства. Важным направлением их деятельности являлось также обеспечение стабильности сложившейся в Индии административно-политической системы. В пятом разделе «Правил передачи» особо оговаривалось, что «…функции контроля, управления и надзора над местными правительствами … возложенные на Вице-короля, на основании Акта, должны осуществляться лишь в целях обеспечения деятельности центральных органов власти, а также для разрешения проблем, касающихся двух или нескольких провинций, в случае, если они сами не могут прийти к соглашению»[2].

---

[1] *Ilbert C. P*. The Government of India. L., 1922. P. 125.
[2] Ibid.

Функции правительства и парламента метрополии в отношении Индии ограничивались, как отмечалось в Акте: «… обеспечением имперских интересов и разрешением вопросов, связанных с её взаимоотношениями с другими частями империи»[1]. Впоследствии, уже в ходе осуществления реформы представители Министерства по делам Индии неоднократно подчёркивали нежелательность вмешательства британских ведомств в деятельность провинциальных индийских департаментов, вошедших в категорию «transferred subjects»[2].

Несмотря на то, что условия реформы предполагали существенное расширение функций центрального Законодательного Собрания, в целом основы системы управления Британской Индией остались фактически неизменными. В восьмом разделе «Перечня инструкций» подчёркивалось: «Нашим желанием и стремлением является поиск всеми возможными средствами, соответствующими Нашим обязательствам и обязательствам Парламента, …путей обеспечения благополучия Наших индийских подданных, чтобы управление всеми вопросами, связанными с Нашей прямой компетенцией, осуществлялось в соответствии с желаниями Наших подданных, выраженными их представителями в Законодательном Собрании Индии, насколько это окажется справедливым и разумным»[3].

Изменения в центральной администрации Британской Индии коснулись, в основном, состава Исполнительного Совета при вице-короле. Наиболее важные из них осуществлялись в рамках декларированной британским правительством политики ликвидации расовых ограничений и предусматривали включение в состав Совета трёх индийских представителей вместо одного, как то было ранее. Одним из результатов реформы явилось учреждение так называемой Палаты Принцев, членами которой стали представители наиболее влиятельных княжеских семей.

---

[1] *Curtis L*. Op. cit. P. xix.
[2] *Ilbert, C. P*. Op. cit. P. 122.
[3] Ibid.

При ней должен был действовать постоянный исполнительный комитет, в задачу которого входила координация политики англо-индийского правительства в отношении многочисленных индийских княжеств. Их представители в соответствии с новыми правилами должны были в обязательном порядке включаться в состав комиссий, которые расследовали случаи т.н. «дурного управления» и ненадлежащего поведения князей. Предполагалось также создание специальных арбитражных судов, в ведение которых передавались вопросы, связанные с конфликтами, возникающими в отношениях между княжествами и правительством Британской Индии или правительствами отдельных провинций.

Седьмой частью Акта о реформах, а также положениями ряда дополняющих его документов, определялись правила проведения выборов в центральные и провинциальные законодательные структуры, формировалась карта избирательных округов, формулировались квалификационные требования к кандидатам и выборщикам, а также способы контроля над соблюдением законности проведения избирательной процедуры[1].

На основе Акта 1919 г. в Индии впервые вводилась система прямого избрания членов законодательных собраний, носившая довольно ограниченный характер в силу целого ряда цензовых ограничений. Все индийцы, получившие избирательные права, были разделены на три категории. Первая, наиболее многочисленная из них, которая насчитывала в общей сложности 5345870 чел., включала избирателей, имевших право голоса лишь на выборах провинциального уровня. Избиратели второй категории, в которую было включено в общей сложности 909874 чел., имели право участвовать и в выборах в Законодательную Ассамблею. Представители третьей категории, в которую вошло лишь 17364 чел., могли

[1] Government of India Act. URL: https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).

участвовать как в выборах провинциального уровня, так и в голосовании по избранию членов обеих палат центрального Законодательного Собрания[1].

Процедура избрания членов представительных органов власти регулировалась вступившим в силу в 1920 г. подзаконным актом, получившим название «Электоральные правила». В соответствии с ним было введено три избирательных системы, в соответствии с которыми организовывались выборы в законодательные собрания провинций, а также в Законодательную Ассамблею и Государственный Совет. Каждая из них предполагала наличие общих и специальных избирательных округов. Цензовые критерии, определявшие круг участвовавших в голосовании избирателей различались для разных провинций и даже отдельных частей одной провинции. Кроме того, существовали различные системы градации для каждой категории электората[2].

В рамках новой избирательной системы сохранялись многие принципы прежней куриальной системы, введённой в период реформы Морли-Минто. Так, в Пенджабе из шестидесяти четырёх округов по выборам в местное законодательное собрание, двенадцать приходилось на долю сикхских городских и сельских избирательных округов. В Бенгалии, а также некоторых других провинциях были созданы отдельные избирательные округа для представителей европейской общины. В Бенгалии и Мадрасе, кроме того, вводились специальные округа для индийцев-христиан за которыми резервировалось два места в провинциальных легислатурах. В то же время, при всём многообразии существовавшей куриальной системы, определяющим в данный период окончательно становится разделение избирательных округов в Британской Индии на индуистские и мусульманские. Оно проистекало из соглашения, достигнутого лидерами Индийского Национального Конгресса (ИНК) и Мусульманской Лиги в Лакноу в декабре 1916 г., в рамках которого предусматривалось

---

[1] *Judd, D.* The Lion and the Tiger: The Rise and Fall of the British Raj, 1600–1947, Oxford and N. Y.: Oxford University Press, 2004. P. xiii, 280.
[2] The Morning Post. 1920. 15th October,. P.1.

определённое процентное соотношение представителей индуистской и мусульманской общины в реформируемых органах представительной власти. Всего в рамках новой системы выборов вводилось шесть типов избирательных округов два из которых – мусульманский и немусульманский были распространены фактически на всей территории Индии[1].

Наряду с общими, существовало и достаточно большое количество специальных избирательных округов, представлявших интересы узких социальных слоёв, в частности, крупных землевладельцев, а также коммерческих и промышленных групп. Кроме того, во всех провинциях кроме Пенджаба получили представительство «неприкасаемые»[2].

Отдельной сложной проблемой являлось обеспечение относительно равного представительства отдельных кастовых групп, составлявших сложную мозаику индийского социума, и находившихся в сложной системе иерархических связей друг с другом. В данной связи, 21 января 1920 г. совместный комитет Палаты общин и Палаты лордов в пункте 7-м своего Отчёта о дополнительных мерах по реализации Акта об управлении Индией, губернатору Мадраса и некоторых других индийских провинций рекомендовалось «ввести отдельное представительство путём резервирования мест» для представителей низших каст[3]. К тому моменту почти 80 % членов индийских представительных органов в Мадрасском губернаторстве, численность жителей которого достигала 41 млн. чел и была практически равна населению Великобритании, составляли выходцы из касты брахманов. В начале 1920 г. представительство небрахманских каст в Законодательном собрании было увеличено до 42-х из 65 членов. Однако вскоре губернатор Мадраса лорд Местон сократил его до 28[4]. Сделано это было вследствие протестов влиятельных брахманских групп. В июле 1920 г. британский парламент внёс изменения в части Акта, касавшиеся порядка

---

[1] *Copland I.* India 1885–1947: The Unmaking of an Empire (Seminar Studies in History Series), Harlow and L., 2001. P. 160.
[2] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P..503.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1920), vol. 125. Col. 860.
[4] Ibid. Col. 861.

представительства различных кастовых групп индийского населения, а также механизмов взаимодействия исполнительной и представительной власти на провинциальном уровне[1]. Были уточнены и конкретизированы законодательные нормы, касавшиеся порядка ответственности провинциальных правительств перед губернатором, госсекретарём и Короной. Принимая эти поправки, парламентарии учли рекомендации нескольких специальных комитетов, созданных для контроля над осуществлением преобразований, в частности, комитета лорда Соузборо[2]. При этом конечной целью преобразований вновь обозначалось совершенствование системы диархии и «формирование основ конституционного развития Индии»[3].

В общей сложности в результате реформы Челмсфорда-Монтэгю избирательные права получили лишь 2,5% жителей Британской Индии или около 10% её взрослого мужского населения[4]. Тем не менее, данный шаг, несомненно, способствовал становлению и развитию на индийской территории элементов демократии и парламентской системы правления.

В соответствии с рекомендациями королевской комиссии, нашедшими отражение в Сводном докладе, предусматривалось «расширение участия индийцев во всех ветвях власти»[5]. Предполагалось, в частности установление определённых квот для представителей индийского населения в различных структурах и на различных уровнях Индийской Гражданской службы. На первом этапе реформы планировалось достичь средней пропорции между британскими и индийскими служащими равной трём к одному. По истечении десяти лет данную пропорцию предполагалось довести до двух к одному.

Отбор индийских служащих предполагалось осуществлять несколькими путями. С этой целью предполагалось активно использовать систему состязательных экзаменов, которые могли проводиться как в

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1920), vol. 45. Col. 182.
[2] Ibid. Col. 218.
[3] *Horne E.A.* Op. cit. P. 92.
[4] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History.. P.346.
[5] *Robinson H.* Op. cit. P. 301.

Лондоне, так и в самой Индии, где ими руководила специально созданная комиссия[1]. Кроме того, кооптация индийцев в структуры Индийской Гражданской службы могла осуществляться путём их назначения вице-королём или губернатором провинции, а также их перевода из провинциальных органов управления.

В рамках общих принципов осуществления реформы предполагалась постепенная либерализация условий работы индийцев в различных сферах управления. Так в системе Индийской образовательной службы (Indian Educational Service), руководившей значительной частью образовательной системы в Британской Индии предусматривалось в течение десятилетнего периода увеличить представительство индийцев с 20 до 50%. Такое же процентное соотношение должно было быть установлено и в Индийской Лесной службе (Indian Forest Service). В полицейских структурах, где признавалось необходимым сохранение значительного английского присутствия, квоту для индийцев предполагалось ограничить одной третью, половина из которых должна была назначаться напрямую, а другая половина – кооптироваться из провинциальных полицейских структур[2].

В то же время, для отдельных административных органов, таких как Департамент Индийских финансов (Indian Finance Department), Департамент Общественных работ (Public Works Department) и некоторых других предполагалась реализация принципа «индианизации». Он предусматривал фактически полную передачу управленческих функций индийцам, за исключением отдельных должностей, требовавших особой квалификации[3].

Первые выборы в представительные органы власти на основании Акт о реформах правительства Индии были проведены в октябре-ноябре 1920 г. Они проходили в весьма непростой обстановке, связанной с бойкотом, объявленным Индийским Национальным Конгрессом и некоторыми другими

---

[1] Ibid. P. 138-139.

[2] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P.347.

[3] В рамках реформы Морли-Минто в 1912 г. была создана комиссия, получившая название Public Service Commission, занимавшаяся изучением возможностей для привлечения индийцев на административную работу и их участия в деятельности различных уровней управления. Первые экзамены под её контролем прошли в Алахабаде в феврале 1922 г. См.: India's Goal. P. 64.

политическими организациями радикального толка. К бойкоту выборов присоединился и ряд мусульманских политических организаций, протестовавших против навязанных Османской империи условий Севрского мирного договора. В результате наиболее низкой явка зарегистрированных избирателей оказалась в Пенджабе и Бомбейском президентстве. В городах количество принявших участие в голосовании оказалось меньшим, чем в сельском местности. Одной из форм обструкции выборов явилось выдвижение заведомо «непроходных» кандидатур, в том числе, представителей «неприкасаемых»[1].

Тем не менее, общие итоги выборов были охарактеризованы британскими властями как несомненный успех реформы. Согласно официальным данным из 774 мест в новых законодательных структурах власти 535 были заняты выбранными представителями. В среднем на каждое место претендовало по три кандидата. В выборах в провинциальные законодательные собрания принял участие 31% зарегистрированных избирателей. По итогам голосования в Законодательную Ассамблею и Государственный Совет этот показатель составил соответственно 25 и 55%. Наиболее низкой в процентном соотношении оказалась явка, на выборы в нижнюю палату Индийского Законодательного Собрания, в которых приняло участие менее 200 тыс. чел. Выборы выявили ряд специфических проблем, связанных с географической обширностью и этнической разнородностью избирательных округов, а также отсутствием чётко сформулированных социальных позиций у значительной части индийского электората[2].

Сама выборная компания объективно способствовала росту политической активности и развитию политической культуры участвовавшей в ней части индийского населения. Конкретным проявлением данной тенденции явилась активно развивавшаяся в данный период партийная деятельность. В Бенгалии, Объединённых провинциях и некоторых других

---

[1] *Tummala K. K.*. Public Administration in India. Mumbai, 1994. P. 57.
[2] *Martin T.,Moore, B.*,Butler, L.J.: Crises of Empire: Decolonization and Europe's Imperial States, 1918-1975, L., 2008. P.122.

индийских регионах в результате выборов существенное представительство в местных законодательных собраниях получили члены оппозиционных политических партий, выступавших с требованиями сокращения налогов, «индианизации» армии и полиции, а также дальнейшего расширения сферы самоуправления индийского населения. В большинстве случаев, однако, фракции в провинциальных законодательных собраниях формировались на куриальной основе.

Анализ изменений, произошедших в административной системе Британской Индии в результате реализации Акта 1919 г., позволяет сделать вывод о том, что они привели к определённой децентрализации и появлению элементов федеративного устройства. В то же время данные изменения носили чётко лимитированный характер, что было обусловлено принципиальным стремлением британского руководства сохранить незыблемость базовых основ своего колониального механизма. В силу этого ещё в 1922 г. американский исследователь Х. Робинсон охарактеризовал сложившуюся в Индии в результате реформы систему административных отношений как квази-федеративную[1].

Сформированные в результате выборов провинциальные правительства были представлены в основном индийскими политиками умеренного толка. Лишь в Пенджабе один из избранных министров оказался участником беспорядков 1919 г. попавшим под действие, объявленной после принятия Акта о реформах правительства Индии амнистии[2].

В феврале-марте 1921 г. состоялась первая сессия Индийского Законодательного Собрания. Первым предметом её обсуждения явился закон о военном управлении, введённый в Пенджабе в 1919 г. По итогам обсуждения была принята резолюция, в которой выражалось сожаление в связи с тем, что данный закон нарушает принцип расового равенства и соблюдения интересов индийского населения. Кроме того, члены

---

[1] *Robinson H.* Op cit.. P. 301.
[2] *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* Ук. соч. С. 26.

Законодательного Собрания предлагали вице-королю проявить большую жёсткость в отношении виновных военнослужащих и удовлетворить требования пострадавших в результате событий в Джаллинвала Баг относительно выплаты денежных компенсаций. Обеими палатами Законодательного Собрания была создана специальная комиссия, которая должна была выработать рекомендации относительно смягчения действовавшего в Индии репрессивного законодательства[1].

Одним из наиболее дискутируемых стал вопрос о степени финансового участия Индии в военных операциях, которые велись метрополией, а также мобилизации индийцев в вооружённые силы, действовавшие за пределами индийских территорий. В итоге, Законодательная Ассамблея приняла единодушную резолюцию, в которой содержалось единодушное требование о передаче контроля над всеми войсками, размещёнными в Индии, индийскому правительству[2].

В конце 1921 – начале 1922 г. важнейшей темой, обсуждаемой в Индийском Законодательном Собрании, явился бюджетный кризис, вызванный общей неблагоприятной экономической конъюнктурой. Возможный дефицит индийского бюджета оценивался на тот момент в сумму 18, 5 млн. ф.ст. В связи с этим Законодательному Собранию было предложено изменить существующую систему налогообложения и увеличить сумму собираемых налогов на 19 млн. ф. ст. Половину дополнительных сборов при этом предполагалось обеспечить за счёт повышения железнодорожных тарифов и почтовых акцизов. С незначительными модификациями данная программа, вошедшая в единый Финансовый Билль, была принята обеими Палатами[3].

Важным следствием обсуждения бюджета явилось создание специального финансового комитета, состоящего из избираемых

---

[1] Там же.
[2] The Morning Post. 1921. 15th December. P. 3.
[3] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P.351.

Законодательной Ассамблеей лиц и получившего право участия в разработке бюджетных проектов.

В сентябре 1921 г. состоялась вторая сессия Индийского Законодательного Собрания, проходившая на фоне заметного обострения политической ситуации, связанным с объявленной ИНК компанией гражданского неповиновения. Итогом длительных дебатов в индийском парламенте, стало принятие резолюции, в которой содержались следующие требования: «1. Полностью ответственные правительства в индийских провинциях должны быть созданы не позднее 1924 г., а к 1929 г. Индия должна получить статус доминиона. 2. Необходимо осуществление последовательной политики по назначению индийцев на административные должности в правительстве Индии. 3. При ключевых департаментах правительства должны быть созданы постоянные комитеты Законодательной Ассамблеи. 4. При назначении на административные и судебные посты должен в обязательном порядке соблюдаться принцип полного паритета между индийцами и англичанами»[1].

В целом, итоги первых выборов, прошедших в рамках реализации реформы Монтэгю-Челмсфорда, как и последующий опыт деятельности избранных на их основе представительных структур отражал внутренне противоречивый характер преобразований, проводимых британскими властями. Расширение системы самоуправления и введение элементов парламентаризма в Британской Индии в данный период сочеталось с использованием репрессивных мер, связанных в том числе, с принятием так называемого законодательства Роулетта. Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании в данный период, являясь реакцией на возраставшие внутри имперского механизма трудности, отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции её колониальной политики. Он был связан с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией

[1] Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 113(1922). Col. 3394.

политико-административного режима в ряде колоний. Данная тенденция, в свою очередь, явилась важнейшей предпосылкой последовавшего после окончания Второй мировой войны процесса распада крупнейшей колониальной системы.

§2.2. Проблемы реализации системы диархии в британской политической дискуссии в 1920-х гг.

Сменившему лорда Челмсфорда на посту вице-короля лорду Ридингу пришлось столкнуться с ростом организованного протеста, основой которого явилась объединившая различные социальные и конфессиональные группы индийского общества идея достижения самоуправления. Осознавая объективную неспособность противодействия данной тенденции исключительно с помощью репрессивных мер, он в 1921 г. предложил «рассмотреть возможность введения полной провинциальной автономии»[1]. Однако, данная инициатива, поддержанная госсекретарём Э. Монтэгю, встретила ожесточённую критику со стороны консервативной оппозиции. В редакционной статье близкого к Консервативной партии журнала «Спектэйтор» … отмечалось: «Вызывает глубокое отвращение и разочарование тот факт, что правительство позволило [Э. Монтэгю – А.С.] заложить мину, которая может разрушить британскую власть в Индии»[2]. Осенью 1921 г. около ста представителей Консервативной партии в Палате общин призвали осудить госсекретаря «за преступления, совершённые в 1919-1921 гг. против белых людей, работающих в Индии»[3]. Оппозиционеры обвиняли его в приверженности устаревшим, по их мнению, «либеральным догмам» и даже связывали политику госсекретаря с его еврейским происхождением[4]. Комментируя подобные обвинения, Э. Монтэгю в письме Дж. Доусону отмечал: «Я хочу, чтобы дома Вы внесли ясность относительно

[1] *Muldoon A.* Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act: Last Act of the Raj. L., 2009. P. 92.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Ibid. P.93.

всей сложности ситуации в Индии и возможности её добровольного сохранения в рамках Империи»[1].

На рубеже 1921-1922 гг. британская пресса, в особенности, близкие к консерваторам издания «Таймс», «Дэйли Ньюс» и «Дэйли Телеграф» развернули новую компанию критики действий кабинета в Индии. Правительство при этом обвинялось в бездействии, «приведшем к тому, что ситуация оставлена фактически на откуп Ганди и экстремистам»[2]. Упоминались случаи неоднократных нападений на представителей британской администрации и европейцев в Ассаме, Объединённых провинциях и Пенджабе. Поводом для них послужили события, связанные с религиозным исламистским движением мопла, а также беспорядки, произошедшие в ноябре 1921 г. в Бомбее, в связи с визитом принца Уэльского[3]. Как отмечалось в сообщениях, анархия, вызванная бездействием англо-индийских властей привела к гибели за два года не менее 10 тыс. чел.[4] В Парламенте сформировалась влиятельная группировка, в которую входили в основном консерваторы, выступавшая с требованием отставки госсекретаря по делам Индии. Политика Э. Монтэгю в этих условиях находила поддержку лишь среди части лейбористов, а также находившихся в оппозиции кабинету либералов, объединившихся вокруг бывшего премьер-министра Г. Асквита[5]. В одном из своих выступлений отстаивая необходимость реформ в Индии, он подчёркивал: «Система управления, созданная в прошлом, ныне доказывает свою не эффективность. Если мы не готовы реконструировать, в свете современного опыта, старую и громоздкую административную машину, я искренне полагаю, что мы утратим право управлять судьбами индийской Империи. Наша исполнительная система развалилась, потому что она не предназначена для сложных задач современного управления»[6].

---

[1] Ibid. P.94.
[2] The Times. 1922. 9th January P.3.
[3] *Darwin J.* The End of British Empire: The Historical Debate. Oxford, 1991 – P.13.
[4] *James L.* The Rise and Fall of British Empire. L. 2000, P. 61.
[5] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 150. Col. 114.
[6] Ibid. Col. 115.

В начале февраля 1922 г. группа из 93-х членов Палаты общин от Консервативной партии направила премьер-министру письмо с требованием отставки Э. Монтэгю. «Мы, нижеподписавшиеся, - отмечалось в документе, - сошлись во мнении о том, что госсекретарь по делам Индии потерял доверие большего числа членов Палаты общин, и большинства граждан страны, и что его сохранение в должности будет крайне вредным для интересов как нашей страны, так и Индии, и думаем, что было бы очень желательно, чтобы он подал в отставку»[1].

14 февраля вопрос о доверии Э. Монтэгю был вынесен на обсуждение Палаты общин. В своём выступлении госсекретарь попытался объяснить кризис, возникший в Индии, влиянием осуществляемой через Афганистан большевистской пропаганды, подчеркнув, что англо-индийская администрация предприняла максимум усилий для её нейтрализации[2]. Он назвал объективным рост политической активности в Индии и стремление индийцев к большей политической самостоятельности. Особую роль в дестабилизации политической обстановки в Индии, по мнению Монтэгю, сыграло халифатское движение индийских мусульман, появление которого он связывал с непродуманной политикой держав Антанты в отношении побеждённой Османской империи[3]. Важнейшим направлением британской политики он обозначил, в данной связи, поиск компромисса с мусульманской общиной, проживавшей в пределах британских владений, численность которой превышала 100 млн. человек и от политических настроений которой в немалой степени зависела стабильность колониальной системы Великобритании. Реализация данной задачи, по мнению Э. Монтэгю являлась основным условием реализации «ответственности за благосостояние индийского населения, возложенной на нас Небесами»[4]. Дополнительным негативным фактором, влиявшим на политическую нестабильность, Э. Монтэгю обозначил существенное ухудшение социально-

[1] Daily Telegraph.1922. 9th January. P.5.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 150. Col.865.
[3] Ibid.
[4] Ibid. Col.867.

экономической обстановки в Индии, а также голод, возникший в ряде индийских провинций вследствие, в том числе, возросшего экспорта продовольствия[1].

Тем не менее, многие британские парламентарии не изменили изначальной критической позиции в отношении политики госсекретаря. «Сто лет назад, отмечалось в одном из выступлений, Макколей заявил, что Индия получит самоуправление, когда окажется готовой к этому. Нынешний госсекретарь решил, что показателем этой готовности является грамотность примерно двух с половиной процентов её населения… Порядка двух тысяч английских служащих и офицеров при этом подлежат увольнению»[2]. Наряду с апеллированием к сложившейся в Индии политико-административной традиции, в политической дискуссии часто высказывалось мнение о необходимости выработки новой «философии, которая предоставит небольшой шанс Великобритании сохранить её индийскую Империю» в условиях возраставшей международной конкуренции[3]. Общее же ухудшение ситуации в Индии напрямую связывалось с личностью госсекретаря, а единственным способом её исправления объявлялось «исправление взглядов правительства, которое не может быть достигнуто пока действующий госсекретарь остаётся в своей должности»[4].

В конце февраля 1922 г. Э. Монтэгю в официальном ответе на запрос индийского Законодательного собрания вновь подчеркнул неизменность позиции британского руководства относительно перспектив конституционной реформы в Индии. По его мнению, анализ дальнейших шагов в данном направлении окажется возможным не ранее 1929 г., когда будут подведены итоги предыдущего этапа преобразований[5].

Многих представителей британской администрации в Индии беспокоило возможное негативное воздействие начавшихся преобразований

---

[1] Ibid. Col.868.
[2] Ibid. Col.907.
[3] Ibid. Col.915.
[4] Ibid. Col.975.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151. Col. 227-228.

на общественно-политическую обстановку в различных индийских регионах, с учётом сложного этноконфессионального состава их населения. 9 марта 1922 г. Э. Монтэгю было получено специальное послание англо-индийского правительства, в котором выражалась серьёзная тревога относительно возможного негативного влияния событий в Турции на настроения многочисленной мусульманской общины в Индии. «Мы чувствуем необходимость, - отмечалось в документе, - прояснить правительству Его Величества настроения индийцев, связанные с необходимостью пересмотра Севрского договора. Правительство Индии и Индийская гражданская служба находятся в сложной ситуации, поскольку вынуждены принять во внимание вклад индийских мусульман в наши военные усилия, а также их единодушную политическую позицию. Их можно свести к трём ключевым позициям: во-первых, это эвакуация Константинополя, во-вторых – признание сюзеренитета султана над мусульманскими святынями в Мекке и Медине, и, в-третьих - возвращение под турецкий контроль зоны проливов, Андрионополя и Смирны. Выполнение всех трёх пунктов является абсолютно необходимым для сохранения политической стабильности в Индии[1].

В британской прессе отмечалась беспрецедентность данного документа для всей истории взаимоотношений Уайтхолла и англо-индийской администрации, поскольку характер выдвинутых в нём требований больше соответствовал специфике отношений метрополии и самоуправляющихся доминионов. Дипломатический корреспондент «Дейли Кроникл» подчёркивал, что данный демарш мог привести к «серьёзным трудностям для представителей Великобритании на предстоящей конференции по Ближнему Востоку»[2]. По мнению представителей британской прессы, обозначенные в меморандуме требования «угрожают всей системе договоров по послевоенному устройству Британской империи, касаясь, в частности,

[1] АВП РФ. Ф.69, оп.10, папка 25, д. 79, л.35.
[2] Daily Chronicle. 1922. 10th March. P. 2.

планов по созданию арабских королевств в Ираке и Хиджазе, а также британского мандата на Палестину»[1]. В редакционной статье «Таймс» меморандум англо-индийского правительства связывался, в основном, с резким обострением внутренней ситуацией в Индии на фоне объявленной М. Ганди компании несотрудничества[2]. В «Дейли Телеграф» документ был подвергнут критике, поскольку в нём «ставилась зависимость имперской политики от настроений индийских мусульман»[3]. «Послание лорда Ридинга, - отмечалось в одной из публикаций, - нельзя воспринимать всерьёз, поскольку оно может лишь осложнить наше положение и воодушевить кемалистов, а перспективы мирного урегулирования на Востоке будут ещё более отсрочены... «Что же касается Индии, то порядок в ней может быть наведён только железной рукой»[4]. 18 марта 1922 г. в интервью газете «Дэйли ньюс», влиятельный член Консервативной партии лорд Дерби, заявив о понимании мотивов меморандума, в то же время, выразил сомнение относительно целесообразности участия представителей англо-индийского правительства в предстоящей конференции по пересмотру условий мирного договора с Турцией[5].

Правительственный кризис, вызванный оппозицией англо-индийского правительства действиям кабинета Д. Ллойд-Джорджа в Турции, подтолкнул министра по делам Индии к принятию окончательного решения об отставке, последовавшей 19 марта 1922 г.[6] Данное событие явилось одним из важных симптомов, обозначивших наличие серьёзного кризиса внутри коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа.

В конце июня 1922 г. в ходе очередной партийной конференции, прошедшей в Эдинбурге, представители подвергли критике политику правительства в Индии, а также характер реализации Акта 1919 г., который, по их мнению, «лишил их (т.е. индийцев – А.С.) надежды на свободу,

[1] Ibid.
[2] Daily Herald. 1922. 13th March. P. 5.
[3] Westminster Gazette. 1922. 10th March. P. 6.
[4] Daily News. 1922. 18th March. P.1.
[5] АВП РФ. Ф.69, оп.10, папка 25, д. 79, л.110.
[6] Там же. Л.122.

существующую среди нас»[1]. В решениях конференции отмечалось, что предложенная британским руководством реформа не нашла поддержку у ключевой политической силы Индии – Индийского национального конгресса, «лишь 25 из 12 тысяч делегатов которого на последнем съезде высказались в поддержку Акта»[2]. В данной связи, в партийных документах отмечалась необходимость предоставления Индии «реального самоуправления, равного тому, каким в данный момент пользуются Канада и Австралия»[3].

С уходом Э. Монтэгю, акценты в политике англо-индийского правительства не претерпели существенных изменений. Политическая линия коалиционного правительства Д. Ллойд-Джорджа, как и сменивших его кабинетов Э. Б. Лоу, Р. Макдональда и С. Болдуина строилась на попытке сохранить сложившуюся по итогам реализации Акта 1919 г. модель диархии, дававшей индийцам некоторую степень самоуправления, но сохранявшую основы британского господства в Индии. Действия Уайтхолла в этом направлении были во многом аналогичны стратегии, которую британские власти ранее пытались применять в Ирландии. Она основывалась на противопоставлении «умеренной» и «радикальной» фракций местного политического движения, а также на сочетании репрессивной политики и ограниченных реформ. Этим объяснялось фактически одновременная реализация системы диархии и сохранение введённых в военный период законов Роулетта, предусматривавших судебное преследование за любые виды антибританских протестов или агитации.

Другим важным мотивом административных изменений явилось стремление сократить финансовые издержки, связанные с содержанием в Индии многочисленного британского чиновничьего аппарата. В феврале 1926 г. министерство по делам Индии обнародовало финансовый отчет, в котором подчёркивалось, что в период с 1919 по 1925 г. расходы ведомства

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп.100, д.87, л. 42.
[2] Там же. Л. 43.
[3] Там же. Л. 49.

на административные нужды сокращались в среднем на 37 тыс. ф.ст., а общая экономия составила 145 тыс. ф. ст.[1]

Главным фактором сокращения бюджетных расходов являлась, постепенно осуществлявшаяся в рамках реализации Акта 1919 г. «индианизация» различных сфер и сегментов управленческой системы Британской Индии. Важную роль в её осуществлении играла созданная в начале 1920-х гг. специальная межведомственная структура, получившая по имени её главы наименование комиссии Ли[2]. Под её руководством подготавливались ежегодные рекомендации относительно замещения британских служащих индийцами в различных подразделениях Индийской гражданской службы, полиции, таможни, специальных ведомствах, связанных с управлением медицинскими и образовательными учреждениями, телеграфами, охраной лесов, ведением сельскохозяйственных и инженерных работ и других структурах[3].

В соответствии с данными, представленными руководством Индийской гражданской службы в январе 1925 г., за предыдущий год на конкурсной основе им было отобрано 36 чиновников, 21 из которых являлись европейцами и 15-индийцами. Конкурсный отбор среди претендентов проводился в два этапа, в январе и августе, и проходил в Алахабаде и Лондоне. Кроме того, определённое количество вакансий заполнялось индийцами на основании рекомендаций провинциальных правительств. В основе данной политики, как подчёркивалось в документе, лежали положения Акта 1919 г., в соответствии с которыми число индийских и британских служащих в структурах Индийской гражданской службы должно было сравняться в течение 15 лет[4].

Политика постепенной «индианизации» административного аппарата сочеталась со стремлением сохранить общий контроль над ситуацией в

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 192. Col.59-60.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 189. Col. 983-984.
[3] *Bridge C.* Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution. N. Y., 1986. P.75.
[4] *Burke S. M., Quraishi S. A.* The British Raj in India. Oxford, 1995. P.185.

Индии с активным использованием репрессивных механизмов, касавшихся, в частности, ограничения деятельности прессы. Так, в декабре 1922 г., под давлением британской администрации, Законодательные ассамблеи Пенджаба, Бенгалии и Мадраса приняли поправки в действующее законодательство, предусматривавшие возможность для дополнительных санкций против печатных СМИ, критикующих действия властей[1]. Одновременно был организован судебный процесс над членами сикхского движения Комитет «Гурудвара Прабандхак», обвинённых в участии в антибританских беспорядках в Пенджабе[2]. Несмотря на решение М. Ганди завершить хартал, многие его активные участники продолжали находиться в заключении, что не позволяло наиболее влиятельной индийской партии – ИНК принимать полноценное участие в выборах в представительные органы власти[3].

Процесс «индианизации» породил определённые коллизии, связанные, в том числе, и с профессиональным статусом и материальным обеспечением британских чиновников, получившие довольно широкий общественный и политический резонанс[4]. Немалая часть британских политиков полагала, что политика «индианизации» приводит лишь к дестабилизации административной системы, и напрямую увязывала с ней общее осложнение обстановки в Индии. В материалах, обнародованных в ноябре 1922 г. членом парламентского комитета лордом Сайденхемом отмечалось, что на фоне увеличения количества беспорядков, достигшего за год в различных индийских провинциях от 10 до 50%, произошло резкое снижение эффективности деятельности правоохранительных структур. Подчёркивая сложность сложившегося положения, он отмечал: «В пенджабской полиции [в результате проведения реформы – А.С.] из двадцати девяти районов в четырнадцати не осталось ни одного английского служащего, что не может ни сказаться на моральном состоянии и уровне дисциплины службы в целом.

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 159. Col..3178-3179.
[2] Ibid. Col.2943.
[3] Ibid. Col.2258.
[4] Ibid. Col.2292.

В Мултане, где проживает значительное число фанатично настроенных мусульман, полностью отсутствуют английские полицейские чиновники, и имеется лишь пятнадцать английских судей»[1]. Одной из проблем административной политики, по мнению Сайденхема, стало привлечение на работу в Индийскую гражданскую службу молодых образованных британцев, чей опыт и энергия, по его мнению, являлись непременным условием дальнейшего продвижения Индии по пути развития институтов самоуправления[2].

Система взаимодействия существовавших ранее органов британской администрации и новых, формировавшихся в процессе реформы, институтов индийской представительной власти складывалась достаточно сложно и противоречиво. Практически все ведущие индийские политические силы, несмотря на различия в их политических программах, были настроены в пользу скорейшего достижения полного самоуправления. В этих условиях трения внутри реформируемой системы англо-индийского управления являлись достаточно частым явлением. Уже в сентябре 1922 г. большинством голосов Законодательное Собрание заявило о недоверии действующему правительству. Примечательным, в данной связи, явился факт солидарного голосования представителей индуистской, мусульманской, сикхской и некоторых других конфессиональных групп, что продемонстрировало очевидную ограниченность британской администрации в возможности использования традиционных методов игры на противоречиях между крупными этническими и религиозными сегментами индийского социума[3].

Снижение эффективности деятельности Индийской государственной службы являлось одним из главных аргументов критиков осуществляемой политико-административной реформы. В августе 1922 г. был опубликован отчёт специальной комиссии во главе с лордом Ислингтоном, в котором

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1922), vol. 52. Col. 72.
[2] Ibid. Col.81.
[3] Idid.

отмечалась очевидная тенденция к ухудшению материального положения сотрудников Индийской Гражданской службы, начиная с 1914 г. На фоне роста цен за данный период по разным категориям товаров в пределах 60-90 процентов, заработная плата чиновников англо-индийской администрации была увеличена лишь на 8 процентов, что было минимальным показателем среди всех британских управленческих структур. В данной связи, высказывали традиционные для британской политической элиты опасения относительно способности индийцев принять и эффективно реализовывать ту часть административных функций, которая полагалась им в соответствии с проектом реформы Челмсфорда - Монтэгю. Предполагалось, что к 1929 г. доля индийцев в Индийской Гражданской службе должна была быть увеличена до 48 %, в других сферах управления она также должна была составить не менее половины[1].

Процесс «индианизации» в различных сферах управления отличался определённой спецификой и осуществлялся различными темпами. Уже к 1922 г. в структурах образования доля индийских служащих составляла 38 %, в то время как в сфере управления сельским хозяйством она не превышала 25 %[2]. Такое различие объяснялось, в первую очередь, сложностями в подготовке индийских специалистов различных профилей. Вопросы, связанные с переходом отдельных административных функций от британских к индийским чиновникам, продолжали оставаться предметом напряжённых дискуссий между правительством вице-короля и индийскими представительными органами на протяжении всего периода реализации реформы[3]. Тем не менее, к 1925 г. предусмотренный Актом принцип «50 на 50» при назначении британцев и индийцев на административные должности был в целом достигнут[4]. Одной из важных проблем оставалось и поддержание баланса при назначениях между представителями мусульманской и индуистской общин.

---

[1] *Elliott W.Y.* Op.cit. P. 132.
[2] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History…P.100.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 198. Col. 2799.
[4] Ibid. Col. 800.

Незадолго до своей отставки в октябре 1922 г. в одном из интервью Д. Ллойд-Джордж попытался ещё раз дезавуировать обвинения в слабости и непоследовательности политики своего кабинета в Индии. «Великобритания, - подчеркнул он, не может ни при каких обстоятельствах отказаться от своей власти в Индии. Данный шаг стал бы величайшим предательством в истории нашей страны и отказом от величайшего долга, предначертанного нашей стране её великой судьбой»[1]. Основой стабильности в Индии Д. Ллойд-Джордж назвал сохранение традиции администрации, служащих которой он назвал «стальной конструкцией», обеспечивающей эффективность британского правления[2].

С приходом к власти в ноябре 1924 г. консервативного кабинета С. Болдуина, пост госсекретаря по делам Индии занял лорд Биркенхед, а его заместителем стал один из видных членов Консервативной партии лорд Уинтертон, активно участвовавший в подготовке реформы Челмсфорда-Монтэгю. Несмотря на существовавшие внутри партии различия в оценках проводимой реформы, серьёзных корректив в политике Уайтхолла в отношении крупнейшего колониального владения не последовало. Основным её содержанием явилось стремление за определённым фасадом индийского самоуправления сохранить ключевые рычаги управления в руках британской администрации. Одним из важных методов в реализации данного курса стало использование разногласий между индуистским и мусульманским сегментами индийского политического движения. Формирование и активное развитие массового национально-освободительного движения в Британской Индии, несмотря на успехи, достигнутые М.Ганди, достаточно быстро выявили принципиальное различие между политическими силами, представлявшими две крупнейшие фракции индийского населения, в видении его перспектив и конечных целей. Новые политические противоречия накладывались на традиционную взаимную неприязнь

[1] *Adams J. T.* Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784-1939. N.Y. - L. 1940. P.349.
[2] Ibid.

представителей двух конфессий. Рост антиколониального движения, в итоге, своей побочной стороной имел постепенное обострение конфессиональных противоречий, наблюдавшееся на протяжении всех межвоенных лет и нередко принимавшее форму вооружённых столкновений[1].

Рост индуистско-мусульманской напряжённости, в определённой степени выгодный колониальным властям, требовал, тем не менее, принятия определённых административно-политических мер. В соответствии с отчётом, представленным в ноябре 1926 г. лордом Уинтертоном, англо-индийское руководство дважды, в октябре 1924 г и в июне 1926 г. через провинциальные правительства инициировало заключение соглашений между представителями общин предполагавших моральное осуждение межрелигиозной ненависти и нетерпимости. По словам заместителя госсекретаря, важнейшая роль в реализации мер по преодолению вражды между двумя конфессиями, отводилась методам «моральных действий», хотя, с другой стороны, «исполнительная власть была полностью вооружена специальными полномочиями для наведения порядка»[2]. Уинтертон, в данной связи, упомянул о закрытии в Калькутте нескольких печатных изданий, «осуществлявших радикальную религиозную агитацию»[3]. В то же время им, от имени вице-короля, была озвучена идея проведения конференции с целью налаживания диалога между представителями двух конфессий[4].

В середине 1920-х гг. политическая ситуация в Индии несколько стабилизировалась. Основной причиной этого стало улучшение социально-экономического положения, связанное с преодолением кризиса рубежа 1910-1920-х гг. и возобновившийся рост сельскохозяйственного и промышленного производства. На этом фоне постепенно ослабевала экономическая зависимость Индии от метрополии. По данным официальной статистики, доля Великобритании в индийском импорте в 1926-1927 гг. сократилась с 51

---

[1]*Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.*Ук. соч. С.353.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 200. Col. 1209.
[3] Ibid. Col. 1233.
[4] Ibid.

до 48%[1]. В целях снижения социальной напряжённости, при активном участии индийских представителей велась работа по созданию механизмов урегулирования трудовых споров. В 1922-1924 гг. Индийским законодательным Советом был принят ряд законов, регулирующих трудовые отношения. Был, в частности, повышен возраст приёма на работу на предприятия и шахты с 9 до 12-13 лет[2]. В соответствии с данными официальной статистики в Бомбее, где была сосредоточена значительная часть индийской промышленной базы, реальная заработная плата на предприятиях в период с 1914 по 1927 г. выросла на 21%[3].

В июле 1923 г. лорд Пиль передал премьер-министру С. Болдуину письмо лорда Ридинга, в котором тот в очередной раз сетовал на непонимание в метрополии всех трудностей с которыми сталкивается британская администрация в Индии[4]. В «Дейли Кроникл» от 3 апреля 1926 г. помещалось заявление уходящего в отставку вице-короля лорда Ридинга. В нём особенно отмечалось, что британский суверенитет в Индии «не может быть никоим образом поставлен под сомнение». «Верховенство английской власти основано не на отдельных договорах или соглашениях, а существуют независимо от них»[5].

Против уступок «индийским националистам» продолжала выступать весьма активная группа «романтических империалистов», типичным представителем которой являлся У. Черчилль. В ноябре 1924 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед писал вице-королю лорду Ридингу: «кабинет, как я полагаю, находиться под влиянием определённой реакции от реформ Монтэгю…Можно говорить если не о слабости, то, по крайней мере, об определённом смятении, наступившем вследствие войны в Индии, Ирландии и Египте»[6].

---

[1] *Morris J*. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978. P. 208.
[2] *Darwin J*. The End of British Empire… P.61.
[3] Ibid. P. 74.
[4] Ibid.
[5] АВП РФ. Ф. 69, оп. 19, папка 60, дело 58, л. 8.
[6] *Porter B*. The Lion's Share...P. 283.

В 1924-1928 гг. ситуация в Индии несколько стабилизировалась. В тот же период наметился очевидный раскол между ИНК и Мусульманской Лигой, что давало представителям британской политической элиты мощный аргумент в пользу того, что индийцы не способны к самоуправлению. Арест Ганди и репрессии в отношении участников компании ненасильственного сопротивления вызывали критику со стороны немалой части сторонников Лейбористской партии.

Основным содержанием риторики официальных британских кругов в отношении Индии продолжал оставаться тезис о постепенном её продвижении к полному политическому самоуправлению. Приверженность обозначенной в Акте об управлении Индией, идеи продвижения индийских владений к статусу доминиона, была зафиксирована в решениях Имперской конференции 1926 г. В мае 1927 г. С. Болдуин в очередной раз подчеркнул, что главной задачей его кабинета в Индии является её скорейшее продвижение к «системе ответственного правительства»[1].

В рамках административной реформы весной 1927 г. англо-индийское правительство инициировало обсуждение проектов разделения административных и судебных функций, в котором участвовал ряд провинциальных правительств[2]. При этом британские власти в очередной раз подчёркивали своё стремление к расширению сферы местного самоуправления и дальнейшей децентрализации административной системы в целом. «Одновременно с постепенным развитием институтов самоуправления в провинциях Индии, - отмечалось в документе, - местные правительства будут получать большую степень самостоятельности за счёт разгрузки центральных органов управления[3].

Несмотря на обозначенные цели, британские власти довольно долго воздерживались от конкретизации сроков их выполнения и конкретных направлений реализации. Представителями кабинета неоднократно

---

[1] Daily Express. 1920. 19th May. P. 3.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 203. Col. 1614.
[3] Ibid. Col. 1615.

подчёркивалась принципиальная разница в условиях перехода к системе самоуправления в Индии и владениях с преимущественно европейским населением. В британских политических кругах на тот момент существовала убеждённость в том, что внутренняя нестабильность и внешние угрозы являются главным препятствием на пути продвижения Индии к самостоятельному политическому статусу. Лорд Сайденхем, активно участвовавший в разработке проекта реформы, в ходе одного из публичных выступлений, заявил, что, по его мнению «внутренняя и внешняя опасность для Британской Индии никогда не была столь угрожающей как в данный момент»[1]. К числу внешних угроз лорд Сайденхем отнёс, в первую очередь, распространение влияния большевиков и турецких националистов в Афганистане, свидетельством чему стали, в частности, события третьей англо-афганской войны 1919 г. [2] Боевые действия на границе с афганским государством потребовали увеличения численности британских войск в этом регионе со 120 до 200 тыс. чел. Всего же, с учётом воинских частей, находившихся в других регионах крупнейшей британской колонии, численность войск в Индии превысила 300 тыс. чел. Содержание столь многочисленного военного контингента в корне расходилась с планами британского правительства по демобилизации и сокращению военных расходов[3]. Внутренние опасности лорд Сайденхем связывал, в первую очередь, с деятельностью М. Ганди, который смог «ловко пробудить чувство ненависти среди необразованных фанатичных масс», а также «мусульманских экстремистов, являющихся ещё более опасными, чем господин Ганди». Восстания, произошедшие среди мусульман в Бенгалии, Бомбейском президентстве и некоторых других регионах он напрямую связал с проникновением в Индию большевистских идей[4].

Внутренние беспорядки и угрозы извне стали одним из главных аргументов сторонников жёсткой линии, настаивавших на незыблемости

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 207. Col. 613.
[2] Ibid. Col.619.
[3] Ibid. Col.622.
[4] АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп. 14, папка 47, л. 8.

основ британского правления в Индии. «Представляется чрезвычайно маловероятным, - отмечалось в одной из публикаций, - чтобы демократическое правительство, сформированное по западной модели и опирающееся на незначительное меньшинство образованного населения, оказалось бы способным эффективно управлять Индией. Она, в этой ситуации, оказалась бы легко доступной для внешних вторжений и завоеваний. В данной связи, принципиально важными являются усилия Парламента и Правительства Его Величества по укреплению обороны и сохранению внутренней стабильности в Индии…»[1] Особое внимание в военной стратегии уделялось развитию ВВС и насыщению англо-индийских войск бронетехникой[2]. В то же время, в публикации признавалось, что рост военных расходов ложиться тяжёлым бременем на финансово-экономическую систему, что вызывает недовольство в обществе порождает определённые расхождения в позиции гражданских властей и представителей военного командования в Индии[3]. Многие из гражданских советников вице-короля высказывались в пользу скорейшего сокращения военных расходов с целью сбалансирования индийского бюджета. Активные дискуссии относительно основных направлений военного строительства в Индии в данный период происходили в рамках различных правительственных структур, но наиболее важное место они занимали в деятельности Комитета Имперской обороны[4].

Дестабилизация обстановки в различных регионах Индии вызывала беспокойство и среди немногочисленной, но весьма влиятельной европейской общины в Индии. Совет Европейской Ассоциации в Калькутте неоднократно выступал с официальными обращениями к генерал-губернатору Бенгалии, в котором особо подчёркивалось, что среди проживающих здесь европейцев широко распространились «различные

[1] The Times. 1927. 15th June. P. 5.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] *Darwin J.* The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830-1970. N.Y., 2009. P. 94.

страхи и чувство небезопасности»[1], в связи с чем они ожидают от правительства Бенгалии решительных мер по восстановлению серьёзно нарушенных законности и правопорядка» [2]. Среди них на первом плане отмечалась необходимость пресечения агитационной активности сторонников М. Ганди, стремившихся расширить масштаб протестных действий в Читтагонге и других городах провинции, деятельность которых «ставит под сомнение успех начатых реформ».[3]

В британских политических кругах и прессе события в Индии напрямую увязывались с общими кризисными тенденциями, наметившимися в Британской империи. В ходе одного из парламентских слушаний, посвященных ситуации в Индии, отмечалось, в частности, что «в различных частях Индии растут преступность и коррупция, оживает необузданный фанатизм, подобно тому как это происходило в Ирландии, в Египте и Палестине, где агрессивные меньшинства осуществляют нападки на Британскую империю»[4]. В связи с этим внедрение системы диархии многими британскими политиками расценивалась как шаг, способствующий росту неэффективности и коррупции административного аппарата. Возросшая политическая активность в Индии первоначально ассоциировалась ими исключительно с «ограниченным слоем интеллигенции», оторванным от остальной массы населения, «95% которого продолжают прибывать на уровне образованности, существовавшем ещё в эпоху средневековья»[5]. Тем не менее, постепенно в британских политических кругах формировалось понимание масштабов национально-освободительного движения, возглавленного М. Ганди. В одном из официальных отчётов, представленных в парламенте комитетом Сайденхема, отмечалось, что Ганди «смог найти

---

[1] *Trevelyan H*. The Indian We Left. L., 1972. P.32.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P. 37.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 208. Col. 1623.
[5] Ibid. Col. 1635.

методы, побудившие к политической активности миллионы доверчивых и неграмотных простолюдинов»[1].

В данной связи, в британских политических и интеллектуальных кругах продолжалась активная дискуссия, касавшаяся перспектив развития системы индийского самоуправления в контексте общей проблемы совместимости западных политических институтов и традиционных основ восточного социума. В ходе одного из парламентских слушаний лорд Лэндсдаун выразил достаточно типичную для консервативных британских кругов оценку событий, происходящих в крупнейшей колонии: «Я отношусь с глубоким недоверием к идее механического применения западного демократического опыта к пёстрой мозаике восточных народов, практически не имевших опыта развития институтов городского и местного самоуправления. Преждевременная реализация либеральных идей, в данной связи может привести лишь к параличу административной системы и безвозвратной потере бесценного опыта, накопленного за длительный период Индийской Гражданской службой»[2].

В одном из интервью, лорд Уинтертон подробно анализируя ситуацию, связанную с реформами в Индии, в очередной раз указал на объективные трудности, мешавшие, по его мнению, расширению системы индийского самоуправления. Главной из них по прежнему обозначался низкий уровень грамотности и образованности индийского населения, который «позволяет эффективно пользоваться своим правом голоса в лучшем случае лишь двум миллионам из трёхсотмиллионного индийского населения»[3]. Отмечая значимость, реформ, осуществлённых в Индии после 1919 г., лорд Уинтертон ещё раз подчеркнул наличие объективных трудностей, связанных со сложным составом индийского населения. Зам госсекретаря выделил в его структуре, по крайней мере, пять крупных конфессиональных сегментов – «индуисты, небрахманские индуисты, мусульмане, сикхи, христиане», а

[1] Ibid. Col. 1659.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 68. Col. 950.
[3] Ibid. Col. 954.

также большое количество мелких кастовых групп. В связи со сложной обстановкой, лорд Уинтертон указывал на опасность бойкота деятельности комиссии со стороны мусульман и «неприкасаемых»[1].

В целях преодоления существовавших разногласий между различными индийскими общинами было предложено создать специальный комитет Индийского Законодательного собрания. Данный проект, вписывавшийся в концепцию дальнейшей либерализации индийской политической системы, получил поддержку и у парламентской оппозиции, представленной, главным образом лейбористами. Лидер Лейбористской партии Р. Макдональд выразил надежду на то, что «итоги деятельности комиссии послужат важным основанием для гордости за работу, выполненную англичанами в Индии»[2], отметив при этом, что её задачи полностью соответствуют программным установкам лейбористов. В программе, принятой на партийной конференции в Ливерпуле обозначалось видение будущего Индии как «самоуправляемой составной части Британской империи…, чего можно достигнуть только путём реализации положений Акта 1919 г.»[3]. В ходе парламентских дебатов, он неоднократно подчёркивал, что лейбористы полностью поддерживают право индийских народов на политическое самоопределение. «Я хотел бы пойти ещё дальше, - отмечал Р. Макдональд, - и заявить, что мы должны признать не только право индийского народа на самоуправление…»[4]. В тоже время он выражал надежду на то, что «индийцы… пожелают остаться в качестве равноправных членов в составе Британского Содружества…, но у нас нет ни малейшего морального или демократического права отказать им в полной свободе самоопределения»[5]. Важнейшей задачей деятельности англо-индийского правительства он обозначил «содействие в продвижении Индии в кратчайшие сроки к самоуправлению путём налаживания тесного

---

[1] Ibid.
[2] *Williamson Ph*. National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926-1932. N.Y, 1992. P.233.
[3] *Ashworth L. M***.** International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making from 1918-1945. N.Y., 2007. P. 205.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 207. Col. 1369.
[5] Ibid. Col. 1372.

сотрудничества с индийским народом»[1]. В случае отсутствия этого «духа искренности», британское правление будет лишено смысла и превратиться по мысли Р. Макдональда, «в пустую трату времени»[2].

Стратегия Лейбористской партии в отношении Индии строилась на понимании объективной необходимости изменения её статуса. При этом стремление к осуществлению реформ и развитию институтов самоуправления, по мнению большинства лейбористов, должно было сочетаться с поиском оптимальных путей сохранения Индии в составе Британского Содружества[3].

Сходных позиций придерживалось и большинство представителей Консервативной партии. Один из наиболее известных её представителей лорд Уинтертон, отмечал, что идея «доверительного управления индийцами являлась основой [британского правления – А. С.] со времён королевы Виктории… Исходя из этого, мы должны перестать относиться к индийцам как к обучаемым нами детям, и признать их равное право определять будущее своей страны. »[4]. Осуществление успешных политических реформ в Индии представляло, по словам заместителя госсекретаря, «уникальную возможность доказать, что мы великая Императорская раса, которая дала свободу и самоуправление во всем мире»[5].

В мае 1927 г. премьер-министр С. Болдуин ещё раз обозначил стратегические цели британской политики в Индии: «Около десяти лет назад, было объявлено, что целью нашей политики в Индии является постепенный переход к системе ответственного управления в Британской Индии как составной части империи. С того момента были сделаны большие шаги к достижению этой цели. Во всех совместных мероприятиях Британского Содружества Наций Индия в настоящее время играет свою значимую и возрастающую роль, и через некоторое время мы можем ожидать

[1] Ibid. Col. 1376.
[2] Ibid. Col. 1384.
[3] Labour Party. The Colonial Empire. London: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. P. 121.
[4] The Concept of Empire, 1774-1947. Oxford, L., 1962. P. 212.
[5] Ibid.

окончательного формирования равных отношений с ними, подобных тем, которые складываются с самостоятельными доминионами»[1]. При этом, однако, делалась традиционная для британской политической элиты оговорка, которая оставляла для колониальных властей широкое поле для маневра: «Конечно, никто не предполагает, что это может быть сделано одномоментно. Для осуществления данных изменений должно пройти достаточное количество времени, и их реализация возможна лишь с согласия и одобрения британского правительства и парламента»[2].

Подобные же противоречия нашли своё отражение и в королевском послании к Индийскому законодательному собранию. «На протяжении многих лет, - отмечалось в документе, - возможно, в течение нескольких поколений, патриотически настроенные индийцы мечтали о самоуправлении для своей родины. Сегодня мы можем с полным основанием утверждать о начале перехода к реальному самоуправлению внутри Индийской империи, и созданы самые широкие возможности для продвижения к свободам, которыми пользуются другие мои доминионы»[3]. В данной связи, от имен короля-императора была выражена принципиальная поддержка политики вице-короля, направленной на то, чтобы «через определенное время Индия могла превратиться в неотъемлемую часть нашей империи в качестве равноправного партнерства с другими нашими доминионами»[4].

8 ноября 1927 г. в соответствии с положениями Акта 1919 г., С. Болдуин сделал официальное заявление о создании специальной комиссии из представителей трёх ведущих британских партий по изучению ситуации в Индии и перспектив продолжения конституционной реформы. Возглавить её было предложено члену Либерально партии Дж. О. Саймону. Премьер-министр, кроме того, рекомендовал королю включить в её состав шесть видных представителей британского правительства и парламента.

---

[1] Evening Standard. 1927. 13th May. P.3.
[2] Ibid.
[3] *Mansergh N.* Constitutional relations between Britain and India, L., 2013. P. 95.
[4] Ibid.

«Правительство Его Величества, - отметил в своём заявлении С. Болдуин, не может диктовать Комиссии, процедуру осуществления её деятельности. Тем не менее, по нашему мнению, его задача в сборе информации была бы значительно облегчена, в случае создания Центральным Индийским Законодательным Собранием совместного выборного комитета, включающего избранных и назначенных неофициальных членов, которая подготовит свои суждения и предложения в письменном виде и представит их на рассмотрение Комиссии. Этот комитет и в последующем может Комиссии консультативные услуги. Следует четко понимать, что цель этого предложения не состоит в ограничении свободы действий Комиссии на слушании других свидетелей…»[1]

Кроме того, по мнению С. Болдуина, подобная процедура могла быть использована и применительно к провинциальным законодательным органам. В заявлении премьер-министра особо подчёркивалась также необходимость детального изучения различных точек зрения, существовавших в индийских политических кругах[2].

25 ноября 1927 г. в Палате общин был представлен состав комиссии Саймона, в состав которого предполагалось включить виконта Бернема, лорда Страткона, М. Кэдогэна, М.Уэлша, полковника Л. Фокса, и К. Эттли, а важнейшей функцией объявлялось изучение итогов реализации основных положений Акта о Правительстве Индии 1919 г. Юридической основой её создания на основе был обозначен пункта 84 Акта о Правительстве Индии, предполагавший создание «Уставной комиссии по истечении 10 лет»[3]. Она должна была завершить свою деятельность и обнародовать её итоги к весне 1929 г., когда одновременно завершался период деятельности третьего состава Индийской законодательной ассамблеи, а также очередного состава Палаты общин. Одним из аспектов деятельности комиссии, кроме того, должно было стать изучение возможности по расширению сферы

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 69. Col. 2.
[2] Ibid. Col. 3.
[3] Ibid. Col. 6.

функционирования «переданных» ведомств, находившихся в сфере компетенции индийских представителей[1]. По мнению многих британских политиков, созданная в начале 1920- х гг. система диархии нуждалась в комплексном анализе и совершенствовании[2]. Деятельность комиссии должна была финансироваться за счёт индийского бюджета. При этом британский монарх внёс дополнительный финансовый взнос в размере 20 тыс. ф. ст.[3] Кроме того, предполагалось проанализировать возможность расширения системы избирательного права в Индии[4].

В ходе парламентских дискуссий, основной задачей деятельности комиссии Саймона определялся анализ промежуточных итогов развития парламентаризма в Индии вследствие реализации Акта 1919 г., а также выявление способности индийских политических представителей «нести ответственность перед избирателями», а индийского электората – «делать ответственный выбор»[5]. При этом британские политики неоднократно подчёркивали фактор неграмотности и политической незрелости значительной части индийского населения, отмечая, что критериям западной политической культуры соответствует в лучшем случае семь процентов индийского населения[6]. Неоднократно подчёркивалась также необходимость налаживания тесной координации деятельности комиссии с влиятельными индийскими политическими силами и авторитетными лидерами, среди которых особо выделялось имя М. Ганди[7].

24 ноября 1927 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед сообщил в Палате лордов о принципиальном согласии ключевых политических сил относительно состава специальной комиссии, Перечень кандидатов был согласован в результате весьма продолжительных дискуссий

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 210. Col. 2215.
[2] Ibid. Col. 2217.
[3] Ibid. Col. 2226.
[4] Ibid.
[5] Ibid. Col. 2237.
[6] Ibid. Col. 2239.
[7] Ibid. Col. 2272.

и переговоров с представителями лейбористской оппозиции[1]. Биркенхед особо подчеркнул необходимость объективной оценки политической ситуации в ключевом владении британской короны, а также налаживания эффективного сотрудничества с представителями различных индийских общин, среди которых им были особо выделены мусульмане[2]. Отдельной проблемой, связанной с представительством различных конфессиональных и социальных фракций индийского общества, являлся статус «неприкасаемых» и низших каст, которых по данным официальной статистики в Индии на тот момент насчитывалось 60 млн. чел.[3] Лорд Биркенхед, как и другие представители англо-индийского правительства неоднократно подчёркивали необходимость налаживания эффективного диалога с представителями индийских политических сил. Как отмечал в одной из публикаций госсекретарь, «комиссия должна подготовить предложения, которые станут предметом критического анализа, как в Англии, так и в Индии… Западным представителям не возможно в одиночку разработать конституцию для восточной страны, как нельзя восточные вина разлить по западным сосудам»[4].

Отдельным направлением дискуссий при подготовке комиссии Саймона являлось, кроме того, положение служащих Индийской гражданской службы, которые, по словам Д. Ллойд-Джорджа, являлись «основой здания британского правления в Индии»[5].

Создание комиссии Саймона вызвало весьма широкий общественный резонанс. Так в одной из статей известный английский писатель Б. Шоу отмечал важность «благородной миссии», направленной на то, чтобы «сделать индийцев образованными и готовыми управлять своими собственными делами»[6].

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 69. Col. 230.
[2] Ibid. Col. 232.
[3] Ibid. Col. 247.
[4] Ibid. Col. 265.
[5] *Low, D. A.* Britain and Indian Nationalism: The Imprint of Ambiguity 1929–1942, Cambridge University Press, 2002. P. 374.
[6] Evening Herald. 1925. 25 th July. P. 6.

Принципиально иной характер имели оценки британской политики со стороны индийских политических деятелей. Так, представитель Лейбористской партии Ш. Сакалтвала охарактеризовал реформы, проводившиеся британскими властями в Индии с начала 1920-х гг., как вынужденный шаг, продиктованный изменившейся в результате Перовой мировой войны ситуацией и трудностями, с которыми столкнулась Великобритания. Именно рост внутренних и внешних проблем определял, по его мнению, «логику постепенной трансформации Британской империи в Содружество Наций»[1]. В одном из своих публицистических произведений, посвящённых критике империалистической доктрины, он отмечал, что британская политика в Индии «является крайне неудачной как для Индии, так и для её народа», что, по его мнению, было связано, в том числе, и с многочисленными ограничениями в отношении прессы, книгоиздательства и различных форм общественной активности индийского населения[2].

Вопреки существовавшим в Лондоне ожиданиям, создание специальной комиссии не привело к серьёзному снижению напряжённости в Индии. ИНК, а также ряд других ведущих индийских политических сил объявил о бойкоте её деятельности[3]. Тем не менее, выступая в Палате лордов 7 февраля 1928 г., лорд Биркенхед охарактеризовал деятельность комиссии Саймона как абсолютно независимую от англо-индийского правительства и ответственную лишь перед «Парламентом и Королём-императором»[4].

Несмотря на трудности, возникшие в процессе деятельности комиссии, ведущие британские политические деятели продолжали заявлять о незыблемости сформулированного ранее курса. В ходе совещания представителей Британского Содружества, прошедшего в Лондоне весной 1928 г. премьер-министр С. Болдуин заявил: «Я надеюсь, что в течение нескольких лет, а, возможно, даже месяцев, мы обретём в Содружестве

[1] *Gupta P. S.* Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964. L., 1975. P. 317.
[2] Ibid. P. 367.
[3] *Judd, D.* The Lion and the Tiger... L., 2004. P. 353.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 70. Col. 39.

наших народов новый Доминион, который станет достойным символом равенства рас, входящих в него…»[1]. Нестабильность, существовавшая в индийских владениях, продолжала увязываться в британских политических кругах, в немалой степени, с внешним фактором. Так, 21 ноября 1928 г. выступая в Палате общин, лорд Уинтертон связал рост нестабильности в Индии, с активизацией коммунистической агитации, осуществляемой при советской поддержке[2]. В связи с этим, как отмечал заместитель госсекретаря, в Индии была ужесточена цензура и запрещён ряд книг, изданных представителями Коммунистической и Лейбористской партий[3].

Понимание необходимости дальнейших конституционных преобразований стало к концу 1920- х гг. практически повсеместным среди британской управленческой и интеллектуальной элиты, связанной с Индией. В вышедшей в ноябре 1928 г. в «Азиатик Ревью» статье Ф. Сэтны подчёркивалась необходимость «существенных конституционных изменений, без которых сохранение британского правления окажется, вряд ли возможным»[4].

5 декабря 1928 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед выступил в Палате лордов с предварительным анализом итогов деятельности комиссии Саймона, основной целью которой, которой, по его словам, являлось «продвижение правительственной системы Индии по конституционному пути реформ»[5]. Данное выступление оказалось последним перед его отставкой. По мнению лорда Биркенхеда, «реформы в Индии начинают приносить эффект больший, чем в любой другой стране… Мне кажется, что они являются, необходимыми и правильными, но нам потребуется много времени и терпения, чтобы выявить их реальные результаты и добиться ожидаемого эффекта»[6]. В тоже время, с точки зрения госсекретаря успешная реализация преобразований сталкивается с рядом

[1] Ibid. Col.42.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222 Col. 1726.
[3] Ibid. Col.1727.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 216. Col. 1312.
[5] Ibid. Col.1313.
[6] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 72. Col. 393.

трудностей. «Первым препятствием на этом пути является движение свараджистов, порождающее серьёзные проблемы на пути вовлечения индийцев в управление страной и эффективной деятельности правительства»[1]. В данной связи, лорд Биркенхед подчеркнул чрезвычайно позитивный, по его мнению, эффект деятельности лорда Ирвина, которая по его мнению должна была «затронуть сердца индийцев»[2] и отметил важность мер, «принимаемых англо-индийским правительством и всеми должностными лицами, по сглаживанию трудностей в отношениях между двумя религиями»[3]. Религиозному фактору в индийской политике следует уделить принципиально важное значение. «Религия, - отмечал в своём выступлении лорд Биркенхед, - является основой психологии большей части индийского населения, определяющей их образ жизни и систему их мировосприятия»[4].

В конце декабря 1928 г. новый госсекретарь по делам Индии виконт Пил выступил в Палате лордов с подробным сообщением о деятельности совместного парламентского комитета по индийским делам, созданного с целью согласования различных политических позиций по формированию политики в крупнейшем британском владении[5]. Основной целью стратегии кабинета он вновь обозначил продвижение Индии по пути «конституционных реформ», предусматривавшее, в частности, постепенное изменение функций госсекретаря, вице-короля и руководителей отдельных провинций. Важными, с точки зрения виконта Пила являлись дальнейшие переговорные усилия, направленные на формирование механизмов разделения ответственности между британскими и индийскими чиновниками. В качестве примера такого рода, он обозначил сферы управления железными дорогами и таможней. Принципиально важными, по его мнению, являлись также усилия комитета во главе с Х. Батлером,

[1] Ibid. Col.395.
[2] Ibid. Col.397.
[3] Ibid. Col. 410.
[4] Ibid. Col. 419.
[5]Ibid. Col. 449-450.

направленные на налаживание «конституционных отношений между основными индийскими княжествами и Правительством Его Величества»[1]. Поддержка со стороны княжеской знати рассматривалась в рекомендациях комитета как важный фактор сохранения британского господства на полуострове Индостан.

Пришедший к власти в результате парламентских выборов, состоявшихся в мае 1929 г., лейбористский кабинет Р. Макдональда, заявив о принципиальной преемственности курса предыдущего правительства, предпринял попытку найти компромисс с ключевыми политическими силами Индии и разрешить набиравший силу в ключевой британской колонии политический кризис. Основываясь на рекомендациях комиссии Саймона, им было предложена идея созыва общеиндийской конференции, которая «должна обозначить весь спектр, существующих в Индии политических мнений … и помочь нам найти решение наших проблем, а также обеспечить подготовку Парламентом нового законодательного акта (касающегося системы управления Индией – *А.С.*). По словам премьер-министра, британское правительство «ожидало, с помощью данной Конференции наладить сотрудничество и взаимодействие со структурами, представляющими индийское общественное мнение»[2].

Первый этап консультаций предполагалось провести в ходе конференции в Лахоре в конце декабря 1929 г. К участию в ней планировалось привлечь различные индийские политические силы – как умеренных либералов, представлять которых было поручено Т. Б. Сапру, так и «свараджистов» во главе с М. Неру и его сыном Дж. Неру[3]. Кроме того, в работе конференции должны были принять участие представители мусульманских политических организаций. Организаторы конференции отмечали, что промедление с предоставлением Индии статуса доминиона

---

[1]Ibid.
[2] *Carlton D*. MacDonald versus Henderson: The Foreign Policy of the Second Labour Government. L., 2014. P. 385.
[3] *Thompson E., Garratt G.T.* Rise and Fulfillment of British Rule in India. L., 1934. P.11.

чревато дальнейшей дестабилизацией обстановки и массовыми беспорядками[1].

Лейбористское правительство, таким образом, провозгласило задачу продолжения и качественного углубления реформы системы управления Индией, нацеленной на её сохранение в рамках британской системы. «Мы можем верить, - подчёркивалось в одном из правительственных заявлений, - что разрешив данную проблему, мы откроем новую эру, которая станет величайшей страницей в истории Британского Содружества как свободной и добровольной ассоциации великих и обладающих собственным достоинством наций, … обеспечивающих благополучие всего мира… Ситуация в Индии, в данном контексте имеет для нас важный психологический характер[2].

В одном из партийных изданий летом 1929 г. деятельность кабинета Р. Макдональда в Индии комментировалась следующим образом: «Лейбористское правительство впервые инициирует политику, которая позволит обсудить и принять во внимание все подходы к решению индийской проблемы в целом… Мы надеемся, что на конференции в Лондоне будет обеспечено максимально возможное представительство, что создаст возможность обсудить не только статус Доминиона, но и максимально полноценно вовлечь в дискуссию представителей индийских княжеств. Конференция, которая начнётся в следующем году, а, возможно, через несколько месяцев, как мы надеемся, будет иметь максимально широкое представительство и обеспечит решение проблем, существовавших в прошлом, и создаст основу для процветания Индии в будущем»[3]. «Мы надеемся также, - отмечалось в публикации, - что члены Парламента окажут поддержку политике госсекретаря и выработают такие законы, которые

[1] Ibid.
[2] *Carlton D*. Op.cit. P. 396.
[3] *Morgan K*.. Ramsay MacDonald. L., 2006. P. 106.

позволят установить принципиально новые отношения между нашей страной и Индией»[1].

Предстоящие изменения, по мнению идеологов Лейбористской партии, должны были привести к принципиальной трансформации традиционной для Индии «автократической» системы управления, «сохранявшейся на протяжении 150 лет британского управления»[2].

31 октября 1929 г. вице-король Индии лорд Ирвин сделал принципиально важное заявление относительно возможных изменений британской политики в Индии. Оно вызвало в британском политическом истеблишменте, в частности, среди представителей Консервативной и Либеральной партий, неоднозначную реакцию. Предметом критики явились, в частности, необдуманное и поспешное, по мнению оппозиции, обещание предоставить Индии статус доминиона, а также неясность самой концепции её будущего конституционного устройства. Ряд британских политиков вновь высказали опасения относительно неготовности индийских владений к самостоятельному политическому функционированию в свете их принципиального отличия от «великих самоуправляющихся общин Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза»[3].

7 ноября 1929 г. был опубликован официальный отчёт комиссии Дж. Саймана. В нём отмечалось, что британское правительство намерено способствовать сотрудничеству индийских политических сил, «представляющих различные расы и религии…»[4]. Исходя из этого планировалось приглашение «представителей индийских штатов вместе, в рамках конференции, или по отдельности, в целях обсуждения индийских проблем»[5]. К участию в нём предлагалось привлечь и представителей индийских княжеств, связанных договорными отношениями с британской Короной. В то же время, по мнению авторов отчёта, движение Индии в

---

[1] Ibid.
[2] *Shepherd J*. The Second Labour Government: A reappraisal. L., 2012. P. 38.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222. Col.520.
[4] Ibid. Col. 785.
[5] Ibid. Col. 805.

сторону политического самоуправления было по-прежнему сильно затруднено этнической и конфессиональной разобщённостью индийского населения, а также неграмотностью его подавляющего большинства[1].

Заявление вице-короля лорда Ирвина о расширении системы самоуправления в Индии, поддержанное госсекретарём У. Бенном, а также выводы, сделанные комиссией Саймона, вновь вызвали недовольство со стороны части представителей Консервативной партии. Провозглашённый англо-индийским руководством курс на развитие конституционного процесса в ключевом британском владении получил в консервативной прессе нарицательное наименование «крушение Ирвина». Ряд представителей Консервативной партии, в том числе члены Палаты лордов, выступили с инициативой официально дезавуировать от имени партии заявление вице-короля относительно предоставления Индии статуса доминиона. Критика данного заявления со стороны части консерваторов была связана с тем, что оно было сделано до опубликования официальных итогов деятельности комиссии Саймона и могло, по их мнению, породить «недоумение» в индийских политических кругах.[2]. Д.Ллойд-Джордж от лица Либеральной партии охарактеризовал данное заявление как «фундаментальное изменение» в сравнении с политикой предыдущих кабинетов[3].

В тоже время, политические дебаты, в конечном счете, выявили готовность большей части британского политического истеблишмента к компромиссным решениям, вытекавшим из рекомендаций комиссии Саймона. Представители руководства Консервативной партии пришли к выводу о безальтернативность перспективы дальнейшего расширения системы самоуправления Индии и были вынуждены согласиться с необходимостью достижения «полноценного статуса Индии внутри Содружества, первым шагом к которому явился Акт 1919 г.»[4]. Постепенное

---

[1] Ibid.
[2] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 233 (1929). Col. 382.
[3] Ibid. Col. 1429.
[4] *Louis Wm. R.* Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. L., N.Y. , 2006. – P. 251.

продвижение Индии к статусу доминиона проявлялось, в частности, в активной поддержке британским правительством участия Индии в различных международных организациях и форумах, которые функционировали, в том числе, под эгидой Лиги Наций[1]. Госсекретарь по делам Индии У. Бенн в ходе парламентских, прошедших в декабре 1929 г. официально подтвердил, что главной целью политики лейбористского кабинета является подготовка Индии к «полному самоуправлению»[2].

18 декабря Палата общин рассмотрела и одобрила заявление госсекретаря о подготовке конференции по индийской проблематике в Лондоне[3]. В контексте объявленного намерения лейбористского правительства укорить процесс предоставления Индии статуса доминиона, один из активных участников разработки реформы Челмсфорда-Монтэгю лорд Крю выразил надежду относительно того, что «индийцы не будут предпринимать необдуманных поспешных решений, которые впоследствии могут привести к серьёзному разочарованию»[4].

В декабре 1929 г. в аналитическом отчёте, подготовленном для британских парламентариев, англо-индийские власти сделали вывод о нараставших в ключевой колонии трудностях, главной причиной которых обозначалось «растущее со времён войны отчуждение между правящим слоем и политически активным местным населением»[5]. При этом реформа Челмсфорда-Монтэгю, по мнению авторов отчёта, так и не смогла снять накапливавшиеся противоречия. «В течение минувших двух лет, - отмечалось в документе, - ситуация стала ещё более серьёзной, так как наряду с радикалами, в последнее время даже умеренные либеральные политические силы присоединились к движению свараджистов»[6]. Задача продвижения конституционного проекта в Индии путём компромисса

---

[1] *Overy R.* The Twilight Years: The Paradox of Britain between the Wars. N.Y., 2009. P. 23
[2] *Williamson Ph.* National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926-1932. N.Y., Cambridge, 1992. P. 250.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 233. Col.3190.
[4] Ibid.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 233. Col.1501.
[6] Ibid. Col.1506.

британской и индийской точек зрения признавалась в нём «практически невозможной», несмотря на то, что «в последнее время впервые с 1919 г. возникли реальные свидетельства участия представительного индийского мнения в урегулировании конституционного вопроса»[1]. В данной связи активно поддерживалась идея созыва конституционной конференции, которая позволила бы колониальным властям опереться на умеренные индийские политические силы. Авторы документа, при этом, предлагали конкретизировать выдвинутый в заявлении вице-короля тезис о переходе Индии к статусу доминиона и сделать его главным в ходе предстоящей конференции[2]. Конституционный процесс, ориентированный на союз британских властей с умеренными политическими силами Индии, должен был, по их мнению, сочетаться с применением жёстких репрессивных мер в отношении радикалов. В качестве примера таковых был обозначен прошедший незадолго до этого в Мируте судебный процесс над активными участниками компании несотрудничества[3]. В тоже время, в документе признавалось, что «существующие в Индии нищета, репрессии и система политического подчинения делают [для радикализации политических настроений – *А.С.*] больше, чем коммунистическая пропаганда Третьего Интернационала»[4].

Принципиально важным направлением политики, с точки зрения многих представителей англо-индийской администрации, являлось продолжение преобразований, направленных на ограничения влияния радикальных сил и сохранение общего контроля над политическим процессом в Индии в руках британских властей. В данной связи предлагалось сделать ставку на расширение контактов и поиск поддержки со стороны

[1] Ibid. Col.1516.
[2] Ibid. Col.1519.
[3] Ibid. Col.1542.
[4] Ibid. Col.1552.

умеренной части ИНК, а также дальнейшее развитие институтов самоуправления[1].

Одним из обсуждаемых направлений преобразований являлось расширения представительства различных слоёв индийского общества, в том числе низших каст, в представительных и исполнительных органах власти. По состоянию на март 1928 г. в провинциальных законодательных ассамблеях было зафиксирован следующий порядок их представительства: в Мадрасе – 10, в Центральных провинциях- 4, в Бомбее и Бихаре – по два, в Объединённых провинциях и Бенгалии – по одному. В отчёте англо-индийского правительства отмечалось, что центральные и провинциальные органы власти в Индии предпринимают усилия по дальнейшему расширению участия низших каст в системе управления. Одновременно, некоторые провинциальные законодательные ассамблеи выступили с новыми инициативами по разграничению сфер компетенций между центральными и местными органами власти. В частности, в марте 1928 г. Законодательная ассамблея Центральных провинций предложила проект разграничения судебных и исполнительных функций. Данная инициатива вызвала широкую дискуссию среди британских и индийских политиков и чиновников[2].

Одним из пунктов дискуссий в данный период оставались перспективы реформы избирательной системы, предполагавшие, в частности, возможный переход от коммуналистской системы выборов к системе всеобщего голосования. В числе прочего рассматривался и вопрос предоставления избирательного права женщинам[3].

Продолжали активно дискутироваться также и вопросы, связанные с «индианизацией» различных сфер государственного управления и социального функционирования, в частности – систем образования и здравоохранения. По мнению одного из представителей Консервативной партии в Палате общин У. Веджвуда одним из главных направлений

---

[1] *Gupta P. S.* Towards Freedom: Documents on the Movement for Independence in India. Oxford University Press, New Delhi, 1996-1997. Vol. II. P. 279.
[2] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 214(1928). Col.1485-6.
[3] Ibid. Col. 486.

социальных преобразований, на котором должна была сосредоточиться англо-индийская администрация, являлось распространение грамотности среди населения Индии, уровень которой на тот момент не превышал семи процентов[1]. Примечательным, в данной связи, явился тот, факт, что в качестве основы для решения данной проблемы им было предложено использовать опыт ликвидации неграмотности в СССР[2].

Необходимость принятия кардинальных мер в сфере управления ключевой колонией была продиктована, в том числе, и резким нарастанием социально-экономических проблем, вызванных последствиями Великой депрессии. В британской прессе к концу 1929 г. обострение кризисных явлений в Индии всё чаще сравнивалась с событиями начала 1920-х гг.[3] На этом фоне в политических кругах Великобритании вновь оживилась дискуссия относительно эффективности проводимых реформ, а также всего комплекса мер, предпринимавшихся британскими властями в течение 1920-х гг. с целью сохранения контроля над Индией.

В конце 1920-х гг. на фоне обострения социально-экономических проблем, в Индии произошло новое обострение проблемы межконфессиональных отношений. В январе 1929 г. было организовано несколько терактов в Пешаваре, направленных, в том числе против британских военнослужащих. С февраля по май, на фоне начавшихся забастовок, охвативших ряд предприятий, в Бомбее произошли масштабные столкновения между индуистами и мусульманами, сопровождавшиеся значительными жертвами[4]. Британские власти пытались реагировать на обострение ситуации массовыми репрессиями, арестовав, в частности, весной 1929 г. целый ряд представителей радикальных политических группировок, а также лидеров профсоюзных объединений, участвовавших в организации забастовочного движения[5]. 5 марта был в очередной раз арестован и лидер

---

[1] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 225(1929). Col.3
[2] Ibid.
[3] Ibid. Col. 4.
[4]Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 225(1929). Col. 420.
[5]Ibid. Col. 1935-7.

ИНК М. Ганди[1]. Был введён ряд ограничений в отношении печати, а также в сфере книгоиздания[2].

Несмотря на определённую внутреннюю противоречивость, политика британского руководства в Индии в 1920-е гг., являясь реакцией на возраставшие внутри имперского механизма трудности, отражала формирование важного вектора дальнейшей эволюции её колониальной стратегии. Он был связан с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима в ряде колоний. Данная тенденция, получила новый импульс к развитию в результате Великой депрессии, потрясшей в начале 1930-х гг. основы социально-экономической стабильности Великобритании и её обширных колониальных владений.

[1]Ibid. Col. 2041-2043.
[2] Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 226 (1929). Col. 783.

Глава III. Конституционная реформа системы индийского управления 1935 г.: позиции ключевых британских политических сил

§3.1. Обострение ситуации в Индии на рубеже 1920-х -1930-х гг. и поиск политических вариантов выхода из кризиса

К началу 1930-х гг. в системе англо-индийского управления наблюдалась заметная тенденция к политизации верхних эшелонов администрации, а также к постепенному сокращению числа профессиональных управленцев в её рядах[1]. Практически все ведущие должности в колониальной администрации замещались на основании политического критерия, а её представители, в своём основном большинстве, принадлежали к правившей на протяжении фактически всего данного периода Консервативной партии. В результате, механизм непосредственного принятия решений, как в Лондоне, так и в самой Индии, оказался в руках узкого и достаточно гомогенного по своему составу круга людей, чьи взгляды на политику в ключевом британском владении, как правило, не выходили за рамки традиционных колониальных позиций. Восприятие ими целей своей деятельности в Индии строилось в немалой степени на устаревших социокультурных стереотипах и предрассудках. Стратегия, которую пытались осуществлять на территории полуострова Индостан в 1930-е гг. представители Консервативной партии, получила в некоторых исследованиях наименование «нео-дурбара», поскольку была ориентирована на поддержку традиционной индийской политической и экономической элиты, т. е., по сути, восходила к традиции, заложенной еще в начале XX в. лордом Кёрзоном. Однако эффективность управления Великобритании в Индии заметно снижалась на фоне кризисных тенденций, нараставших с 1920-х гг., внутри Индийской гражданской службы. Реформы, инициированные после завершения Первой мировой войны, вызывали у

[1] *Muldoon A.* Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act of the Raj. Metropolitan State College of Denver, 2009. P. 4.

профессиональных чиновников британской администрации серьёзные опасения относительно своего будущего статуса. В данной связи наблюдалось определённое напряжение в отношениях Индийской гражданской службы и политического руководства Великобритании, следствием чего, как отмечали современники, являлась определённая дезорганизация отлаженного в течение предыдущих полутора веков административного механизма[1].

На фоне заметного снижения эффективности индийской гражданской службы, в рамках реализации Акта 1919 г., продолжалось развитие элементов провинциального самоуправления, а также «индианизация» различных сегментов административного аппарата.

К началу 1930-х гг. в индийских провинциальных законодательных собраниях насчитывалось 935 избранных и 166 назначенных депутата. Существенным являлось и представительство индийцев в региональных административных структурах. По данным на начало 1933 г. они занимали 32 из 43-х министерских мест в провинциальных правительствах[2]. Кроме того, трое индийцев входили в состав Исполнительного совета при вице-короле. В соответствии с информацией, обнародованной весной 1933 г. в британском парламенте, в рамках реализации Акта об управлении Индией, в период с 1920 по 1933 г. избирательные права получили более семи миллионов индийцев[3]. Существенным образом изменился баланс и в рамках Индийской гражданской службы. Если в 1922 г. из 1179 её штатных служащих лишь 208 являлись индийцами, то спустя 10 лет на 843 британца, работавших в их структурах приходилось 465 индийцев[4]. Менее заметными оказались результаты «индианизации» и в руководстве индийской полицейской службы. В 1922 г. из 622-х её офицеров лишь 66 являлись индийцами. В 1932

[1] *Trevelyan H*. Op. cit. L., 1972 P. 121.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol.275. Col.995.
[3] Ibid.
[4] Ibid.

г. численность индийских офицеров увеличилась до 152-х, при этом число занятых в Индии британских полицейских сократилось до 523-х[1].

Характеризуя прогресс в развитии политических институтов в Индии и рост её политического статуса, представители англо-индийской администрации отмечали в одном из отчётов: «в период деятельности лорда Ирвина в деятельность партий в Индии оказалось вовлечено примерно 50 тысяч человек, и ещё 30 тысяч – в 1931-1933 гг. Большую часть из них составляет молодёжь… На Конференции Круглого стола индийцы получили абсолютно равное представительство с выдвиженцами ведущих политических партий Великобритании. Индии гарантировано членство во всех структурах Содружества, а также место в Лиге Наций»[2]. В то же время в документе отмечалась необходимость дальнейшей комплексной модернизации политического сознания индийцев, предполагавшей развитие системы образования, а также средств массовой коммуникации[3]. На фоне роста популярности ИНК, чиновники англо-индийской службы считали недопустимым «оставлять инструменты по формированию общественного мнения в руках националистов, ставящих целью подготовку кровавой революции»[4]. В документе особо подчёркивалось, что «эффективный контроль над общественным мнением возможен лишь в условиях наличия Конституции, основанной на свободной поддержке общества[5].

С 1920-х гг. начался постепенный процесс «индианизации» офицерского корпуса в вооружённых силах Британской Индии. Многие британские офицеры были заменены индийцами при сохранении общего командования в руках Генерального штаба Великобритании. Подобные процессы происходили и в полицейских структурах. В течение 1920- х гг. в военных учебных заведениях Великобритании было подготовлено лишь 32

[1] Ibid. Col.997.
[2] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P. 115.
[3] Ibid.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol.275. Col.293.
[5] Ibid.

индийских офицера[1]. В 1932 г. на основании решений специальной королевской комиссии, была открыта индийская военная академия в Дехра Дане, выпустившая к 1932 г. около 400 офицеров. Набор осуществлялся в основном из северных и северо-западных провинций, в первую очередь, из Пенджаба[2]. В 1921 г. был опубликован памфлет «Обязанности в содействии Гражданской Власти», в котором был обобщён опыт деятельности внутренней полицейской службы в Индии. После 1926 г. для противодействия возникавшим беспорядкам практически перестали использоваться вооружённые силы, все функции по наведению порядка были окончательно переданы специально подготовленным индийским полицейским структурам. Тем не менее, возможность использования армейских подразделений обсуждалась в англо-индийской администрацией, на фоне резко обострившейся в начале 1930- х гг. политической обстановки.

Для того чтобы повысить эффективность каналов сбора и анализа информации, в конце 1920-х гг. в Дели было создано Разведывательное бюро, входившее в структуру Министерства по делам Индии и координировавшее свою деятельность со спецслужбами Великобритании, в том числе - со Скотланд-Ярдом. Оно отвечало за информационное обеспечение деятельности британской администрации, осуществляя подготовку аналитических материалов, касающихся ситуации в различных индийских провинциях, в особенности – в Бенгалии. Несколько позже к данной функции добавилась задача цензурирования всей прессы и переписки, циркулировавшей в Индии[3].

Социально-экономические проблемы, набиравшие силу на фоне мирового кризиса, способствовали существенной радикализации обстановки в Индии в начале 1930-х гг. Заметно активизировалась деятельность

---

[1] *Cohen S. P*. The Indian Army. Berkeley, CA, 1971. P.409.
[2] Ibid. P. 410.
[3] *Popplewell R.J.* Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence of Indian Empire, 1904-1924. L., 1995. P. 33.

радикальных организаций, которые, как отмечалось в прессе, «практически открыто и не встречая сопротивления, призывали к мятежу»[1].

В 1930 г., согласно официальным данным англо-индийской администрации, резко увеличилось число протестных акций, в ряде случаев приведших к столкновениям и многочисленным жертвам. Наиболее серьёзные беспорядки произошли в Мадрасе, где, согласно официальным отчётам, полиция неоднократно открывала огонь по участникам протестов, в результате чего были жертвы, а около полутора тысяч было арестовано[2]. Забастовками была охвачена значительная часть Бомбейского президентства. Кроме того, в 1930 г. был совершён целый ряд покушений на британских чиновников, наиболее известным из которых явилось нападение на губернатора Пенджаба, а также убийство генерального инспектора тюрем С. Симпсона. В ряде индийских провинций резко усилилась межконфессиональная напряжённость.

Успех деятельности М. Ганди и рост авторитета движения свараджистов был обусловлен рядом факторов, среди которых наибольшее значение имело продолжавшееся на фоне Великой депрессии укрепление экономической самостоятельности Индии. В соответствии с данными Лиги Наций, по итогам 1930-1931 финансового года, крупнейшая британская колония оказалась на восьмом месте в мире по показателям индустриального развития[3]. «Процесс индустриализации, - отмечалось в одном из правительственных документов, - нарастающими темпами развивающийся в Индии, порождает целый ряд новых проблем, свойственных всем ситуациям при которых формирующаяся индустриальная цивилизация накладывается на традиционное аграрное общество»[4]. В данной связи к существовавшим на тот момент причинам обострения протестных настроений добавились новые факторы, связанные с ростом социальной напряжённости и увеличением количества трудовых конфликтов. Попытки англо-индийской администрации

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol.275. Col.749.
[2] Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. Ук. соч. С.54.
[3] Economic. 18/1, 1931. P.37.
[4] *Lord Parmoor*. A Retrospect: Looking Back on the Life of More than Eighty Years. L.: Heinemann, 1936. P. 205.

в условиях обострявшегося кризиса сдержать рост социальных противоречий с помощью административно-правовых механизмов, в частности, но основании принятого в 1926 г. Акта о профсоюзах, не привели к серьёзным успехам[1].

На этом фоне второй кабинет Р. Макдональда обозначил своей задачей «объединение разрозненных элементов индийской политической системы путём их последовательного инкорпорирования в работу совместных законодательных структур»[2]. Руководство Консервативной партии в целом поддержало идею новой реформы. Как отмечалось в одном из партийных изданий, «лорд Ирвин, лорд Уинтертон, а также другие влиятельные члены партии, непосредственно знакомые с ситуацией [в Индии – А.С.], находили её опасной и требующей принятия неотложных мер»[3]. В данной связи основная часть Консервативной партии одобрила идею о созыве конференции «Круглого стола» с участием различных, в том числе оппозиционно настроенных индийских политических сил. Лорд Ирвин и лорд Уинтертон впоследствии неоднократно высказывали сожаления относительно ареста М. Ганди, в связи с чем, по их мнению, деятельность конференции приобрела «явно усечённый характер»[4].

Несмотря на декларированную вторым лейбористским кабинетом Р. Макдональда преемственность в сфере политики в отношении Индии, в рядах консерваторов получило распространение мнение о принципиальном ином отношении лейбористов к перспективам развития крупнейшей британской колонии. В период пребывания в оппозиции, ряд представителей Консервативной партии выступали с последовательной критикой действий «социалистического» правительства, обвиняя его не только в непродуманной по их мнению конституционной реформе, но и в «административной

---

[1] *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* Ук. соч. С.613.
[2] Papers of James Ramsay MacDonald, 1893-1937. Manchester: John Rylands University Library, 1995. P.87.
[3] Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000. P.300.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1929), vol.276. Col.1124.

слабости, которая ввергла Индию в состояние хаоса»[1]. Недоверие немалой части консерваторов к действиям кабинета подкреплялось обострением ситуации в ряде индийских провинций, связанной с началом очередной компании гражданского неповиновения под руководством М. Ганди[2]. «Период деятельности социалистического кабинета, - отмечалось в ориентировавшейся на консерваторов газете «Дэйли Мэйл», - ознаменовался устойчивой деградацией законности и порядка по всей Индии, порождающей серьёзное беспокойство относительно эффективности административной системы, а также перспектив прогресса в конституционной сфере»[3].

23 октября 1929 г. теневой кабинет консерваторов по настоянию С. Болдуина согласился поддержать действия правительства Р. Макдональда по урегулированию ситуации. 31 октября вице-король лорд Ирвин огласил план, изложенный в т.н. «Белой книге», согласно которому Индии в ближайшей перспективе должен был быть предоставлен статус доминиона. При этом Великобритания сохраняла здесь пост вице-короля, а также своё военное присутствие на индийской территории. В Индии предполагалось создать систему ответственного правительства, в рамках которой, управленческие структуры должны были комплектоваться исключительно из индийцев и нести ответственность перед избираемыми индийским населением представительными органами власти[4].

Большая часть руководства Консервативной партии выступила в поддержку идей, изложенных в «Белой книге», а также политики, проводимой англо-индийским правительством, которая как отмечалось в одной из публикаций в «Таймс» «зиждется на традиционных консервативных основаниях»[5]. В тоже время ряд консерваторов, среди которых о своей активностью особо выделялся У. Черчилль, выступили с резкой критикой

---

[1] Documents of English History, 1832-1950. Ed. by Barker, W.A., St. Aubyn, G.R.; Ollard, R.L. L.:A. & C. Black, 1954. P. 191.
[2] *Tummala K. K.* Public Administration in India. Mumbai: Allied Publishers Ltd., 1994. P.103.
[3] Daily Mail. 1930. 30th October. P. 4.
[4] *Dean D. W.* Contrasting Attitudes of the Conservative and Labour Parties to the Problems of Empire, 1922-1936. L., 1974. P. 170.
[5] The Times. 1934. 17th December. P.7.

предложенного проекта. По их мнению, население Индии, в особенности его мусульманская часть, на тот момент было объективно не готово к самоуправлению, в связи с чем, систему британского управления необходимо было сохранить в своих основах на протяжении ещё нескольких десятилетий, а элементы самоуправления необходимо пока ограничивать исключительно региональным уровнем[1].

Тем не менее, выступая 7 ноября 1929 г. в Палате общин, лидер консерваторов С. Болдуин заявил о принципиальной поддержке идеи доминиона в Индии[2]. В ответ на это, 16 ноября У. Черчилль опубликовал в «Дэйли Мэйл» пространную статью, в которой ещё раз подчёркивал пагубность последствий данного шага, подчеркнув, что «наделение [индийцев – А.С.] статусом доминиона будет преступлением»[3]. В конце декабря 1929 г. новый лидер ИНК Дж. Неру заявил о принципиальном отказе обсуждать план лорда Ирвина и потребовал предоставления Индии полной независимости. По инициативе руководства ИНК, был объявлен новый хартал, в рамках которого все члены партии ушли со своих постов в органах управления, объявив о бойкоте решений принимаемых британской администрацией.

В ответ на это лорд Ирвин перешёл к репрессивным действиям, отдав приказ об аресте Дж. Неру, поддержавшего хартал М. Ганди, а также ряда других партийных лидеров[4]. Одновременно, британские власти приняли решение о созыве в Лондоне специальной конференции, посвящённой проблемам урегулирования ситуации в Индии и определению её будущего политического статуса. К участию в ней приглашались все индийские политические силы. Идея конференции получила поддержку со стороны руководства Консервативной партии[5]. Тем не менее, У. Черчилль и его

---

[1] *Гилберт М.* Черчилль. Биография. М.:КоЛибри, 2015. С. 527.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.276. Col. 1011.
[3] Daily Mail. 1930. 16th May. P. 1.
[4] *Nehru J.* The Discovery of India. 1946. P.477.
[5] Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997... P.302.

сторонники продолжали активную компанию борьбы против предстоящей реформы.

В июне 1930 г. был обнародован окончательный текст итогового рапорта комиссии Дж. Саймона. В качестве итоговой цели предстоящих реформ, комиссия рекомендовала рассматривать создание федерального правительства и введение конституции, которая должна стать предметом обсуждения предстоящей конференции. На основе итогов её работы в Лондоне началась подготовка к созыву конференции Круглого стола, в которой должны были принять участие все ведущие политические силы Индии. Однако, данное предложение подверглось бойкоту со стороны Индийского национального конгресса, лидер которого М.Ганди объявил в марте 1930 г. о начале второй компании массового неповиновения[1].

Обсуждение в британских политических кругах законопроекта о принципах будущего конституционного устройства федеративного индийского государства, проходило на фоне сложной политической ситуации в самой Индии. Руководство ИНК, являвшегося ведущим выразителем настроений политически активной части индийского общества, в своём большинстве скептически восприняло положения «Белой книги», а также других документов, излагавших предложения британского правительства относительно предстоящей реформы. Принципиальное неприятие М. Ганди и многих других индийских политиков вызывал отказ кабинета Р. Макдональда признать право Индии на независимость и возможность выхода из состава Британского Содружества[2]. В британских политических кругах столь непримиримая позиция объяснялась усилением в руководстве ИНК левого крыла, представители которого, по словам лорда Линлитгоу, «находились под значительным влиянием коммунистических идей, распространяемых Москвой, и имеющих целью как разрыв

[1] *Павлович М.П.* Восток в борьбе за независимость. М.: Наука, 1980. С.220.
[2] *Brown J.* Gandi: Prisoner of Hope. New Haven, 1989. P.139.

взаимоотношений [Индии – А.С.] с Великобританией, так и уничтожение существующих там социальных порядков»[1].

Британские власти в обострившейся обстановке пытались играть на традиционных противоречиях между различными этноконфессиональными общинами, населявшими огромную территорию Британской Индии. В политическом плане ставка была сделана на противопоставление интересов ИНК и влиятельных князей, а также на индо-мусульманский антагонизм, кастовую и коммуналистскую разобщённость. В одном из официальных заявлений Р. Макдональд провозгласил своё намерение «объединить разрозненные элементы индийской политической системы путём их последовательного инкорпорирования в работу Совместной комиссии»[2]. Руководство консерваторов в целом поддержало идею предстоящей реформы и одобрило идею о созыве конференции Круглого стола с участием различных, в том числе оппозиционно настроенных индийских политических сил. Как отмечалось в одном из партийных изданий, «лорд Ирвин, лорд Уинтертон, а также другие влиятельные члены партии, непосредственно знакомые с ситуацией [в Индии – А.С.], находили её опасной и требующей принятия неотложных мер»[3]. Лорд Ирвин и лорд Уинтертон впоследствии неоднократно высказывали сожаления относительно ареста М. Ганди, в связи с чем, по их мнению, деятельность конференции приобрела «явно усечённый характер»[4].

В то же время, основой политики вице-короля лорда Ирвина в данный период продолжал оставаться поиск компромиссного политического решения, которое позволило бы удовлетворить растущие амбиции лидеров индийского национально-освободительного движения при сохранении общего контроля над Индией за Великобританией. Уже после своей отставки в статье в «Таймс» от 24 ноября 1931 г. лорд Ирвин подчеркнул, что не считает «глупостью или ошибкой» ожидания относительно «оформления

[1] *Burke S. M., Quraishi S. A.* The British Raj in India. Karachi, 1995. P.169.
[2] Papers of James Ramsay MacDonald, 1893-1937. Manchester: John Rylands University Library, 1995. P.83.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons , Fifth Series (1929), vol.276. Col.1124.
[4] *Muldoon A.* Op.cit. P. 32.

положений, касающихся правового статуса Доминиона», а также подчеркнул, что «в соответствии с надеждами индийских политических классов, … непродолжительного переходного периода он будет предоставлен Центральному законодательному органу Индии»[1]. Подобная линия поведения вызывала растущую критику в британских политических кругах, в особенности, среди представителей Консервативной партии, обвинявших вице-короля в чрезмерном «умиротворении» индийских «националистов». Данная критика ещё более усилилась после попытки покушения на самого лорда Ирвина, а также конгресса ИНК в Лахоре, на котором преимущества добились сторонники более решительного противодействия колониальным властям[2].

12 декабря 1930 г. в Лондоне состоялось первое заседание Индийского имперского общества, представлявшего собой широкую общественно-политическую организацию, объединившую противников идеи предоставления доминиона Индии[3]. Непродуманной и опасной, по их мнению, политической реформе, они предлагали противопоставить продуманный и долгосрочный план действий по улучшению социально-экономических условий жизни индийского населения, и, в особенности, совершенствованию системы образования. Наряду с этим, члены общества потребовали от правительства принятия жёстких мер по борьбе с «экстремизмом» в индийской политической жизни, включая роспуск организаций, отказывающихся сотрудничать с британскими властями и депортацию их лидеров. Тем не менее, лидерам консерваторов в целом удалось сохранить контроль над ситуацией в партии и не допустить серьёзного раскола. Из нового состава партийной фракции лишь 20 представителей согласились войти в состав созданного У. Черчиллем Имперского общества. По итогам состоявшегося в Палате общин 3 декабря голосования, правительственную политику в Индии поддержали 369

---

[1] The Times. 1931. 24th November. P.2.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.245. Col.1159.
[3] *Гилберт М*. Ук. соч. С. 529.

парламентариев. Позиция Черчилля была поддержана лишь 43-мя голосами[1]. Однако, консервативная пресса отмечала укрепление позиций критиков правительства на фоне сохранявшейся в Индии нестабильности.

Вскоре после этого, У. Черчилль, выступая в Палате общин, предложил принятие так называемого «двойственного решения», включавшего «продвижение региональных индийских властей к самоуправлению, в то время как центральная власть будет твёрдо оставаться в британских руках»[2]. В ходе парламентских слушаний, состоявшихся 26 января 1931 г. У. Черчилль и его сторонники заявили о своей принципиальной готовности пойти на конфликт с партийным руководством из-за индийской проблемы. Характеризуя своё видение политической ситуации в Индии, он ещё раз подчеркнул, что предоставление ей статуса доминиона на данном этапе уже не удовлетворят индийских националистов, а будущий общеиндийский парламент «окажется естественным орудием в руках сил, намеренных как можно быстрее выгнать англичан из страны»[3]. По воспоминаниям очевидцев, речь Черчилля произвела на присутствующих глубокое впечатление и вызвала поддержку со стороны конерваторов-заднескамеечников. Тем не менее, лидер партии С. Болдуин в очередной раз заявил о поддержке планов правительства, подчеркнув, что Консервативная партия продолжит их реализацию в случае прихода к власти[4]. На фоне такого жёсткого столкновения позиций, грозившего серьёзным расколом в партийных рядах, С. Болдуин поручил центральному комитету партии во главе с Д.К.К. Дэвидсоном разработать меры информационного противодействия агитации Черчилля[5].

На фоне политической борьбы в Лондоне, действия британской администрации в Индии также не отличались последовательностью. 25 января 1931 г. лорд Ирвин принял неожиданное для многих решение

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 245. Col.1060.
[2] *Гилберт М*. Ук. соч. С. 530.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1931), vol. 247. Col.1149.
[4] Ibid. Col.1409-1411.
[5] *Lord Parmoor*. Op.cit. P.112.

освободить из заключения М. Ганди и 17 февраля начал с ним переговоры по нормализации политической обстановки

В отличие от лейбористов и либералов, в целом поддержавших действия вице-короля, сторонники Консервативной партии, были, в немалой степени шокированы случившимся. В близкой к партии прессе звучали негативные оценки начавшихся переговоров «с человеком, чья цель-полная независимость и который по-прежнему призывает к гражданскому неповиновению…Такое зрелище может лишь активизировать силы, враждебные британской власти…»[1]. 25 февраля главный представитель партии в Палате общин Х. Топпинг в письме Н. Чемберлену отмечал: «Многие наши сторонники серьёзно обеспокоены индийской проблемой. Они всё больше склоняются к мнению, высказываемому мистером Черчиллем, нежели к позиции мистера Болдуина»[2].

4 марта 1931 г., несмотря на серьёзную настороженность в консервативных кругах, лорд Ирвин смог добиться серьёзного прогресса на переговорах с М. Ганди. На следующий день было обнародовано итоговое соглашение, получившее наименование пакта Ирвина-Ганди. В соответствии с его условиями, ИНК должен был прекратить компанию гражданского неповиновения и соглашался на участие во второй конференции, посвящённой обсуждению будущего политического статуса Индии. Кроме того, М. Ганди дал предварительное согласие на сохранение британского контроля над сферами внешней и оборонной политики, а также защиты национальных и религиозных меньшинств. Через неделю пакт Ганди – Ирвина получил поддержку большинства членов Палаты общин[3]. Тем не менее, внутри Консервативной партии дискуссии вокруг индийской проблемы продолжались с прежней остротой. 18 марта У. Черчилль произнёс в Альберт-холле одну из самых известных своих речей, связанных с критикой политики правительства в Индии. Итоги переговоров лорда Ирвина

---

[1] The Western Daily Press. 1931. 14th February. P. 5.
[2] *Dalton H*. Call Back Yesterday. Memoirs 1887-1931. L.: Muller, 1953. P.266.
[3]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1931), vol.247. Col.1149.

и М. Ганди он охарактеризовал не иначе как «безумный сон с кошмарным пробуждением»[1]. В случае ликвидации прежней системы британского управления, по мнению Черчилля, Индии грозило «полное исчезновение всех медицинских, юридических и административных служб, которые создала Британия, равно как и обслуживание железных дорог, мелиорация, общественные работы и борьба с голодом»[2]. Наряду со всеми перечисленными проблемами, видный британский политик предсказывал всплеск насилия на этноконфессиональной почве, а также «общее нарастание анархии и беззакония»[3]. Такое развитие событий, как подчёркивал У. Черчилль, полностью перечеркнёт все усилия Великобритании в Индии, предпринимавшиеся на протяжении предыдущих полутора веков. Кроме того, по его мнению, таким образом, в глазах мирового сообщества будут полностью дискредитированы цели её колониальной политики, что «несомненно, нанесёт непоправимый ущерб Британской империи и укрепит позиции её противников»[4]. Выступление Черчилля было воспринято резко негативно представителями Лейбористской и Либеральной партий. Тем не менее, его точка зрения, по воспоминаниям современников нашла поддержку со стороны примерно 50-60 парламентариев-консерваторов, выступивших с критикой действий правительства[5].

Лорд Ирвин подвергался постоянной критике со стороны оппозиции, обвинявшей его в чрезмерном либерализме и неспособности стабилизировать ситуацию в Индии. Позиция вице-короля в ходе переговоров с Ганди на конференции «Круглого стола» характеризовалась её представителями как слабая и неспособная воспрепятствовать «стремлениям Конгресса превратиться в фактически параллельную структуру власти, направляющую действия индийцев»[6]. В данной связи У. Черчилль и его сторонники

---

[1] *Churchill W. S.* His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5: 1928-1935 / ed. by James R. R. N. Y. and L.: Chelsea House & Bowker, 1974. P.730.
[2] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 532.
[3] *Churchill W. S.* Op.cit. P.732.
[4] Ibid.
[5] *Lord Parmoor*. Op. cit. P.114-115.
[6] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1931), vol.87. Col. 242.

поддерживали более жёсткие действия новой англо-индийской администрации, связанные с репрессиями в отношении М. Ганди и его сторонников. «Нет никаких сомнений, - отмечалось в одной из публикаций, - в нашей способности осуществлять мудрое и справедливое правление в Индии, и нашей задачей, в данной связи, является отбор образованных индийцев, лишь с которыми Правительство Индии может разделить столь широкую долю ответственности, которую сочтёт целесообразной»[1].

Вспыхнувшая вскоре очередная волна протестов вынудила занявшего в апреле 1931 г. пост вице-короля лорда Уиллингтона отказаться от соблюдения условий пакта Ирвин-Ганди и перейти к репрессивным мерам. На фоне этих драматичных событий, британская консервативная пресса продолжала утверждать, что британское правление продолжает поддерживать «90% индийского населения»[2].

Весной-летом 1931 г. в нескольких индийских провинциях произошли масштабные столкновения на конфессиональной почве, жертвами которых стало около двух тысяч человек. Одновременно радикальными свараджистами, которые в данный период всё больше ориентировались на новых лидеров – Д. Неру и С.Ч. Боса, было убито несколько британских чиновников. Ответом на это явилась новая волна репрессий, результатом которой стал арест более тридцати тысяч индийцев, в числе которых вновь оказался М. Ганди. Тем не менее, лидеры «национального» правительства продолжали демонстрировать приверженность курсу на продолжение реформ. В мае кабинетом был утверждён проект либерализации индийского избирательного законодательства, предполагавший увеличение числа наделённых избирательным правом с семи до 36 млн. чел.[3] Члены Индийского имперского общества на своём очередном собрании, состоявшемся 25 мая, вновь потребовали от правительства принятия жёстких мер для сохранения британского контроля над Индией, а У.Черчилль,

[1] Churchill W.S. India: Speeches and in Introduction. L., 1931. P. 97.
[2] Daily News. 1931. 29th April. P. 2.
[3]Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P.283.

подвергнув в своём выступлении резкой критике проект избирательной реформы, назвав дальнейшее обострение межконфессиональной вражды между различными группами индийского населения «прямым следствием неразумных попыток демократизации…»[1].

Воспользовавшись отставкой лейбористского правительства, последовавшей в августе 1931 г., У.Черчилль попытался убедить лидеров ведущих партий отказаться от идеи поддержки второй конференции по Индии. 7 сентября в статье, опубликованной в «Дэйли Мэйл», он в очередной раз заявил о пагубности планов по введению системы доминиона, подчеркнув, что их итогом будет лишь «дальнейшее ослабление британского могущества»[2]. Однако уже на следующий день премьер-министр Р.Макдональд заявил о твёрдом намерении нового правительства продолжить реформу по предоставлению Индии полного самоуправления. Данное заявление получило поддержку со стороны лидеров Консервативной партии – С. Болдуина, Н.Чемберлена и С. Хора[3].

В ходе последовавших заседаний конференции «Круглого стола» в Лондоне, проходивших под председательством лорда Уиллингтона обозначилось резкое расхождение в интересах ИНК и Мусульманской Лиги. Мусульманская делегация выступила с категорическими требованиями отделения Синда от Бомбейской провинции, создания отдельных избирательных списков для мусульман на выборах в провинциальные законодательные собрания и Индийский законодательный совет, а также введения фактической автономии для мусульманских округов на северо-западе Британской Индии, в Бенгалии и Хайдарабаде. Идя на встречу данным требованиям, британское правительство приняло решение о подготовке проекта общеиндийской конституции, предполагавшей введение федеративной системы устройства Британской Индии, а также коммуналистской системы выборов.

---

[1] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 540.
[2] Daily Mail. 1931. 7th September. P. 3.
[3] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 535.

Представители правительства обозначили в качестве важнейших основ предстоящей реформы положения Акта об управлении Индией 1919 г., рекомендации, выработанные комиссией Дж. Саймона, а также итоги многочисленных консультаций, проходивших в рамках конференций «Круглого стола»[1]. В целях согласования всех деталей окончательного варианта Билля о реформе был создан Совместный комитет с участием всех политических сил, представленных в британском парламенте[2]. Ей как отмечалось в регламентном документе, «предстояла длительная и кропотливая работа…, которая должна быть продолжена в случае смены правительственного кабинета»[3].

Вторая сессия конференции «Круглого стола», начавшая работу 7 сентября 1931 г. столкнулась с несколькими проблемами. В ходе конференции существенно изменился состав британских представителей, что было связано с прошедшими в Великобритании внеочередными парламентскими выборами. Но наиболее сложной оставалась «коммуналистская» проблема, связанная с попытками согласования позиций делегатов, представлявших интересы индуистской и мусульманской общин Индии. Работа второй сессии завершилась 1 декабря. В правительственном заявлении по данному поводу подчёркивалось: «Правительство Его Величества… сохраняет свои обещания, сданные в январе. В частности, оно подтверждает, что единственным успешным для всех решением конституционной проблемы является учреждение общеиндийской федерации»[4]. В то же время Р. Макдональд заявил о намерении учредить три специальных комитета, которые непосредственно на территории Индии должны были заниматься вопросами, связанными с изменением избирательной системы, формированием федеральных финансовых ведомств,

---

[1] Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., Vol. 3, Calcutta, 1948–49. P.409.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.275. Col. 995.
[3] Ibid.
[4] The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with his Sisters Hilda and Ida, 1916-1937 / ed. by Self R. C. Cambridge and L.: Cambridge University Press, The Royal Historical Society, 1995. P. 528.

а также разрешением специфичных финансовых проблем, возникших в отдельных княжествах. Спустя год ими были представлены предварительные отчёты об итогах деятельности. Наибольшие сложности возникли в связи с формированием новой избирательной системы. Глава специального комитета лорд Лотиан отмечал принципиальную невозможность согласования позиций индуистских и мусульманских политических организаций по целому ряду принципиально важных вопросов.

19 января 1932 г. во время завершения работы второй конференции Круглого стола премьер-министр Р. Макдональд заявил: «Я надеюсь, и верю, что в результате нашей совместной работы Индия встанет на путь обретения статуса Доминиона в рамках Британского Содружества наций…»[1] Характеризуя основное направление предстоящих реформ от отметил, что «с точки зрения Правительства Его величества полномочия правительства Индии должны быть переданы центральным и провинциальным легислатурам на тех условиях, которые позволят гарантировать в течение переходного периода… необходимую защиту политических прав и свобод различных меньшинств»[2]. 15 сентября 1932 г. в обширной статье, посвящённой обсуждению предстоящей реформы, Дж. Томпсон подчеркнул: «Парламент выразил вполне определённую поддержку представленному проекту, основанному на так называемой тройственной схеме, рассматриваемой Совместным комитетом, и включающим полную провинциальную автономию, федеративный принцип организации, а также частичную ответственность центрального правительства»[3].

Несмотря на определённые ожидания, деятельность конференции Круглого стола в скором времени зашла в тупик, а взаимоотношения британских властей с ИНК вновь приняли конфронтационный характер. Третья конференция Круглого стола, созванная 21 ноября 1932 г. по инициативе госсекретаря по делам Индии С. Хора во многом превратилась в

---

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.275. Col. 997.
[2] Ibid.
[3] The Times. 1932. 15th September. P. 4.

формальность[1]. Она отличалась существенно меньшим, по сравнению с предыдущими, числом участников, что было связано с возобновившимися репрессиями против М. Ганди и его сторонников[2]. Важнейшим итогом её работы явилось обнародование правительством итогового варианта «Белой книги», содержащей основные принципы предстоящей конституционной реформы. Положения данного документа были вскоре вынесены на рассмотрения парламента, который должен был окончательно утвердить представленный проект в виде законодательного Билля[3].

В параграфе 165-м «Белой книги» подчёркивалось, что «сохранение диархии в прежнем виде, с разделённой ответственностью центрального и провинциального уровней власти представляется совершенно невозможным… При этом первостепенной задачей [реформы – *А.С.*] является сохранение единства центральной власти…»[4]. В параграфе 177-м документа отмечалась крайняя нежелательность введения системы диархии на центральном уровне управления. «Прежняя ответственность, - отмечалось в документе, - может быть сохранена за провинциальными ведомствами, лишь в случае невозможности передачи их функций центральным органам управления»[5]. В пункте 29-м «Белой книги» содержался ещё один важный тезис, касавшийся принципов будущего федеративного устройства Индии: «Мы не предполагаем, что Британская Парламентская система, где исполнительная власть представлена единственной партией, опирающейся на большинство избранных представителей, сможет стать моделью для развития системы ответственного правительства в Индии»[6].

На 93-й странице второй части отчёта Саймона содержалось предложение существенно расширить избирательные права. На основании этого специальным комитетом Лотиана, входившем в состав Комиссии по подготовке проекта конституционной реформы, предложил увеличить

---

[1] *Royle T.* The Last Days of the Raj. Kolkata, 1997. P.79.
[2] *Nehru J.* The Unity of India. L., 1948 P. 114.
[3] *Muldoon A.* Op.cit. P. 33.
[4] Ibid.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.275. Col.1036.
[6] Ibid.

пропорцию женщин, обладающих правом голоса с 1/12 до 1/4,5 от соответствующего числа мужчин. Одновременно предполагалось предоставить фиксированную квоту мест для женщин, как в провинциальных легислатурах, так и в центральной Ассамблее.

Отдельной проблемой являлось разграничение в рамках новой схемы вопросов, связанных с таможенной и налоговой политикой, являвшейся важнейшей сферой регулирования торгово-экономического взаимодействия Великобритании и Индии, рассматривавшейся немалой частью британской политической элиты как проблема первостепенного значения.

На основании положений «Белой книги» предполагалось принятие в течение 15-18 месяцев нового конституционного закона на основании, которого в Индии вводился переходный трёхлетний период, необходимый для создания системы федерального правительства, ответственного перед центральным законодательным органом[1].

В соответствии с принципами, обозначенными в заявлении Р. Макдональда от 1 декабря 1931 г., «решение коммуналистской проблемы возможно лишь путём обеспечения представительства всех меньшинств в законодательных органах власти и твёрдых гарантиях обеспечения их естественных прав»[2]. Исходя из этого в Белую книгу было включено несколько положений, предусматривающих «предоставление всем слоям и сословиям [индийского населения – А.С.] необходимых условий для обеспечения безопасности, а также создания механизмов, препятствующих правительству большинства использовать свою власть в целях нанесения им морального или материального ущерба»[3]. С этой целью по настоянию лейбористов и либералов в текст Белой книги был включен пункт 101, предусматривающий, что в любой провинциальном законодательном собрании необходимо получить не менее трёх четвертей голосов для того, чтобы «уменьшить финансирование в образовательной или иной сфере,

[1] Indian constitutional documents, 1757–1939... P.412.
[2] *Snowden P*. An Autobiography. L., 1934. P.469.
[3] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P.162.

обеспечивающей реализацию естественных прав и интересов англо-индийцев или представителей европейской общины»[1]. В связи с этим, в рамках Законодательного комитета возник ряд предложений, относительно внесения изменений в конституционный проект с целью создания дополнительных административных и судебных механизмов обеспечения прав многочисленных конфессиональных и этнических меньшинств, проживавших в различных регионах Индии, а также некоторых кастовых групп, в первую очередь, «неприкасаемых»[2]. В дополнение к этому, лейбористы выступили с идеей ограничения возможности формирования индуистского большинства в легислатурах различных уровней, а также полномочий князей, которые могли быть использованы для нарушения прав проживавших на территории многочисленных индийских княжеств этноконфессиональных меньшинств[3].

В декабре 1931 г. обе Палаты британского парламента подавляющим большинством одобрили предложения, сформулированные по итогам работы конференции Круглого стола и обобщенные в Руководящем документе правительства № 3972[4]. Они предполагали введение полной автономии на провинциальном уровне, а также переход к системе ответственного центрального правительства на федеральной основе. Премьер-министр особо подчеркнул, что, по его мнению, для того, чтобы «обеспечить полную реализацию данной Декларации, правительству необходима всесторонняя парламентская поддержка»[5].

Положениями законопроекта, основанными на содержании «Белой книги», предполагалось учредить центральный индийский парламент, состоящий из двух палат. Нижняя палата должна была избираться путём прямого голосования населения в рамках нескольких территориальных избирательных округов. В отличие от существовавшего ранее порядка,

---

[1] Ibid. P.163.
[2] Ibid.
[3] Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997. P. 285.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.275. Col. 407.
[5] Ibid.

верхнюю палату предполагалось формировать из представителей, избранных провинциальными легислатурами. Соответствующая рекомендации была включена в параграф 200-й предложений Совместного комитета[1]. В соответствии с расчётами, произведёнными в рамках его деятельности, общие расходы британской казны на реализацию предусмотренных реформой мероприятий должны были составить примерно 6 млн. ф. ст. К этой сумме добавлялись расходы центрального и провинциальных индийских бюджетов, которые оценивались минимум в 1,5 млн. ф.ст.[2] Исходя из этих расчётов, британские эксперты прогнозировали ухудшение финансовой ситуации в ряде регионов Индии, а также предполагали, что осуществление предусмотренных в «Белой книге» мероприятий может растянуться на более длительный, чем рассчитывали авторы проекта, период[3]. В итоге, публикация «Белой книги» явилась важным рубежным этапом как с точки зрения динамики политической ситуации в Индии, так и в связи с британской политической дискуссией вокруг предстоящей реформы.

§ 3.2. Подготовка проекта индийской конституции в первой половине 1930- х гг.: столкновение интересов внутри британской политической элиты.

Обнародование «Белой книги» по Индии вызвало новую волну серьезных политических дискуссий внутри британской политической элиты, значительная часть представителей которой рассматривали предстоящую реформу с определённой долей скепсиса. Даже у сторонников предложенного правительством проекта существовали определённые сомнения относительно конечного успеха его реализации. «Можно вполне обоснованно утверждать, - отмечал в начале 1933 г. один из активных участников подготовки реформы Челмсфорда-Монтэгю лорд Уинтертон, -

[1] *Sahni J. N.* Fifty Years of Indian Politics, 1921-1971. Delhi, 1971. P. 381.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col. 4-7.
[3] Ibid.

что предложенная схема общеиндийской федерации носит беспрецедентный характер, и в настоящий момент не представляется возможным найти аналоги соответствующей формы правления»[1].

Созданный в марте 1933 г. совместный согласительный комитет двух палат британского парламента строился по принципу «эквивалентного представительства всех партий и партийных групп»[2]. Поскольку наибольшим представительством в обеих палатах на тот момент обладала Консервативная партия, позиция консерваторов имела определяющее влияние на конечный итог дискуссий. Из 16 избранных членов комитета, 10 выразили категорическую поддержку Национального правительства и предложенного им реформаторского проекта. Как отмечалось в одном из консервативных изданий, «45% представителей комитета выразили интересы той части британцев, которые стремятся сохранить Индию для Короны и считают необходимым осторожное и постепенное проведение реформ в соответствии с положениями Акта об управлении Индией»[3]. Вместе с тем, часть членов Палаты выступила против предложенного состава комитета, полагая, что он не в полной мере отражает разнообразие мнений, существующих в рамках фактически правившей партии[4].

По оценкам политических обозревателей на момент начала обсуждения Билля о конституционной реформе, примерно 200 из 468 представителей Консервативной партии в Палате общин не имели однозначного мнения относительно его поддержки[5]. 43 депутата-консерватора с момента обнародования нового варианта «Белой книги» в декабре 1931 г. выступали последовательными противниками предложенных преобразований[6]. В то же время, как свидетельствуют результаты дискуссий по предложенному правительством Биллю, а также другим вопросам,

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col. 695.
[2] Ibid.
[3] The Morning Post. 1933. 29th March. P. 6.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col. 817.
[5] The most gracious speeches to Parliament. 1900-1974. Statements of Government Policy and Achievements. L.: The Macmillan Press Ltd., 1975. P. 386.
[6] Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5: 1928-1935… P. 469.

связанным с управлением Индией, в 1933-1934 гг., примерно 150 членов Палаты от Консервативной партии занимали неопределённую позицию и старались воздерживаться или не участвовали в процедурах голосования[1].

Перспектива масштабной реформы, направленной на введение в ключевой британской колонии системы полного самоуправления вызвала в первой половине 1930-х гг. заметный раскол в рядах консерваторов, поставив партию на грань серьёзного кризиса. Несмотря на то, что партийное руководство в целом поддержало проект реформы, предложенный коалиционным кабинетом Макдональда-Болдуина, определённая часть консерваторов, за которыми закрепилось условное наименование «твердолобые», выступила категорически против предоставления Индии широкого самоуправления. Неформальным лидером и идейным вдохновителем внутрипартийной оппозиции явился У. Черчилль. Показателем отсутствия внутрипартийного единства относительно дальнейшей стратегии по управлению важнейшей частью имперской системы, явилось отсутствие чётко сформулированной позиции партии в отношении предполагаемой реформы, в ходе предвыборной компании 1931 г.[2]

Основным предметом дискуссий являлся вопрос о степени готовности индийского населения к созданию системы ответственного правительства. В британском общественном мнении прочно утвердилось представление о незрелости политического сознания и архаичности политической культуры индийцев. Большинство представителей англо-индийской администрации сходились во мнении о необходимости длительных усилий по формированию в Индии элементов парламентаризма и партийной системы в их европейском понимании. Характерную в данном контексте точку зрения, высказал в ходе одной из парламентских дискуссий лорд Уинтертон. «Являясь главой комитета по избирательной реформе, - отмечал он, - я убедился в том, что

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1933), vol.87. Col. 242.
[2] Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000. P. 267.

создание партий в Индии возможно лишь на экономической основе и господство в них естественным образом будет принадлежать крупным землевладельцам и городским ростовщикам. В данной связи, нам следует предпринять дополнительные усилия для того, чтобы направить развитие индийских партий в соответствие с принятыми в Великобритании канонами»[1].

Как подчёркивал в конце марта 1933 г. министр по делам Индии С. Хоар, его деятельность по подготовке конституционной реформы находилась «под огнём с двух флангов... Одним из них является беспощадная критика со стороны мистера Черчилля. Другим - активная деятельность интеллекта мистера Ганди»[2]. «С момента своего прихода в министерство по делам Индии, - отмечал он, - я ощущал, что вопросы, связанные с разработкой индийской конституции способны возбудить серьёзное волнение в Индии. Я понимал, также, что они в равной степени способны вызвать разногласия внутри партий и среди членов Парламента дома и разделяю всю существующую обеспокоенность, полагая, что крайне наивной и глупой является надежда достичь столь сложного соглашения в течение нескольких дней»[3]. Одновременно С. Хор выразил присущую британскому политическому истеблишменту уверенность в особой «исторической миссии» Великобритании в Индии. «Ещё 100 лет назад, - отмечал министр, - Макколей в свойственной ранневикторианскому либерализму манере заявил, что английский язык образовал мост между Европой и Азией, и, используя его живописную терминологию, нет ни одного индийского язычника, которого мы бы правильно ли это, или нет, ни привели бы к западным образцам, и каждый ответственный общественный деятель в Индии, верит в то, что западные, в частности, британские институты способствуют развитию Индии»[4].

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col.695.
[2] *Eden A.* The Eden memoirs: Facing the Dictators. L.: Cassell & Company, 1962. P. 493.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col.696.
[4] The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries, 1929-1945./ Ed. by Barnee J., Nicholson D. L., 1987. P. 93.

В британской консервативной прессе «Белая книга», в которой излагался проект будущих преобразований, также была подвергнута серьёзной критике. В одной из статей, опубликованных в «Монинг Пост» отмечалось: «Завуалированные формулировки Белой книги на самом деле предполагают не установление партнёрства, а являются инструментом нашего отказа [от Индии – А.С.]»[1]. «Дейли Мэйл», оценивая характер предлагаемой реформы, цитировала У. Черчилля, заявившего, что «Белая книга по Индии, по сути, означает подъём Британским правительством белого флага над Индийской империей»[2].

Особую роль в попытках укрепления слабеющего механизма британского контроля над Индией в данный период стали играть взаимоотношения колониальных властей с правителями многочисленных княжеств[3]. Образование Палаты князей инициировало рост политической активности правителей. Немалую роль в процессе объединения князей сыграло понимание многими наиболее политически активными представителями княжеской элиты различий в стремлениях британского правительства в Индии и их собственных интересов. Первое, наиболее значительное столкновение этих двух сторон произошло в ходе работы совместного комитета во главе с лордом Батлером. Результатом этого стали изменения в политике Великобритании выразившиеся в переходе от позиции невмешательства и отстраненности к активной заинтересованности в княжествах как союзниках, используемых в виде противовеса радикальным политикам Британской Индии.[4].

10 марта С. Хор выступил с инициативой введения дополнительных гарантий безопасности в условиях предстоящих преобразований, которые распространялись в отношении представителей этноконфессиональных меньшинств, в первую очередь, мусульман, а также нескольких сотен

---

[1] The Western Daily Press. 1933. 22nd July. P.11.
[2] Daily Mail. 1933. 28th March. P. 5.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.279. Col.1159.
[4] *Чекунов В.И.* Колониальная политика Англии и деятельность консервативных организаций Индии в 1927-1935 гг. Диссертация кандидата исторических наук. СПб., 1992. С. 97.

княжеских фамилий, которые должны были сохранить свою традиционную власть в условиях нового федеративного устройства. С этой целью в нижней палате индийского парламента предполагалось зарезервировать 30% мест за представителями мусульманской общины, и ещё 30% - за депутатами от княжеств. Данная мера, по мысли С. Хора, была призвана минимизировать влияние ИНК в будущем высшем законодательном органе власти Индии[1]. Кроме того, в рамках предложений госсекретаря предполагалось оставить за вице-королём исключительное право контроля над внешней политикой и обороной будущего доминиона[2].

Вскоре после объявления о создании специального парламентского комитета в Палате общин возник т.н. «комитет обороны Индии», объединивший около 50 представителей Консервативной партии на основе неприятия курса правительства и выбранных им методов по разрешению кризиса, возникшего в крупнейшем британском владении[3].

17 марта 1933 г. правительством была опубликован новый вариант «Белой книги», в котором излагались базовые принципы политики в Индии. В документе подтверждалась окончательная цель реформы, связанная с заменой жёсткой административной вертикали, основанной на единоличной власти вице-короля, федеративной системой устройства, предполагавшей широкую автономию провинций и существенное расширение участия индийцев в системе управления[4]. Итогом дискуссий в Палате общин явилась поддержка предложенного кабинетом проекта 475 голосами против 42[5]. Отражая позицию критически настроенного меньшинства в Палате, В начале апреля У. Черчилль отмечал в письме С. Хору: «С горечью и возмущением я следил за процессом, в ходе которого Вы и Болдуин в течении двух с половиной лет использовали влияние Консервативной партии и правительства Индии, чтобы парализовать или подавить сопротивление

---

[1]Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P. 107.
[2] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 550.
[3] Там же. С. 551.
[4] Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P. 191.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.279. Col. 1159.

консерваторов в Англии, а также лояльных элементов в Индии ради реализации вашего плана… Убеждён, что если план «Белой книги» будет в полной мере реализован, через несколько лет нам потребуется либо эвакуация, либо повторное завоевание Индии…»[1]

10 апреля 1933 г. в ходе обсуждения будущего состава специального комитета, против предложенного правительством варианта в Палате общин высказалось 118 парламентариев. Несмотря на то, что предложения оппозиции были вновь отклонены, данный показатель стал максимальным за весь период обсуждения вопросов, связанных с конституционной реформой в Индии в первой половине 1930-х гг. На уровне низовых организаций Консервативной партии влияние противников правительственной политики было существенно более заметным. В конце апреля на ежегодных собраниях ассоциации консерваторов в округах Хоршем и Уэртинг программа правительства, изложенная в «Белой книге», получила поддержку всего 17 делегатов из почти 200 делегатов[2].

В апреле 1933 г. стремясь заручиться более активной парламентской поддержкой и участием в подготовке реформы, Р. Макдональд объявил о создании специального комитета из представителей обеих палат, который должен был вырабатывать предложения по проекту будущей конституции Индии. Его главой предлагалось назначить обладавшего большим опытом в вопросах, связанных с индийской административной системой, лорда Линлитгоу. Данный шаг был сделан, в значительной степени, по инициативе госсекретаря С.Хора, стремившегося консолидировать поддержку правительственной политики со стороны умеренных консерваторов[3]. В британской политической среде широкий резонанс вызвало предложение главы специальной комиссии Дж. Саймона, который, с учётом острой внутренней ситуации в Индии, фактически поддержал мнение У. Черчилля о необходимости ограничиться на данном этапе введением самоуправления на

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.279. Col. 1161.
[2] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 552.
[3] Там же. С. 549.

провинциальном уровне. На этом фоне позиции критиков проекта реформы внутри Консервативной партии заметно усилились. Как отмечалось в партийных документах, их влияние было наиболее заметно во время проведения «неформальных встреч» консерваторов[1]. По итогам дискуссий в Национальном союзе консервативных ассоциаций, происходивших 28 февраля, правительственная политика получила минимальный за весь предыдущий период уровень поддержки, получив 189 голосов против 165[2].

В марте 1933 г. У. Черчилль заявил в одном из выступлений, что «в свете британского общественного мнения, обеспокоенности консерваторов в парламенте, и наличия серьёзных коммуналистских страхов, предоставление Индии статуса доминиона в данный момент рассматривается как абсолютно безрассудный шаг»[3]. В то же время, С. Хоар отмечал, что в индийском обществе: «созрел практически повсеместный спрос на перемены в системе управления…Данный спрос явился главным мотивом доклада комиссии Саймона… и главным его выводом явилось признание необходимости великих перемен в правлении Индией»[4].

По мнению представителей кабинета, новый этап преобразований должен был стать логическим продолжением «постепенного конституционного прогресса, намеченного Декларацией 1917 г. и предполагающего реализацию идеи Ответственного Правительства»[5]. Предстоящие реформы не должны были, по мысли их инициаторов, привести к ослаблению эффективности центрального и провинциального уровней индийской администрации, а также нарушать традиционные права княжеских династий. «В первую очередь, - отмечалось в одном из правительственных документов, - мы придаём большое значение включению князей в новую систему индийского правительства. Индийские княжества через своих представителей дали нам понять, что они не готовы войти в

---

[1] Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000. P. 327.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280. Col.629.
[3] *Porter B.* The Lion's Share…P. 286.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280. Col.697.
[5] Ibid. Col. 699.

правительство, находящееся под полным контролем Уайтхолла. Для того чтобы сохранить ценную для нас поддержку князей, нам необходимо найти комплексное решение, которое учитывало бы интересы, как центральной власти, так и провинций» [1].

Одним из ключевых моментов, связанных с утверждением планов кабинета по введению в Индии модели широкого самоуправления, явилось заседание Центрального совета Консервативной партии, состоявшееся 28 июня 1933 г. В качестве альтернативы правительственным планам на обсуждение было вынесено предложение У.Черчилля, предлагавшего ограничиться введением автономии лишь на провинциальном уровне. Несмотря на активную критику оппозиции в партийной прессе, начавшуюся почти за три месяца до партийного форума, С. Болдуин не был полностью уверен в незыблемости своих позиций и даже намекал на возможную отставку. Его опасения оказались в немалой степени оправданными, поскольку итоги голосования выявили невиданный до этого уровень оппозиционных настроений. Политика кабинета Макдональда-Болдуина получила одобрение 838 делегатов, в то время как оппозиционеры получили в свою поддержку 356 голосов[2].

Одним из наиболее сложных пунктов дискуссии являлись тезисы доклада комиссии Саймона, касавшиеся предполагаемой схемы взаимоотношений между генерал-губернатором и министрами. Представители оппозиции выступали категорически против положения о введении системы полностью ответственного индийского правительства. В этой связи предлагалось отказаться от дальнейшего расширения системы «переданных субъектов» и их распространения на федеральный уровень в пользу дальнейшего совершенствования уже существующих механизмов диархии, действующих в рамках отдельных провинций[3]. Введение системы ответственного управления, в соответствии с данной точкой зрения,

[1] Ibid. Col. 701.
[2].Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. P. 267.
[3] Selected documents on British policy. Ed. by Keith A. B. Vol. 2, 1918-1931. From Self-government to National Sovereignty. Oxford, 1961. P. 115.

оказалось возможным лишь в отдельных провинциях, в которых опыт предыдущих преобразований «не привёл к серьёзному ущербу»[1]. При этом полный контроль над центральной индийской администрацией должен был полностью оставаться в руках колониальных властей, что позволило бы оказывать «необходимую помощь тем провинциям, которые пришли в расстройство, власть в которых выродилась, а народ лишён жизненно необходимых благ»[2]. Только такая схема помогла бы, по мнению критиков конституционного проекта, сохранить «справедливую и цивилизованную организацию, которую мы до сих пор поддерживали в Индии»[3]. В случае успеха эксперимента по созданию системы ответственного правительства в отдельных провинциях, предполагалось, что после тщательного анализа, он мог стать основой для более масштабных преобразований. Как отмечал в одной из статей У. Черчилль «если по прошествии 10-15 лет мы убедимся, что в нескольких провинциях управление организовано соответствующим образом, предполагающим процветание и лояльность местного населения, ничто не будет смущать нас в перспективах распространения данного опыта на уровне федеральной организации»[4].

Среди той части британского истеблишмента, которая была настроена скептически в отношении возможных перспектив конституционной реформы в Индии, было распространено убеждение в слабости либеральных элементов в политической системе Индии, в связи с чем сохранение контроля Великобритании над индийской системой управления рассматривалось как абсолютно необходимый и естественный фактор сохранения относительной стабильности на полуострове Индостан.

Серьёзной проблемой продолжали оставаться и неопределённые перспективы положения княжеств в рамках планируемой федеральной системы устройства Индии. Как отмечал в одной из публикаций,«князья не могут быть включены в федеральную схему, иначе как путём добровольного

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280. Col.1045.
[4] Daily Mail. 1933. 1st April. P.7.

согласия на изменение условий их договоров при вступлении в федерацию. Существующие договоры отражают прямые взаимоотношения между князьями и Короной. Что касается федерации, то они естественным образом свободны вступать в неё или нет. Исходя из этого, мы должны найти такое решение, которое обеспечило бы вступление в неё существенного числа индийских княжеств…»[1]. Подчёркивая принципиальную важность поиска оптимальной модели адаптации княжеств к новой схеме федерального устройства, авторы документа отмечали необходимость интеграции не менее 50 % в состав верхней палаты федерального парламента. «Жизненно необходимо», - отмечалось в документе, - чтобы княжества стали эффективной частью общеиндийской федерации»[2]. В данной связи в британских политических кругах принимались в расчёт существовавшие среди князей серьёзные опасения, проявившиеся, в частности, в их многочисленных обращениях к вице-королю. Суть данных требований сводилась к необходимости при переходе к системе доминиона обеспечить систему полного самоуправления не только на уровне центрального правительства, но и на уровне отдельных субъектов федерации[3].

Наряду с проблемой статуса княжеств, серьезным препятствием на пути конституционной реформы, по мнению многих британских экспертов, являлось отсутствие единства различных сегментов индийского населения в видении будущего политического устройства своего государства. «Мусульмане требовали защиты в пределах индуистских провинций, индуисты и сикхи Пенджаба требовали защиты интересов своих общин, в ряде провинций представители неприкасаемых требовали защиты своих прав»[4].

Одним из наиболее сложных пунктов дискуссии являлся порядок будущего административно-территориального устройства, а также характер

---

[1] Indian constitutional documents, 1757–1939. Vol. 3. P.391.
[2] Ibid.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280. Col.1046.
[4] *Gupta P. S.* Op. cit. P. 326.

избирательной системы в федеративной Индии[1]. В письме главы индийской Палаты принцев, направленном в ноябре 1934 г. лидерам Консервативной партии, в котором подчёркивалось, что представителям княжеской знати должна была бы предоставлена абсолютная свобода в вопросе взаимоотношений с будущей федерацией[2].

Данное письмо явилось итогом длительного обсуждения индийскими князьями положений «Белой книги», начавшегося в марте 1933 г. В нём подчёркивалась необходимость внесения существенных изменений в первоначальный текст документа. «Наши представители, работающие с Совместным комитетом, - должны акцентировать внимание на трёх важнейших пунктах: 1) определении характера суверенитета и автономии, а также договорных прав Княжеств; 2) ограничении источников финансирования федеральной власти исключительно косвенными налогами; 3) свободном праве Княжеств на индивидуальное вступление в Федерацию, или их коллективное объединение путём образования Конфедерации»[3]. Максимально возможное инкорпорирование традиционной княжеской элиты в формируемую федеративную систему, рассматривалось многими представителями Консервативной партии как важное условие сохранения британского влияния в Индии. «Включение князей в рамки федерации, - отмечалось в одной из публикаций в близкой к консерваторам газете «Morning Post» создаст устойчивое консервативное влияние в центре индийской системы управления, которое окажет значительное содействие администрации вице-короля в выполнении его трудной работы»[4].

Вместе с тем, в документах, связанных с обсуждением принципов будущего политико-административного устройства индийской федерации в рамках Совместного комитета, отмечалось постоянное беспокойство входивших в его состав консерваторов относительно стабильности существовавшей на тот момент системы диархии. «Есть устойчивое мнение, -

[1] Ibid.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col.214.
[3] Ibid. Col. 348.
[4] Morning Post. 1933. 19th March. P. 6.

отмечалось в ходе одной из дискуссий, - о том, что неизбежным результатом наличия автономии на провинциальном уровне и бюрократического правительства в центре станет постоянное давление провинций на центральное правительство, что неизбежно заведёт деятельность всей административной системы в тупик. В данной связи, рассматриваемый Билль, как никакая другая мера, окажется способным консолидировать интеллектуальную часть индийского общественного мнения. Отсутствие единства всех элементов индийского общественного спектра, которые сильно отличаются друг от друга с коммуналистской точки зрения по кастовому и религиозному основанию, может иметь самые бедственные последствия для дальнейшего развития Индии и Индийской империи»[1].

Серьёзные дискуссии были связаны и с вопросом о будущей избирательной системе. Позиция правительства по данному вопросу нашла отражение в «Белой книге», в которой отмечалась необходимость изменения ситуации, сложившейся по итогам реформы Челмсфорда-Монтэгю. По её итогам избирательным правом было наделено лишь 6 млн. чел. или 3% от общей численности индийского населения. При этом в избрании депутатов Федеральной Ассамблеи могло участвовать лишь немногом более миллиона индийцев. В документе, составленном правительством Р.Макдональда, отмечалось, что столь низкий процент избирателей не позволит создать по настоящему ответственное правительство и не соответствует предполагаемой федеральной системе устройства Индии, предполагавшей чёткое разделение компетенции между центральными и провинциальными органами власти[2].

Для рассмотрения проекта изменений в избирательной системе был создан специальный комитет, состоявший из лиц, обладавших необходимыми знаниями и опытом работы в Индии. Сложной продолжала оставаться и проблема взаимоотношений англо-индийской администрации с ИНК. Часть членов кабинет считала необходимым продолжать политику

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280. Col.928.
[2] Ibid. Vol.298. Col.146.

игнорирования ведущей индийской партии, другие полагали данную позицию ошибочной[1].

Наряду с серьёзной проблемой, связанной с обсуждением статуса индийских княжеств, руководство Консервативной партии было всерьёз обеспокоено возможной утратой Великобританией стратегических позиций во всём регионе Южной Азии. В документе, направленном руководству партии в начале 1933 г. отмечалось: «… необходимость защиты Индии от многочисленных внутренних и внешних угроз, невозможно без сохранения нашего контроля над морскими и сухопутными коммуникациями, а также полицейской службой… В случае, если положения Белой книги будут реализованы без существенных изменений, включая «индианизацию» армии, передачу под индийский контроль полиции, железных дорог, почты и телеграфа, угроза полной утраты нашего влияния в Индии резко возрастёт. Вопрос о контроле над данными структурами, с нашей точки зрения, является жизненно важным фактором для обороны Индии»[2]. Среди подписавших данное обращение оказался целый ряд видных представителей командования британской армией и военно-морскими силами[3].

Одной из важных составляющих дискуссий являлось состояние Индийской гражданской службы, которая, по мнению оппонентов правительства серьезно деградировала в период реализации реформы Челмсфорда-Монтэгю. Оппозиция подвергла критике деятельность трёх специальных комитетов, работавших в Индии в течение 1932 г., полагая, что результаты их деятельности не получили должного внимания и критического анализа со стороны членов парламента, а были лишь формально одобрены по итогам краткого обсуждения 22 февраля 1933 г.[4]

28 марта 1933 г. при обсуждении вопроса о представительстве князей, ряд депутатов-консерваторов выступили с инициативой увеличения

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col. 849.
[2] Ibid. Col.851.
[3] The Evening News. 1933. 8th March. P. 7.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280. Col. 1549.

представительства князей в обеих палатах будущего федерального парламента, охарактеризовав соответствующие параметры, предложенные в «Белой книге», как «чрезмерное преуменьшение» влияния традиционной индийской знати. Несмотря на то, что большая часть консервативной прессы в целом поддерживала действия правительства, некоторые обозреватели отмечали очевидную угрозу внутрипартийного раскола, вызванного перспективой конституционной реформы в Индии[1]. Недовольство внутри партии было обусловлено, в частности, позицией занятой партийным руководством, которое поддержало изложенный в документе лейбористского правительства проект конституционной реформы. Накануне в газете «Таймс» было опубликовано письмо, в котором от лица индийцев подвергались сомнению итоги работы конференции Круглого стола, с точки зрения репрезентативности интересов различных групп индийского населения. «Мы убеждены, - отмечалось в неё, что полного урегулирования не удастся достичь без согласия существенного сегмента общественного мнения, поддерживающего Индийский национальный конгресс»[2]. В письме делался однозначный вывод о том, что без прекращения репрессий, а также освобождения М. Ганди и его сторонников, реализация положений подготовленной лейбористским кабинетом «Белой книги» окажется маловероятной.

В ходе очередных парламентских слушаний, состоявшихся 29 марта 1933 г., У. Черчилль заявил о неудаче «сомнительного и опасного эксперимента», связанного с реализацией реформы Челмсфорда-Монтэгю. Во всех сферах управления, переданных под индийский контроль, по его мнению, наблюдался очевидный упадок. «Непотизм, коррупция, неэффективность, общее ослабление всех служб, вовлечённых в данный эксперимент, - отмечал У. Черчилль,- оказали прямое воздействие на состояние народных масс… и привели не к росту благосостояния, а к

[1] Предложения оппозиции были отклонены 375 голосами против 125 в Палате общин и 260 против 100 в Палате лордов.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col. 931.

подъёму протестных настроений даже среди той части политически активных слоёв, которые изначально выступали в её поддержку»[1]. В связи с этим он подверг критике парламентариев и, в особенности, партийных «кнутов», проявивших «пренебрежительное легкомыслие» при рассмотрении Акта об управлении Индией в 1919 г.[2]

С точки зрения противников конституционной реформы, изменения, произошедшие в Индии после Первой мировой войны привели к росту ксенофобии и обострению традиционных этноконфессиональных противоречий «долго дремавших в период Pax Britanica»[3]. «Планы преждевременных конституционных и политических реформ, - отмечалось в одном из публицистических произведений, - отвлекли внимание индийцев от действительно необходимых мер, связанных с экономической и административной модернизацией, которые могут реально улучшить положений индийских крестьян и рабочих»[4]. Обострение ситуации в различных индийских провинциях связывалось с непродуманными, по мнению критиков, изменениями в системе юстиции, а также передачей части функций по управлению полицией на провинциальный уровень[5].

По настоянию двоих членов Палаты общин от Консервативной партии, а также двоих представителей Палаты лордов, входивших в Уставную комиссию были внесены изменения в часть «Белой книги», касавшуюся статуса провинций и уровня их автономии. Основанием для этого явилось, в том числе, сделанное махараджей Патиалы на Конференции Круглого стола 19 января 1931 г. специальное заявление, отражавшее позицию значительной части индийских князей[6].

К тому моменту внутри руководства Консервативной партии при определённых расхождениях по техническим вопросам, сложилось общее понимание необходимости преобразований. В одном из партийных

---

[1] Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5: 1928-1935... P. 781.
[2] Ibid.
[3] *Churchill W.S*. Thoughts and Adventures. L.: Odhams; NY: Norton, 1932. P.40.
[4] *Dangerfield G*. The Strange Death of Liberal England. L: Stanford University Press, 1935. P.261.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col.1037.
[6] Ibid.

документов отмечалось «…время опеки над Индией завершилось. Представляется возможность превратить Индию в один из самоуправляющихся Доминионов Империи… В этом заключается суть нашего имперского предприятия»[1].

Противоречия внутри Консервативной партии достигли своей кульминации в период обсуждения законопроекта о конституционной реформе в обеих палатах британского парламента. В отличие от лейбористов и либералов, которым удалось выработать в целом согласованную и единую позицию по ключевым аспектам предложенного проекта, то среди консерваторов оказалось довольно много политиков, открыто высказывавших категорическое неприятие идее о введении самоуправления в Индии. «Не является удивительным тот факт, - отмечал в одном из интервью представлявший Консервативную партию в верхней палате парламента лорд Скон, - что Консервативная партия, а точнее говоря – настоящая Консервативная партия в немалой степени сомневается относительно необходимости принятия на себя столь сложных и обременительных обязательств… Основная часть проблем, с которыми мы столкнулись в сфере управления Индией, является принципиально неразрешимой [в рамках предложенного правительством плана преобразований – А.С.]»[2].

По инициативе Центрального офиса Консервативной партии в период обсуждения проекта конституционного Билля в Великобритании было создано несколько обществ, обеспечивавших информационно-пропагандистскую поддержку основных положений предстоящей реформы, изложенной в Белой книге[3]. Наиболее известным из них являлся Союз Британии и Индии, занимавшийся изданием периодических изданий, а также различного рода информационных материалов, призванных популяризировать политику правительства в отношении крупнейшей колонии.

---

[1] *Bridge C.* Op. cit. P. 113-114.
[2] The Times. 1933. 12 th March. P. 3.
[3] *Blyth R J.* The Empire of the Raj. India, Eastern Africa and the Middle East, 1858-1947. Basingstoke, N. Y.: Palgrave and Macmillan, 2003. P.158.

Аналогичным образом действовали и противники предложенной реформы. У. Черчилля было инициировано создание Лиги защиты Индии, объединявшей британских политиков и общественных деятелей, рассматривавших действия правительства как угрозу национальным интересам Великобритании и предательство «традиционных принципов Британской империи[1]».

Несмотря на нараставшие сложности в Индии, С. Болдуину удалось сохранить лояльность большинства консерваторов в отношении «национального» правительства и поддержку ими планов по введению в Индии системы доминиона. На конференции Консервативной партии, состоявшейся 7 октября 1931 г., попытка принятия резолюции, осуждавшей индийскую политику кабинета, потерпела неудачу. По мнению известного британского историка М. Гилберта, этому в немалой степени поспособствовало отсутствие на партийном форуме заболевшего У.Черчилля[2]. Несмотря на нараставшие сложности в Индии, С. Болдуину удалось сохранить лояльность большинства консерваторов в отношении «национального» правительства и поддержку ими планов по введению в Индии системы доминиона[3].

В решениях специально созданного для согласования партийной стратегии в марте 1933 г. Индийского комитета Консервативной партии отмечалось: «Результатом Конференции «круглого стола» явилось оформление идеи об общеиндийской федерации и введении в Британской Индии конституции… Консервативная партия приветствует такое развитие событий, поскольку в его основе лежат принципы, сформулированные в рапорте комиссии Саймона, и выражает готовность к дальнейшему сотрудничеству в её реализации»[4].

Позиция Лейбористской партии, формально возглавлявшей коалиционный кабинет, в отношении проекта реформы в Индии

---

[1] *Bridge C.* Holding India to the Empire. N. Y.: Envoy, 1986. P.135.
[2] *Гилберт М.*Ук. соч. С. 542.
[3] Там же.
[4] Glotchester Echo. 1933. 25th October. P. 1.

характеризовалась существенно большей степенью единства. В Целом она основывалась на решениях, принятых в 1927 г. на партийной конференции в Блэкпуле. «Лейбористская партия, - отмечалось в одном из партийных документов в 1932 г., - верит в то, что создаваемая законодательная комиссия оформит положения будущей конституции таким образом, чтобы они способствовали развитию Индии. Она должна включать положения, содержащиеся в пакте Ирвина-Ганди, отвечающие индийским интересам, а также соответствующие индийским общественным интересам»[1]. Руководство Лейбористской партии подтвердило приверженность данным принципам и при открытии конференции Круглого стола[2]. В ходе второй её сессии лейбористы, входившие в состав Национального правительства сделали специальное заявление, в котором особо подчёркивалось, что наличие в индийской административной структуре «сохранённых субъектов» наносит «ущерб продвижению Индии… к созданию полностью ответственного правительства»[3]. К моменту опубликования «Белой книги» и формирования Совместного комитета, позиция Лейбористской партии в отношении предстоящей реформы была, по словам одного из представителей её руководства, «ясной, недвусмысленной и направленной на достижение скорейшего прогресса»[4].

Один из лидеров Лейбористской партии К. Эттли отмечал в связи с этим: «С момента формирования системы британского контроля в Индии в 1857 г., сменявшие друг друга английские правительства давали различные обещания её населению. Лейбористская партия желает, чтобы все эти обещания были выполнены. По итогам наших конференций было принципиально подтверждено право индийского населения на самоуправление и самоопределение… Основой политики Британского Правительства должно стать сотрудничество с индийцами, целью которого является скорейшее превращение Индии… в равного партнёра с остальными

[1] Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2007. P. 228.
[2] Ibid.
[3] Labour Party General Election Manifestos… P. 112.
[4] *Henderson A.* Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935. P. 100.

членами Содружества Наций»[1]. «Лейбористская партия, - по его словам, - верит в идею Комиссии по реформе, и полагает, что новая Конституция… будет основываться на принципе, содержащемся в пакте Ирвина-Ганди...»[2] Как отмечалось в партийных документах, «в новую Конституцию должны быть включены положения, изложенные Лейбористским правительством на конференции Круглого стола, предусматривающие, в числе прочего, передачу «резервных субъектов» в полное ведение правительства Индии»[3]. Лейбористы, кроме того, призвали к немедленному освобождению всех политических заключённых, «не виновных в насилии»[4]. В данной связи подчёркивалась особая роль Совместного комитета, включающего представителей обеих палат парламента.

С точки зрения лидеров Лейбористской партии, задача Великобритании в Индии сводилась к тому, чтобы «с честью выполнить данные ранее обязательства. В декларации партийной конференции, в Блэкпуле подчёркивалось, что партия «твёрдо подтверждает права индийцев … на получение самоуправления и самоопределение, а политика Британского правительства должна основываться на укрепляющемся сотрудничестве с индийцами, конечной целью которого должно стать максимально быстро возможное превращение Индии в равноправного члена и партнёра Британского Содружества наций…»[5]. Лейбористы исходили из необходимости строить отношения с Индией на новых принципах, обозначенных в решениях имперской конференции и декларации Бальфура 1926 г., предполагавших равный политико-правовой статус всех членов Содружества наций, а также их полную внутреннюю автономию в вопросах внутренней политики. Исходя из этого, к началу 1930-х гг. в руководстве Лейбористской партией утвердилось мнение о необходимости предоставления Индии полного права самоопределения, равного тому,

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col. 719.
[2] Ibid.
[3] Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933. P. 117.
[4] Ibid. P. 121.
[5] Ibid.

которым к тому моменту обладали уже существовавшие «белые» доминионы[1]. Как подчёркивалось в лейбористской печати, задача предстоящей конституционной реформы заключалась в предоставлении Индии «равного статуса, равных прав и равных обязанностей с теми, какими обладают остальные члены Содружества»[2].

В ходе дебатов в Палате общин, состоявшихся 10 декабря 1934 г. один из лидеров лейбористов К. Эттли сформулировал отношение к преобразованиям в Индии следующим образом: «Наша партия основывается на принципах социализма,… и при обсуждении индийской проблемы у нас неминуемо возникают разногласия, как с консерваторами, так и с либералами. Наша партия ориентируется, в первую очередь, на принципы экономической справедливости, как основу для продвижения к прогрессу и гуманизму… Мы добиваемся социальной и экономической справедливости для всех людей, вне зависимости от того, живут ли они у нас дома, или в других регионах мира. Именно с этой точки зрения необходимо характеризовать наше видение решения индийской проблемы».[3] С точки зрения лейбористов, политико-административные преобразования в Индии должны были быть тесно связаны с радикальной модернизацией её социально-экономической системы. «Фрагментация собственности, - отмечалось в одном из партийных документов, - в сочетании с ростом населения, создаёт серьёзное давление, порождающее целый комплекс сложных социальных проблем»[4]. С точки зрения идеологов Лейбористской партии, усилия Великобритании в сфере модернизации социально-экономической структуры индийского общества являлись явно недостаточными. «Очевидным является факт, - отмечал в ходе парламентской дискуссии К. Эттли, - что по прошествии полутора столетий нашего правления, массы индийцев остаются бедными, невежественными и

---

[1] *Worley M*. The Foundations of the British Labour Party: Identities, Cultures and Perspectives, 1900-39. Farnham: Ashgate Publishing, 2009. P. 117.
[2] The London Gazette. 1934. 27th November. P. 5-6.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col. 403.
[4] Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933. P. 130.

эксплуатируемыми. Продолжает процветать произвол со стороны крупных землевладельцев и ростовщиков, сохраняется унижение женщин и представителей низших каст. Мы осознаём свою ответственность, - подчёркивал один из представителей лейбористов в парламенте, - за то, что сохраняющееся бедственное положение жизненного уровня индийцев, является тяжелейшим бременем для нашей власти в Индии»[1].

Уделяя значительное внимание социально-экономическим аспектам британской политики в отношении индийских владений, лейбористы, в то же время, в немалой степени выступали продолжателями либеральной традиции в управлении Индией, делавшей акцент на развитии элементов парламентской демократии и развитии институтов самоуправления. В выступлениях партийных деятелей, а также в партийной печати часто звучал тезис о необходимости отказаться от «автократических методах правления», которыми часто пользовалась англо-индийская администрация, поскольку они «создавали угрозу восстания со стороны тех, кто находился под гнётом автократии»[2]. В резюме, подготовленном, для представителей партии в Палате общин в период активного обсуждения Билля о реформе в Индии осенью 1933 г. делался следующий важный вывод: «Наши попытки сохранить порядок и законность в индийских владениях Короны с помощью силы, приводят лишь к тому, что мы защищаем сложившийся там социальный порядок, который мог бы вызвать у нас шок при более нормальных обстоятельствах… В течение длительного времени мы откладывали решение проблемы, связанной с созданием в Индии системы ответственного правления. К настоящему моменту, дальнейшая отсрочка в вопросе предоставления индийцам права самим определять собственную судьбу является прямым приговором для всех нас»[3]. В обосновании необходимости перехода к системе доминиона и предоставлении Индии конституционного режима правления, теоретики Лейбористской партии

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col.531.
[2] *Snowden P*. An Autobiography. L.: Nicholson & Watson, 1934. P.476.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col. 284.

часто обращались к идеям классиков либеральной идеологии, подчёркивая необходимость максимально возможной интеграции индийцев в британскую систему управления[1]. Основываясь на идее ответственности британцев за развитие индийских владений, а также их «морального долга» перед их населением, лидеры лейбористов подвергали жёсткой критике позицию «твердолобых» консерваторов, обвиняя их в стремлении «принести надежды и чаяния индийцев в жертву своим мумифицированным предрассудкам»[2].

Согласно существующей в историографии точке зрения, определённое влияние на позицию лейбористов по Индии оказали и идеи А. Безант. В 1926-1927 гг. она предложила план «гомруля» для Индии, который с определённым вниманием был воспринят лейбористскими политиками. Данный проект во многом копировал схему, реализованную Великобританией в начале 1920-х гг. в Ирландии[3]. Немалое влияние на позицию лейбористов по индийской проблеме оказали также идеи фабианского социализма. В одном из партийных памфлетов, подготовленных в период обсуждения законопроекта о реформе в Индии, содержалась прямая ссылка на опубликованное в начале XX в. произведение Б. Шоу «Другой остров Джона Буля»[4]. В нём отмечалось, что «подобно демократии, национальное самоуправление не является абсолютной панацеей, но служит средством реализации важных потребностей людей»[5]. Недовольство представителей Лейбористской партии в обеих Палатах парламента, а также в Совместном комитете вызывало недостаточное, по их мнению, отражение в законопроекте положений рапорта комиссии Дж. Саймона, касавшихся вопросов социального и экономического развития»[6].

Достаточно быстро оформилась и официальная позиция Либеральной партии по вопросу о дальнейших реформах в Индии. В декабре 1930 г. на фоне активных дискуссий в рамках конференции Круглого стола,

---

[1] Ibid.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col. 531.
[3] Labour Party. The Colonial Empire. L.: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. P. 68.
[4] «Другой остров Джона Булля» (John Bull's Other Island, 1904).
[5] Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933. P. 132.
[6] Ibid.

представители британской делегации от либеральной фракции Палаты общин сделали специальное заявление, в котором с незначительными оговорками поддержали идею создания в Индии федерального правительства. В статье корреспондента «Таймс» в Дели от 10 декабря 1931 г. отмечалось: « Одним из событий, подхлестнувших политические надежды в Индии и отмеченных вице-королём лордом Ирвином, явилось объявленная либеральной делегацией принципиальная готовность поддержать идею создания ответственного индийского правительства, а также федерального Законодательного собрания»[1]. Как отмечал в одном из парламентских выступлений представитель либеральной фракции в Палате общин, «со времён Джона Стюарта Милля основной функцией Либеральной партии являлось приобщение консерваторов к идеям либерализма»[2].

В документе Либеральной партии, относящемуся к осени 1930 г., подчёркивалось, что либералы «полностью разделяют политические ожидания индийцев относительно предоставления самоуправления, высказанные в ходе конференции Круглого стола представителями индуистов, мусульман, а также «неприкасаемых»»[3]. В обоснование данной позиции в этом и других документах партии, посвящённых преобразованиям в Индии содержались многочисленные отсылки к идеям Макколея и других классиков либеральной парадигмы в отношении управления индийскими владениями[4]. В ноябре 1934 г. выступая в Национальном Либеральном клубе, один из лидеров консерваторов лорд Галифакс подчеркнул необходимость сохранения традиционного диалога двух партий по вопросам индийской политики, выразив своё понимание готовности либералов «пойти на встречу ожиданиям индийцев»[5].

Стремясь смягчить серьёзную критику положений «Белой книги», представители правительства характеризовали их лишь как предложения,

---

[1] The Times. 1931. 10th December. P. 3.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col.531
[3] Liberal Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000. P.108
[4] *Wilson T.* The Downfall of the Liberal Party 1914-1935. L.: Collins, 1966. P. 77.
[5] *Slesser A.* A History of the Liberal Party. L.: Hutchinson, 1944. P. 61.

сформировавшиеся «по результатам многочисленных конференций, опросов, дискуссий, дебатов и исследований»[1]. В рамках развернувшихся в парламенте дискуссий оппозиция выступила против предложенного правительством состава специального комитета по подготовке проекта конституционной реформы. Причиной этого являлось чрезмерное, по их мнению, представительство либералов и лейбористов, в то время как консерваторы оказались в нём «в одиночестве»[2]. Таким образом, оппозиция подвергала сомнению тезис правительства о беспристрастности деятельности Совместного комитета, результаты которой должны были лечь в основу проекта Билля о конституционной реформе.

Характеризуя распространённые среди представителей британской политической элиты представления о базовых основах политики в отношении Индии и других восточных колониальных владений, лорд Уинтертон отмечал в конце марта 1933 г.: «… я убеждён, что существует только две системы возможных взаимоотношений между западными демократическими державами и населением азиатских и африканских территорий, находящихся под их контролем. Одной из них является французская система, другую же мы пытаемся внедрить в Индии»[3]. Французская система, получившая распространение в Северной Африке, предполагала, как отмечал лорд Уинтертон, «интеграцию в состав единой нации, что было сопряжено как с получением всех соответствующих выигрышей, так и с принятием на себя определённых обязанностей и принесением определённых жертв»[4]. Данная модель, подразумевала представительство колониальных подданных в деятельности законодательных органов различных уровней, а также их участие в работе административных структур. В обмен на участие в управлении, а также на доступ «к благам культуры и цивилизации», она, как подчёркивал Уинтертон, требовала от колониальных подданных «торговать с нами и

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col. 1047.
[2] Ibid.
[3] Ibid. Col.1067.
[4] Ibid.

сражаться за нас»[1]. Именно против такой модели, реализуемой в некоторых французских колониях, последовательно выступали «твердолобые» консерваторы, оппонировавшие проектам реформ в Индии и других азиатских владениях короны. Позиция У. Черчилля и его сторонников, по мнению авторитетного представителя англо-индийской администрации, «не может способствовать продвижению Индии по пути прогресса и достижения свободы для индийского населения»[2].

В ходе парламентских дебатов, связанных с обсуждением Билля о реформе в Индии, глава специальной комиссии Дж. Саймон напрямую обвинил У. Черчилля и других «твердолобых» в намеренной попытке расколоть Консервативную партию и воспрепятствовать прохождению законопроекта вопреки мнению «абсолютного большинства членов Палаты»[3].

Как отмечали авторы проекта конституционной реформы, британское правление с самого начала имело своей стратегической целью «достижение Индией самоуправления в рамках Британской империи или Британского содружества наций»[4]. В то же время, оппозиция предполагаемой реформе была во многом связана с существовавшим внутри Консервативной партии недоверием к «социалистическому» правительству, явившемуся её инициатором.

Основополагающим, в данной связи, являлся распространённое в британском обществе глубокое убеждение о политической незрелости и низком уровне политической культуры населения Индии и других восточных колоний. Как отмечалось в одном из партийных документов, «ключевая задача, стоящая перед нами, заключается в установлении стабильной системы, опирающейся на общую поддержку, вне зависимости от того, какие

[1] Ibid.
[2] Ibid. Col. 435.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95. Col. 248.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296. Col. 1066.

политические силы будут ею управлять»[1]. Исходя из того, что эволюция британской политической системы заняла длительный исторический период, делался принципиальный вывод о необходимости длительного переходного периода, необходимого для создания в Индии эффективной системы самоуправления. «Нам предстоит длительный период борьбы, - подчёркивалось в документе, - который может растянуться на долгие годы»[2].

Дискуссии вокруг проекта конституционной реформы в Индии оставались в целом предметом внутрипартийных и межпартийных дискуссий, не вызывая в целом широкого общественного резонанса. В апреле 1933 г. во время одного из публичных выступлений лорд Линлитгоу подчеркнул, что, по его мнению «… индийская проблема вряд ли может стать фактором, всерьёз волнующим широкие слои избирателей»[3].

После обсуждения продолжавшегося в течение нескольких месяцев, в апреле 1933 г. был окончательно согласован состав Совместного законодательного комитета двух палат, на который возлагалась основная задача по утверждению Билля о конституционной реформе. В него вошли 16 представителей Палаты общин, а также ровное количество членов Палаты лордов. Среди них был ряд известных политических фигур, а также людей, обладавших опытом работы в структурах англо-индийской администрации и участвовавших в подготовке и реализации реформы Челмсфорда-Монтэгю. В их числе оказались маркиз Солсбери, граф Дерби и лорд Ирвин[4]. Из состава избранного палатой Лордов, 8 представителей являлись членами Национального правительства или его сторонниками из рядов Консервативной партии. В их число входил и виконт Вулсак в течение длительного времени являвшийся председателем на конференциях Круглого стола.

---

[1] The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with his Sisters Hilda and Ida, 1916-1937 / ed. by Self R. C. Cambridge and L.: Cambridge University Press, The Royal Historical Society, 1995. P. 139.
[2] Ibid.
[3] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 552.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.277. Col. 252.

В ходе обсуждения кандидатур, которые должны были представлять в Совместном комитете Палату лордов также возникли серьёзные трудности, связанные с явной или скрытой оппозицией со стороны части консерваторов. По итогам дебатов около двух третей лордов от Консервативной партии либо воздерживались при голосовании, либо не участвовали в самой процедуре[1]. Итогом дискуссий, продолжавшихся в течение трёх дней явилось утверждение состава представителей от Палаты лордов. За предложенный перечень кандидатов высказались 65 членов Палаты, против проголосовали 13[2].

В начале декабря 1934 г. Совместный комитет завершил обсуждение и провёл окончательное голосование по проекту Билля о конституционной реформе в Индии. Он был поддержан 21 голосом, против проголосовало шесть представителей, пятеро воздержались. Среди голосовавших против законопроекта оказались весьма влиятельные фигуры – архиепископ Кентерберийский, маркиз Риддинг, а также лорд Шелл[3]. В итоговом документе Совместного комитета подчёркивалось, что результаты его деятельности полностью соответствуют выводам, сделанным комиссией Саймона[4].

12 декабря 1934 г., в ходе очередного обсуждения проекта будущей конституции Индии, У. Черчилль заявил, что с учётом уровня социально-политической организации индийского общества «введение самоуправления будет означать лишь свободу одной части индийцев эксплуатировать другую»[5]. Тем не менее, обе Палаты британского парламента утвердили рекомендации Объединённого Совместного комитета относительно индийской конституционной реформы. Согласованные положения будущей конституции Индии были включены в текст соответствующего

[1] Ibid. Col. 253.
[2] Ibid. Col. 487.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95. Col. 309.
[4] Ibid.
[5] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 574.

законопроекта[1]. Лорд Галифакс, представлявший Билль в Палате лордов, подчеркнул, что он явился итогом «восемнадцати месяцев сложной работы избранных представителей Комитета»[2]. По его словам, итоговый текст документа явился плодом усилий и результатом компромисса представителей всех трёх ключевых политических партий Великобритании[3]. Лейбористы и либералы, составлявшие меньшинство членов Совместного комитета, добились включения в текст законопроекта нескольких положений, связанных с гарантиями политических прав социальных и этноконфессиональных меньшинств индийского населения, а также обеспечением экономического развития индийских территорий[4]. В печатных изданиях лейбористов в конце 1934 г. отмечалось: «Мы должны обеспечить самоуправление Индии таким образом, чтобы гарантировать обеспечение конституционного права сельских жителей и городской бедноты на участие в политическом управлении»[5].

В январе 1935 г. У. Черчилль предпринял последнюю попытку внести коррективы в проект Билля по Индии, предложив, основываясь на рекомендациях комиссии Саймона, ограничить на несколько лет автономию провинциальным уровнем. В этих условиях консервативная пресса в очередной раз подвергла его действия критике, обвинив его в «подрывной активности»[6]. В начале февраля оппозиция законопроекту получила дополнительный аргумент в свою пользу. Съезд индийских князей, состоявшийся в Бомбее, принял резолюцию, в которой выражалась резкая критика проекта будущего федеративного устройства Индии. Несмотря на некоторое замешательство в правительстве, попытка оппозиции снять билль с обсуждения потерпела неудачу[7].

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95. Col. 313.
[2] Ibid. Col. 364.
[3] Ibid.
[4] *Judd D*. The Lion and the Tiger: the Rise and Fall of the British Raj, 1600-1947. Oxford University Press, 2004. P.174.
[5] The London Gazette». 1934. 12th December. P. 3.
[6] Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963… P. 867.
[7] *Copland I*. The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917-1947. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P.82.

11 февраля 1935 г. в ходе обсуждения во втором чтении в Палате общин билля об Индии, У. Черчилль вновь выступил против введения системы полного самоуправления, подчеркнув, что результатом этого шага станет «уничтожение прав миллионов неорганизованных индийцев и слабо представленных в политических институтах социальных меньшинств»[1]. Представлявший законопроект С. Болдуин, в свою очередь, пообещал, что британское правительство приложит максимум усилий для сохранения «власти закона и порядка» в период передачи власти индийским структурам. В итоге билль был поддержан 404 голосами против 113. В числе голосовавших против были 84 представителя Консервативной партии[2].

Консерваторы уделяли особое внимание вопросу о представительстве князей, которые, в рамках системы «нового дурбара» рассматривались как стабилизирующий элемент в рамках реформируемой системы управления. Представители княжеств не избирались демократическим путём, а назначались князьями. На федеральном уровне, как ранее на провинциальном, создавалась система «reserved subjects», остававшихся в сфере исключительной компетенции британского вице-короля. К их числу относились вопросы обороны, внешней политики, защиты этноконфессиональных меньшинств, установления тарифов на британский импорт и некоторые другие.

У. Черчилль охарактеризовал данную реформу как «упадок и даже исчезновение [британской – *А.С.*] власти в Индии…» Правление Великобритании он характеризовал как «лучшее из когда-либо существовавших [в Индии – А.С.] ранее… Введение самоуправления является в нынешних условиях лишь увлечением сменой идей со стороны либералов»[3]. Как отмечал британский исследователь Б. Портер,

---

[1] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 574.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935), vol.298. Col.152.
[3] *Churchill W. S.* Op.cit. P. 798.

«твердолобые во главе с Черчиллем смогли оттянуть начало реформы на два года…»[1].

В 1935 г. новый Акт об управлении Индией вступил в силу. Основным итогом деятельности комиссии Саймона явилось решение о введении в Индии широкой системы самоуправления, максимально близкой к статусу доминиона, а также федеративной системы внутреннего устройства. Индийский конституционный Акт 1935 г., согласованный с представителями индийской знати, предполагал создание федерального союза из 16-ти провинций Британской Индии, за исключением Бирмы.

Согласно принятой конституции, Индия преобразовывалась в федерацию провинций Британской Индии и вассальных индийских княжеств. Членство в федерации было обязательным для провинций, в то время как княжествам предоставлялось право примкнуть к «федеральной схеме» либо установить прямые отношения с метрополией. Представители провинций в Центральном законодательном собрании подлежали избранию, делегаты княжеств назначались их правителями. Устанавливались пропорции представительства княжеств и провинций в Государственном совете и Законодательном собрании. «Федеральная схема» не была введена в действие из-за отказа большинства правителей княжеств примкнуть к федерации. В итоге вся реальная полнота власти осталась в руках вице-короля, который назначался британским монархом и являлся его полномочным представителем в Индии[2].

Сформулированный в Законе об управлении Индией принцип развития «провинциальной автономии» предусматривал разделение власти между центром и провинциями и расширение прерогатив провинциальных законодательных собраний, которые делились на двухпалатные (в Мадрасе (Ченнаи), Бомбее (Мумбай), Бенгалии, Бихаре, Соединённых провинциях, Ассаме) и однопалатные (в Панджабе (Пенджабе), Синде, Северо-западной

---

[1] *Porter B.* Op. cit P. 286.
[2] Indian constitutional documents, 1757–1939… P. 478.

пограничной провинции, Ориссе и Центральной провинциях). «Провинциальная автономия» была введена в действие 1 апреля 1937 г. В том же году состоялись выборы в центральные и провинциальные легислатуры, которые проводились но куриальной системе (12 курий - для индусов, мусульман, сикхов, христиан, различных социальных прослоек, а также для «неприкасаемых»; право голоса получили около 12% взрослого населения Индии)[1].

На основании принятого закона, в 1936 г. были проведены выборы в провинциальные законодательные собрания. С 1937 г. начала функционировать новая административная система, предполагавшая передачу значительной части управленческих функций индийским министерствам. Тем не менее, реформа осложнялась вследствие ряда серьёзных проблем, среди которых наиболее важную роль играли нараставшие противоречия между политическими движениями, представлявшими индуистскую и мусульманскую общины. Принятие новой конституции, вызвало новый всплеск межконфессиональных конфликтов, инспирированных, в основном, сторонниками коммуналистских организаций. С октября 1937 по сентябрь 1939 г. в Британской Индии произошли 85 крупных столкновений, в результате которых погибло примерно 1,5 тыс. чел. Главными их центрами стали Пенджаб, Бихар, Объединённые провинции и Центральные провинции[2].

Принятый в августе 1935 г. последний в истории Акт об управлении Индией стал крупнейшим шагом в процессе реформирования британской колониальной системы в межвоенный период. Обсуждение законопроекта, как и весь ход дискуссий, связанных с ситуацией в Индии, свидетельствовал о постепенном изменении баланса между консервативным и либеральным императивами колониальной политики Великобритании в пользу последнего. Принятие Акта оказало глубокое воздействие не только на последующее

---

[1] Ibid.
[2] *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* Ук. соч. С.408.

политическое развитие Индии, но и существенным образом повлияло на дальнейшую эволюцию системы британского колониализма в целом. Так же как и Билль 1919 г., он явился итогом сложного компромисса интересов между различными группами британской политической элиты. Расширяя систему индийского самоуправления, Акт об управлении Индией 1935 г., в то же время, сохранял важные властные функции за англо-индийской администрацией. Тем не менее, он стал фактической основой для демонтажа многие важных элементов британского господства на полуострове Индостан, существовавших в течение предыдущих полутора столетий, создав вектор дальнейшего быстрого продвижения Индии к независимому политическому статусу.

Глава IV. Формирование и эволюция модели «завуалированного контроля» Великобритании над Египтом в 1920-х – 1930-х гг.

§4.1. Кризис системы протектората и признание формальной независимости Египта в британских политических дискуссиях на рубеже 1910-х – 1920-х гг.

Первая мировая война явилась важнейшим поворотным пунктом в истории Британской империи, обозначившим явный кризис прежних методов имперского управления и положившим начало процессу её постепенной децентрализации. На рубеже 1910-х – 1920-х гг. в обстановке сложных политических дискуссий на фоне обострявшегося внутреннего кризиса империи британское правительство попыталось осуществить несколько проектов, связанных с реформированием системы управления в некоторых из своих владений. Данные реформы обозначили вектор эволюции колониальной политики Великобритании на последующий период.

Одним из ключевых владений, в которых британское правительство столкнулось в данный период с кризисными явлениями оказался Египет, обладавший к концу Первой мировой войны официальным статусом английского протектората.

Египет занимал всё возраставшее место во внешнеполитических планах Великобритании на протяжении всего XIX в. До середины 1870- х гг. данный интерес сводился в основном к стремлению сохранить египетскую территорию в составе зависимого и слабого Османского государства. При этом британское правительство не отказывало себе в праве активно влиять на ситуацию в долине Нила.

Завершение проекта строительства Суэцкого канала, которому пыталась активно воспрепятствовать Великобритания, буквально в одночасье превратил египетскую территорию в один из важнейших объектов политики европейских держав. На фоне происходившего в данный период серьёзного

обострения международной обстановки, нараставшего кризиса, как в Османской империи, так и в самом Египте, заметного усиления позиций Франции в регионе, среди британской политической элиты, и, в первую очередь её консервативной части начинает формироваться убеждённость в необходимости включения египетской территории в состав империи. В течение второй половины 1870-х гг. правительство Великобритании пыталось найти оптимальную форму реализации своих интересов в долине Нила. Первоначально надежды связывались с введённой в 1876 г. системой «двойного протектората», предполагавшей совместный англо-французский контроль над ситуацией в Египте. Однако, нарастание кризиса в стране и рост национально-освободительного движения, возглавленного Ораби-пашой заставил отказаться от данного варианта. В этих обстоятельствах в июле 1882 г. Великобритания принимает принципиальное решение об оккупации египетской территории. Примечательно, что данное решение было принято либеральным кабинетом У. Гладстона, продемонстрировавшим в данном вопросе преемственность курса предыдущего консервативного правительства.

Одержав достаточно быструю военную победу в Египте, британское правительство не торопилось с юридическим оформлением его нового статуса. Принципиального решения об его аннексии и непосредственном включении в состав британских владений принято не было. Более того, официальный Лондон неоднократно подчёркивал временный характер пребывания своих войск на египетской территории и принципиальное нежелание нарушать давно сложившийся статус-кво Египта как части Османской империи. Так, выступая в Палате общин 10 августа 1882 г., спустя месяц после начала военной операции, премьер-министр У. Гладстон заявлял: «Я готов ответить любому честному джентльмену относительно перспектив оккупации Египта. Не вызывает никаких сомнений, что мы не собираемся осуществлять её в течение длительного срока. Это абсолютно расходится с принципами Правительства Её Величества, и обещаниями,

которые мы дали Европе»[1]. Спустя год, 9 августа 1883 г., в ходе очередного выступления в Парламенте, глава правительства сделал следующее заявление: «Мы выступаем против доктрины аннексии, мы высказываемся против всего, что напоминает о ней, мы против любых разговоров, связанных с её ожиданием. Наша позиция основывается на том, что у Англии есть определённые обязательства перед Египтом, на том, что мы дали ряд специальных обещаний, следование которым обеспечивает нам доверие со стороны Европы»[2]. Новый британский премьер-министр, представитель консервативной партии лорд Солсбери, выступая 12 августа 1889 г. в Палате лордов сделал не менее категоричное заявление: «Мы не будем ни провозглашать протекторат над Египтом, ни оккупировать его на постоянной основе, поскольку это будет назначать нарушение международных обязательств, данных Англией»[3].

В последующий период на официальном и неофициальном уровнях британские политики и государственные деятели неоднократно заявляли об отсутствии каких-либо намерений относительно изменения статуса Египта. По свидетельству американского публициста Х. А. Гиббонса за период с 1882 по 1914 г. в британской прессе и официальных документах Парламента было опубликовано не менее полусотни категорических заявлений о неприемлемости аннексии египетской территории[4]. В вышедшем в свет в 1913 г. британском ежегоднике он обозначался как «вассальное государство Турции (Turkey and Tributary States), чья администрация осуществляется местными министрами, подчиняющимися Хедиву»[5]. В том же ключе было и решение возложить ответственность за положение в Египте на Форин офис, которому формально были подчинены все действовавшие на египетской территории британские структуры.

---

[1] Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy, 1763-1917. Ed. by A. B. Keith. Vol. II. L., 1918. P. 193.
[2] Ibid. P.196.
[3] Цит. по: *Gibbons H. A.* Great Britain in Egypt. N.Y., 1920. P. 99.
[4] Ibid. P.98.
[5] Parliamentary Debates. House of Lords, 5th Ser., 12 August 1889.

Тем не менее, уже в 1883-1884 гг. произошло оформление весьма сложной и двусмысленной системы «завуалированного протектората», превратившего Великобританию в фактического хозяина египетских территорий. Важнейшая особенность этой системы состояла в отсутствии каких-либо формальных структур британского управления. Генеральный консул, представлявший интересы Великобритании, юридически находился в положении аналогичном представителям других европейских государств. Непосредственную поддержку его деятельности осуществлял относительно немногочисленный персонал каирской резиденции, представители которого нередко сочетали одновременно дипломатические, агентурные и научные функции. Намного более многочисленным был штат английских советников, входивших в состав различных уровней и звеньев египетского правительства. Именно они, по сути, являлись ключевым элементом, обеспечивавшим функционирование системы британского контроля над Египтом и реализацию решений, принимаемых правительством и каирской резиденцией генерального консула.

За тридцатилетний период, предшествовавший Первой мировой войне, система «завуалированного протектората» так и не оформилась в виде чёткой политической линии, осуществляемой британским правительством. Его действия в отношении Египта отличались непоследовательностью и ситуативным характером. Ситуацию осложняло отсутствие чёткого механизма межведомственной координации, что приводило к определённой неразберихе и конфликтам между Форин офисом, военным и колониальным ведомствами, англо-индийским правительством, а также некоторыми другими структурами британской власти, имевшими свои интересы в долине Нила. В сложившейся обстановке важную роль в реализации политики Великобритании играли непосредственно действовавшие на египетской территории английские чиновники и эксперты. Так одним из главных творцов системы «завуалированного протектората» принято считать Ивлина Бэринга, занимавшего должность британского генерального консула в Каире

с 1883 по 1907 г. и получившего за свои заслуги позднее имя лорда Кромера. Несмотря на имевшиеся сложности, данная система вплоть до Первой мировой войны обеспечивала реализацию основных стратегических и экономических интересов Лондона в Египте. Как отмечает украинский исследователь М. С. Бурьян, её жизнеспособность была обеспечена «тремя факторами: экономической мощью Великобритании, …присутствием британской оккупационной армии и наличием в этой стране контингента официальных представителей Уайтхолла «на местах»»[1].

С формально-правовой точки зрения Египет, тем не менее, продолжал оставаться суверенной частью Османской империи и субъектом международно-правовых отношений. В 1899 г. был введён режим совместного англо-египетского управления (кондоминиума) над Суданом. При этом возглавлявший британскую администрацию в Судане на протяжении четверти века губернатор Ли Стак являлся последовательным сторонником минимизации реального египетского участия в суданской системе управления. Несмотря на предусмотренную соглашениями о кондоминиуме необходимость согласования с правительством Египта ряда вопросов, связанных с формированием бюджета и использованием египетских войск в Судане, британские власти в ряде случаев предпочитали игнорировать данные формальности. Более того, генерал-губернатор Р.Уингейт пытался ограничить влияние Египта даже в традиционной сфере религиозных отношений. За период с 1899 по 1914 г. представителей египетского Законодательного собрания лишь дважды приглашали на официальные мероприятия, проводившиеся в Судане.

Подобная линия, связанная с попытками свести роль Египта в системе кондоминиума к минимуму продолжала осуществляться представителями британских властей и после завершения Первой мировой войны. Несмотря на декларации Уайтхолла о том, что Судан «был и остаётся частью Египта»,

---

[1] *Бурьян М.С.* Египет в политике Великобритании: проблема статуса (последняя четверть XIX-первая треть XX вв.) // Британская империя в XX в. Под ред. Пегушева А.М. и др. М., 2010. С.209.

египтяне продолжали оставаться практически исключенными из системы суданской администрации. Характерную для британских администраторов в данной связи точку зрения, высказал Р. Уингейт, заявивший, что «египетские чиновники и политические деятели, в своей основной массе, являются носителями опасных националистических и панисламистких идей», от которых, по его мнению, нужно всячески ограждать население Судана[1].

В одном из своих последних докладов в должности генерального контролёра лорд Кромер характеризовал египетский национализм как «совершенно нестандартную идею» и «экзотическое для местной почвы растение»[2]. Британское правление, как более «мягкое», с его точки зрения, представлялось Кромеру гораздо более предпочтительным, несмотря на то, что «по смутной и неряшливой, но характерно англо - саксонской привычке» оно «не может выбрать один из двух основных путей – экстенсивную военную оккупацию или принцип национальной государственности»[3].

К началу Первой мировой войны в британском правительстве всё больше утверждалась точка зрения о необходимости юридического закрепления контроля над Египтом. Формальное препятствие на этом пути было снято после вступления Османской империи в войну на стороне Германии. После длительной дискуссии было решено остановиться на «мягком» варианте включения Египта в состав британских владений – 14 декабря 1914 г. он был объявлен протекторатом Великобритании. Однако, данный шаг не снял всей неопределённости в вопросе о статусе египетских территорий. Декларация о введении протектората содержала целый ряд позиций, сформулированных весьма расплывчато и допускавших различные толкования[4]. В письме короля Георга, направленном 21 декабря 1914 г. султану Хусейну, ставшему наследником египетского престола, официально заявлялось о том, что установление в условиях военного времени

---

[1] *Warburg C.R.* Egypt and the Sudan. Studies in History and Politics. L.:Taylor & Francis Ltd, 1985. P. 48-57.
[2] Цит по: *Marlowe J.* Cromer in Egypt. L.: Elen Books, 1970. P. 271.
[3] *Baring, Evelen, Lord Cromer*. Modern Egypt. N.Y.: Macmillan Co, 1908. Vol. 2. P. 237-238.
[4] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 4-7.

английского протектората «призванного способствовать преодолению возможных последствий, которые могут разрушить независимость Египта»[1].

Решение правительства Великобритании было в решающей степени обусловлено той огромной стратегической значимостью, которую Египет, с проходящим по его территории Суэцким каналом, играл в условиях начавшейся войны. На протяжении всего периода военных действий на египетской территории размещалась одна из самых многочисленных группировок британских войск. В Каире располагались важные центры планирования военных и агентурных операций Великобритании на Ближнем Востоке. Их действия, в конечном счете, сыграли важную роль в разгроме Османской империи.

Незадолго до завершения войны, заместитель министра колоний Л. Эмери заявил, что целью Великобритании и других держав Антанты является «освобождение египтян… как и других народов, находящихся под гнётом германской и османской экономической и военной эксплуатации»[2].

14 апреля 1919 г. британская делегация на Парижской мирной конференции издала меморандум, в котором потребовала от Германии признать её протекторат над Египтом и отказаться от притензий на экстерриториальные права в его отношении. Попытка создания в ходе работы конференции международной комиссии по Египту не увенчалась успехом благодаря усилиям Великобритании. В итоге Египет был включён в текст договора лишь в силу признания над ним британского протектората, установленного в 1914 г. При этом, изначально, американская делегация планировала предложить проект предоставления Египту суверенитета. Он был составлен членом делегации профессором Колумбийского университета Дж. Л. Биром. Однако, в итоге, США уступили в этом вопросе в обмен на признание своих особых прав в Либерии[3].

---

[1] The Times, 21st December, 1914. P. 2-3.
[2] Ibid. P. 241.
[3] *Louis W. R.* Op.cit. P. 239.

Ключевым моментом официальной позиции Лондона являлся тезис о временном характере протектората, обусловленного трудностями военного периода, и призванном подготовить Египет к некоему более самостоятельному статусу. Пропагандистская деятельность британских структур, активно осуществлявшаяся в том числе и на египетской территории, была направлена на то, чтобы убедить общественное мнение в исключительно освободительном характере войны со стороны Антанты. В частности, в ходе заседания кабинета министров 9 ноября 1917 г. глава Форин офиса лорд Бальфур сделал следующее заявление: «Мы сражаемся не только за свою цивилизацию, но и за дело тех малых стран, которые развиваются по собственному пути, следуя собственным идеалам и стремясь избегать внешнего вмешательства»[1]. В выступлении премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа, состоявшемся 20 декабря 1917 г. в Палате общин и подробно освещенном крупнейшими мировыми информационными агентствами подчёркивалось: «Мы должны всеми возможными способами акцентировать внимание на том, что конечная цель нашей борьбы - свобода и справедливость во всём мире, которая может быть достигнута путём создания конфедерации больших и малых государств, обладающих равными правами членов Лиги Наций – это тот идеал, за который мы боремся, и мы будем продолжать нашу борьбу с чистым сознанием, чистыми руками и недрогнувшим сердцем»[2].

Подобные заявления способствовали заметным переменам в умонастроениях египетского общества, произошедшим в 1914-1918 гг. Их стержнем стала идея самоопределения, которая к концу войны разделялась практически всеми слоями и фракциями египетского общества, и, в первую очередь, его интеллектуальной частью. Эта идея основывалась на всеобщем ожидании перемен, которые связывались с окончанием войны и многочисленными обещаниями, данными британским правительством. Так,

---

[1] *Jackson T. A.* The British Empire. N.Y., 1921. P. 21.
[2] См: Ibid. P.22.

ещё в начале войны, в интервью одной из американских газет, премьер-министр Египта Рушди-паша выразив полную поддержку Великобритании и согласие с присутствием её войск на египетской территории, заявил о том, что народ страны ждёт неукоснительного выполнения британской стороной своих обязательств относительно ликвидации протектората и предоставления ему права самоопределения. В 1917 г. султан попытался убедить британскую администрацию в необходимости формирования в стране самостоятельного правительства. Эта инициатива нашла поддержку со стороны верховного комиссара Р. Уингейта, но была отклонена руководством Форин Офиса, в сферу компетенции которого входил Египет[1]. К концу же военного периода в Египте сформировалось наиболее консолидированное в арабском мире общественно-политическое движение, добивавшееся независимого статуса для своей страны.

С окончанием военных действий Каир и другие крупные города страны оказались охваченными массовыми выступлениями с требованием предоставления самоуправления. Идеологической основой для этих требований явилась доктрина В.Вильсона, а также опубликованная в ноябре 1918 г. англо-французская декларация, в которой содержалось обещание предоставить самоопределение бывшим владениям Османской империи на Ближнем Востоке. 13 ноября 1918 г., спустя два дня после завершения войны, Рушди-паша с согласия хедива обратился к правительству Великобритании с просьбой разрешить ему, а также другому известному египетскому политику Адли Йегхену Паше начать переговоры о новом статусе Египта. Как отмечалось в одной из публикаций «египтяне рассматривают протекторат исключительно как переходную схему, связанную с выводом Египта из состава Османской империи, в связи с начавшейся войной… Требование независимости основано на многочисленных декларациях английских

[1] *Andrew C. M.* The Great Powers and the Middle East 1919- 1939. L., 1988. P. 164.

государственных деятелей начиная с 1882 г. Данное убеждение не может быть переломлено исключительно с помощью репрессивных мер»[1].

Вместе с тем, одним из основных аргументов в пользу британского присутствия в Египте являлась необходимость обеспечения международного статуса Суэцкого канала. Египет для Великобритании являлся, по словам американского историка Дж. Дарвина «clapham junction» («местом встречи») британских имперских коммуникаций[2]. Как отмечал в 1919 г. лорд Кёрзон, Суэцкий канал и нефтяные месторождения Персидского залива определяли систему британских интересов на Ближнем Востоке, «противодействие угроз которым настоятельно требуют нашего доминирования в регионе»[3].

Роль Великобритании в качестве главного гаранта была признана всеми европейскими государствами, кроме Италии. Даже США, отстаивавшие на Парижской мирной конференции право малых народов на самоопределение, признали в апреле 1919 г. британский протекторат над Египтом. «Нет сомнений, - писал лорд Дерби из Парижа, - что депутация египетских националистов получила реальный ледяной душ, получив письмо от президента Вильсона с согласием на контроль над страной»[4]. Делегация во главе с Заглулом-пашой не встретила понимания и поддержки со стороны ни одной из держав Антанты, кроме Италии. Основой версальского урегулирования в части, касавшейся Египта, являлось признание протектората Великобритании, а также её прав как гаранта по конвенции 1888 г. о Суэцком канале. Данные положения были закреплены в условиях Версальского, Сент-Жерменского, Трианонского и Севрского договоров.

В то же время, в самом британском правительстве на фоне ожидаемой победы, всё более укреплялось стремление не менять сложившийся статус-кво и продолжить осуществление контроля над египетской территорией в прежнем формате. Точку в продолжавшейся в течение нескольких лет дискуссии поставило принятое в феврале 1918 г. военным кабинетом

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol.151. Col.886.
[2] *Darwin J.* The Empire Project: The Rise and Fall of the British Worid-System, 1830-1970. N.Y., 2009. P. 4.
[3] *Porter B.* Op.cit.P. 235.
[4] Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939).Vol.4. P.582.

решение об отказе от прямой аннексии Египта и сохранении статуса протектората. Опорой британского присутствия здесь должен был стать мощный контингент британских вооружённых сил, насчитывавший к началу 1919 г. около 225 тыс. чел.[1]

Приняв, таким образом, принципиальное решение о послевоенной судьбе египетских территорий, кабинет Д. Ллойд-Джорджа ответил категорическим отказом на предложение Рушди-паши. Реакцией на это явились демонстративная отставка премьер-министра, ряда других видных членов правительства Египта, а также принятая в декабре 1918 г. Законодательной ассамблеей страны резолюция об отправке в Париж египетской делегации для участия в работе предстоящей мирной конференции. К тому моменту Рушди-паша, продолжавший, несмотря на отставку, активно заниматься политической деятельностью, смог убедить Р. Уингейта в обоснованности и целесообразности данного шага. Р. Уингейт, посвятивший большую часть своей жизни службе в Египте и прекрасно чувствовавший обстановку в стране, в свою очередь, безуспешно пытался убедить в этом кабинет министров. В конечном счёте, к весне 1919 г. в Лондоне возобладала жёсткая точка зрения, в соответствии с которой действия египетских политических сил воспринимались как аналог «беспорядков» рубежа 1870- 1880- х гг., а, следовательно, должны были быть в корне пресечены.

8 марта 1919 г. Саад Заглул-паша, избранный Законодательной ассамблеей главой египетской делегации (по-египетски «Вафд» - *А.С.*), а также трое других её членов – Мухxамед Паша Махмуд, Исмаил Паша Сидки и Хамад Паша Эль-Бассил были без всяких объяснений арестованы британскими властями и высланы на остров Мальта, где помещены в тюрьму. Данные действия были восприняты большинством египтян как абсолютный произвол и стали точкой отсчёта резкого обострения обстановки

[1] *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East: Imperia Policy in the aftermath of war. 1918-1922. N.Y., 1981. P. 172.

в стране. Каир, Александрия и другие египетские города оказались охваченными невиданной до этого волной беспорядков и насилия.

В ходе беспорядков в Каире и городах дельты Нила было убито два высокопоставленных британских чиновника. 17 марта произошли беспорядки в Фаюме, а на следующий день толпа из 4-х тыс. чел. предприняла атаку на железнодорожную станцию Медикет. Её целью стало здание вокзала, в котором укрылось около двухсот европейцев. Атака, по сообщениям прессы, была с большим трудом отражена спешно прибывшей ротой 46-го Пенджабского полка[1]. В тот же день в Египте произошло событие, глубоко потрясшее британскую общественность. Семеро английских офицеров, возвращавшиеся после краткосрочного отпуска из Фаюма в Каир, были выброшены толпой протестующих из поезда и забиты до смерти. 23 марта подразделения Пенджабского полка отразили очередную атаку на европейский квартал в Ассиуте. Железнодорожное движение на ряде направлений оказалось парализованным[2].

Описывая события, происходившие в Каире в марте 1919 г., начальник городской полиции отмечал в одном из посланий: «Если вы можете представить рисунок… с изображением ада по описанию Данте, а заодно и Французской революции, прибавьте к этому безумный восточный фанатизм. Тогда у вас получится представление об этой толпе»[3]. Вскоре, стихийные антибританские выступления перекинулись из городов на сельские районы страны. Одним из главных центров организации антибританских выступлений стал мусульманский богословский университет Аль-Азгар, в котором на тот момент обучалось более 12 тыс. студентов[4]. По воспоминаниям герцога Этхолла, который в тот период находился на военной службе в Египте, «жизнь в Каире была парализована, и нам

---

[1] *Clayton A.* Op.cit. P.112.
[2] Ibid.
[3] *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи: 1781-1997. М., 2010. С.424-423.
[4] *Исави Ш.* Египет в середине XX в. М., 1958. С.46.

пришлось очищать улицы с помощью индийских солдат под защитой английских штыков»[1].

В результате беспорядков в Египте весной 1919 г. было убито более тысячи египтян, 57 человек было расстреляно, 1,5 тысячи подвергнуты тюремному заключению. С британской стороны потери составили 57 человек убитыми и раненными. Убытки британской казны, связанные с беспорядками в Египте по официальным данным составили 6 млн. ф. ст. Значительные контингенты британских войск, а также флотилии на Ниле и в зоне Суэцкого канала продолжали оставаться вплоть до конца 1921 г.[2] Содержание столь значительных военных сил на египетской территории не вписывалось в планы британского руководства по существенному сокращению военных расходов и побуждало его к поиску принципиально новых политических решений.

Серьёзной проблемой для Уайтхолла являлась также необходимость объяснить для широкой общественности причины столь резкого и внезапного всплеска антиевропейских настроений в стране, население которой, с точки зрения британской пропаганды, должно было быть исключительно благодарным и лояльным в отношении Великобритании. В данной связи в британской политической риторике стал часто фигурировать тезис о том, что основным источником нестабильности в Египте является некий фактор. Так, секретарь комиссии А. Милнера А. Т. Ллойд утверждал, что «антиевропейская пропаганда усилено продвигалась в стране через иностранные каналы…»[3]

18 марта, через десять дней после начала массовых беспорядков, в Палате Общин прошло первое подробное обсуждение событий в Египте. Ряд парламентариев, представлявших оппозицию, в ходе дебатов выступили с критической оценкой деятельности Форин Офиса, возложив на его руководство ответственность за возникший кризис. Представлявший

---

[1] *Lord Lloyd*. Egypt since Cromer. Vol. I . P.791.
[2] *Clayton A*. The British Empire as a Superpower, 1919-1939. L., 1986. P.243.
[3] The Milner Papers. Ed. by C. Headlam. L., 1931-1933. Vol. 2. P. 98.

внешнеполитическое ведомство на парламентских слушаниях М. Уорд комментируя репрессивные действия в отношении членов египетской делегации заявил, что «Правительство Его Величества … несмотря на симпатии к идеям предоставления египтянам широкой доли в управлении страной… не может в данный момент отказаться от своей ответственности … за поддержание порядка и эффективного администрирования в Египте, над которым в 1914 г. был формально установлен британский протекторат, а также защиту прав и интересов местного и иностранного населения»[1].

20 марта с аналитическим докладом в Палате общин выступил помощник главы комитета по международным делам У. Ормсби-Гор, обладавший значительным опытом работы на Ближнем Востоке. Тон его выступления заметно отличался от прозвучавших ранее оценок. У. Ормсби-Гор заявил, в частности, что «…ситуация в Египте представляет беспокойство для всех, кто связан с этой страной, процветанию и прогрессу которой активно способствует британская нация»[2]. Он отметил некоторую двусмысленность британской политики в Египте. Подчеркнув, что среди египтян «стало всеобщим» ожидание отмены протектората, У. Ормсби-Гор обратил внимание на «заметный рост популярности идей самоопределения, участия местного населения в управлении своей страной, которые распространяются как в Европе, так и на Востоке»[3]. С целью разрешения возникшего кризиса он высказался в поддержку скорейших переговоров с египетским правительством, заявив, что очень сожалеет о том, что «до настоящего момента египтянам не было направлено приглашение посетить мирную конференцию, подобно тому, как это было сделано в отношении индийцев…»[4]. Выразив критическую оценку действиям внешнеполитического ведомства, помощник главы комитета по международным делам предложил ряд альтернативных решений, связанных, в частности, с созданием специальной комиссии для переговоров с

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 116. Col. 1880.
[2] Ibid. Col. 2348.
[3] Ibid. Col. 2349.
[4] Ibid. Col. 2350.

египетским правительством, которая должна была состоять не из чиновников Форин Офиса, а из представителей парламента[1]. В завершении своего выступления У. Ормсби-Гор ещё раз подчеркнул господствовавшую среди британской политической элиты точку зрения, согласно которой «будущее нации египтян всецело зависело от британского покровительства и опеки»[2].

Высказывая озабоченность в связи с происходившими в Египте беспорядками британские политики, как правило, акцентировались на необходимости сохранения контроля над Суэцким каналом и обеспечения гарантий британским вложениям в египетскую экономику. Возникший в Египте кризис вызывал беспокойство у британских политиков и в свете возможного срыва масштабных планов по демобилизации армии и сокращению военных расходов. Примечательным, в данном контексте, явилось выступление графа Уинтертона, который подверг критике не только политику Форин Офиса, но и отношение самого парламента к событиям, происходившим на Востоке, выразив, в частности сомнение в глубоком знании многими членами Палаты общин сути процессов происходивших в данный период на Востоке[3]. Важным шагом британского правительства в сложившихся условиях, по мнению Уинтертона, явилось бы немедленное официальное заявление об изменении «формы правительства в Египте. Эта новая форма должна быть установлена немедленно после подписания мирного договора и сочетаться с отменой режима Капитуляций»[4]. Одним из возможных вариантов решения проблемы могло бы стать распространение на Египет будущей системы мандатов Лиги Наций. При этом, по словам Уинтертона, «не должно возникнуть никаких сомнений относительно того кому должен достаться этот мандат….»[5].

В связи с резким обострением ситуации в конце марта 1919 г. верховным комиссаром в Египте вместо Р. Уингейта был назначен

---

[1] Ibid.
[2] Ibid. Col. 2353.
[3] Ibid. Col. 2364.
[4] Ibid. Col. 2366.
[5] Ibid. Col. 2367.

прославившийся в годы войны генерал Э. Алленби, предпринявший по требованию Д. Ллойд-Джорджа энергичные и жёсткие меры по наведению порядка[1]. Для подавления беспорядков в Египте были задействованы значительные военные силы самой Великобритании и её доминионов, использовались артиллерия и бронетехника. Широкомасштабные карательные операции продолжались около месяца[2]. Свои жёсткие действия он объяснял, в том числе, и настойчивыми требованиями со стороны иностранных представителей, требовавших скорейшего наведения порядка в Александрии и других крупных египетских городах[3].

В то же время для многих представителей британской администрации стала очевидной необходимость поиска механизма политического разрешения кризиса. Как отмечал один из английских чиновников, «принципы национализма и желание независимости глубоко въелись во все классы» (египетского общества – *А.С.*), в связи, с чем действия метрополии должны отражать «увеличившееся сочувствие к национальным стремлениям, пока они остаются в рамках закона»[4]. Ситуация в Египте вызывала беспокойство британского правительства и в свете возможного срыва масштабных планов по демобилизации армии и сокращению военных расходов. 27 марта 1919 г., по инициативе Э. Алленби был освобождены арестованные члены египетской делегации, которым была предоставлена возможность направиться в Париж. В обмен на своё освобождение они были вынуждены подписать меморандум, призывавший население страны прекратить массовые беспорядки[5].

Следующим важным шагом, направленным на преодоление возникшего в Египте кризиса, явилось принятое британским правительством в конце мая решение о создании специальной комиссии в задачу которой входило составление проекта египетской конституции. По сути, этот проект,

---

[1] *Jones T*. Lloyd George. L., 1951. P. 263.
[2] *Monroe E*. Britain's Moment in the Middle East 1914-1971. Baltimore, 1981 P.46.
[3] The Manchester Guardian. 1919. 31st Jul. P.1.
[4] *Monroe E*. Op. cit. P. 46.
[5] *Lord Lloyd*. Egypt since Cromer. N.Y., 1970. Vol. II. P. 264.

так же как и реформа Челмсфорда – Монтэгю в Индии, должен был стать попыткой создания новой, несколько завуалированной формы колониального правления.

В результате длительной дискуссии в Парламенте было принято решение передать деятельность этой комиссии из сферы компетенции Форин офиса, который с точки зрения многих депутатов дискредитировал себя предыдущими действиями в Египте, колониальному ведомству. Его глава лорд Милнер был назначен руководителем комиссии. Он, как и Э. Алленби, активно лоббируя идею реформы, многократно подчёркивал необходимость сохранения британского контроля над Египтом, считая египтян неспособными к самостоятельному управлению. В то же время он полагал, что лишь конституционная реформа сможет успокоить обстановку в стране. В одной из бесед лорд Милнер заявил главе кабинета: «…трудно сделать так, чтобы отношения Египта и Великобритании казались более независимыми и наполненными чувством достоинства без отказа от нынешней степени контроля. А её, ввиду местной некомпетентности и коррупции мы вынуждены поддерживать»[1]. В то же время он высказывал твёрдую убеждённость в том, что лишь введение элементов самоуправления позволит избежать дальнейшего нарастания кризиса.

Важными с точки зрения характеристики настроений британской политической элиты явились слушания по ситуации Египте, состоявшиеся в Палате лордов 15 мая 1919 г. Представлявший внешнеполитическое ведомство лорд Кёрзон выступил с официальным заявлением, в котором заявил о восстановлении порядка в большинстве египетских провинций, оговорившись, что «в городах, особенно в Каире продолжаются некоторые беспорядки, которые подавляются силой»[2]. По его словам «Британское правительство было всегда готово к диалогу с египетскими министрами или другими египетскими представителями… Мы никогда не предпринимали

[1] *Morris J.* Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978. P. 208.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 113. Col. 673.

серьёзных административных и конституционных изменений без учёта египетских интересов…»[1]. Кроме звучавшей уже неоднократно констатации достижений, которых Египет добился под британской протекцией, Керзон пожалуй впервые попытался дать официальный анализ причин произошедших беспорядков. По его словам, «Египет вряд ли мог оказаться в стороне от общей волны недовольства, волнений и смутных политических ожиданий, охватившей весь мир в результате четырёхлетнего кризиса»[2].

Характеризуя причины роста антибританских настроений, представитель Форин Офиса отмечал: «Среди интеллектуальных классов возникло недовольство по поводу того, что Египет, в отличие от Индийской империи и Арабского королевства Хиджаз, не был допущен на Парижскую мирную конференцию. Всеобщее разочарование было вызвано тем, что Сааду Заглулу и его группе не было первоначально позволено направиться в Европу и защищать дело египетской независимости…»[3]. Выступление лорда Кёрзона вызвало оживлённую дискуссию и новую серию критических замечаний в адрес правительства, которое оказалось неспособно предотвратить массовые беспорядки, возникавшие, в том числе и на этноконфессиональной почве. При этом некоторые британские политики пытались найти объяснения внезапно вспыхнувшему недовольству египтян в подрывной деятельности неких внешних сил, в частности, сторонников свергнутой в Турции младотурецкой партии[4].

19 мая 1919 г. в Палате общин началось обсуждение вопроса о подготовке специальной комиссии для изучения ситуации в Египте. Наиболее важным итогом дискуссии стало сделанное У. Ормсби-Гором предложение о создании отдельного ведомства, которому должны были быть переданы функции контроля над Египтом, Суданом, Сомалилэндом, Аденом, протекторатами Персидского залива, Месопотамией, Кипром и Палестиной[5].

---

[1] Ibid. Col. 674.
[2] Ibid. Col. 675.
[3] Ibid.
[4] Ibid.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 117. Col. 167.

Через два дня Форин Офис официально объявил о формировании нового египетского правительства, а также планируемом созыве новой Законодательной ассамблеи Египта[1]. В тоже время начало деятельности специальной комиссии было решено отложить до осени. За этот период администрация Э. Алленби должна была осуществить предварительный сбор информации, а британское правительство окончательно определиться с её составом[2].

9 июля С. Хармсворз выступил в Палате общин с новым подробным отчётом о ситуации в Египте, отметив, что «для восстановления законности и порядка» в египетские провинции «были направлены мобильные колонны»[3]. В результате активных действий британских войск обстановка на большей части египетской территории, по его словам, нормализовалась. В то же время, представитель внешнеполитического ведомства выразил беспокойство в связи с забастовкой рабочих в зоне Суэцкого канала, а также «продолжающейся агитацией в университете Аль-Азгар»[4].

Спустя неделю Форин Офис обнародовал предварительный список членов специальной комиссии, в состав которой кроме чиновников самого внешнеполитического ведомства должны были войти и некоторые члены британского парламента[5]. Представителей правительства Египта и основных египетских политических сил на данном этапе к деятельности специальной комиссии было решено не привлекать.

На фоне сохранявшейся в Египте нестабильности, 18 августа британский парламент приступил к окончательному обсуждению состава и основных задач специальной комиссии. В проекте, подготовленном Форин Офисом отмечалось, что главным направлением её деятельности должно стать « изучение причин недавних беспорядков… и обобщение нынешней ситуации в стране, а также формирование конституционного устройства, при

---

[1] Ibid. Col. 1996.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919), vol. 34. Col. 168-169.
[3] Ibid. Col. 1799.
[4] Ibid. Col. 1800.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 118. Col. 570-571.

котором Протекторат может рассчитывать на мир и благополучие, а также прогрессивное развитие институтов самоуправления»[1].

Главным итогом длительной дискуссии в парламенте явилось решение о передаче контроля над деятельностью этой комиссии из сферы компетенции Форин Офиса министерству по делам колоний, глава которого лорд Милнер был назначен её руководителем. Он, как и Э. Алленби, активно лоббируя идею реформы, многократно подчёркивал необходимость сохранения британского контроля над Египтом, считая египтян неспособными к самостоятельному управлению. Тем не менее, он полагал, что лишь конституционная реформа сможет успокоить обстановку в стране. В одной из бесед лорд Милнер заявил Д. Ллойд-Джорджу: «…трудно сделать так, чтобы отношения Египта и Великобритании казались более независимыми и наполненными чувством достоинства без отказа от нынешней степени контроля. А её, ввиду местной некомпетентности и коррупции, мы вынуждены поддерживать»[2]. В то же время он высказывал твёрдую убеждённость в том, что лишь введение элементов самоуправления позволит избежать дальнейшего нарастания кризиса.

Деятельность комиссии, прибывшей в Египте в конце 1919 г., с самого начала происходила в весьма сложных условиях. Практически все египетские политические силы объединились вокруг идеи её бойкота. Этот бойкот ещё более усилился вследствие событий, происходивших на мирной конференции. Вопреки надеждам и ожиданиям многих египтян, их представители так и не были выслушаны представителями держав – победительниц. Более того, под влиянием британской делегации, квалифицировавшей события в Египте как «националистический бунт, грозивший массовым избиением христиан и европейцев»[3], в текст Версальского договора было включено положение, фактически санкционировавшее сохранение его статуса в качестве протектората

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1919), vol. 119. Col. 1896.
[2] *Morris J.* Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978. P.208.
[3] *Hyam R.* Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968. Cambridge, 2006. P. 93.

Великобритании. Реакцией на это стала новая волна антибританских выступлений, в которых участвовали различные слои египетского населения. Показательным событием, в данной связи явилось письмо, направленное членам комиссии представителями королевской семьи, в котором выражалась полная поддержка требования о независимости Египта[1].

Не оправдалась и надежда британских властей использовать потенциальные противоречия между различными религиозными фракциями египетского населения. Глава христианской коптской церкви официально заявил о полной солидарности с представителями мусульманской общины в отношении требования о ликвидации режима протектората. В ответ на призыв А. Милнера объединить усилия с британскими властями в поисках выхода из политического кризиса, Великий муфтий Каира высказался категорическим образом: «Египтяне не примут протекторат, и не пойдут ни на какие дискуссии … за исключением вопроса о независимости.… Вся нация требует независимости и будет невозможно говорить о каких-либо вещах» [2].

Прибыв в Египет в декабре 1919 г., миссия направилась из Порт-Саида в Каир на бронепоезде, который сопровождало несколько военных самолётов. Изначально А. Милнер был уверен в необходимости сохранения существующего статуса Египта, полагая, что он со временем «станет такой же частью Империи как Индия или Нигерия». Однако, оказавшись на месте, миссия столкнулась с массовым бойкотом и масштабными акциями протеста. «Мы должны честно взглянуть на египетскую проблему, - заявил А. Милнер, - и мы должны принять все необходимые меры, которые возможны в данной ситуации»[3]. После длительных и сложных переговоров с представителями умеренных египетских политических сил, миссия Милнера пришла к выводам, сформулированном в опубликованном в августе 1920 г. отчёте. Главным из них стало признание необходимости изменения статуса Египта и

---

[1] *Gibbons H. A.* Op. cit. P. 107.
[2] *Jones T.* Lloyd George. L., 1951. P. 263.
[3] Egypt Parliamentary Committee. The Milner Report. L., 1921. P. 17.

признание его формальной независимости в обмен на заключение полномасштабного военно-политического альянса с Великобританией. Данный механизм получил в прессе обозначение «формулы Милнера – Заглула». Согласно оценкам некоторых экспертов, успешное завершение переговоров оказалось возможным как в результате отсутствия, на тот момент, единства среди египетских политических сил, так и вследствие жёсткой позиции британского военного руководства, заявившего о принципиальном отказе от любых планов, связанных с передачей контроля над Суэцким каналом и сокращением военного присутствия в его зоне.

Фактические итоги консультаций, которые велись комиссией Милнера с представителями «Вафд» и крупных политических движений Египта оказались весьма скромными. Идея введения ограниченного конституционного режима при сохранении статуса протектората была категорически отвергнута практически всеми из них. Тем не менее, не смотря на фактический бойкот своей миссии, А. Милнер не прекращал попыток продолжить переговоры вплоть до официального завершения деятельности комиссии в августе 1920 г. Уже после своего возвращения в Лондон, глава колониального ведомства попытался вновь убедить Заглул-пашу принять британский вариант соглашения, предполагавший отмену протектората на условиях сохранения в Египте британского военного присутствия. Однако и этот раунд переговоров завершился неудачно.

Итоговый доклад комиссии Милнера, обнародованный осенью 1920 г. вызвал критическую реакцию со стороны многих британских политиков, в том числе, членов правящего кабинета, несмотря на содержащийся в нём принципиальный тезис о сохранении Египта в качестве «части Британской империи» [1]. Несмотря на то, что данный проект, поддержанный Э. Алленби и частью руководства Форин офиса, предусматривал сохранение за Великобританией весьма широких функций на территории Египта, включая сферы внешних сношений, обороны и финансов, он вызвал крайне

[1] *Lord Lloyd*. Op. cit. P. 264.

настороженное отношение со стороны многих британских политиков. На фоне событий в Ирландии и Индии, ведущие государственные деятели Великобритании, включая самого премьер-министра, стремились избежать новых обвинений в предательстве имперских интересов. План реформирования системы управления Египтом обсуждался примерно в течение года. За этот период он подвергся существенной корректировке, призванной гарантировать незыблемость стратегических интересов метрополии. Несмотря на это, действия правительства в Египте, как и вся её имперская политика, продолжали оставаться объектом критики со стороны радикальных консерваторов, упрекавших Д. Ллойд-Джорджа в «ослаблении воли к власти» и предрекавших скорый распад империи[1]. Значительная часть британской политической элиты воспринимала данные события как гибель традиционного типа имперского правления, который «умирал в Индии и разлагался в Египте»[2]. Сам глава кабинета занял осторожную позицию, высказавшись в пользу поэтапной «реализации в Египте модели ограниченного самоуправления»[3].

Итоги деятельности комиссии А. Милнера получили неоднозначную оценку в британских политических кругах. Оппозиционно настроенные члены Палаты общин, характеризовали их как политическую ошибку кабинета Д. Ллойд-Джорджа, поскольку ей не удалось реализовать свою главную задачу – наладить диалог с ведущими египетскими политическими силами. В тоже время среди представителей британской политической элиты сложилось твёрдое убеждение в том, что в египетском общественном мнении однозначно преобладают «националистические настроения» и единственной реальной силой действительно способной представлять его интересы, являлись вафдисты во главе с Заглулом-пашой. Исходя из этого единственным выходом из сложившегося политического тупика виделся

[1] *Darwin J.* Op. cit. P. 155.
[2] *Брендон П.* Указ.соч. С.425.
[3] *Darwin, J.* The End of the British Empire: The Historical Debate. Basil Blackwell, 1991. P. 33-34.

поиск принципиально нового формата соглашения, который учитывал бы существенные изменения в умонастроениях египтян.

Столь продолжительная дискуссия явилась результатом столкновения позиций Форин офиса, колониального ведомства, аппарата верховного комиссара в Каире и противостоящей им мощной консервативной оппозиции. Проблема дальнейшей политической судьбе Египта в этих условиях была во многом связана с сохранением хрупкого баланса сил между сторонниками и противниками реформы внутри британской элиты. Неопределённость в её решении являлась причиной сохранения напряжённости на египетской территории. Несмотря на заметное снижение интенсивности антибританских выступлений по сравнению с мартом 1919 г., правительство Великобритании было вынуждено приостановить реализацию программы сокращения численности войск на египетской территории, что, в свою очередь ставило под угрозу осуществление планов уменьшения бюджетного дефицита.

В меморандуме, представленном 14 февраля 1921 г. главой Форин офиса лордом Кёрзоном и озаглавленном «Ситуация в Египте», отмечалось: «Египтяне поражают нас тем суеверным и безумным значением, которое они придают понятию протектората. В их глазах это имеет значение подчинённого положения, несовместимого с великим вильсонианским открытием самоуправления в качестве будущего основного принципа человечества… Я думаю, что мы все должны принять во внимание тот факт, что Египет может оказаться скорее вне, чем внутри британской имперской системы. Лучшим выходом, в данной связи, стал бы полный отказ от понятия «протектората» и заключение с ним договора, подобно тому, как мы это делали сто лет назад с индийскими принцами»[1].

Продолжавшаяся компания бойкота периодически перерастала в столкновения протестующих с полицией и войсками, приводивших к многочисленным человеческим жертвам. Крупная эскалация насилия в Каире

[1] *Louis W. R.* Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. N.Y., 2006. P. 272.

Александрии и других крупных городах произошла, в частности, в декабре 1921 г. В ходе беспорядков в Александрии в течение двух дней погибло в общей сложности 25 человек, среди которых оказался итальянский подданный, сожжённый заживо. Британские войска, включая танковые подразделения, были вызваны в Александрию лишь к концу второго дня массовых протестов. На фоне этих беспорядков, в декабре 1921 г. был повторно арестован и депортирован Заглул-паша. Лидер «Вафд» был выслан на сей раз на Сейшельские острова. В Каире были размещены две пехотные и одна кавалерийская бригада, а также три артиллерийских батареи и танковые подразделения. В крупные порты прибыли британские военные корабли. Для контроля над сельской периферией была использована впервые использована схема воздушного контроля, разработанная генералом Тренчардом[1].

Ответом на протесты новые репрессии, новый арест и высылку из страны главы «Вафд» Саада Заглул-паши. В то же время, британские структуры продолжали оказывать на египетское правительство мощное давление, побуждая согласиться на сохранение оккупационного статуса. Лондон стремился любыми средствами продемонстрировать своё стремление сохранить Египет в составе британских владений, решив, в частности, провести очередную имперскую конференцию, посвящённую ближневосточным проблемам, в марте 1921 г. именно в Каире.

Одним из следствий событий в Александрии, напрямую угрожавших британским интересам, явилась возможная угроза вмешательства других европейских государств. Согласно сообщениям из дипломатических источников, в момент вспыхнувших беспорядков, в порт Александрии прибыл итальянский военный корабль с войсками на борту. Консул Италии в Александрии заявил о готовности применить силу для защиты находившихся в городе итальянцев и их собственности, в случае, если британские силы окажутся не способными навести порядок в городе. С аналогичными по

[1] *Clayton A.* Op.cit. P. 115.

смыслу заявлениями выступили представители правительств Франции и Греции[1].

На фоне обострения ситуации, в британских политических кругах стала всё чаще звучать критика в отношении провозглашённой А. Милнером концепции «построения Англии в Египте». По мнению ряда членов Парламента, оккупация, приносившая ранее прибыль «превратилась в источник головной боли ввиду растущего в Египте национализма, при том, что дальнейшее присутствие Британии в Египте защищать становилось всё труднее[2]».

Дискуссии вокруг перспектив возможного заключения двустороннего договора с самого начала носили крайне сложный характер, поскольку наталкивались на сопротивление большинства египетских политических сил. Переговоры между главой Форин офиса лордом Кёрзоном и премьер-министром Адли Якан-пашой, начавшиеся весной 1921 г., были прерваны в марте 1922 г. в связи с отставкой главы египетского правительства. Возникший вследствие этого политический кризис сопровождался новым всплеском антиправительственных и антибританских выступлений, а также ответными репрессивными действиями, в рамках которых был повторно депортирован лидер «Вафд» С. Заглул-паша[3].

В течение осени-зимы 1921-1922 гг. британская политическая элита продолжала попытки добиться выгодного для себя разрешения египетской проблемы. В условиях нараставшего внутри империи кризиса, а также сложной обстановки внутри самой метрополии она было вынуждено идти на существенные уступки. Итогом длительных дискуссий явилось решение о ликвидации статуса протектората и предоставлении Египту формальной независимости с одновременным заключением двустороннего договора, закреплявшего «особые» интересы Великобритании в стране.

---

[1] Document on British Foreign Policy. Ser. 1 (1918-1939), vol. 13. P.301-302.
[2] *Саид* Э.Ук. соч. С. 50-55.
[3]. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, (1922), vol. 49. Col. 236-241.

Данное решение было оформлено в виде декларации, обнародованной 28 февраля 1922 г. Объявление о независимости Египта сопровождалось четырьмя принципиальными оговорками, существенно ограничивавшими внешний и внутренний суверенитет египетского государства[1]. Тем не менее, сам факт признания де-юре независимого статуса Египта, стал важным свидетельством глубоких изменений в британской колониальной стратегии. Её важнейшей составляющей становится отказ от попыток сохранения прежней системы администрирования и переход к более гибким и завуалированным формам контроля над стратегически и экономически важными владениями. Отказ от традиционных, в основном силовых методов реализации своих имперских интересов, в свою очередь, стал ключевой предпосылкой последующего постепенного демонтажа крупнейшей в истории колониальной системы.

§ 4.2. Эволюция модели «завуалированного протектората» в 1920-х гг.

Комментируя обнародованную 28 февраля 1922 г. правительственную декларацию, Д. Ллойд-Джордж отмечал: «Мы утверждали и продолжаем утверждать, что протекторат не является удовлетворительной формой отношений между Британской империй и Египтом, но вследствие специфической географической позиции Египта, протекторат не может быть завершён до тех пор, пока британские имперские интересы полностью не гарантированы... Поскольку ни одно египетское правительство ни смогло предоставить нам такого рода гарантии, правительство Великобритании приняло решение действовать в одностороннем порядке… Принятая Декларация нашла полную поддержку со стороны лорда Алленби и британских чиновников всех рангов, действующих при египетском

[1] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 100.

правительстве. Мы выражаем надежду, что она найдёт поддержку и со стороны Парламента, а также британского общественного мнения»[1].

Декларация содержала три ключевых пункта. Британское правительство признавало свободу Египта «в учреждении такого рода установлений, которые в наиболее полной мере соответствуют настроениям людей»... Предусматривалась постепенная отмена существовавшего в стране военного положения. Но наиболее важным пунктом документа являлось установление «специальных отношений между правительством Его Величества и Египтом»… Данная формулировка предусматривала, что под контролем Великобритании останутся четыре важнейших сферы: контроль над стратегическими коммуникациями, в первую очередь, Суэцким каналом, «защита Египта от любых форм иностранной агрессии и иностранного вмешательства», защита прав иностранных подданных и представителей национальных меньшинств на египетской территории и управление Суданом.[2]

Основным смыслом принятой Декларации Д. Ллойд-Джордж назвал признание британским правительством независимости Египта…, но при этом было особо подчёркнуто, что «Правительство Его Величества обозначило определённые пункты, касающиеся жизненных интересов Британской империи, и оно не может допустить, чтобы они были оспорены любой другой державой»[3]. Сходной аргументации придерживались и другие представители британской политической элиты. Так, в ходе дебатов в Палате лордов 14 марта 1922 г., один из лидеров консервативной фракции лорд Крю заявил, что сохранение присутствия Великобритании в Египте, помимо защиты имперских интересов, призвано «гарантировать интересы иностранных граждан от вспышек фанатизма и расовых предрассудков, которые в прошлом вызывали серьёзные инциденты…»[4]

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151. Col. 271-273.
[2] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P.103.
[3] The Morning Post. 1922. 3rd March. P.2.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151. Col. 2009.

Провозглашение независимости Египта, также как и создание, примерно в тоже время иракского государства, рассматривалось в британских политических кругах как важный шаг, направленный на сохранение и укрепление влияния Великобритании в арабском мире. «Следует принять во внимание важность данной декларации, - отмечалось в одной из публикаций, - которая состоит не только в их моральном смысле, но и в том глубоком эффекте, который она оказала на умонастроения египетского населения… Результатом длительных переговоров между лордом Керзоном и Адли Якин-пашой явилось принципиальное признание независимости Египта с учётом определённых прав, которые египтяне должны признать сферой наших интересов. Исходя из этого, мы можем назвать данное событие поворотным моментом в нашей политике в Египте последних лет»[1].

Одним из важных аргументов в пользу отказа от модели формального протектората, явились, кроме того, и финансовые соображения. Согласно представленным в Парламенте официальным данным, расходы британской казны в Египте в 1918-1922 гг. составляли от 6 до 12 млн. ф. ст. ежегодно. При этом максимальных значений они достигли в период массовых беспорядков 1919 г.[2]

На основании декларации 1922 г. Великобритания несколько ограничила военное присутствие в Египте. Одна бригада была оставлена в Каире, другая дислоцировалась в районе Суэцкого канала. В то же время продолжали на египетской территории продолжали функционировать базы британских ВМФ и ВВС. В полном объёме сохранялись и полномочия верховного комиссара. Уайтхолл сохранял прежний контроль над египетскими вооружёнными силами и авиацией, а также железнодорожной системой и телеграфом[3].

---

[1] Belfast News Letter. 1922. 11th May. P.8.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151. Col. 2127.
[3] *Setton-Williams M.V.* Britain and the Arab States. A Survey of Anglo-Arab Relations, 1920-1948. L., 1948. P.270.

При некоторой разнице в оценках, представители ключевых британских политических сил сходились в важности обеспечения контроля над Египтом, как «ключевым звеном, обеспечивающим связь между западным и восточным сегментом Империи», а также полагали необходимым сохранить «важную патерналистскую роль Великобритании в развитии различных направлений социально-экономической сферы египетского общества…»[1]

С определёнными критическими замечаниями в отношении репрессивных действий в Египте выступали лишь представители Лейбористской партии. Они, в частности, возражали против депортации с египетской территории Заглула-паши и его сторонников, а также подвергали критике использование авиации для подавления беспорядков. Основой восстановления порядка в Египте лейбористы видели в прекращении чрезмерных, по их мнению, репрессий, возвращении депортированных и налаживании с ними полноценного диалога. «Если мы хотим добиться мира, основанного на полноценном соглашении, - отмечалось в одной из лейбористских публикаций, - первоочередным шагом должно стать возвращение Заглула-паши…, а также отмена военного положения, а также предоставление египтянам свободной возможности избрать Учредительное собрание, которое будет полномочно вести переговоры с Великобританией». «Предоставление независимости Египту полностью соответствует не только интереса египтян, но и интересам самой Великобритании». Представители Лейбористской партии при этом, указывали и на возможный позитивный эффект признания египетской независимости для британской экономики. Ссылаясь на оценки экспертов Торговой палаты, они указывали на то, что в случае стабилизации ситуации в Египте, британский бизнес сможет ежегодно получать до миллиона ф.ст. дополнительной прибыли от инвестиций, вложенных в экономику этой страны… Сходной позиции придерживалась и

[1] The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk.(дата обращения: 20.10. 2013).

часть представителей Либеральной партии, исходивших из классической либеральной оценки, основанной на критическом восприятии любых масштабных колониальных проектов. Подобная критика дала основание некоторым британским политикам, в частности Н. Чемберлену обвинить лейбористов и часть либералов в попытке подорвать единство правительственной коалиции[1]. В частности, представитель консерваторов в Палате общин полковник У. Веджвуд упрекнул лейбористов в «невежестве», несмотря на то, они разделяли общую позицию относительно особой роли Египта в системе имперских коммуникаций, связывавших метрополию с Индией, Австралией и другими восточными владениями.

Анализируя дискуссию, возникшую в связи с Декларацией от 22 февраля, один из британских политических обозревателей отмечал: «У нас есть достаточно чётко сформулированные интересы в Египте. Два из них имеют материальную основу. Во-первых – это необходимость любой ценой удержать под нашим контролем Суэцкий канал. Во-вторых – не допустить появления в данном, стратегически важном для нас регионе, влияния других держав. Третья позиция имеет нематериальную основу и сводится к наличию наших моральных обязательств и ответственности за развитие Египта»…Данные «обязательства» имели, в своей основе, твёрдую убеждённость большей части британской политической элиты в том, что Египет является одним из главных примеров успешной реализацией Великобританией своей «цивилизаторской» миссии. По словам одного из представителей Консервативной партии в Палате общин У. Веджвуда «британский интерес к Египту намного шире интереса к Суэцкому каналу. Этот интерес связан с нашим добрым именем. Он боле широк, чем стремление к миру и является стремлением к дружбе»[2]. В тоже время, среди британских политических деятелей постепенно формировалась убеждённость в необходимости выработки консолидированной позиции по вопросу англо-

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151. Col. 2028.
[2] Ibid. Col. 2069.

египетских отношений, равно как и по другим ключевым проблемам имперской политики.

В условиях полемики, вызванной отменой протектората, ключевым аргументом правительства продолжал оставаться тезис о незыблемости британского контроля над Суэцким каналом. В одном из заявлений представителей кабинета, сделанных в марте 1922 г. подчёркивалось: «Наше господство в Индийском и Тихом океанах зависит от нашего контроля над Египтом более чем во времена Наполеона»[1]. Наряду со своим важным стратегическим положением, Египет рассматривался и как важное звено в системе британских экономических интересов, поскольку обеспечивал значительной частью сырья текстильную промышленность Ланкашира. Кроме того, в документе указывалось и на растущую зависимость индийской промышленности от поставок сырья из Египта и Судана, в условиях когда «развитие производства хлопка в Ираке пока остаётся в стадии планирования…Британская кровь и британский капитал, энергия британских проконсулов не позволяют нам допустить того, чтобы эти ресурсы попали в руки… Японии, Соединённых Штатов, Германии и других государств, нуждающихся в хлопковом сырье…» Согласно приведённым оценкам, общий объём британских капиталов, вложенных в развитие ирригационных систем, создание хлопковых плантаций, строительство железных дорог и иных видов инфраструктуры, превышал 6 млн. ф. ст. При этом в документе делалась отдельная ссылка на 6-й пункт отчёта А. Милнера в котором отмечалось, что в независимости от возможного изменения статуса, Египет останется «неотъемлемой частью Британской империи»[2].

В ходе дебатов в Палате общин в марте 1922 г. «обозначилась принципиальная разница в позициях основных партий относительно путей разрешения египетского вопроса… Лейбористская партия выступила с решительной поддержкой требований Заглул-паши относительно создания

[1] Ibid. Col. 2109.
[2] Ibid. Col. 2127.

ответственного египетского правительства». В тоже время ряд консерваторов критиковали правительственную политику как «нерешительную и неуклюжую», и, как отмечалось в информационном сообщении советского полпреда в Лондоне, «обвиняли премьер-министра в игнорировании жалобы членов партии от Ланкашира», поданной 15 марта, в которой выражалось беспокойство относительно неопределённости ситуации с британскими интересами в Египте на фоне растущей конкуренции в сфере производства хлопковых тканей со стороны Японии и Германии. Нестабильность в Египте и Судане могла, по их мнению, привести к прекращению поставок длинноволокнистого хлопка и вызвать для британской промышленности хлопковый голод, сопоставимый с произошедшим в период гражданской войны в США[1].

16 марта 1922 г. Уайтхолл сделал специальное заявление, в котором подчёркивалось, что Великобритания будет расценивать «любое вмешательство в дела Египта как недружественный шаг»[2]. Кроме того, в нём заявлялось о намерении британского правительства отменить введённый после беспорядков 1919 г. режим военного положения, а также связанную с ним деятельность военно-полевых судов[3].

В поисках оптимальной модели контроля над Египтом британские политики и эксперты обращались и к иностранному, в частности, французскому опыту колониального администрирования. Отмечалась, в частности, принципиальная разница в самой организации колониальной системы, связанная с тем, что «французы рассматривают население колоний и протекторатов как равных и убеждают их в том, что они не являются подчинёнными…» Исходя из этого, делался вывод о необходимости сформировать у жителей британских владений «ощущения сочувствия», без которого все «азиатские владения и протектораты будут неизбежно потеряны». Исходя из этого отмечалась необходимость «предоставить

[1]АВП РФ. Ф. 69, оп. 10, папка 25, дело 79, л..98.
[2] Там же.
[3] Там же. Ф. 69, оп. 14, папка 47, л. 41.

жителям Египта» право создать «собственные представительные структуры», с которыми «возникнет перспектива ведения эффективных переговоров», поскольку «лица, назначенные Султаном, не пользуются общественным доверием и рассматриваются как английские ставленники»[1].

Несмотря отмену протектората, в египетском обществе сохранялась серьёзное недовольство британским контролем и военным присутствием в стране. Предпринятые Э. Алленби превентивные меры, связанные, в частности, с высылкой из Египта Заглул-паши и видных членов «Вафд», не смогли предотвратить продолжение в крупных городах протестных акций. Представители радикальных группировок перешли к тактике индивидуального террора, совершая нападения на британских чиновников и представителей других западных государств[2]. Объявленная готовность британских властей к проведению в Египте свободных выборов, не привела к отмене в стране военного положения и чрезвычайных законов, введённых после беспорядков 1919 г., и предусматривавших различные наказания, включая смертную казнь, за участие в протестных акциях[3]. В то же время, британское правительство, в рамках общей программы сокращения вооружённых сил, было вынуждено постепенно уменьшать масштабы своего военного присутствия на египетской территории. В течение 1922 г. из Египта было выведено 12800 британских военнослужащих[4].

Весной 1923 г. в Александрии и некоторых других египетских городах вновь вспыхнули протестные акции, которые британские власти связали, в том числе и с влиянием внешних сил. 18 марта были проведены аресты ряда лидеров и активистов Коммунистической партии Египта, а также связанной с ней Всеобщей федерации профсоюзов[5].

По итогам прошедших после приятия 19 апреля 1923 г. конституции страны парламентских выборов было сформировано новое правительство

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151. Col. 2118.
[2] Ibid. Vol. 154. Col. 1668.
[3] Ibid. Vol. 157. Col.1005-6.
[4] Ibid. Vol. 159. Col. 2608-9.
[5] Ibid. Vol. 154. Col. 1669.

Египта. Уайтхолл выразил формальную поддержку происходивших в стране политических изменений, подчеркнув, что «…Правительство Его Величества продолжает считать себя связанным положениями соглашения от 28 февраля 1922 г.»[1]. Британская сторона при этом декларировала готовность вступить в переговоры, уважая будущие отношения между этими двумя странами. Несмотря на критику со стороны оппозиции, и, в частности - некоторых представителей от Либеральной партии, правительственные чиновники подтвердили стремление сохранить основы системы управления, «созданной трудами лорда Кромера»[2]. Отмечалась также принципиальная важность итогов деятельности комиссии А. Милнера.

В соответствии с соглашением от 22 февраля 1922 г. на территории Египта сохранялось присутствие контингента британских войск. Основной задачей британских войск являлся контроль над зоной Суэцкого канала. С этой целью они были расквартированы в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце. Кроме того, британский контингент отвечал за поддержание порядка в ключевых египетских городах – Каире и Александрии, а также должен был обеспечивать защиту населённых пунктов и железнодорожных коммуникаций от возможных набегов кочевников - бедуинов[3]. В 1924-1925 финансовом году на содержание войск и военной инфраструктуры в Египте из британского бюджета было выделено 2747200 ф.ст. Кроме того, египетским правительством на эти цели было выделено дополнительно £150000 ф.ст. [4] Военное присутствие Великобритании было тесным образом связано с Суэцким канал, который продолжал оставаться важнейшим объектом британских интересов в Египте. Наряду со своим стратегическим значением, канал являлся и важным источником коммерческой прибыли. По состоянию на май 1923 г. доля британского правительства в акционерном капитале управлявшей каналом компании составляла 160101

[1] Ibid. Col.905.
[2] Ibid. Col.1005-6.
[3] Ibid. Col.913.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 176. Col.3115.

первоначальную акцию, общая рыночная стоимость которых составляла 19206335 ф.ст.[1]

Британское правительство продолжало также выступать гарантом деятельности иностранного капитала на египетской территории, а также выполнения Египтом своих долговых обязательств. В соответствии с условиями соглашения 1922 г. британское правительство оставалось гарантом выплаты иностранным кредиторам долгов Египта по кредитным договорам 1855, 1891 и 1894 гг.[2] В экономическом плане, несмотря на формальный суверенитет, провозглашённый в соглашении от 22 февраля 1922 г., Египет продолжал оставаться в абсолютно зависимом положении. Крупнейшие торговые компании страны, находившиеся в Каире и Александрии находились под контролем британских, итальянских, французских, греческих, индийских, мальтийских, сирийских компаний.

В январе 1924 г. на первых, после введения египетской конституции, парламентских выборах уверенную победу одержала партия «Вафд». Лидер партии Заглул-паша настаивал на полном выводе британских войск из Египта и включении Судана в состав египетского государства. На фоне успеха вафдистов в Судане произошли столкновения между британскими и египетскими подразделениями, достигшие своей кульминации в ходе хартумского восстания в ноябре 1924г. и убийства британского верховного комиссара Ли О.Ф. Стэка[3]. После этих событий Заглул-паша был отправлен в отставку. Власть перешла к королю и более умеренным политическим деятелям, представлявшим, в основном либерально-конституционную партию.

Пришедший к власти в начале 1924 г. лейбористский кабинет Р. Макдональда заявил о категорическом отказе выполнить требования Заглула-паши относительно вывода британских войск на территорию Палестины. В послании лидеру «Вафд» глава британского кабинета особо подчеркнул, что

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 163. Col.1209.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1925), vol. 177. Col. 712-713.
[3] Ibid. P.130.

«вся британская имперская стратегия зависит от Суэцкого канала и британское правительство в любой момент готово защитить их всеми доступными средствами»[1].

Весьма резонансным событием, вызвавшим резкую реакцию со стороны британских правительственных структур, и, в первую очередь, Форин офиса, явилась публикация 19 декабря 1924 г. в советской газете «Правда» специального манифеста исполкома Коминтерна. В документе, подписанным его председателем Г. Зиновьевым, кабинет Р. Макдональда обвинялся в военных преступлениях против египетского населения, в том числе, в бомбардировках и авиационных обстрелах населённых пунктов и объектов гражданской инфраструктуры. Форин офис ответил на данную публикацию решительным протестом в адрес советского правительства[2].

Несмотря на формально провозглашённую в феврале 1922 г. независимость египетского государства, политическая ситуация в Египте продолжал находиться под жёстким контролем со стороны Великобритании. Ключевым центром этого контроля оставалась резиденция верховного комиссара. По данным на июль 1925 г., содержание её штата, составлявшего 20 чиновников, ежегодно обходилось британской казне более чем в 27 тыс. ф.ст. Непосредственной опорой британского политического влияния являлись размещённые на египетской территории британские военные базы, расходы на обеспечение которых в середине 1920-х гг. составляли более миллиона ф. ст. в год[3]. В июле 1924 г. египетский парламент уполномочил Национальный банк страны и египетское правительство создать в Каире специальный расчётный счёт для обслуживания долговых обязательств по османским займам 1891 и 1894 гг.[4]

В 1925 г. лорда Алленби на посту британского верховного комиссара в Египте и Судане заменил лорд Ллойд. По случаю своей отставки лорд Алленби дал обстоятельное интервью газете «Таймс», в которой

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1925), vol. 181. Col.1817.
[2] АВП РФ. Ф. 69 (Референтура по Англии). Оп.12, п.31а, д.1-2. л. 83-86.
[3] Ibid. Col. 1818.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 191. Col.340-341.

охарактеризовал положение дел в Египте как «превосходное». «Лорд Алленби прибыл в Египет в разгар свирепого шторма. Он оставляет ее в спокойном состоянии, которое поражает своими контрастами, и впечатляет добрыми предзнаменованиями. Британский престиж в Египте сегодня стоит выше, чем это было, когда лорд Китченер покинул страну в 1914 году» - отмечалось в редакционном комментарии[1]. Оценивая итоги собственной деятельности, Э. Алленби отмечал: «…то, что я расцениваю как эффективную систему администрирования, не опирается на силу в обычном смысле, это управление на основе взаимопонимания, с учётом понимания трудностей Египта. При этом администратор смог сделать всё для того, чтобы помочь дружественному сотрудничеству и положить конец возмущению, которое проявилось в 1921 году…»[2].

Проходившие в течение 1920-х гг. выборы, несмотря на предпринимаемые британскими представителями и египетскими королевскими властями усилия, демонстрировали устойчивую тенденцию к росту популярности сторонников независимости. Так, комментируя итоги прошедших весной 1926 г. в Египте парламентских выборов, обозреватель лондонской «Таймс» 27 мая отмечал: «После фактического завершения голосования, становится очевидным полный успех заглулистов. Он получили 142 места в парламенте, в то время как у трёх других партий оказалось лишь 43 мандата, а независимые кандидаты получили 18 мест»[3]. В марте 1927 г. представитель Форин Офис отказался чётко ответить на вопрос о перспективах вступления Египта в Лигу Наций, что означало бы полное признание его международной правосубъектности[4].

В системе управления Египта ключевую роль играл Совет министров во главе с президентом, фактически исполнявшим функции премьер-министра. На заседаниях правительства мог присутствовать британский финансовый советник, не обладавший, формальным правом голоса. Система

[1] The Times. 1925. 2nd May. P. 5.
[2] *Al-Sayyid M.* Egypt's Liberal Experiment: 1922-1936. Los Angeles, 1977. P.99.
[3] The Times. 1926. 27th May. P.3.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 203. Col.1210-1211.

судопроизводства контролировался Министерством юстиции, при котором также находился британский советник. Подобная ситуация наблюдалась и в других египетских ведомствах[1].

В 1926-1927 гг. в англо-египетских отношениях вновь произошло обострение, вызванное решением египетских судей освободить из заключения членов «Вафд», обвиняемых в убийстве Ли О.Ф. Стэка. Данный судебный вердикт был принят вопреки настоятельным требованиям британской стороны. Возмущённый Уайтхолл вновь прибег к военным демонстрациям, направив в крупные египетские порты свои военные корабли.

В 1927 г. начался новый раунд переговоров между главой Форин офиса О. Чемберленом и премьер-министром Египта А. Х. Сарват-пашой. Но вскоре они были отложены в связи с наличием ряда спорных вопросов, к числу которых, относилась, в частности и проблема возможного возвращения египетских войск в Судан. Одной из главных причин паузы, возникшей в переговорном процессе, явилась также отставка Сарват-паши, игравшего в нём одну из ключевых ролей. В итоге, как отмечал в декабре 1929 г. А. Хендерсон, «на рассмотрение Лейбористского кабинета были вынесены только два вопроса, по которым был достигнут успех в переговорах»[2].

Одновременно, Уайтхолл пытался ограничить амбиции египетского правительства в военной сфере. Был, в частности, введён мораторий на увеличение египетского гарнизона в Каире до 18 тыс. чел., а также их оснащение пулемётами и другими новыми видами вооружений[3]. В 1927 г. глава Форин офиса О. Чемберлен был вынужден согласиться на передачу полного контроля над египетской армией правительству Египта. С этого момента Египет стал стремиться к расширению численности своих вооружённых сил. Набиравшийся в основном из знатных семейств офицерский корпус стал, тем не менее, одним из главных носителей

---

[1] *Dunlot F*. England after the War. N.Y., 1920. P. 199.
[2] *Henderson A*. Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935. P. 22.
[3] *Clayton A*. Op.cit. P.505.

антибританских настроений в стране. К концу 1920-х гг., во многом благодаря усилиям лорда Ллойда, являвшегося твёрдым сторонником сохранения прежнего формата «завуалированного протектората», египетское правительство было вынуждено согласиться на присутствие в руководящих структурах египетских вооружённых сил десяти британских офицеров в качестве инструкторов[1].

В декабре 1927 г. правительство Египта обратилось к 13 европейским государствам с просьбой об определённом изменении капитуляционного режима, с учётом изменений, произошедших в международном законодательстве, а также прогресса в развитии египетской экономики. Лорд Ллойд заявил о принципиальной готовности рассмотреть предложения правительства А. Х. Сарват-паши, а также, в случае необходимости, поддержать идею созыва международной конференции по модификации капитуляционных соглашений, заключённых во второй половине XIX в.

Одной из основ системы британского «косвенного управления» в Египте, наряду с военно-политическим влиянием, являлись и экономические рычаги. Египетская экономика на протяжении межвоенных десятилетий продолжала оставаться тесно интегрированной в британскую колониальную экономическую систему. По данным на 1925 г. объём египетской торговли с Великобританией более чем в два раза превышал показатели торговых связей с другими крупными европейскими государствами[2] На протяжении первой половины 1920-х гг. сохранялась в целом позитивная тенденция, связанная с ростом импорта британской промышленной продукции в Египет. Наиболее заметным был рост импорта промышленного оборудования и продукции металлургии[3].

4 апреля 1928 г. выступая в Палате общин, глава Форин офис О. Чемберлена, британской делегации удалось согласовать проект договора с Sarwat Pasha, однако затем он был, отвергнут египетским правительством.

---

[1] *Clayton A.* Op.cit. P.133.
[2] Survey of Overseas Markets. Committee on Industry and Trade. L., 1925. P.27.
[3] Ibid.

В процессе переговоров с Египтом, британский кабинет постоянно консультировалось с правительствами доминионов, выразившими принципиальную поддержку проекту соглашения[1].

Переговорный процесс с Египтом приобрел характер весьма серьёзной проблемы внутри формировавшегося Британского Содружества. Формат возможного участия доминионов в подготовке англо-египетского договора обсуждался в ходе имперской конференции 1926 г. На основании её решений, кабинетом С. Болдуина 28 июля 1927 г. был опубликована «Белая книга», относящаяся к переговорам по поводу заключения союзного соглашения с Египтом», содержавшая ключевые положения, касавшиеся возможности заключения нового договора с Египтом. На странице 9-й документа подтверждалась возможность участия в подготовке договора представителей доминионов, в частности, Канады. 30 марта 1928 г. премьер-министр Канады М. Кинг заявил в канадском парламенте о необходимости участия представителей доминионов в англо-египетских переговорах и подписании итогового текста соглашения. Он особо подчеркнул, что «в соответствии с трактовками, данными имперским комитетом по международным соглашениям, процедура ратификации англо-египетского договора предполагает полноправное участие Канады в его подписании»[2]. При этом канадский премьер-министр обратил внимание на то, что внутриимперский дискурс относительно механизма согласования договора с Египтом, является «проблемой, требующей такого деликатного подхода, который позволит нам избежать трений с Великобританией»… В тоже время, лорд Солсбери обозначил позицию большинства членов Палаты лордов, заявив, что «у правительства Доминиона Канада нет никаких обязательств в Египте, и в соответствии с решениями Имперской конференции, касающимися порядка утверждения договоров, на основании которых можно

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 215. Col.1240.
[2] Extracts from Imperial Conferences 1930. Canberra, 1930. P.10.

сделать вывод о том, что Его Величество в данном договоре представляет лишь Великобританию и Северную Ирландию, но не доминионы»[1].

В меморандуме от 13 июля 1927 г. глава Форин офиса О. Чемберлен отметил, что в ходе переговоров с Сарват-пашой, несмотря на признание британской стороной египетской независимости, им была особо подчёркнута необходимость «сохранения всех обязательств, касающихся жизненно важных для нас прав… Они настолько важны для существования Британской империи, что любое Британское правительство в будущем вынуждено будет отстаивать их, точно также, как это делали правительства в прошлом, с начала 1880-х гг.»[2].

По словам лорда Элибанка «существуют сильные настроения среди британцев в Египте и по всему Востоку, что британская политика в течение семи лет после окончания войны стала существенно более нерешительной… Различные народы, проживающие на Востоке, не рассматривают нас с той долей уважения, которая существовала до войны, поскольку наша политика наполнена неоправданными уступками. На Востоке, в отличие от Запада, подобная политика воспринимается как слабость. Наша политическая линия должна, как и в прошлом, основываться на справедливости и твёрдости»[3].

В процессе обсуждения перспектив заключения полномасштабного соглашения об англо-египетском альянсе, обозначились определённые различия в позициях основных британских политических сил. Точка зрения большинства консерваторов, обозначенная ими в обеих Палатах парламента, сводилась к необходимости следования формуле лорда Кёрзона, изложенной им в 1924 г. В соответствии с ней, интересы Великобритании в Египте должны оставаться незыблемыми и исходить из формулы, изложенной в соглашении 1922 г. Большинство лейбористов выражали принципиальное согласие относительно позиций, касавшихся контроля над Суэцким каналом и Суданом. Лидер Лейбористской партии Р. Макдональд отмечал в письме

---

[1] Ibid.
[2] Documents on British Foreign Policy. Ser. 1 (1918-1939), vol.33. P. 345-346.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 70. Col.890-899.

лорду Алленби: «С учётом предыдущего опыта, в том числе опыта минувшей войны, для наших интересов, а также для интересов наших союзников, жизненно необходимым является сохранение контроля над столь стратегически важным звеном британских коммуникаций. Я полагаю, что он должен быть обеспечен положениями договора, и уверен, что мы здесь можем достичь взаимного согласия, основанного на доброй воле… Эффективное сотрудничество между Великобританией и Египтом в защите их коммуникаций, может быть достигнуто путём достижения соглашения о тесном альянсе… Присутствие в Египте британских войск, предусмотренное взаимовыгодным двусторонним договором, ни в коей мере не может ущемлять египетский суверенитет». Позднее, в публичных выступлениях, Р. Макдональд неоднократно подчёркивал «несправедливое», по его мнению, утверждение о том, что лейбористы «менее заботятся о национальных интересах», чем представители других партий». В ходе слушаний в Палате лордов в начале апреля 1928 г., посвящённых англо- египетским переговорам, представитель лейбористов лорд Пармур особо подчеркнул, что «надеется на взаимовыгодную дружбу с Египтом, которая обеспечит надёжные гарантии безопасности нашим коммуникациям, проходящим через Суэцкий канал»[1].

Процесс обсуждения нового варианта англо-египетского договора оказался весьма сложным и продолжительным. В начале весны 1928 г. в Египте разразился очередной правительственный кризис, сопровождавшийся активизацией в Каире и других крупных городах страны деятельности радикальных группировок. В итоге кабинет А.Х. Сарват-паши, бывший одной из ключевых фигур на переговорах, был отправлен в отставку, а новым премьер-министром был назначен глава «Вафд» Нахас-паша, которого британская пресса сравнивала с лидерами ирландской организации «Шин-Фейн». Позиция британской делегации строилась на необходимости сохранения той сферы британского влияния, которая была оговорена в

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 70. Col. 881.

соглашении 1922 г. В заявлении Уайтхолла в марте 1928 г. отмечалась «опасность преждевременных законодательных мер и административных действий египетского правительства в данном направлении»[1].

В ходе обсуждения проекта договора, разработанного в 1927 г., представители лейбористской оппозиции выразили несогласие с двумя положениями, принципиально отличавшимися, по их мнению, от условий соглашения 1922 г. В частности, его положениями предусматривалось, что «для обеспечения защиты коммуникаций… Британской империи и вплоть до того момента, когда в соответствии с договором Его Королевское величество уполномочит Его Величество короля Египта, … Его Величество король Египта позволит Его Британскому Величеству держать на египетской территории (британские – *А.С.*) войска, необходимые для данной цели». В соответствии со статьёй 7-й проекта нового договора, предполагалось, что «Его Британское Величество доверяет Его Величеству королю Египта задачу осуществления данной защиты». При этом в тексте содержалась оговорка, согласно которой «в течении 10 лет… высокие договаривающиеся стороны, с учётом имеющегося у них опыта и условий договора, определят их точное местоположение… В случае, если стороны не придут к взаимному соглашению, окончательное решение вопроса будет вынесено на рассмотрение Совета Лиги Наций… Если данное решение вызовет несогласие египетской стороны, оно может быть вынесено на повторное рассмотрение по истечении пятилетнего периода»[2].

В апреле 1928 г. египетское правительство пошло на либерализацию законодательства, в части, касающейся организации массовых протестных акций. Как заявил О.Чемберлен, это создало «дополнительные риски общественному порядку, а также жизням и собственности иностранцев». Британское правительство высказало особую озабоченность в связи с принятием Закона о собраниях, поскольку, по его мнению, оно напрямую

[1] Ibid. Col. 890.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 218. Col.965.

затрагивало обязательства Великобритании по защите иностранных подданных и их собственности на египетской территории. По поручению кабинета лорд Ллойд выразил серьёзные опасения действующему премьер-министру Египта, а также отправленному в отставку Сарвату-паше. В связи с тем, что египетское правительство не приняло их во внимание, 4 апреля лорд Ллойд передал Нахасу-паше официальную британскую ноту, в которой формулировались дополнительные условия Великобритании в отношении продолжения переговорного процесса.

Несмотря на это, Великобритания продолжала внимательно следить за развитием политической ситуации в Египте и стремилась сохранить рычаги влияния на египетскую элиту. С этим, в частности, была связана британская дипломатическая активность на фоне политического кризиса лета-осени 1928г., связанного с роспуском египетского парламента. Уайтхолл при этом вновь апеллировал к обязательствам, закреплённым в соглашении 1922 г. В то же время, британское правительство продолжало активно использовать египетскую территорию в своих экономических и стратегических целях. Так, в начале июля 1928 г. министерство авиации представило проект создания воздушной линии, связывающей Египет и Британскую Индию. Она должна была состоять из двух звеньев. Первое связывало Каир с Басрой, второе соединяло Басру с Карачи. Согласно приведённым оценкам стоимость обслуживания воздушной линии должна была составлять 78 тыс. ф. ст. в год.[1]

В ноябре 1928 г. между Великобританией и Египтом возник спор вокруг ирригационных работ в районе Джебель Авлия на Ниле, связанных со строительством плотины в районе Асуана. Под давлением британской стороны, египетское правительство согласилось передать технические вопросы, связанные со строительством плотины на рассмотрение международной комиссии. Проблема использования водных ресурсов Нила стала в конце 1920-х гг. предметом сложных переговоров между

[1].*Aman I*. Egypt and the Neighboring Countries in the Modem History. Cairo, 1962. P.145.

правительствами Египта и Судана[1]. Кроме того, Нил получил статус международной реки, что было оформлено специальными нотами британского и египетского правительств, зарегистрированными Лигой Наций 7 мая 1928 г.[2]

Пришедший к власти по итогам выборов 30 мая 1929 г. лейбористский кабинет в целом сохранил преемственность курса в отношениях с Египтом. 17 июля в Палате общин один из лидеров Лейбористской партии А. Хендерсон заявил, что регулирование всех вопросов, связанных с Суэцким каналом и Суданом, будет по прежнему строиться на основе Конвенции 1888 г. и англо-египетским соглашением 1899 г.[3]

Тем не менее, вскоре после завершения формирования второго лейбористского кабинета, верховный комиссар Великобритании в Египте лорд Ллойд был отправлен в отставку. Данное событие вызвало широкий политический резонанс и критику со стороны оппозиции в адрес нового главы Форин Офис А. Хендерсона. Ряд британских политиков высказали опасения относительно возможных последствий отставки ключевой фигуры, представлявшей Великобританию в Египте для стабильности всей системы англо-египетских отношений, находившихся и без того в весьма сложном состоянии. Один из представителей Консервативной партии лорд Солсбери назвав отставку лорда Солсбери «провокационной», заявил, что она будет иметь «зловещий эффект»[4]. Он назвал сложившуюся ситуацию тестом на предмет «способности социалистического правительства решать сложные имперские проблемы». Пресса цитировала слова лорда Ллойда, заявившего, об «отсутствии надежды и желания работать с новой Администрацией… в виду существенного расхождения взглядов с новым главой Форин офиса. В традициях гражданской службы уходить в отставку в случае, если его

---

[1] *Киселёв К. А*. Судано-египетский субрегион: общественно-политическое развитие и особенности колониальной зависимости. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2004. С. 98.
[2] Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939), vol. 21. P.690-693.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 230. Col.461.
[4] Ibid. Vol. 222. Col.856-857.

взгляды не соотносятся с принципами правительственной политики»[1]. Консервативная оппозиция обвиняла правительство в пренебрежении интересами доминионов и Индии и в игнорировании традиционных британских интересов в Египте. По инициативе ряда её представителей в обеих палатах парламента было инициировано специальное расследование, связанное с обстоятельствами отставки верховного комиссара. Особое внимание было отведено телеграмме главы Форин офиса, отправленной лорду Ллойду 3 июля, которая, по мнению представителей оппозиции, побудила «занимавшего чрезвычайно важную и ответственную государственную должность» лорда Ллойда подать в отставку.

Представители лейбористского кабинета, при этом, подчёркивали, что их главной целью является «предоставление Египту возможности стать независимой и суверенной страной во всём, что касается внутренних дел» [2]. В данной связи, предполагалось продолжить переговоры с представителями египетских политических сил, начатые в 1924 г. Р. Макдональдом.

Лорд Ллойд, в свою очередь, подчеркнул, что, по его мнению, основой британской политики в Египте должно оставаться следование положениям соглашения 1922 г. Великобритания, при этом не должна соглашаться на ослабление своего влияния, как в силу стратегической значимости египетской территории, так и с учётом того вклада, который был сделан ею в развитие египетской социально-экономической системы. «Мы осуществили реформу финансов, освободив население страны от тяжёлого бремени несправедливого налогообложения,… мы подняли Египет от состояния банкротства к состоянию одной из процветающих стран в мире,… мы повысили эффективность ирригационной системы, способствовав повышению стоимости земли в Египте с 3-х до 300 ф.ст. за акр, в результате чего, прогресс дошёл до самого бедного феллаха» - отмечал он в одном из выступлений[3]. Лорд Ллойд особо подчеркнул, что решение о независимости

[1]Ibid.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 222. Col.1703-1704.
[3] Ibid.

Египта, принятое в 1922 г. «вызвало сложные оценки и оставило глубокий осадок … и эта независимость сопровождалась принципиальными оговорками, направленными не только на защиту жизненно важных интересов Империи и её коммуникаций, но и на обеспечение дальнейшего прогресса и процветания самих египтян». Он выразил опасения относительно того, что поспешный пересмотр условий соглашения 1922 г. в условиях, «незрелой политической системы и отсутствия ярко выраженной партийной артикуляции,… будет явным отступлением от наших традиционных интересов и обязанностей, что недопустимо ни для одной из политически партий»[1]. «Соглашение об установлении альянса с Египтом, - отмечалось в одной из публикаций, - предполагает согласованную внешнюю политику, вывод британских войск из Каира и Александрии в пустыню к востоку от 38-й параллели, передачу египтянам права защиты жизни и собственности иностранцев, согласие на отмену капитуляционных прав с нашей стороны и переговоры с другими странами-кредиторами об аналогичных мерах, восстановление статуса Судана, существовавшего до трагических событий 1925 г»[2].

В июне 1929 г. в Лондон с визитом прибыла египетская правительственная делегация во главе с Махмудом-пашой. 25 июня был представлен меморандум египетского премьер-министра, в котором он выражал беспокойство относительно возможности достичь соглашения, а также «стремление уладить весь комплекс вопросов, осложнявших англо-египетские отношения». Содержание предложений, изложенных в данном меморандуме, позволяло, по мнению нового главы Форин офиса А. Хендерсона сделать вывод о том, что они в целом укладывались в русло политической линии, определённой в рекомендациях комиссии лорда Милнера. Спустя два дня начались непосредственные консультации с участием А. Хендерсона и М. Махмуд-паши. Как отмечал в одном из своих

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 218. Col.965.
[2] Belfast News Letter. 1926. 5th, March. P. 7.

публичных выступлений глава Форин офиса, в ходе переговоров он попытался «максимально ясно» дать понять египетской стороне, что её предложения могут быть приняты лишь после тщательного рассмотрения британским кабинетом». При этом А. Хенедерсон обозначил условия, необходимые для вступления нового договора в силу. На первом месте в их ряду он поставил его ратификацию «свободном избранным египетским парламентом»[1].

В ходе переговоров британская сторона заявила о принципиальном согласии рассмотреть предложения египетской стороны и продолжить переговоры по согласованию проекта двустороннего договора. Представители Форин офиса заявили о резком ускорении переговорного процесса. Кроме того, ими подчёркивалось активное участие военных экспертов «во время последних раундов переговоров»[2]. Особый акцент в официальных комментариях делался на том, что в ходе переговоров «вообще не обсуждалась каким-либо образом возможность вывода войск из зоны Канала». В то же время, сама концепция защиты Суэцкого канала к концу 1920-х гг. стала предметом активной дискуссии. В экспертной среде к тому моменту активно утверждалась идея о том, что существовавшая в британском военном руководстве по этому поводу точка зрения выглядела устаревшей. Как отмечалось в одном из британских изданий «стратегия защиты Канала ориентирована на его оборону в большей степени ни от внешнего противника, а от египетского населения… В свете продолжающейся дискуссии относительно заключения договора об альянсе с Египтом, данная стратегия выглядит насколько экстравагантной, настолько же и глупой.

Осенью 1929 г. кабинет Р. Макдональда опубликовал «Белую книгу», посвящённую предварительным итогам англо-египетских переговоров.

---

[1] Ibid.
[2] *Bergue J*. Op.cit. P. 298.

Документ получил наименование «Обмен нотами в связи с предложениями по англо-египетскому урегулированию»[1].

В соответствии со статьёй 9-й проекта соглашения, предполагался вывод британских войск их Каира и Александрии и отвод их в пустыню к востоку от 32-го градуса восточной долготы, что с точки зрения ряда экспертов создавало потенциальную угрозу безопасности Суэцкого канала в случае возможного сухопутного наступления. В соответствии с точкой зрения, озвученной лордом Ллойдом, «военные традиционно были уверены в том, что наиболее адекватным способом защиты Суэцкого канала от внешних вторжений и внутренних беспорядков, является контроль над Каиром и прилегающими к нему территориями, … поскольку Каир является центром воздушных, водных и прочих коммуникаций»[2]. Наряду со стратегическими соображениями у многих британских политиков и экспертов идея вывода войск из крупных египетских городов вызывала возражения с точки зрения сохранения международного престижа. Как отмечалось в одной из публикаций, «если войска будут выведены слишком поспешно, это может привести к скандалу и тяжело скажется на моральном состоянии наших войск»[3]. Наряду с этим высказывались опасения относительно того, что в условиях политической нестабильности, периодически вспыхивавших беспорядков, опасности набегов со стороны кочевников, Великобритания окажется неспособной выполнить одну из наиболее важных функций, возложенных на неё предыдущими соглашениями, связанную с обеспечением безопасности иностранных граждан и их собственности на египетской территории. В связи с этим предлагалось компромиссное решение, связанное с размещением британских войск в районе Абассии неподалёку от Каира, что обеспечивало бы возможность как защиты Суэцкого канала, так и, в случае необходимости, наведения порядка в египетской столице. Кроме того, в рамках новой

[1] Documents on British Foreign Policy. Ser.1(1918-1939), vol.7. P.103-104.
[2] *Williams K*. Britain and the Mediterranean. L., 1939. P.244.
[3] Western Daily Press. 1928. 8th March. P. 7.

системы военного присутствия, особая роль отводилась военно-воздушным силам.

По словам лорда Ллойда, «в течение четырёх лет моей администрации, я ни разу не использовал британских солдат для наведения порядка… исходя из соображений безопасности». Смысл британского военного присутствия, согласно его точке зрения должен был сводиться к тому, чтобы «быть максимально незаметными для местного населения, оказывая поддержку (египетским – *А.С.*) силам и непосредственно вмешиваться в ситуацию лишь в случае крайней необходимости». В тоже время британскими чиновниками неоднократно подчёркивалась эффективность использования британских войск «в целях прекращения беспорядков» в 1919 и 1921 гг., «когда они смогли справиться с ситуацией всего в течение нескольких часов, понеся при этом минимальные потери»[1]. В данной связи, как отмечал лорд Ллойд, «будет сложно найти моральное или политическое оправдание, … после всех наших деклараций и протестов в отношении других держав относительно наших особых прав в Египте, мы грубо кинем миллионы представителей религиозных и этнических меньшинств, проживающих в бассейне Нила, на милость политических партий, которые… до настоящего момента демонстрировали большие способности возбуждать массы египетского и арабского населения, но достаточно слабые способности управлять ими»[2].

Одним из наиболее дискуссионных тезисов проекта будущего договора, явилась шестая статья в соответствии с которой предполагалось, что «Правительство Его Величества признает, что ответственность за жизнь и собственность иностранцев в Египте ложится отныне на египетское правительство»[3].

Проект соглашения изначально предусматривал сохранение присутствия британских военных советников и инструкторов на период в 10 лет с возможностью исполнения ими своих прежних функций. В

---

[1] *Голдобин А. М.* Ук. соч. С. 116.
[2] *Charmley J.* Lord Lloyd and the Decline of the British Empire. , N. Y.: St Martin's Press ,1987. P.213.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 218. Col.156.

последующем данное положение исчезло. Все британские офицеры, служившие в штате египетской армии, подлежали увольнению, а вместо прежнего формата военного сотрудничества рекомендовалось создать совместную военную миссию, функции которой подробно не оговаривались. Наряду с этим, вопреки проекту, предложенному О. Чемберленом, предполагалось «существенное ослабление эффективного европейского контроля над полицейскими структурами в крупных городах». Данное решение выглядело весьма опасным в свете сохранявшегося в Египте высокого уровня преступности. Так по данным экспертов египетского министерства внутренних дел за 1929 г. при примерно сопоставимой численности населения, количество убийств в Египте в 12 раз превышало аналогичный показатель в Великобритании.

В связи с предполагаемым сокращением присутствия силовых структур Великобритании в Египте, многие британские политики и эксперты высказывали мрачные прогнозы. «Есть все основания опасаться, что большевики, чьё темное влияние до сих пор держится вне Египта, в случае грядущих изменений получат возможность устроить в Египте то, что они сделали в Китае и совсем недавно в Палестине, а именно создать новый театр военных действий против правопорядка и основу для роста расовой и религиозной вражды» - отмечалось в прессе[1]. В числе аргументов, приводимых критиками проекта соглашения, звучал и тезис о том, что его реализация напрямую нарушит международные обязательства Лондона. Как отмечал в одном из выступлений лорд Ллойд, «Державы (обладавшие *капитуляционными* правами в Египте – *А.С.*) не смогут ожидать обеспечения собственных прав, если они не будут уверены в том, что их граждане смогут в будущем рассчитывать на справедливое обхождение и надлежащее правосудие. Для того чтобы укрепить их в этой уверенности, Великобритания должна быть способна выполнять свои обязательства… и этому не должен мешать будущий договор». В итоге, в проект договора,

[1] Western Daily Press. 1929. 25th July. P. 6.

согласованном Сарват-пашой и О.Чемберленом, было включено положение о том, что египетский парламент не вправе налагать на иностранцев дополнительные налоги без согласия британского представителя. Однако, в проекте договора, согласованном лейбористским кабинетом, упоминание о данной роли Великобритании, а также о необходимости особого судебного контроля в сфере защиты прав и интересов иностранных подданных было исключено, что вызвало острую критику его адрес со стороны консервативной оппозиции. Особые опасения, находившие отклик и поддержку со стороны многих представителей британских коммерческих кругов, были связаны с возможными ограничениями прав и привилегий иностранных, в первую очередь британских компаний на египетской территории, что могло «существенным образом подорвать британскую торговлю»[1]. Кроме ущерба британским коммерческим интересам, предлагаемый проект договора, по мнению его критиков, нарушал права одиннадцати европейских государств, с которыми Египет был связан капитуляционными соглашениями.

Отдельным пунктом дискуссий явилось предложение о возвращении египетских войск в Судан. В одном из посланий британского генерал-губернатора в Судане отмечалось, что данный шаг способен вызвать «растущее беспокойство среди местного населения и нанести серьёзный ущерб той грандиозной работе, которая была проделана в целях морального и экономического прогресса населения Судана»[2].

Давая общую оценку предложенного проекта, лорд Ллойд подчёркивал: «Стратегически для Британской Империи этот договор не принесёт ничего по сравнению с тем, что у нас было. Мы утратим сильные позиции, получив взамен их слабые. Мы не получим ничего и с экономической точки зрения, никаких Преференций для торговли, которые могли бы компенсировать нам те усилия, которые мы потратили в течение

[1] Turner E. Catalogue of the Papers of Alfred Milner, Viscount Milner, 1824-1955. Bodleian Library,1979. Он-лайн версия: UPL: http:// http://www.bodley.ox.ac.uk/dept/scwmss/wmss/online/modern/milner/milner.html (дата обращения: 1.11.2015)
[2] *Williams K.* Britain and the Mediterranean. L., 1939. P.329.

пятидесяти лет усилий. (Данное соглашение – *А.С.*) является лишь слабым прикрытием, а по факту – надгробием нашему особому статусу, признанному всем миром». С его точки зрения, заключение договора в предложенном виде означало бы фактически полную утрату преимуществ, полученных Великобританией по соглашению 1922 г. и нашедших отражение в специальном письме Д. Ллойд-Джорджа главам правительств доминионов[1].

Представители лейбористского кабинета, в свою очередь, апеллировали к заявлению Р. Макдональда, сделанному ещё в 1924 г., в котором действующий премьер-министр подчёркивал преемственность политики в отношении Египта и Судана. Представитель Лейбористской партии в Палате лордов, лорд Пармур подчеркнул, что в вопросах построения отношений с Египтом не может быть каких-либо партийных разногласий. «Я не сомневаюсь, что нашим общим желанием является… достижение дружбы, сотрудничества и согласия, развитие Египта, которое принесёт выгоды как самим египтянам, так и нам… Исходя из стратегической важности данного вопроса, полагаю, что он может быть разрешён только согласия всех заинтересованных партий»[2].

Одной из важных основ политики в отношении Египта, Р. Макдональд обозначил продолжение политической линии, намеченной лордом Милнером, которого он назвал «одним из величайших проконсулов, наряду с лордом Кромером»[3]. По словам лидера лейбористской партии в отчёте лорда Милнера содержалась недвусмысленная рекомендация «без промедления начать переговоры с Египетским правительством по обозначенным нами политическим линиям». Кроме того, лорд Милнер подчёркивал необходимость «сохранения британского военного присутствия в Египте в целях защиты имперских коммуникаций»[4]. Исходя из этих соображений, представители лейбористского кабинета в 1929 г. настаивали на абсолютной

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol. 218. Col.1147.
[2] Ibid.
[3] *Turner E.* Catalogue of the Papers of Alfred Milner, Viscount Milner, 1824-1955. Bodleian Library,1979. Он-лайн версия: UPL: http:// http://www.bodley.ox.ac.uk/dept/scwmss/wmss/online/modern/milner/milner.html (дата обращения: 1.11.2015)
[4] Ibid.

преемственности их политики в отношении Египта. В одном из правительственных документов позиция правительства по данному поводу характеризовалась следующим образом: «Будущий договор будет определять места расположения войск. При этом присутствие британских сил не должно осуществляться в форме оккупации, или в любом другом виде, ущемляющем суверенные права Правительства Египта. В данной связи, в настоящий момент обсуждается порядок размещения наших войск, необходимый для защиты Суэцкого канала. В числе возможных мест размещения упоминаются Тэль эль-Кебир и некоторые другие населённые пункты»[1]. «Пока мы сохраняем своё присутствие в Каире, - отмечалось в одном из заявлений Форин офиса, - будет невозможна дальнейшая реализация важнейшего положения о продвижении Египта к независимости». Возможности продвижения по пути формирования новой модели двусторонних отношений способствовали и отмечавшиеся в британской экспертной среде определённые сдвиги в настроениях египетского общества. В одном из своих выступлений лорд Пармур отмечал: «В последний период наблюдается заметное уменьшение превалировавшей до этого пропаганды насильственных действий и стремлений нанести ущерб нашим общим интересам в Египте» исходя из рекомендаций лорда Милнера,… настал наиболее благоприятный момент для того, чтобы создать для наших отношений с Египтом более удовлетворительную и прочную основу, оформив её в виде нового Договора. Данный Договор, с одной стороны обеспечит независимость Египта, а с другой – защит жизненно важные интересы Великобритании»[2].

Представляя проект будущего договора общественности, представители Форин офиса апеллировали к политической линии, сформированной в начале 1920-х гг. лордом Милнером и Э. Алленби. В данной связи, упоминался известный тезис Э. Алленби, связанный с

[1] Papers of James Ramsay MacDonald, 1893-1937. Manchester, 1995. P.83.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol.223. Col. 3250-3251.

декларацией британского правительства 1922 г.: «Правительство Его Величества, в соответствии с декларируемыми намерениями, стремится продвинуться в процессе признания независимости и суверенитета Египта, с учётом того, что отношения с Египтом являются вопросом жизненной важности для Британской Империи»[1]. Положения активно обсуждаемого среди британской политической элиты проекта договора представители лейбористского правительства называли лишь предварительными, подчёркивая, что в окончательный текст будут внесены существенные изменения, которые могут коснуться, в частности, вопросов обеспечения капитуляционных прав иностранных держав, а также статуса совместных трибуналов. В данной связи, приводились положения статьи 11-й проекта договора, в которой отмечалось: «Его Британское Величество признает, что режим капитуляций, ныне существующий в Египте, уже не соответствует с духу времени и нынешнему состоянию Египта»[2].

В целях защиты прав иностранных граждан предполагалось использовать юрисдикцию смешанных судов, или консульских судебных инстанций. Аналогичным образом, по мнению сторонников предложенного проекта, могли корректироваться и положения, связанные с выводом британских войск из крупных египетских городов и их размещением в целях обеспечения безопасности Суэцкого канала. Как отмечалось в одном из официальных комментариев, «Его Величество… обязуется использовать все свое влияние и полномочия, для обеспечения капитуляционных прав в Египте… и будет стоять на страже законных интересов иностранных граждан при передаче под юрисдикцию смешанных трибуналов вопросов, ныне находящихся в компетенции существующих консульских судов, а также применении египетского законодательства к иностранцам»[3]. Данное положение, по мнению авторов проекта полностью совпадало с выводами, сделанными в отчёте лорда Милнера. Кроме того, они ссылались на гарантии

[1] *Lord Lloyd*. Op.cit. P.50.
[2] *Hurewitz J*. Op. cit. P.203.
[3]Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. P. 34.

египетских властей, подчёркивая, что «Его Величество король Египта гарантирует выполнение взятых на себя в этом отношении обязательств»[1]. Аналогичным образом предполагалось проработать механизмы защиты интересов и прав коптов, сирийцев и других этноконфессиональных меньшинств, опека над которыми являлось отдельным аргументом в пользу британского присутствия в Египте.

Тем не менее, ключевой темой переговоров продолжали оставаться военно-политические аспекты. Представители лейбористского правительства подчёркивали, что в данном отношении переговорная позиция британской стороны является наиболее жёсткой. Как отмечал лорд Пармур, «возможные варианты решения должны быть предметом самого тщательного анализа»[2]. Предложенный вариант двустороннего договора о взаимной защите вызывал в британской политической среде определённые опасения, поскольку «мог навлечь на Великобританию чрезмерные обязательства по защите Египта от любой угрозы внешнего вторжения». Предварительным итогом переговоров О.Чемберлена и Сарват-паши явилось согласие британской стороны на вывод британских войск из крупных египетских городов, вызвавшее весьма неоднозначную реакцию в Лондоне. Тем не менее, в тексте проекта договора содержалась особая оговорка, согласно которой реализация данного положения отодвигалась на десятилетний срок и увязывалась с «прогрессом в деле поддержания безопасности в Египте»[3]. С точки зрения сторонников договора, его положения вписывались в общую канву обеспечения мира и безопасности, намеченную Конвенцией Лиги Наций и пактом Бриана-Келлога.

Позицию лейбористского кабинета поддержала и часть либералов. По словам виконта Э. Грея, «Наиболее важным моментом декларации 1922 г., признанной с Правительством, большинство из котором составляли консерваторы - это признание Египта впервые в истории в качестве

---

[1] Ibid.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol.225. Col. 956
[3] Ibid. Col. 966.

независимого суверенного государства, и что бы нам ни говорили об оговорках, все наши переговоры с Египтом по интересующим нас вопросам, мы должны рассматривать, принимая во внимание утверждение, что Египет отныне независимое суверенное государство и данный факт признан британским Правительством как определяющий фактором во всех наших переговорах»[1]. Итоги переговоров с египетским правительством он охарактеризовал как вполне соответствующие и вытекающие из всей предыдущей политической линии Лондона, поскольку со времён правления лорда Кромера главной целью британской политики в отношении Египта, обозначалось его «продвижение по линии государственного самоуправления»[2]. Как отмечал лорд Пармур, решение о возможном выводе войск из Каира, вызвавшее многочисленные протесты со стороны консервативной оппозиции, не выходило за рамки положений договора 1922 г. Он напомнил также о принципиально важном заявлении, сделанном в 1924 г. лордом Керзоном, который «занял твёрдую позицию относительно того, что мы не должны вмешиваться в управление, и я полагаю, что теперь, после того, что произошло, было бы крайне неразумно свести на нет итоги деятельности лорда Кромера»[3].

При этом представлявший правящую на тот момент правящую партию член Палаты лордов призвал не проводить прямых параллелей между действиями Великобритании в Египте и её политикой в отношении колониальных владений, и, в первую очередь, Индии. «Я искренне осуждаю проведение каких-либо аналогий между Индией и Египтом, - подчеркивал он в одном из выступлений. Египет никогда не был частью Британской империи. Он была независимым, и управлялся собственным королем, перед тем как мы пришли туда. История Индии была принципиально иной, и я полагаю, что было бы неправильным и политически неблагоразумным, признавать наличие каких-либо параллелей между тем, что мы сделали и

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1928), vol.223. Col. 2092.
[2] Ibid.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.225. Col.1943-1944.

можем делать в Египте и нашими позициями в Индии. Данный факт является наиболее важным в связи с участившимися заявлениями о том, что Египет это имеет какое-либо отношение к нашей политике в Индии»[1].

Отмечая значение начавшихся переговоров, некоторые британские эксперты подчёркивали необходимость осторожного отношения к их результатам. «Есть заметное различие между представлениями египтян о самих себе и системе надлежащего управления (своей страной – *А.С.*) и той большой ответственностью, которую несём мы, как великая империя, - подчёркивалось в одном из политических комментариев. При этом мы не можем взять на себя данную ответственность вопреки воле народа этой страны, просто потому, что мы полагаем, что будем управлять ею лучше, чем они делают это сами»[2]. Вопрос о защите прав иностранцев, а также представителей этноконфессиональных меньшинств, также мог быть, с точки зрения многих британских политиков, предметом дискуссии, поскольку «он представляет предмет вмешательства во внутренние дела страны»[3].

Как отмечал виконт Э. Грей, «если принять во внимание необходимость защиты Канала… вызывает сомнения подлинный суверенитет государства, в столице которого находятся иностранные войска. Это еще более сложно представить, если они выступают не как средство защиты Канала, а как фактор сохранения внутреннего порядка в стране»[4].

Процесс перемещения британских войск в зоне Суэцкого канала должен был, по мнению участвовавших в переговорах британских военных, представлять собой комплексную процедуру, осуществляемую за счёт британской казны. По самым скромным оценкам она должна была занять не менее трёх лет. К концу 1929 г. на основе двусторонних договорённостей было принято решение о размещении британского гарнизона в пустынном районе Мускар, где были размещены два батальона пехоты, рота инженеров

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1929), vol.75. Col. 1167.
[2] Ibid. Col. 1168.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.231. Col.633.
[4] Ibid. Col. 634.

и подразделение военно-воздушных сил[1]. Кроме того, как отмечали сторонники соглашения, использование вооружённых сил для наведения порядка, в случае возникновения протестов среди египетского населения, не соответствовала обязательствам, взятым на себя Великобританией в рамках международных правовых норм. Данные функции предполагалось целиком возложить на подготовленные при помощи британских специалистов египетские полицейские силы.

В случае крайней необходимости войска, размещённые в зоне Суэцкого канала могли быть переброшены в Каир или Александрию в течение шести часов. Военные эксперты ссылались при этом на опыт военных действий в период Первой мировой войны, когда британские войска осуществляли оборону Суэцкого канала с опорой на базу Тэль эль-Кебир. Как отмечалось в одном из военно-аналитических отчётов, «Канал не может быть атакован с северного направления, поскольку обширная болотистая местность не позволяет там осуществлять перемещения значительных сил; в то же время он не может подвергнуться атаке с юга, так как войска не смогут пересечь значительные пустынные массивы. Нападение может быть совершено только на узком участке, расположенном напротив Тэль эль-Кебира»[2]. В связи с этим, авторы документа подчёркивали необходимость концентрации имеющихся сил в районе канала, и высказывались против их «разбазаривания сил и их разбрасывания по пунктам, не имеющим прямого отношения к защите Канала»[3].

В письме А. Хендерсона премьер-министру Египта отмечалось, что «в случае сохранения и последующего развития добрых отношений между нами и египетским народом, Правительство Его Величества с пониманием отнесётся к возможному возвращению египетского контингента в Судан…

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.225. Col.1182.
[2] *Clayton A.* Op.cit. P.260.
[3]Ibid.

поскольку в Судане существует режим кондоминиума, и Египет оказал существенную поддержку в его отвоевании»[1].

В свою очередь, О. Чемберлен заявил о том, что «у Великобритании нет желания разрушать систему кондоминиума… Пока не наступило время, когда мы можем каким-то образом уменьшить нашу ответственность в Судане, но настало время, когда мы можем разделить её с египетским государством и египетским народом». По его мнению, давая согласие на возвращение египетского контингента в Судан, необходимо чётко дать понять, что «порядок и сроки его пребывания в стране всецело зависят от решения Правительства Его Величества, а также от способности египетской стороны избежать повторения преступлений, приведших к выводу египетских войск». О. Чемберлен, в то же время особо подчеркнул, что вся политика в отношении Судана, «остаётся исключительной прерогативой Уайтхолла и абсолютно независима от решений, принимаемых международными органами в Женеве или Гааге»[2].

Вопрос о возможном возвращении египетских военных формирований в Судан стал одним из главных пунктов острых дискуссий между правительством и оппозицией. По словам члена Палаты общин от Консервативной партии, Х. Янга египтяне, находившиеся в Судане «выступали источником политического недовольства и агитации, направленной на ослабление системы кондоминиума и британского правления в Судане». В данном контексте упоминались события, связанные с мятежом железнодорожного батальона в Атбара, а также протесты среди учащихся в Хартуме, явившиеся, по мнению многих британских политиков, прямым следствием египетской националистической пропаганды. Как отмечал ещё в 1924 г., по итогам переговоров с Заглул-пашой, Р. Макдональд «…должно произойти не просто изменение духа англо-египетских отношений, должны произойти изменения в настроениях египтян,

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.225. Col.1187.
[2] Ibid.

работающих в суданской администрации. Они должны перестать рассматривать себя как представителей и пропагандистов египетского правительства, что делает их присутствием в Судане, в существующих условиях, источником опасности для общественного порядка… Правительство Его Величества не желая нарушать существующие договорённости, в то же время вынуждено указывать на недопустимость нарушения статус-кво, которое позволяет военным и гражданским чиновникам… добросовестно работать до тех пор, пока… пока Правительство в Судане не выполнит свой долг»[1].

В 1925 г. в связи с возникшим после убийства генерал-губернатора Ли Стэка кризисом, Уайтхолл настоял на выводе египетских подразделений из Судана. Они были передислоцированы в крупные города страны. Благодаря этому численность войск, находившихся в Каире увеличилась с 7-ми до 12-ти с половиной тыс. чел.[2]

Показательным, на фоне данных дискуссий являлся тот факт, что большинство представителей британской политической элиты, оценивая ситуацию в Египте в духе времён лорда Кромера и Г. Китченера, они всё же осознавали необходимость приспособления интересов Великобритании к стремительно менявшимся историческим реалиям. Показательную оценку данной ситуации высказал лорд Томсон, представлявший в палате лордов немногочисленную группу сторонников проекта договора: «Условия сотрудничества с Египтом, несомненно, становятся сложнее в связи с активным распространением националистической идеологии в масштабах, невиданных во времена лорда Кромера. Но нам принципиально важно продолжать сотрудничество с целью сохранить достигнутые нами прекрасные результаты и обеспечить продолжение осуществления здесь наших жизненно важных интересов»[3]. Однако, попытка согласования проекта договора натолкнулась на данном этапе на жёсткое сопротивление

[1] Papers of James Ramsay MacDonald, 1893-1937… P.52.
[2] *Cibral M. Sh.* The History of Anglo-Egyptian Negotiations. Cairo, 1952. P. 144.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1929), vol.75. Col. 1124.

оппозиции в обеих палатах парламента, настаивавшей на сохранении формата «ограниченного» суверенитета Египта, в том виде, в котором он был закреплён в договоре 1922 г. Как отмечал в данной связи лорд Солсбери, «действия правительства, связанные с пересмотром режима, сложившегося при лорде Кромере, выглядят на данном этапе слишком поспешными…»[1]

О. Чемберлен охарактеризовал ход переговоров как «неудовлетворительный». По его мнению, внезапная отставка египетского премьер-министра Махмуда-паши, являвшегося ключевой фигурой при согласовании предварительных условий договора во время встречи в Лондоне, внесла существенный элемент дезорганизации в переговорный процесс. Данный процесс получил поддержку египетского общества «несмотря на существование в стране всего одной партии и неспособности 90% мужского населения реализовывать свои политические права в силу неграмотности»[2]. По мнению О. Чемберлена, взаимоотношения с Египтом представляют собой принципиально важный и особый предмет британских интересов. Их специфика заключается в том, что «в соответствии с решением 1922 г., мы признали независимость Египта, с учётом нескольких особых оговорок. Глава Форин офиса А. Хендерсон охарактеризовал предложения Махмуда-паши как «крайнюю черту, к которой я рекомендовал подойти Правительству Великобритании с целью достижения взаимовыгодного урегулирования по вопросам, имеющим принципиальную важность для обеих сторон»[3].

Реализация данного положения, предполагала, что «каждая из договаривающихся сторон обязуется не применять в отношениях с другими странами подходы, не совместимые с условиями альянса, или создающие какие-либо трудности другой стороне»[4]. Кроме того, политика договаривающихся сторон в отношении других государств не должна была

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.225. Col.1189.
[2] The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with his Sisters Hilda and Ida, 1916-1937 / ed. by Self R. C. Cambridge and L.: Cambridge University Press, The Royal Historical Society, 1995. P. 374.
[3] *Henderson A.* Labour's Foreign Policy. L.: Labour Party, 1933. P.31.
[4] Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. P.33.

противоречить интересам другой стороны, а условия заключаемых с ними международных договоров не должны были каким-либо образом наносить ущерб интересам договаривающихся сторон. При этом даже представители Форин офиса отмечали определённую абсурдность данных положений, в связи с тем, что «зависимость внешней политики Великобритании и Британской империи от интересов и условий египетского королевства… выглядит достаточно смешно… Представьте ситуацию, когда слон защищает мышь, но при этом должен согласовывать свои шаги с её передвижениями». По словам О. Чемберлена, «обязательства в данном случае выглядят столь неравными по весу для двух сторон, что… тезис о взаимной выгодности вряд ли соответствует справедливости или реальной практике, поскольку одна (договаривающихся сторон – *А.С.*) берёт на себя основную долю ответственности и все, сопряжённые с нею риски»[1]. В данной связи, предметом критики со стороны оппозиции, явились возможные ограничения, которые данный договор мог наложить на свободу действий Великобритании на международной арене.

Статья 4-ая договора предусматривала, что в случае возникновения спора с третьей стороной, порождающей риск разрыва с ним, договаривающиеся стороны должны предпринимать совместные усилия по её урегулированию.

Наиболее важное отличие проекта Чемберлена - Сарват-паши от документа, согласованного по итогам переговоров в Лондоне летом 1929 г. заключалось в вопросе дислокации британских войск с целью защиты Суэцкого канала. Ещё в начале 1920-х гг. в ходе переговоров между лордом Милнером и Заглул-пашой возникла идея вывода британских войск в район Тэль эль-Кебир. Как отмечали обозреватели, лорд Милнер не разделял существовавших в определённых кругах опасений, связанных с отводом войск из Каира и Александрии на берега Суэцкого канала. По мнению А. Хендерсона, данный шаг напрямую вытекал из положений статьи 7-й проекта

[1] The Austen Chamberlain Diary Letters… P. 375.

Чемберлена - Сарват-паши, которая гласила, что «присутствие британских войск не должно было каким-либо образом ассоциироваться с оккупацией и ущемлять суверенные права Египта»[1]. Их вывод в зону канала, где они должны были обеспечивать защиту жизненно важных для Британской империи коммуникационной артерии, должно было осуществляться «по мере завершения необходимых приготовлений»[2]. По оценкам британских военных экспертов период передислокации мог растянуться на десятилетие. Кроме того, согласно проекту договора, египетское правительство обязалось подготовить для передислоцируемых британских войск соответствующую инфраструктуру. Также на него возлагалась обязанность их обеспечения водными ресурсами. Согласно информации из британских военных источников, к концу 1929 г. уже была осуществлена передислокация двух батальонов пехоты, инженерного подразделения, а также некоторых служб ВВС «без ущерба для их здоровья, бытовых удобств и эффективности выполнения функций»[3].

В то же время, как отмечал О. Чемберлен, договорные отношения Великобритании с Египтом предполагали фактически бессрочное право пребывания британских войск на египетской территории, «которые могут быть выведены лишь путём договора с Правительством Его Величества, либо путём единогласного решения Совета Лиги Наций». Одновременно с выводом контингентов Великобритании из крупнейших египетских городов, «в течение периода от трёх до пяти лет» предполагалось возобновление военного присутствия в Судане. Генерал-губернатор Судана Дж. Мэффи высказал полную поддержку идеи заключения англо-египетского договора и заявил о своём согласии на возвращение в Судан одного египетского батальона.

В британском политическом истеблишменте к концу 1920-х гг. продолжала превалировать точка зрения о необходимости сохранения

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.231. Col. 633.
[2] Ibid. Col. 634.
[3] *Morewood S*. The British Defence of Egypt, 1935-1940: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean. L., N.-Y., 2005. P. 99.

сложившегося в Судане статус-кво, который обеспечивал гегемонию Великобритании в северо-восточной Африке. Как подчёркивалось в одной из публикаций того времени: «Мы связаны в Судане большими моральными обязательствами, которые проистекают также из необходимости защиты границ наших владений в Уганде и Кении от нападений диких племён, а также обеспечения населения Египта необходимыми для его существования водными ресурсами. Кроме того, мы несём ответственность за пресечение источников работорговли на суданской территории. Мы не должны также забывать о том, что 16 млн. ф. ст., выплаченных английскими налогоплательщиками вложено в Судан в целях обеспечения процветания его населения…»[1].

Положения, касавшиеся передачи прерогатив по защите прав иностранцев на территории Египта самому египетскому правительству, также ограничивались в проекте договора определёнными оговорками. Британская сторона внесла предложение о продолжении работы штата финансовых и юридических советников, услуги которых должны были помочь Египту «преодолеть период стремительных и важных изменений»[2].

Несмотря на наличие «отдельных различий» в проектах текстов договоров 1927 и 1929 гг., вызывавшее критику со стороны оппозиции, руководство Форин Офиса во главе с А. Хендерсоном продолжало отстаивать необходимость его скорейшего заключения. По его мнению, несомненным достоинством последнего варианта договора являлось «исчезновение раздражающих ограничений, порождавших подозрения и питавших националистические чувства… Моё твёрдое убеждение состоит в том, что получив дружескую поддержку Великобритании и Египта, договор… будет обеспечивать безопасность коммуникаций Британской

[1] The Western Times. 1929. 26th July. P.16.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.231. Col. 1014-1015.

империи более эффективно, чем оккупация, которая завязла в зубах у египетского населения»[1].

Предварительные итоги двусторонних консультаций были проанализированы специальным комитетом правительства и нашли отражение в «Белой книге». В документе, в частности, отмечалось: «Ничто не нанесёт большего вреда двусторонним отношениям, чем их перегрузка чрезмерным количеством необдуманных ограничений, которые превратят в фикцию принцип египетской независимости, породят подозрение в наших истинных намерениях, и нанесут вред нашей конечной цели – созданию атмосферы взаимной доброжелательности и искреннего сотрудничества между британским и египетским народами». «Предложения правительства, - подчёркивалось далее, - являются логическим продолжением тех обязательств, которые последовательно давались (Великобританией – *А.С.*) в течение ряда лет. Они, кроме того, являются итогом логического развития, положений, изложенных в договоре 1922 г.»[2]. Авторы документа многократно подчёркивали полное соответствие согласованных в ходе переговоров 1929 г. положений, условиям проекта Чемберлена – Сарват-паши.

Как отмечалось в статье, опубликованной в конце 1929 г. в «Таймс», «В целом новый договор является попыткой укрепления основ англо-египетских отношений на условиях, заложенных Лорд Кромер, а позднее, комиссией Милнера… предполагавших с течением времени более широкие рамки независимости (Египта – *А.С.*)»[3].

Член Палаты общин *У.* Бэйкер отмечал в 1929 г., что реализация положений договора 1922 г., в части касавшейся реализации прав Египта как суверенного государства, включая право на ведение собственной внешней политики и открытие дипломатических представительств в других государствах, явилось для Великобритании не вполне приемлемым, но

---

[1] Report of the 29th annual conference. L.: The Labour Party, 1929. P. 14.

[2] Great Britain and Egypt. 1914-1936. L.: The Royal Institute of International Affairs, 1952. P.46.

[3] The Times. 1929. 6th November. P.2.

необходимым шагом. Поиск нового формата отношений был призван избежать повторения «резких всплесков ксенофобских настроений среди египтян…., наблюдавшихся в 1882 г. и сразу после завершения Первой мировой войны…». «Дружественное отношение египтян, - подчеркивал Бэйкер, - является единственной твёрдой гарантией сохранения мира в Египте. В этой стране проживают 15 миллионов человек, и они не добьются счастья и процветания, в случае, если мы продолжим политику, порождающую враждебность и подозрительность в отношении нас»[1].

К лагерю критиков предложенного проекта присоединился и У. Черчилль, заявивший в одном из публичных выступлений, что возможный вывод войск из Каира и других крупных городов страны приведёт «к риску кровопролития и усилит напряжённость в Средиземноморском регионе». В случае концентрации британских войск исключительно в зоне Суэцкого канала, Великобритания, по его мнению, оказывалась не способной сдерживать военные амбиции Египта и рост численности египетских вооружённых сил. «В случае если Египетское правительство увеличит свою армию, чего оно столь долго добивается, - заявил У. Черчилль, - или, если египетские националисты решатся на эти шаги, мы не сможем предпринять ответных шагов в условиях роста возрастающей напряжённости»[2]. Данные опасения усиливались в связи с тем, что согласно проекту будущего договора, Уайтхолл был вынужден согласовывать с правительством Египта численность своих контингентов, дислоцируемых в районе Суэцкого канала. Ссылаясь на опыт предыдущих попыток, поиска взаимного компромисса, начиная с переговоров лорда Милнера и Заглул-паши, У. Черчилль подчёркивал, что «набирающие силу националисты никогда добровольно не согласятся на длительное присутствие мощных сил Империи не только в Каире, но и вообще в пределах страны»[3].

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.231. Col. 1510.
[2] Ibid.
[3] *Churchill W. S.* Op.cit. P. 476.

С точки зрения представителей оппозиции, трактовка условий договора 1922 г. как однозначного признания независимости Египта являлась не вполне корректной. Как отмечал в одном из посланий…, «заявление, сделанное ещё в 1922 г. Д. Ллойд-Джорджем позволяет прийти к однозначному выводу о том, что признание египетской независимости… неразрывным образом связано с существенными условиями, призванными не просто сохранить наши исключительные интересы, но и обеспечить выполнение наших неотъемлемых международных обязанностей»[1]. Исходя из этого, «консервативная оппозиция рассматривает предложения (содержащиеся в проекте договора, представленном А. Хендерсоном – *А.С.*) как несоответствующие британским интересам». Кроме того, они обвинили кабинет Р. Макдональда в том, что начавшиеся в июне 1929 г. переговоры «велись фактически за спиной верховного комиссара»[2]. Произошедшая в августе того же года отставка лорда Ллойда характеризовалась в консервативной прессе как «демонстративный шаг, предваряющий наше отступление и подрыв наших позиций не только в Египте, но и в Палестине»[3]. Другим важным пунктом критики со стороны оппозиции являлась идея расширения суверенных прав египетского правительства, а также развития в Египте элементов парламентской демократии. Среди немалой части британской элиты к концу 1920-х гг. продолжало бытовать убеждение в том, что уровень грамотности и политической культуры египетского населения не позволяют ему осуществлять эффективное управление своей страной. «В случае реализации там парламентской модели, - отмечалось в одном из политических документов того периода, - нам не следует ожидать ничего, кроме триумфа «Вафд», являющегося своеобразным кокусом, состоящим из крайних англофобов и наиболее жестоких фигур в египетской политике»[4].

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol.233. Col. 950.
[2] Ibid.
[3] Ibid. Col. 951.
[4] Conservative Party General Election Manifestos… P. 152.

Тем не менее, предложенный проект нашёл и немало сторонников. В его поддержку высказался, в частности, авторитетный эксперт по Ближнему Востоку Г. Самуэль, в течение пяти лет занимавший пост верховного комиссара в Палестине. Сохранение британского военного присутствия в Каире было несовместимо как с политическими настроениями абсолютного большинства египтян, так и с официальными обязательствами, которыми Великобритания связала себя после подписания договора в 1922 г.

Согласно статье 7-й проекта договора «Его Величество Король Египта, в случае войны или угрозы войной, обязуется предоставить Его Британскому Величеству все необходимые условия на своей территории, а также содействие, его силам включая использование портов, аэродромов и средств коммуникации»[1].

Дискуссии, связанные с подготовкой проекта англо-египетского договора отражали отсутствие единства в подходах британской политической элиты к решению сложных проблем, возникших в 1920-е гг. перед Великобританией в сфере колониальной политики. Многие британские политики, оценивая ситуацию в Египте в данный период, продолжали исходить из стереотипов, сложившихся на рубеже XIX-XX вв.

В то же время, такой консерватизм в оценках сочетался с пониманием необходимости приспособления интересов Великобритании к стремительно менявшимся историческим реалиям. Показательную оценку данной ситуации высказал лорд Томсон, представлявший в палате лордов немногочисленную группу сторонников проекта договора: «Условия сотрудничества с Египтом, несомненно, становятся сложнее в связи с активным распространением националистической идеологии в масштабах, невиданных во времена лорда Кромера. Но нам принципиально важно продолжать сотрудничество с целью сохранить достигнутые нами прекрасные результаты и обеспечить продолжение осуществления здесь наших жизненно важных интересов»[2].

---

[1] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 204.
[2] *Vatikiotis P*. The Modern History of Egypt. N. Y., 1969. P.418.

Тем не менее, попытка согласования проекта договора натолкнулась на данном этапе на жёсткое сопротивление оппозиции в обеих палатах парламента, настаивавшей на сохранении формата «ограниченного» суверенитета Египта, в том виде, в котором он был закреплён в договоре 1922 г. Как отмечал в данной связи лорд Солсбери, «действия правительства, связанные с пересмотром режима, сложившегося при лорде Кромере, выглядели на данном этапе слишком поспешными…»[1]. Поиск оптимальной модели договорных отношений с Египтом завершился лишь в середине 1930-х гг. на фоне резкого осложнения региональной международной обстановки, вызванным, в первую очередь, активизацией экспансионистской политики Италии.

Англо-египетский договор, заключённый в 1936 г. был призван стать новым, более гибким механизмом обеспечения долгосрочной реализации британских военно-политических и экономических интересов в долине Нила, а также гарантировать сохранение контроля Великобритании над стратегически важным Суэцким каналом. Вместе с тем, сам факт признания де-юре независимого статуса Египта стал важным свидетельством глубоких изменений в британской колониальной стратегии. Её важнейшей составляющей стал отказ от попыток сохранения прежней системы администрирования и переход к более гибким и завуалированным формам контроля над стратегически и экономически важными владениями. Отказ от традиционных, в основном, силовых методов реализации своих имперских интересов, в свою очередь, явился ключевой предпосылкой последующего постепенного демонтажа крупнейшей в истории колониальной системы.

[1] *Hyam R.* Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968. L., 2007. P.326.

§4.3. Трансформация системы «завуалированного протектората» в контексте подготовки англо-египетского договора в первой половине 1930- х гг.

В 1930-е гг. сохранение контроля над Египтом продолжало оставаться одним из стратегических приоритетов британской политики. На фоне постепенного ухудшения международной обстановки, начавшегося после Великой депрессии, резко возросло геополитическое значение коммуникаций, проходивших через египетскую территорию, среди которых важнейшую роль играл Суэцкий канал. Главным приоритетом политики Форин офиса, в данной связи, являлось завершение процесса оформления двусторонних договорных взаимоотношений, призванных стать политико-правовой основой модели «завуалированного протектората», начало создания которой было положено декларацией кабинета Д. Ллойд-Джорджа от 28 февраля 1922 г. При этом среди британской политической элиты к началу 1930-х гг. сложился принципиальный консенсус относительно её оптимального характера как с точки зрения международных обязательств и финансовых возможностей Великобритании, так и с позиции необходимости сохранения её сложившегося доминирующего положения в регионе. Важнейшим показателем данного консенсуса явилась строгая преемственность в политике британских кабинетов в отношении Египта на рубеже 1920-х – 1930-х, в независимости от их партийного состава. В 1929 г., вскоре после своей отставки с поста главы Форин офиса, О.Чемберлен, выступая в Палате общин, в очередной раз отметил необходимость длительного британского присутствия в Египте. «Отношения между Египтом и нами никогда не были предметом выбора, а являлись результатом занимаемой им географической позиции, как одной из основных дорог и артерий имперских коммуникаций», - подчеркнул британский политик[1].

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 226, Col. 360.

Укрепление модели «завуалированного протектората» в Египте, со стратегической точки зрения, рассматривалось Уайтхоллом, как важнейший элемент сохранения всей системы британского влияния на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке. Наряду с геополитическим фактором, необходимость поиска оптимальной модели реализации британских интересов обуславливалась возросшим в 1930-х гг. экономическим значением проходивших через его территорию коммуникаций. Данная тенденция была связана, в том числе, и с возраставшей в данный период зависимостью Великобритании от нефтяных поставок с Ближнего Востока. Только импорт иранской нефти через Суэцкий возрос в 1920-х - 1930-х гг. с 1,3 до 14 млн. т. Одним из важных транзитных центров транспортировки нефти в 1930-е гг. стал Порт-Суэц, где в данный период было построено два нефтеперегонных завода[1].

Основной проблемой, затягивавшей и затруднявшей переговорный процесс, являлась политическая нестабильность и частая смена правительственных кабинетов в Египте. Кроме того, британской дипломатии пришлось столкнуться с консолидированной позицией египетских политических сил, настаивавших на реальном признании Великобританией суверенитета египетского государства[2]. Данное требование разделялось не только традиционно радикально настроенными в пользу независимости членами партии «Вафд», но и представителями более умеренных политических сил, участвовавших в формировании правительственных кабинетов, в частности, Либерально-конституционной партией и партией Союза[3].

Наряду с трудностями, обусловленными наличием весомого радикального фактора во внутренней политической жизни Египта, реализация британских интересов осложнялась возросшей по сравнению с

---

[1] *Tignor R.L.* State, Private Enterprise, and Economic Change in Egypt, 1918-1952. Princeton, 1998. P.185.
[2] За период с февраля 1922 по август 1936 г. в Египте сменилось 16 премьер-министров. Средний срок деятельности правительственного кабинета страны не превышал один год.
[3] *Кошелев В. С.* Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции, 1879-1981. М., 1984. С. 117.

1920-ми гг. геополитической конкуренцией на Ближнем Востоке и в Северо-восточной Африке. Важнейшим для Великобритании вызовом, в данной связи, являлась резко возросшая активность Италии в регионе.

Вплоть до начала 1930-х гг., большая часть британской политической элиты не придавала значения возможным угрозам со стороны Италии для стратегических позиций Великобритании в Восточном Средиземноморье. Занимавший в течение длительного периода в консервативных кабинетах С. Болдуина пост главы Форин офиса Н.Чемберлен, был убеждённым сторонником политики умиротворения режима Б.Муссолини, полагавшим, что Италии могут быть предоставлены определённые «компенсации» за то, что не все её интересы и претензии были учтены в период послевоенного урегулирования. В 1925 г. он активно поддержал соглашение по передаче Италии некоторых спорных пограничных территорий в Северо-Восточной Африке. К числу таковых относился, в частности, пограничный пункт Джарабаб (Jarabub) на ливийской-египетской границе, переданный под итальянский контроль вопреки энергичным протестам египетского правительства, а также военно-воздушного ведомства, представители которого полагали, что он может быть использован итальянцами, в том числе, и как воздушная база для возможной атаки на Египет[1].

Наряду с О. Чемберленом, Б. Муссолини симпатизировал и ряд других влиятельных британских политиков, к числу которых относился, в том числе и У.Черчилль, сравнивавший лидера итальянских фашистов с древнеримским императором Цезарем. Такую благосклонность британского истеблишмента Б. Муссолини снискал в немалой степени за счёт гибкой и осторожной линии внешнеполитического поведения. После неудачи попытки захвата о. Корфу в 1923 г., он на довольно длительный период отказался от прямой конфронтации с Великобританией в Восточном Средиземноморье и в Северо-Восточной Африке. В частных беседах Б. Муссолини, тем не менее, отмечал, что важнейшей целью Италии должен стать «разрыв сковывающей

[1] *Morewood S*. Suez: the Canal Bbefore the Crisis. London, 2006. P. 240.

британской цепи, охватывающей Гибралтар, Мальту, Кипр и Суэц»[1]. В то же время, с учётом военного превосходства Великобритании и союзной ей Франции данная цель, по его мнению, может быть реализована лишь в долгосрочной перспективе[2].

Попытки достичь соглашения относительно договорного формата в 1927 и 1929 гг. потерпели неудачу. На рубеже 1920-1930-х гг., в особенности, после победы на парламентских выборах в конце мая 1929 г. Лейбористской партии, внутри британского руководства оживилась дискуссия относительно возможных путей дальнейшего развития англо-египетских отношений. Представители Генерального штаба высказались категорически против возможных ограничений на пребывание и передвижение британских войск на египетской территории.

11 января 1930 г. во время выступления по поводу начала работы нового состава парламента, египетский король Фуад I выразил, по сообщению представителя Форин офиса, «дружественное расположение относительно предложений по проекту договора, и как отмечал верховный комиссар, оно было весьма позитивно воспринято членами Палаты, а также общественностью»[3].

В начале февраля 1930 г. проект договора, являвшийся предметом сложных переговоров предыдущего периода, был представлен на рассмотрение египетского парламента. Премьер-министр М. Наххас-паша подчеркнул, что «действия египетской стороны, и, в частности, партии «Вафд» продиктованы необходимостью поиска духа примирения… Правительство, в случае наличия у него соответствующего мандата, будет преисполнено решимости воспользоваться существующим ныне благорасположением британской стороны… в целях достижения взаимовыгодных и долгосрочных договорённостей между сторонами. Мы твердо надеемся, что переговоры приведут к соглашению, столь нужному для

[1] Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol.13. P.325.
[2] Ibid. P.338.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 234. Col. 33.

интересов и на благополучия двух стран»[1]. По сообщению британского верховного комиссара, данное заявление было встречено членами Палаты аплодисментами. 6 февраля египетский премьер-министр получил санкцию парламента на продолжение переговоров[2].

После предварительных консультаций, в начале марта 1930 г. Форин офису удалось договориться с египетским правительством о новом туре представительных переговоров, который начался в Лондоне в конце того же месяца. Основой для обсуждения должны были стать положения проекта договора, сформулированные в «Белой книге» 1929 г. Наряду с главой Форин офиса, с британской стороны в них участвовали глава военного ведомства, а также министр авиации и министр по делам доминионов. С египетской стороны участниками переговоров являлись премьер-министр М. Наххас-паша, министр иностранных дел В. Б. Гхали-паша, министр общественных работ О. Мохаррем-паша, а также министр финансов У.М. Эбейд-Эффенди[3].

В ходе нового этапа дискуссий представители британского военного ведомства неоднократно подчёркивали необходимость сохранения «эффективного» военного присутствия Великобритании в Египте, которое было, по их мнению, важно не только для защиты стратегически важного Суэцкого канала, но и для обеспечения безопасности «синайской территории и границы с Палестиной»[4]. По данным британского военного ведомства, d серединt июля 1930 г. в Египте находились 3 кавалерийских подразделения, 6 артиллерийских батарей и 6 пехотных батальонов, а также вспомогательные части. Общая численность британских войск по состоянию на 1 июня 1930 г., составляла 9800 чел., что на 200 чел. превышало аналогичный показатель 1929 г. Они располагались гарнизонами в районах Каира, Исмаилии, Александрии и Порт-Саида[5]. По мнению военных экспертов, данных сил вполне хватало для «предотвращения локальных беспорядков», но они

---

[1] *Mansfield P*. The British in Egypt. London, 1971. P. 236.
[2] Ibid.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 237. Col. 873-874.
[4] Ibid. Col. 2141.
[5] *Vatikiotis P.J*. Arab and Regional Politics in the Middle East. L., N. Y., 1984. P.87.

являлись «абсолютно недостаточными для противодействия серьёзным внутренним или внешним угрозам для британских интересов в Египте»[1]. После периода определённой стабилизации, позволившей британскому командованию вывести из Египта часть находившихся там военно-морских сил, весной 1931 г. в крупных египетских городах вновь вспыхнули беспорядки. По сообщениям прессы в результате столкновений в Каире, 14 мая были убиты 13 и ранено 119 демонстрантов. Погибло также двое полицейских, а 34 получили ранения. Погиб также киприот, являвшийся британским подданным. Через два дня беспорядки повторились. На этот раз среди погибших были 13 демонстрантов и один полицейский. Ранения получили 38 участников беспорядков и 14 полицейских[2]. По оценкам британских экспертов египетское правительство предприняло достаточно эффективные меры для защиты иностранных подданных. Тем не менее, среди британских политиков возобновилась дискуссия относительно необходимости сохранения тесного сотрудничества с египетским правительством в сфере обеспечения безопасности[3].

На фоне роста националистических настроений в Египте, в июле 1929 г. премьер-министр Р. Макдональд объявил о решении правительства вывести британские войска из Каира и разместить их на Суэцком канале, а также об отзыве верховного комиссара Ллойда, являвшегося последовательным противником смягчения условий будущего договора в пользу египетского правительства. Данные действия явились поводом для ряда демаршей со стороны консервативной оппозиции. У. Черчилль позднее вспоминал: «После отставки Ллойда я активно выступил против этого грубого и неожиданного решения и надеялся, что в рядах консерваторов возобладают такие же настроения…»[4]

В то же время продолжались англо-египетские дискуссии относительно финансирования работы британских чиновников, находившихся в Египте. В

[1] *Marlowe J.* Anglo – Egyptian Relations 1800-1953. L., 1954. P. 253.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 250. Col. 186.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 253. Col. 48.
[4] *Гилберт М.* Ук. соч. С. 524.

середине января 1930 г. глава Форин офиса А. Хендерсон заявил о том, что «уже имеющийся опыт оплаты деятельности египетских чиновников египетским правительством резиденции, может стать позитивной схемой, реализуемой в общественных интересах»[1]. В апреле британским внешнеполитическим ведомством была представлена подробная информация относительно состава британских чиновников, работавших в британских правительственных структурах[2]. 14 апреля 1930 г. заместитель главы Форин офиса Далтон заявил о том, что на основании закона, принятого в июле 1923 г., увольняемым со службы в египетских административных структурах британским служащим предусмотрены компенсационные выплаты на общую сумму в 7 млн. ф.ст., которые должны были осуществляться за счёт средств египетского бюджета[3]. В декабре 1932 г. Форин офис представил новую подробную информацию относительно участия британских чиновников в работе различных египетских административных структур[4].

В данный отчёт не вошли статистические данные, касавшиеся участия британцев в развитии египетской образовательной системы. Согласно данным, обнародованным в парламенте Великобритании в мае 1935 г., в штате Каирского университета насчитывалось, в общей сложности, 15 британских и 7 французских профессоров. Этот показатель превышал данные 1925 г., когда из 23-х иностранных профессоров Каирского университета 10 являлись выходцами из Великобритании и ещё 6 – из Франции[5]. Единственным британским учебным заведением, получавшим, по состоянию на середину 1930- х гг., обязательные ежегодные государственные гранты являлась Английская школа в Каире. Кроме того, британским консульством были выделены дополнительные средства на создание Британской женской школы в Александрии[6].

---

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 237. Col. 2141-2142.
[2] *Судейкин А.Г.* Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., 1976. С.109
[3] *Monroe E*. Britain's Moment in the Middle East 1914-1971. Baltimore, 1981 P.189.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 272. Col. 1806-8.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935), vol. 301. Col. 1377.
[6] Ibid. Vol. 302. Col. 186.

Отдельное внимание при этом уделялось участию британских специалистов в формировании и развитии египетской системы поддержания общественного порядка. Согласно представленной в мае 1931 г. информации, в полицейской службе Египта продолжали работать 208 британцев, из которых четверо на высших руководящих должностях, 35 – в офицерских званиях, а 45 – в чине констеблей[1]. В одном из посланий А. Хендерсон, занимавший на тот момент пост главы Форин Офиса, отмечал: «В настоящий момент в египетской полицейской службе насчитывается 49 египетских офицеров, 42 из которых являются британцами… Из 292-х европейских констеблей 176 - выходцы из Великобритании. Данные показатели незначительно изменились по сравнению с данными за 1914 г.» [2]

Как отмечал представлявший Форин офис на переговорах Э. Иден, численность британских служащих в Египте практически не менялась с 1929-1930 гг. По его словам, правительство Великобритании было по-прежнему готово к продолжению переговорного процесса, но исходило в планировании собственной политики из необходимости «основываться на положениях декларации 1922 г.»[3]. Одной из задач британской дипломатии он назвал «подробное обсуждение вопросов, связанных с возможной эвакуацией наших войск из Каира… с участием Парламента, а также всех заинтересованных структур»[4].

В ходе дебатов, сопровождавших переговорный процесс, ряд британских политических деятелей в очередной раз поставили под сомнение способность египетского правительства самостоятельно защищать интересы иностранных подданных, проживавших в Египте. Особое внимание, в данной связи, было обращено на обеспокоенность МИД Италии, связанной с гарантиями безопасности 50 тыс. итальянских граждан, проживавших на египетской территории[5].

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1931), vol. 252. Col. 1946-1947.
[2] *Henderson A*. Labour's Foreign Policy. L.: Labour Party, 1933. P.19.
[3] *Eden A*. The Eden memoirs. L. 1962. P.494.
[4]Ibid.
[5]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 237.Col. 2904-2905.

В дальнейшем, вопрос о положении представителей европейской общины в Египте неоднократно становился предметом обсуждения в британских политических кругах. 7 мая в Палате общин были представлены статистические данные о примерной численности европейцев, проживавших на египетской территории, основанные да данных переписи 1917 г.[1] Несмотря на первоначальный оптимизм, который испытывало руководство Форин офиса, очередной этап переговоров завершился безрезультатно, что был вынужден констатировать в ходе выступления в Палате общин 8 мая А. Хендерсон. Основной причиной неудачи, согласно официальным источникам являлась неготовность британской стороны согласиться на египетские предложения, касавшиеся статуса Судана[2].

В конце июня 1930 г. на фоне очередной смены правительственного кабинета, в британских политических кругах вновь оживились дискуссии относительно перспектив переговорного процесса. Большой резонанс, в данной связи приобрело письмо, направленное членами Британского Союза в Египте на имя Р. Макдональда. В нём содержалось предложение о создании при верховном комиссаре консультативного совета, включающего британцев, обладавших обширными знаниями о Египте и длительном опытом работы в этой стране. По мысли авторов послания, данная структура позволила бы выработать более чёткую и последовательную позицию британской дипломатии на переговорах.

Данная инициатива, однако, не получила поддержки со стороны лейбористского кабинета. Как отмечал в одном из выступлений А. Хендерсон, «… Правительство Его Величества не считает возможным для британских подданных за границей вообще, и для верховного комиссара в Египте, в частности, каким-либо образом интерпретировать его политику перед Правительствами, при которых они аккредитованы… Хотя при этом они могут представить Правительству Его Величества свои соображения

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), vol. 238. Col. 930-934.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1930), vol.77. Col. 433-434.

относительно точки зрения британской общины по вопросам, представляющим непосредственный предмет их интересов»[1]. Несмотря на неудачу очередного этапа переговорного процесса, А. Хендерсон выразил позитивную оценку его перспектив, заявив о готовности британского правительства продолжать диалог с египетским правительством, «опирающимся на поддержку свободно избранного Парламента»[2].

16 июля последовало официальное заявление премьер-министра Р. Макдональда относительно видения правительством состояния и перспектив дальнейшего развития англо-египетских отношений. В нём, в первую очередь, подчёркивалось намерение британской стороны воздержаться от вмешательства во внутриполитические египетские процессы «целях поддержания соответствующей атмосферы, необходимой для продолжения переговорного процесса»[3]. Соответствующие уведомления были направлены верховным комиссаром П. Лорейном королю Фуаду, а также премьер-министру Египта М. Наххас-паше.

Как подчёркивал Р. Макдональд, данная политическая линия полностью соответствовала как международным обязательствам Великобритании, так и гарантиям, зафиксированным в декларации британского правительства от 28 февраля 1922 г.[4] Выразив надежду на скорейшее преодоление правительственного кризиса, глава британского кабинета особо подчеркнул важность обеспечения внутриполитической стабильности в Египте, необходимой для скорейшей ликвидации ограничивавших его суверенитет капитуляционных привилегий[5].

Нестабильность политической ситуации и правительственная чехарда в Египте в начале 1930-х гг. мешали дальнейшему прогрессу в согласовании проекта договора. Сформировавшееся в августе 1931 г. «национальное» правительство Макдональда-Болдуина, в свою очередь, не желало идти на

---

[1] *Henderson A.* Labour's Foreign Policy. L.: Labour Party, 1933. P .22.
[2] Ibid.
[3] Papers of James Ramsay MacDonald, 1893-1937. Manchester: John Rylands University Library, 1995. P. 92.
[4] Ibid.
[5] Ibid. P .93.

дальнейшие уступки «египетским националистам» и стремилось сохранить прежний формат британского влияния в долине Нила[1].

В 1932 г. субкомитет Комитета Имперской обороны вынес заключение о том, что зона Суэцкого канала, контролируемая британскими войсками, должна быть существенно расширена, в связи с чем, между руководством Генерального штаба и Форин офиса возникли заметные разногласия[2]. В ходе очередного тура переговоров, британская сторона предложила взять за основу формулу, выработанную в Лондоне в 1933 г. и отражавшую известный компромисс между позициями заинтересованных британских ведомств, включая Адмиралтейство. В феврале 1934 г. была представлена новая статистика относительно численности британских войск, дислоцировавшихся на территории Египта. В соответствии с представленными данными, на египетской территории находилось 500 британских офицеров и 9610 военнослужащих других рангов, что «примерно соответствовало показателям января 1929 г.»[3] Кроме того, по данным министерства авиации, в Египте находились 209 офицеров и 1910 представителей рядового состава британских ВВС[4].

В 1934 г. в Египет в качестве британского посла прибыл М. Лэмпсон, ставший одной из ключевых фигур в переговорном процессе. По его мнению, «несмотря на осознание полной бесперспективности его принятия, … предпринимались попытки сделать его основой для постепенного достижения наиболее важных положений [будущего соглашения – *А.С.*]». Согласно одному из предложений британской стороны, Египет должен был снять все ограничения относительно численности и порядка размещения британских контингентов на своей территории. Но данная инициатива была отклонена египетской стороной.

Схема передислокации британских войск предполагала их перемещение в район базы ВВС Хелуан, расположенной в 16-ти милях от

[1] *Morris J*. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978. P. 322.
[2] *Morewood S*. Op. cit. P..225.
[3] Ibid. P.226.
[4] Ibid.

Каира, что с точки зрения части военных экспертов Генерального штаба могло затруднить их использование в кризисных ситуациях. Генеральный штаб настаивал на необходимости скорейшего урегулирования военных положений. По его инициативе была создана специальная комиссия военных экспертом во главе с М. Лэмпсоном для обсуждения военных положений будущего договора с египетской делегацией, которую возглавил лидер «Вафд» М. Нахас-паша.

Кроме того, для преодоления возникшего в переговорном процессе тупика, в специальный комитет по переговорам, возглавлявшийся премьер-министром, были введены представители профильных британских ведомств – М. Лэмпсон, Г. Смарт, Р. Брук-Порхэм. По мнению М. Лэмпсона, «союзный и дружественный Египет» для Великобритании представлялся гораздо более выгодным вариантом, чем «риск продолжения нынешней ситуации с ростом недружелюбия с египетской стороны, а также имперских амбиций со стороны Италии»[1].

В связи с нараставшей критикой в парламенте, кабинет С. Болдуина был вынужден постоянно подчёркивать временный характер достигнутых договорённостей. Часть представителей кабинета, как отмечал Р. Дж. Вэнситарт, «будучи напуганными германской и итальянской угрозой, предлагали, с учётом мировой ситуации, изменить фокус политики в Египте», по сути, призывая к серьёзным уступкам. «Действия Италии, - как подчёркивал он, - подталкивают к скорейшему приведению в порядок наших позиций на Средиземном море»[2].

Обострение итало-эфиопских отношений и постепенная подготовка Италии к захвату Эфиопии внесли существенные коррективы в прежний британский курс. Данные изменения носили, тем не менее, весьма противоречивый характер. В конце июля 1935 г. через посла во Франции британские агенты в Риме передали сообщение, в котором особо

---

[1] Great Britain and Egypt. 1914-1936. L.: The Royal Institute of International Affairs, 1952. P. 56.
[2] *Porter B.* The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. P. 151.

подчёркивалось, что в итальянских правящих кругах нарастает убеждённость в слабости Великобритании и «дряхлости Британской империи», которые позволят Италии «безнаказанно игнорировать её интересы и добиться максимальных выгод»[1].

В начале августа 1935 г. занимавший на тот момент пост главы Форин офиса С. Хор, сделал принципиальное заявление о недопустимости аннексии Абиссинии. Одновременно британским правительством был отдан приказ о приведении в боевую готовность флотов, дислоцированных в Портленде и на Мальте, а также систем противовоздушной обороны военно-морских баз в бассейне Средиземного и Красного морей. Согласно сообщениям итальянских спецслужб, наиболее последовательным сторонником принятия жёстких мер в кабинете С. Болдуина, являлся Э. Иден, «склонявший правительство к принятию экстремистских мер против Италии»[2].

Вскоре Э. Иденом был представлен специальный рапорт, в котором предполагаемые действия Италии рассматривались не просто как «враждебные интересам Великобритании в Абиссинии», но и характеризовались как «составляющие потенциальную угрозу британским владениям на всём Африканском континенте»[3]. Особые опасения, в данном контексте, вызывали «намерения Италии в бассейне Нила»[4]. Оценки А. Идена совпали с сообщениями Форин офиса, о наличии «документальных доказательств» содействия итальянских агентов египетским националистическим организациям «в их антибританской активности». А. Иден, в данной связи, стремился воздействовать на мнение ряда членов кабинета и представителей руководства Консервативной партии, полагавших, что захват Италией Эфиопии «не представляет серьёзной опасности для Британской империи»[5]. По его мнению, Великобритания «должна быть готова к решительным действиям вне зависимости от позиции

---

[1] Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol.13. P.349.
[2] *Morewood S*. Op. cit. P.240.
[3] *Marlowe J*. A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800-1956. L., 1965. P.168.
[4] Ibid. P. 168.
[5] *Lanver M*. The British in Egypt: Community, Crime and Crises 1882-1922. N.Y., 2011. P. 285.

Лиги (Наций – *А.С.*), поскольку «Абиссиния может рассматриваться как плацдарм для возможных действий Италии против Египта и Судана»[1].

На состоявшемся вскоре расширенном заседании Кабинета, в котором приняли участие 22 министра, Э. Иден вновь заявил о «необходимости обеспечения британских интересов и британского престижа… в Средиземном море»[2]. Но окончательно убедить членов кабинета в необходимости решительных действий ему не удалось. Большинство министров поддержали точку зрения С.Хора, полагавшего необходимым продолжение дипломатических усилий, «являющихся более предпочтительными, чем принятие сомнительных инициатив, способных вызвать негативные последствия»[3]. После завершения экстренного совещания С. Болдуин и ряд министров покинули Лондон для того, чтобы продолжить прерванные отпуска.

Уже на следующий день на заседании комитета по оборонной политике было принято решение отменить мобилизацию Домашнего флота, располагавшегося непосредственно на Британских островах, а также военно-морских сил в Средиземном море. Секретарь комитета при этом сделал показательное заявление о том, что «военные вмешались в сферу политических решений, с которыми обычно связывали свои неудачи»[4].

Глава военного ведомства лорд Галифакс заявил об отсутствии причин для паники в связи с циркулировавшими в прессе слухами о возможном вторжении итальянских войск в Египет через Ливийскую пустыню. Военная ситуация в Египте, по его мнению, не вызывала «серьёзных причин для беспокойства», а египетская армия, в случае необходимости, «была способна сделать то, что от неё требуется»[5].

Как отмечал заместитель главы Форин офиса Р.Дж. Вэнситарт, «руководство военного ведомства продемонстрировало благодушие и веру в

---

[1] *Eden A.* The Eden memoirs. L. 1962. P.503.
[2] *Louis W. R.* Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. N.Y., 2006. P.711.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935), vol. 307. Col.12-13.
[4] *Clayton A.* The British Empire as a Superpower, 1919-1939. L., 1986. P. 402.
[5] *Morewood S.* Op. cit. P. 252.

возможность справиться с растущей итальянской угрозой, не прибегая к наращиванию имеющихся ресурсов»[1]. Среди военных экспертов утвердилось мнение о том, что наступление через Ливийскую пустыню возможно силами максимум одной дивизии. Данная точка зрения подтверждалась также и агентурными сведениями. Британским спецслужбам удалось получить копию аналитической записки представителя итальянского Генерального штаба А. Париани, в которой излагались возможные варианты действий в случае англо-итальянского конфликта и закрытия Великобританией Суэцкого канала. Наиболее вероятным из них, с его точки зрения, предполагалось наступление вдоль прибрежной полосы из Киренаики на Александрию, либо через оазисы Сива и Вади Халфа к Нилу[2].

Наращивание военных сил в Ливии итальянское правительство пыталось объяснить необходимостью борьбы с религиозным движением синуситов, боровшихся с колониальным режимом, а также необходимостью акклиматизации перед отправкой в Восточную Африку. В интервью политическому обозревателю британского издания «Дэйли Мэйл» Дж. Уорд-Прайсу, Б. Муссолини подчеркнул, что в Африке у Италии и Великобритании отсутствуют серьёзные противоречия. С другой стороны, многие представители британской политической элиты проявляли максимальное стремление к тому, чтобы избежать возможного конфликта. Так письме С.Хора, переданном Б. Муссолини, подчёркивалось отсутствие у Уайтхолла желания усиливать конфронтацию и объяснял действия Великобритании лишь «реакцией на ужесточившуюся антибританскую пропаганду в Египте и на Ближнем Востоке»[3]. При этом он сделал особую оговорку относительно того, что меры, предпринимаемые британским правительством, носят «исключительно оборонительный характер» и оно не намерено «закрывать Суэцкий канал или вводить военные санкции»[4].

---

[1] Ibid.
[2] *Clayton A.* Op. cit. P. 410.
[3] Daily Mail. 1935. 24th November. P.3.
[4] Ibid.

В связи с осуществлением масштабных военных операций в Эфиопии, итальянское руководство уделяло особое внимание ситуации в зоне Суэцкого канала. К лету 1935 г. итальянские перевозки достигли 20,2% от общего тоннажа судов, проходивших через канал. В июле 1935 г. Р. Дж. Вэнситарт попросил Форин офис изучить возможность изменения режима использования канала, и введения определённых ограничительных мер для Италии.

Однако в итоге, руководство внешнеполитического ведомства пришло к выводу о том, что подобные меры могут быть приняты лишь от имени Лиги Наций. К тому же, по мнению некоторых экспертов, они могли оказаться неэффективными, поскольку Италия могла использовать для своих грузоперевозок суда под нейтральным флагом.

В сентябре, на одном из брифингов представитель Форин офиса Р. Липер заявил о том, что возможное решение об ограничительных мерах «окажется неразумным, и может подтолкнуть Рим в объятия наци»[1]. Несмотря на это, представители лейбористской оппозиции продолжали настаивать на более решительных действиях, вытекающих из рекомендаций Лиги Наций по прекращению военного конфликта в Эфиопии.

10 октября исполнительный комитет Лейбористской партии, находившейся на тот момент в оппозиции, обнародовал заявление, в котором подчёркивалось, что «большая часть британского общества поддерживает полное использование механизмов коллективной безопасности Лиги Наций для того, чтобы прервать коммуникации, связывающие Италию с африканскими колониями»[2].

По мере обострения итало-эфиопских отношений и усиления напряжённости в Северо-Восточной Африке, в британской политической элите нарастал раскол, связанный с возможной реакцией на агрессивные действия Италии. 17 марта 1936 г. британское правительство поддержало

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col. 21.
[2] *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East: Imperial Policy in the Aftermath of War, 1918-1922. L., N.Y, 1981. P.223.

поданный в Лигу Наций протест Эфиопии относительно применения Италией химического оружия. Лорд Сесил в Палате лордов зачитал послание дочери эфиопского негуса, содержащее призыв к коллективным действиям по сдерживанию итальянской агрессии[1].

Итальянская агрессия в Эфиопии стала важным стимулом, выведшим англо-египетские отношения из состояния определённого тупика и способствовала активизации, после двух неудачных попыток, переговоров относительно заключения нового двустороннего соглашения. Как отмечал один из представителей британской делегации, новый формат переговоров представлял собой попытку найти «обоюдное согласие на основе компромисса интересов безопасности Великобритании и стремлений египетских националистов». По сравнению с предыдущими переговорными раундами, на этом этапе существенно большее внимание было уделено военной составляющей будущего соглашения.

Интенсификация усилий по поиску новой модели англо-египетского урегулирования началась в середине 1930-х гг. в связи с очевидной угрозой итало-эфиопского конфликта. 3 октября 1934 г. в Каире состоялись переговоры британского верховного комиссара и представителей египетского правительства, основным содержанием которых являлось обсуждение совместных мер «по охране общественной безопасности», а также рекомендаций «по укреплению административных позиций» правительства Египта[2].

В ноябре 1934 г. Великобритании удалось добиться формирования нового правительства во главе с М.Т. Назим – пашой, в состав которого были включены в основном политики умеренного толка, склонные к компромиссу с Лондоном. Именно новый египетский премьер-министр, в условиях тяжёлой болезни короля Фуада, стал ключевой фигурой на новом раунде переговоров, начавшемся осенью 1934 г. К этому моменту, впервые за весь

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936), vol. 103. Col. 359.
[2] *Hyam R.* Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968. Cambridge, 2007. P.223.

период после завершения мировой войны, в египетском обществе стал отмечаться рост симпатий к Великобритании. Этому, в решающей степени, способствовали агрессивные действия Италии в Абиссинии, вызвавшие категорическое неприятие в Египте.

2 декабря 1935 г. египетский представитель в Лиге Наций одним из первых заявил о намерении своей страны ввести санкции против агрессора. В одном из египетских журналов того периода подчёркивалось: «Впервые за долгое время в Египте приветствуют британских военных, а члены кабинета, включая вафдистов, высказываются в пользу увеличения военных расходов… В защите интересов Великобритании, египтяне сейчас выглядят более последовательными и энергичными, чем сами британцы»[1].

На фоне обеспокоенности части британской политической элиты, связанной с итальянской агрессией в Эфиопии, в декабре 1935 г. премьер-министр С. Болдуин заявил о том, что задача обеспечения военной безопасности Египта находилась в сфере компетенции египетского правительства и египетских вооружённых сил, «поскольку с 1924 г. ни один британский офицер не занимал в них какой-либо значимой должности»[2]. В то же время, он в очередной раз подчеркнул, что «в рамках обсуждаемого проекта договора,…основанного на положениях Декларации 28 февраля 1922 г. Правительство Его Величества признаёт право Египта на членство в Лиге Наций, в соответствии с Конвенцией Лиги Наций»[3].

2 марта 1936 г. в Каире начался предварительный этап переговоров, связанных с подписанием итогового текста двустороннего договора. Наряду с представителями Форин офиса, в состав британской делегации вошли представители военного министерства, Адмиралтейства, а также командования военно-воздушных сил[4].

9 марта британской стороной были представлены предложения относительно урегулирования оставшихся несогласованными пунктов

[1] Цит. по: *Marlowe J.* Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics. L., 1961. P.326.
[2]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 307. Col.885-886.
[3] Ibid. Col. 921.
[4]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 309. Col.981-982.

договора.[1] Со стороны некоторых британских политиков высказывались критические замечания относительно состава египетской делегации, указывая на наличие в нём людей, обвинявшихся в 1926 г. в участии в подготовке покушения на Ли О.Ф. Стэка[2].

В частности, лорд Ллойд в специально послании отметил, что в неё вошли «по крайней мере два деятеля, с которыми Правительство Его Величества обещало никогда не вести диалога»[3]. В данной связи, некоторые представители Консервативной партии в Парламенте обвиняли «национальное» правительство в том, что оно «слепо следует курсу социалистического (т.е. лейбористского – *А.С.*) правительства»[4]. Данные оценки не нашли поддержки со стороны курировавших переговорный процесс представителей Форин офиса. В частности Э. Иден, отвечая на вопросы прессы, отмечал, что «в переговорах с египетской стороны участвуют практически те же самые люди, которые вошли в состав делегации, начиная с 1930 г.»[5]

Одним из дискуссионных вопросов в ходе переговоров, явилось предложение Адмиралтейства о превращении Александрии в главную военную базу британских военно-морских сил в Восточном Средиземноморье. Руководство «Вафд» направило в резиденцию британского генерального консула ноту, в которой выражался протест против «превращения Египта в исключительную сферу британских интересов» и содержалось требование «снять ограничения с деятельности парламентских институтов и признать египетское правительство полностью ответственным за защиту собственной территории»[6].

Принципиальное нежелание кабинета С. Болдуина каким-либо образом реагировать на требования вафдистов вызвало очередную волну протестных акций в крупных египетских городах в которых, по сообщениям прессы

---

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 310. Col.12-13.
[2]Ibid. Col. 2608-9.
[3]Ibid. Col. 1971-2.
[4] Ibid. Col. 2608-9.
[5]*Hyat R.* Op. cit. P. 446.
[6] *Голдобин А.М.* Национально-освободительная борьба народа Египта.1918-1936 гг. М., 1989. С.309.

наиболее активное участия приняли студенты и старшеклассники. Чрезмерно прямолинейная политика британского правительства привела к тому, что большинство ведущих политических сил Египта, вновь, после длительного перерыва, смогли договориться о единстве действий в отношении Великобритании. К стихийным акциям вскоре добавились более организованные, забастовочные формы политического протеста. В этих условиях кабинет С. Болдуина был вынужден пойти на запоздалые политические уступки, объявив о согласии на восстановление конституции 1923 г.

В период итало-эфиопской войны, Великобритания увеличила своё военное присутствие на территории Египта до 20500 человек, т.е. практически вдвое. Тем не менее, обстановка в регионе вызывала у британского военно-политического руководства растущее беспокойство. Захват Италией Эфиопии создавал потенциальную угрозу всей системе владений Великобритании в северо-восточной Африке. Дополнительным дестабилизирующим фактором явилось начавшееся в 1936 г. в Палестине массовое арабское восстание, заставившее британское командование перебросить из Египта на палестинскую территорию 4 тыс. военнослужащих. Между тем, как отмечали эксперты, резервы для усиления военных позиций Великобритании в регионе были ограничены. В силу роста протестных настроений в Индии, заметно снизилась боеспособность индийских войск, составлявших заметную часть дислоцированных в Египте гарнизонов[1].

Суммируя настроения, существовавшие в британской политической среде относительно перспектив англо-египетских отношений, С. Болдуин отмечал, что «заключение договора призвано стать их важнейшим политическим решением,… абсолютно необходимым при условии отсутствия ущерба нашим интересам»[2]. Как подчёркивалось в одном из британских военных отчётов, «безопасность Суэцкого канала… настоятельно

[1] *Clayton A.* Op. cit. P. 418.
[2] Documents of English History, 1832-1950. L., 1954. P. 239.

требует создания устойчивого формата дружественных отношений с Египтом». «Неудача в деле заключения двустороннего договора, - отмечалось в одном из правительственных заявлений, - приведёт к дополнительной дезорганизации на Ближнем Востоке в дополнение к тем трудностям, которые возникают на европейском континенте»[1].

С целью оптимизации переговорного процесса по распоряжению премьер-министра в комитет по военным вопросам, возглавленный М. Лэмпсоном, был включён председатель партии «Вафд» М. Наххас-паша. На первом же заседании комитета британская сторона была вынуждена включить в текст проекта договора предложенную египетской стороной статью, предусматривавшую гарантии от вмешательства британских войск во внутренние дела Египта[2].

После уступок, предложенных британской стороной, среди египетских политических сил возник раскол относительно видения перспектив дальнейших переговоров. 9 июля крупнейшая египетская партия «Вафд» заявила о своей принципиальной поддержке переговорного процесса. Однако, ряд других политических объединений, в частности Либерально-конституционная партия, заявили об отказе принять данные уступки и призвали продолжить бойкот переговоров. В конечном итоге, египетскую делегацию удалось убедить согласиться на восьмилетний период пребывания британских войск в Александрии. При этом в документе было зафиксировано положение, согласно которому их общая численность в мирное время не должна была превышать десяти тысяч военнослужащих и четырёхсот военных пилотов. Предполагалось размещение британских вооруженных сил в районах Каср эль-Мил, и Гарден Сити в Каире, где располагались британское посольство, а также штаб-квартира Средневосточного командования. В Александрии, кроме того, оставалась штаб-квартира командования Средиземноморского флота Великобритании[3].

---

[1] Great Britain and Egypt… **P.**59.
[2] *Роштейн Ф.А*. Захват и закабаление Египта. Изд. 2, М., 1959. С.188.
[3] *Morris J*. Op.cit. P. 517.

Согласование военных статей договора завершилось к 22-ому июля 1936 г. В общей сложности последний этап переговоров продолжался двадцать недель и четыре дня. С целью добиться конечного прогресса, британская сторона была вынуждена пойти на уступки по другим разделам договора. Египетскому контингенту впервые с 1924 г. было позволено войти в Судан. Британское правительство, кроме того, обязалось использовать всё своё влияние для того, чтобы добиться окончательного аннулирования связывавших Египет капитуляционных соглашений, а также его вступления в Лигу Наций. Окончательное согласование текста будущего договора завершилось к августу 1936 г. Торжественная церемония его подписания состоялась в 11.30 26 августа в здании Форин офиса в Лондоне. В ней приняли участие все участвовавшие в подготовительном процессе британские министры, а также все специально прибывшие для этой цели представители египетской делегации во главе с Нахас-пашой. Э. Иден охарактеризовал случившееся как историческое событие, «с которого начнётся новый этап в истории англо-египетских отношений»[1].

В сообщении итальянского посла в Каире в августе 1936 г. отмечалось, что, несмотря на признание формальной независимости, Великобритания продолжала рассматривать Египет как «составную интегральную часть Британской империи… и британцы всеми правдами и неправдами полны решимости сохранить там протекционистские функции, несмотря на растущую угрозу метрополии со стороны Германии и её экономически важным владениям на Дальнем Востоке со стороны Японии»[2].

Анализируя приоритеты «специальной политики» Лондона в отношении египетского государства, он отнёс к их числу «защиту Суэцкого канала, обеспечение присутствия военно-морских и военно-воздушных баз, сохранение привилегированных позиций, позволяющих контролировать внутренние дела Египта и его поведение на международной арене,

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.360.
[2] Documents on British Foreign Policy. Ser. 1(1918-1939). Vol. 33. P. 399.

поддержание собственных экономических преференций в стране, защита существующего статуса-кво в отношении Судана»[1].

Наиболее сложными в процессе согласования оказались статьи договора, связанные с вопросами размещения британских войск и статусом Судана. В ходе переговоров британскому правительству пришлось иметь дело с консолидированной позицией, представленной практически всеми ведущими египетскими политическими силами[2].

В отличие от предыдущих, финальный раунд переговоров проходил в Каире, что, по мнению британских экспертов, позволяло «представить максимально широкий спектр египетских общественных настроений»[3]. В достижении конечного успеха отмечалась также особая роль усилий, предпринятых верховным комиссаром М. Лэмпсоном. Как отмечал в своём выступлении в Палате депутатов египетского парламента премьер-министр Наххас-паша «С самого начала «Вафд» стремилась к достижению полной независимости, а также обеспечению тех британских интересов, которые не нарушают её». По его мнению, заключение договора объективно отвечало интересам Египта, поскольку «альянс со столь могущественной силой… будет способствовать обеспечению нашей безопасности и укреплению нашего положения в международных делах»[4]. Конечный успех в переговорах оказался возможен благодаря формированию в Египте в декабре 1935 г. Объединённого фронта.

Первой ключевой частью договора явились положения о двустороннем военном альянсе, сформулированные главным образом в статье 4-й, а также в отдельных параграфах 5-й, 6-й, 7-й и 8-й статей и ряде приложений к документу. В них оговаривалось, что по условиям альянса ни одна из договаривающихся сторон не имела право заключать международные договоры, несовместимые с его требованиями.

---

[1] *Morewood. S*. Op. cit. P.24.
[2] Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. L., 1947. P.52.
[3] Ibid.
[4] Ibid. P. 53.

При возникновении угрозы конфликта «с третьей стороной», договаривающиеся стороны обязались консультироваться друг с другом на предмет возможного содействия в его урегулировании[1]. Кроме того, в случае вовлечения одной из договаривающихся сторон в военный конфликт, другая сторона обязалась «в соответствии с обязательствами, содержащимися в данном Договоре, прийти ей на помощь в качестве союзника»[2].

Как отмечал Э. Иден, данное положение следовало трактовать, в первую очередь, как обязательство Великобритании обеспечивать безопасность египетского государства, «являющуюся предметом обоюдных интересов сторон... «Суэцкий канал требует от нас сохранить единство Египта»[3]. В то же время, договор предполагал, в трактовке британской стороны, обязательство Египта оказывать возможное содействие Великобритании в случае, если она окажется в состоянии войны или «в случае серьёзной угрозы войны». Подобное содействие предполагало, в понимании руководства Форин офиса, в первую очередь, «возможность использования египетской территории и всех ресурсов, которые находятся в компетенции египетского правительства… В случае необходимости Египет должен быть готовым принять для этого необходимые меры административного и законодательного характера, включая, в случае необходимости, введение военного положения и цензуры прессы»[4].

Возможная египетская помощь предполагала предоставление Великобритании права использования портов, аэродромов и прочих коммуникаций. Кроме того, как отмечалось в параграфе 15-м договора, содействие Египта должно было включать разрешение на переброску британских войск и необходимого военного снаряжения на собственную территорию[5].

---

[1] Ibid. P. 56.
[2] Ibid. P. 57.
[3] *Eden A.* The Eden memoirs: Facing the Dictators. L.: Cassell & Company, 1962. P.513.
[4] Great Britain and Egypt. 1914-1936. L.: The Royal Institute of International Affairs, 1952. P.55.
[5] Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. P. 57.

В соответствии с положениями статьи 16-й документа, определялся 20-летний срок его действия, по истечении которого текст договора мог быть модифицирован. Переговоры относительно возможных изменений могли начаться по истечении 10-летнего периода при взаимном согласии сторон.

Подписанный в августе 1936 г. англо-египетский договор стал предметом активных дискуссий внутри британской политической элиты, среди журналистов и экспертов по международным делам. С точки зрения представителей правительства, данное событие явилось важнейшим шагом, направленным на укрепление британских позиций на Ближнем Востоке, и сохранении доминирования, достигнутого в регионе в конце XIX в. В тоже время, заключение полномасштабного договора обозначалось как логическое завершение политики Великобритании, связанной с ликвидацией в 1922 г. системы протектората и установления «особого» формата взаимоотношений с Египтом[1].

Важным этапом дискуссий, связанных с оформлением договорного формата взаимоотношений с Египтом, явился процесс ратификации международного документа в британском парламенте, пришедшийся на осень 1936 г. Само подписание документа характеризовалось в политических кругах и прессе как «естественный» результат реализации политической линии, осуществлявшейся Великобританией в Египте в период с 1882 г. Её основой, по словам лорда Плимута, представлявшего Кабинет министров в верхней палате парламента, являлись «очевидные симпатии к законным чаяниям египетского населения»[2]. «Заключение договора, - как отмечалось в одном из правительственных документов, - явилось итогом длительных усилий, направленных на завершение процесса формирования прочной основы для двусторонних отношений, начало которого было заложено

[1] The British Empire. A report of its Structure and Problems by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. Oxford, 1938. P. 27.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936), vol. 103. Col.359.

деятельностью комиссии Милнера и опубликованием Декларации Правительства от 28 февраля 1922 г.»[1]

Официальные источники подчёркивали также особую роль усилий, предпринятых обеими сторонами для достижения итогового соглашения. Успешное завершение переговорного процесса характеризовалось в экспертной среде как успех линий, проводившейся в течение длительного периода руководством Форин офиса и связанной с формированием особого, «завуалированного» механизма контроля над Египтом. В данной связи особо акцентировалась роль верховного комиссара М. Лэмпсона, которому удалось «обеспечить создание соответствующей переговорной атмосферы, позволившей нам, а также Нахас-паше и его коллегам успешно преодолеть возникшие трудности»[2]. В правительственном послании, направленном парламенту, в связи с началом процедуры ратификации договора, подчёркивалось историческое значение данного документа и выражалась уверенность в том, что он «явится прочной основой для обеспечения, на основе взаимного уважения и плодотворного сотрудничества, реализации интересов обеих сторон»[3].

Важным положением договора, связанным с формальным признанием независимости Египта, являлось согласие британской стороны на установление равных дипломатических отношений. Статья 2-я договора, предусматривала, что «каждая сторона будет представлена в столице другой стороны Послом…, относящимся к старшим дипломатическим представителями своей страны»[4]. Кроме того, на основании 3-й статьи документа Египет получал право обратиться к руководящим органам Лиги Наций с ходатайством о вступлении в международную организацию[5].

Правительство Великобритании при этом обязалось «предпринять все необходимые меры для полной реализации обязательств, содержащихся в

---

[1] Ibid. Col.361.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936), vol. 103. Col. 362.
[3] Documents of English History, 1832-1950. / Ed. by Barker, W.A., St. Aubyn, G.R.; Ollard, R.L. L.:A. & C. Black, 1954. P. 117.
[4] Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. P. 57.
[5] Ibid.

Договоре,… в соответствии с буквой и духом документа»[1]. Создание «правовой основы для равноправных отношений» рассматривалось руководством Форин офиса как важнейшее условие для развития «длительного и плодотворного сотрудничества сторон»[2].

Важнейшей задачей новой политико-правовой формы англо-египетских взаимоотношений являлось обеспечение устойчивости сложившейся с конца XIX в. системы британского доминирования на Ближнем Востоке. В связи с этим ключевую роль в договоре играли военно-политические аспекты, призванные сохранить стабильность стратегического положения, существовавшего, к тому моменту, на территориях, прилегающих к зоне Суэцкого канала.

В соответствии с принципами, изложенными в статьях 4-7 документа, закреплялась особая роль британских вооружённых сил «в обеспечении безопасности коммуникаций и защите Египта от возможной внешней агрессии в сотрудничестве с египетской армией»[3]. При этом особо оговаривалось, что военное присутствие Великобритании не должно было создавать «впечатления неограниченной военной оккупации страны», а ограничиваться чётко оговоренными территориальными рамками, связанными, как правило, со стратегически важными населёнными пунктами и коммуникационными объектами. Одновременно с этим оговаривалась и общая численность британского контингента, который в условиях мирного времени, должен был быть сосредоточен на территории, находящейся в непосредственной близи от Суэцкого канала[4].

Одним из ключевых, со стратегической точки зрения, положением договора, определявшим основное содержание двустороннего альянса, являлось обязательство сторон по взаимной поддержке в случае, если одна из них окажется втянутой в военный конфликт. При этом в британской политической среде данное положение вызывало неоднозначную реакцию,

[1]Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.371.
[2] Ibid.
[3] Documents on British Foreign Policy. Ser.1(1918-1939).Vol.7. P.103-104.
[4]Ibid.

поскольку, несмотря на формальное равноправие сторон, с самого начала воспринималось именно как «одностороннее» обязательство Великобритании вступать в возможные военные конфликты, в которые окажется втянутым Египет[1]. В одной из редакционных статей «Таймс» напрямую указывалось на то, что «в Соединённом Королевстве вряд ли найдутся те, кто верит в возможность Египта направить свои войска куда-либо за пределы своей территории в целях защиты британских владений»[2].

Отвечая на подобные критические замечания, официальные представители Форин офиса высказывали убеждённость в том, что военно-политические статьи договора «предоставляют Правительству Его Величества возможность полномасштабного использования египетской территории в соответствии со спецификой египетского законодательства и системы управления…»[3]. Данные условия, - как отмечалось в одном из официальных документов, - предусматривают возможность использования египетских портов, аэродромов, средств коммуникации, а также использование необходимых административных и законодательных мер, включая введение чрезвычайного положения и установление цензуры»[4].

В положениях 8-й статьи договора подчёркивалось, что основной задачей военного присутствия Великобритании на египетской территории должно было являться «совместное с Египтом обеспечение защиты Суэцкого канала, как важнейшего средства коммуникации, обеспечивавшего взаимосвязь между различными частями Британской империи»[5]. При этом британское правительство юридически признавало египетский суверенитет над зоной канала, особо оговорив, что иностранное военное присутствие на его территории носит временный характер.

Положениями документа предусматривалось, что по истечении 20-летнего периода его действия, вопрос о дальнейшем обеспечении

---

[1] *Warburg C.R.* Op.cit. P.117.
[2] The Times. 1936. 30th August. P.3.
[3] *Eden A.* Op. cit. P.369.
[4] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P.204.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.363.

безопасности важнейшего объекта морских коммуникаций должен быть передан на рассмотрение международной организации. В приложении к 8-й статье договора подробно оговаривался порядок размещения британских войск в районе Суэцкого канала, а также их участие в модернизации дорожной системы, связывающей его с Каиром, Александрией и другими крупными городами страны[1]. Кроме того, отдельным положением специально оговаривался механизм финансирования строительства новых объектов военной инфраструктуры, предполагавший значительное участие в этом процессе египетского правительства[2]. Общая численность британского контингента в условиях мирного времени ограничивалось 10 тыс. военнослужащих. Кроме того, на основании статьи 7-й договора, предусматривалось, что Великобритания могла содержать на египетской территории до 400 пилотов ВВС[3].

Важной особенностью договора являлось сохранение механизмов военной зависимости Египта. В тексте документа особо оговаривалось, что египетская армия могла оснащаться только британскими вооружениями, и для её обучения могли приглашаться лишь инструкторы из Великобритании. Данное условие объяснялось необходимостью «сотрудничества Египта с одной из ведущих военных держав в целях полного обеспечения своей способности к обеспечению внутреннего порядка… и защите своей территории от внешних угроз»[4].

Несмотря на ликвидацию поста британского Генерального инспектора и вывод его штата из состава командования египетских вооружённых сил, египетское правительство «выражало желание продолжить сотрудничество в целях профессиональной подготовки своих военных кадров»[5]. С этой целью в договором предусматривалась возможность отправки в Египет британской военной миссии, «которая будет способна осуществлять подготовку

---

[1] Ibid.
[2] *Vatikiotis J.* A History of Modern Egypt. N. Y., 1969. P.346.
[3] *Clayion A.* Op. cit. P.298.
[4] *Attlee C. R.* As It Happened. L., 1954. P.156.
[5] Суэцкий канал. Сборник документов. М., 1957. С.133.

персонала, как сухопутных войск, так и военно-воздушных сил»[1]. Её основной задачей являлось «превращение египетской армии в по-настоящему существенную военную силу на Ближнем Востоке», а также « в повышении престижа военной службы для различных групп египетского населения, в первую очередь, для феллахов»[2].

Договором предусматривалось компромиссное решение одной из самых сложных проблем двусторонних отношений, связанных со статусом Судана. В соответствии с ним восстанавливался порядок формирования системы управления суданскими провинциями, определённый договором о кондоминиуме 1899 г. Одновременно предполагалось, что «стороны сохранят свободу в заключение новой Конвенции о статусе Судана в будущем»[3]. До этого момента, как отмечалось в приложении к статье 11-й договора, основные управленческие функции сохранялись за генерал-губернатором, над штаб-квартирой которого в Хартуме, как символ системы кондоминиума, должны были одновременно развеваться британский и египетский флаги. С международно-правовой точки зрения, Судан объявлялся автоматически присоединившимся ко всем международным договорам и конвенциям, участниками которых являлись Великобритания и Египет[4].

В целях скорейшей отмены ограничивавших египетский суверенитет капитуляционных привилегий, в договор были включены положения, касавшиеся гарантий египетского правительства относительно обеспечения безопасности иностранцев, проживавших на территории Египта. В соответствии с содержанием 12-й статьи документа «ответственность за поддержание внутреннего порядка и законности рассматривались как естественная часть независимого статуса, к которому относится также и защита прав иностранных граждан»[5]. В ходе переговоров представители Великобритании неоднократно подчёркивали, что рассматривают данное

---

[1] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 205.
[2] Ibid.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 309. Col.53.
[4] Ibid. Col. 54.
[5] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 205.

положение как важнейшее условие успешной реализации Декларации 1922 г., ответственность за выполнение которого возлагалась теперь исключительно на правительство Египта. В британских политических кругах высказывался определённый скепсис относительно способности египетской стороны выполнить данное обязательство. В ходе политических дебатов, связанных с подготовкой и последующей ратификацией договора в британском парламенте, упоминалось о недовольстве представителей Европейского Бюро Форин офиса, а также Департамента общественной безопасности его положениями, касающимися защиты прав иностранцев. Под их давлением в текст документа было включено положение, предусматривающее сохранение в течение пятилетнего периода «европейского элемента» в руководстве полицейскими структурами крупных египетских городов. При этом одна пятая часть иностранного полицейского персонала должна была обновляться ежегодно[1].

Официальные британские представители неоднократно заявляли о том, что вопросы кадрового обеспечения египетских полицейских структур являлись одним из приоритетов политики Великобритании в Египте. Одним из итогов переговоров главы Форин офиса с премьер-министром Египта, проходивших в Лондоне летом 1936 г., являлось согласие египетского правительства относительно того, что приоритет при отборе иностранных кадров для полицейской службы Египта должен был быть отдан британским подданным[2].

В статье 13-й договора, а также приложениях к ней оговаривался механизм отмены связывавших Египет капитуляционных договорённостей. В ходе переговорного процесса британские официальные лица неоднократно подчёркивали, что «сохранение режима капитуляций более не соответствует духу времени и нынешнему состоянию (египетского – А.С.) государства»[3]. В данной связи, Великобритания указывала на возможность, «за некоторыми

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.368.
[2] Ibid.
[3] Ibid. Col.134.

исключениями», восстановить «в полной мере действие египетских законов», а также «юрисдикцию египетских трибуналов»[1]. Отдельное внимание в ходе переговоров уделялось деятельности Смешанных судов, в которых ключевую роль играли иностранные представители. Данные судебные структуры обладали широкой компетенцией, как непосредственно в сфере судопроизводства, связанного с интересами иностранных подданных, так и в отношении всей системы египетского законодательства, касавшегося иностранцев. Положениями договора предусматривалось существенное изменение ситуации в судебной сфере. В течение определённого периода предполагалось продолжение деятельности Смешанных судов, функции которых расширялись и должны были теперь включать и вопросы, входившие ранее в сферу компетенции консульских судов[2].

С точки зрения законодательства, все ограничения, связанные с применением к иностранцам норм египетского законодательства отменялись. В то же время, правительство Египта давало обязательство о том, что все нормы законодательства, «которые в будущем предполагается применять к иностранцам, должны соответствовать современным правовым критериям и не предусматривать каких-либо дискриминационных мер в отношении иностранных граждан и юридических лиц»[3]. Вопросы, связанные с дальнейшим реформированием египетской судебной системы предполагалось, в случае необходимости, передать на рассмотрение Совета Лиги Наций[4].

Британская сторона, кроме того, брала на себя обязательство выступить посредником в переговорах египетского правительства с другими европейскими государствами, обладавшими капитуляционными привилегиями в Египте. В одном из официальных заявлений Форин офиса, посвящённых заключению англо-египетского договора особо подчеркивалось, что «… правительство Его Величества ожидает и выражает

[1] Ibid.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.369.
[3] Ibid. Vol. 328. Col.3-4.
[4] Ibid.

надежду на то, что другие Капитуляционные Державы подойдут к столь деликатной проблеме с благоразумием и позитивным настроем, которые обеспечат успех устремлениям Египта к достижению соглашения[1]».

Основополагающим для двух сторон продолжало оставаться и сотрудничество в военной сфере, которое особо активизировалось на фоне обострения международной обстановки во второй половине 1930-х гг. К июлю 1936 г., на фоне итальянской агрессии в Эфиопии, численность британских войск, дислоцированных на египетской территории достигла 13387 человек, несколько сократившись к осени того же года[2].

В данный период было реализовано несколько совместных проектов, связанных с укреплением обороноспособности Египта, а также безопасности стратегически важных объектов, расположенных на его территории. Одним из них явилось строительство стратегически важной железнодорожной коммуникации между находящимся поблизости от Суэцкого канала городом Заказиком, а также Кафр-эз-Зайятом и Мит-Гхану, расположенными в долине Нила[3]. При этом в рамках политических дискуссий представители Уайтхолла неоднократно подтверждали своё намерение твёрдо придерживаться положений 1936 г., предполагавших оказание помощи египетской стороне, «в случае, если она станет жертвой неспровоцированной агрессии»[4].

В середине января 1937 г., в рамках реализации положений двустороннего договора, в Египет была направлена специальная британская военная миссия, основной официальной задачей которой являлись реорганизация египетской армии, а также подготовка профессиональных кадров для сухопутных войск и ВВС. Согласно данным официальных британских источников, «состав и точные функции Миссии должны явиться предметом согласования с правительством Египта»[5]. 24 апреля 1939 г. премьер-министр Египта М. Махмуд-паша, выступая в Палате депутатов

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.201.
[2] Ibid. Vol. 317. Col.678
[3] Ibid. Vol. 318. Col. 203.
[4] Documents on British foreign policy. Ser. 1 (1918-1939). Vol. 33 P. 320 – 321.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1937), vol. 319. Col.1800-1801.

парламента, официально заявил о том, что «проблема национальной безопасности может быть решена лишь путём тесной кооперации (с Великобританией – *А.С.*) в сферах сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, основанной на положениях Договора об Альянсе»[1].

В дополнение к базовому договору 1936 г. во второй половине 1930-х гг. между Великобританией и Египтом было заключено несколько специальных соглашений, пролонгировавших действие существовавших в различных сферах британских преференций. В июне 1937 г. был подписан документ, закреплявший привилегии и финансовые интересы Великобритании в зоне Суэцкого канала[2]. В соответствии с его положениями, с 1938 г. за британским правительством закреплялась доля в 41% от акционерного капитала, управлявшей каналом компании[3].

Англо-египетский договор 1936 г. послужил, в числе прочего, и основой для постепенной отмены капитуляционных ограничений формального суверенитета Египта, существовавших с конца 1870-х гг. На основании 13-й статьи документа, 4 февраля 1937 г. египетское правительство направило государствам, обладавшим капитуляционными привилегиями, официальное предложение о введении переходного периода, в течение которого предполагалось постепенное восстановление суверенитета Египта в сферах, ограниченных капитуляциями. В специальном коммюнике Форин офиса отмечалось, что «Правительство Великобритании выражает надежду на благосклонное отношение других Держав к данным инициативам и все вопросы, изложенные в ноте Правительства Египта, будут детальным образом урегулированы по итогам совместных консультаций»[4].

12 апреля 1937 г. египетское правительство инициировало созыв специальной конференции, посвящённой обсуждению механизма отмены капитуляций[5]. По словам представителя правительства виконта Крэнбурна,

---

[1] Суэцкий канал (факты и документы) / Ред. А. Ф. Султанов. М, 1959. С. 158.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1937), vol. 347. Col.42.
[3] Ibid. Col.1423.
[4] Documents on British foreign policy. Ser. 1 (1918-1939). Vol. 33. P. 232-233.
[5] Ibid.

созыву конференции предшествовал период «детальных консультаций Правительства Египта с Послом Его Величества и вторым советником по правовым вопросам Форин офиса, благодаря которым была достигнута принципиальная близость в позициях сторон»[1].

Подробное согласование позиций сторон способствовало успешному подписанию в мае 1937 г. специальной конвенции об отмене режима капитуляций. В соответствии с её положениями, предусматривался 12-летний переходный период, по истечении которого Египет был должен полностью восстановить собственный суверенитет в аспектах, ограниченных ранее капитуляционными соглашениями[2]. В октябре, по согласованию с британской стороной, египетское правительство объявило о ликвидации консульской юрисдикции в отношении гражданского, коммерческого и уголовного судопроизводства[3]. Формальным основанием для этого явилась необходимость реализации положений конвенции, подписанной в Монтрё[4].

Ограничение сферы компетенции смешанных судов осуществлялось в соответствии с со специально разработанным международным механизмом, предусматривавшим предоставление твёрдых гарантий иностранным собственникам на египетской территории, а также выплату материальных компенсаций лицам, участвовавшим в их деятельности за счёт бюджета Египта[5].

С точки зрения официальной британской пропаганды, восстановление формальных суверенных прав Египта, означало выполнение Великобританией своих обещаний, связанных с установлением в 1914 г. статуса протектората[6].

Основным объектом британских интересов продолжал оставаться Суэцкий канал. К концу 1930-х г. важнейший стратегический объект, располагавшийся на территории Египта, продолжал оставаться вне

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1937), vol. 347. Col.232-233.
[2] История дипломатии. Под ред. Громыко А.А. и др. Т.3. М., 1965. С. 634.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1937), vol. 325. Col.828-829.
[4] Ibid.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1937), vol. 323. Col.311.
[6] *Кошелев В. С.* Ук. соч. С.140.

юрисдикции египетского правительства. Суэцкий канал находился в ведении частной акционерной компании, во главе которой находился Совет из 32-х директоров. Большинство мест в нём занимали французы, 10 директоров являлись британцами и лишь двое представляли Египет. В ведении британского правительства на тот момент находилось 353504 акции компании, рыночная стоимость которых превышала 55 млн. ф.ст.[1]

Обеспечение безопасности и нейтрализация возможных угроз стратегически важному объекту коммуникаций, продолжали оставаться важнейшей военно-политической задачей Великобритании в ближневосточном регионе. В данной связи, рост активности Италии в Восточном Средиземноморье и Северо-Восточной Африке вызывал серьёзное беспокойство у представителей британской политической элиты. В конце февраля 1938 г. предметом активного обсуждения в Кабинете и парламенте стало заявление вице-короля Эфиопии маршала Р. Грациани о необходимости предоставления Италии преференций в использовании Суэцкого канала и возможности итальянского участия в обеспечении его безопасности. Несмотря на наличие определённой разницы в оценках приоритетов внешней политики, внутри британской политической элиты сформировался принципиальный консенсус относительно необходимости сдерживания растущего влияния Италии, которое воспринималось как основная угроза британским позициям в регионе[2].

К октябрю 1938 г. итальянское руководство приняло решение временно отказаться от военного противостояния с Великобританией в Средиземноморье. Большинство его представителей сошлось во мнении, что Италия на данном этапе не готова к долгосрочному конфликту. Анализируя различные варианты военной компании, руководство итальянского Генерального штаба пришло к выводу о том, что наиболее эффективным способом её ведения могло бы стать вторжение в Египет с территории Ливии

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1938), vol. 332. Col.1123-1124.
[2] Documents on British foreign policy. Ser. 1 (1918-1939). Vol. 33 P. 722-723.

и скорейший захват зоны Суэцкого канала. Но, согласно компетентным оценкам, для успеха данной операции требовалось привлечь не менее шести дивизий. Кроме того, поддерживать коммуникации с наступавшими войсками было бы достаточно сложно ввиду серьёзного превосходства британских военно-морских сил.

На основании англо-египетского договора, 11 марта 1937 г. британское правительство обратилось к Генеральному секретарю Лиги Наций с предложением созыва специального заседания Ассамблеи международной организации, посвящённого приглашению в её состав Египта. Инициативу Великобритании поддержали представители Австралии, Новой Зеландии и ЮАС[1]. В итоге, в 1937 г. Египет члена Лиги Наций став, таким образом, вторым после Ирака арабским государством, включённым в состав ведущей, на тот момент, международной организации[2].

Отдельным предметом внимания британского правительства, представлявшим важную составляющую англо-египетских консультаций являлся статус английских служащих, входивших в штат структур египетского управления различных уровней[3]. Египетское правительство в согласованном порядке осуществляло их частичное сокращение. При этом в соответствии со специальными договорённостями вводился особый порядок компенсационных выплат для увольняемых британских служащих, занятых в правительственных и муниципальных органах управления, полиции и судебных структурах. В соответствии с данными, представленными британским правительством в июне 1939 г. в полицейских структурах Египта, на основе закона, принятого египетским парламентом в 1923 г., находились на службе 25 английских офицеров и 77 констеблей[4].

При этом в соответствии с данными, представленными египетским министерством внутренних дел, происходил процесс постепенного сокращения британского персонала, задействованного в его штатах. Так, в

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1937), vol. 321. Col.1661-1662.
[2] *Ротштейн Ф.А*. Ук. соч. С. 330.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1937), vol. 322. Col.1027-1028.
[4] Ibid. Vol. 348. Col.1281.

1938 г. были аннулированы договоры с 9 офицерами и 35 констеблями, которые вернулись в Великобританию[1].

В британских политических кругах процесс окончательного согласования полномасштабного двустороннего договора с Египтом рассматривался как «вопрос первостепенного Имперского значения»[2]. Накануне обсуждения итогового текста документа в Парламенте, один из членов Палаты лордов отмечал в интервью, что «столь важная проблема требует от нас воздержаться от традиционных партийных пристрастий… и не может являться элементом партийной пропаганды или источником извлечения узкой партийной выгоды»[3]. В британской прессе успех, связанный с успешным завершением длительного англо-египетского переговорного процесса по степени важности сравнивался «с величайшим экспериментом по введению системы самоуправления в Индии, равного которому ещё не видело человечество…»[4]

Особое значение, по мнению политических экспертов, имел тот факт, что как и в случае с Индией, успехи британской политики оказались самым непосредственным образом обусловлены консенсусом ведущих политических сил Великобритании и их межпартийной кооперацией[5]. Накануне окончательного обсуждения текста договора в парламенте, руководители консервативного большинства в обеих Палатах выступили со специальными заявлениями, в которых дезавуировались все прежние претензии к политике либеральных кабинетов в отношении Египта, и особо подчёркивалось, что партийное руководство рассматривало итоговый успех длительных переговоров «как важнейшее средство преодоления того состояния тревоги и неопределённости, в котором англо-египетские отношения находились с 1882 г.»[6]

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1938), vol. 335. Col.113.
[2] *Фридман А.* Ук. соч. С.165.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.251.
[4] *Bergue J.* Egypt: Imperialism and Revolution. N.Y., 1972. P.336.
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.251.
[6] Ibid. Col.339.

В то же время, представители крупнейшей британской партии отмечали, что данный международно-правовой документ «создаёт прочное основание для надежды на последующее мирное развитие и процветание… как Египта, так и тесно связанного с ним Судана»[1]. Одновременно с этим он характеризовался как важнейший инструмент «сохранения достигнутых Великобританией стратегических преимуществ» и обеспечения позиций, «позволяющих гарантировать безопасность как египетской территории, так и проходящих через неё Имперских коммуникаций»[2].

Успешность реализации положений англо-египетского договора, по мнению представителей Консервативной партии, являлась важнейшим фактором, обеспечивающим стабильность на территории Северной Африки, а также «граничащих с Египтом (ближневосточных – *А.С.*) государств и территорий – Ирака, Сирии и Палестины»[3]. Важную роль в выработке партийной позиции относительно англо-египетских взаимоотношений сыграло мнение экспертов, которые в определённые периоды были непосредственным образом связаны с формированием британской политики в отношении Египта.

Показательным, в данной связи, явилось мнение маркиза Крю, отмечавшего в одном из выступлений осенью 1936 г., что «положения, отражённые в Белой книге, отражают общее мнение [Великобритании – *А.С.*] и Доминионов, для которых вполне очевидной является зависимость британских интересов от степени благополучия населения Египта. Именно с этой точки зрения мы понимаем значение декларации 1922 г.»[4]

Большинство представителей британской политической элиты сходились в оценках подписанного в августе 1936 г. договора, как вынужденного компромисса, позволившего удовлетворить ключевые интересы Великобритании. В подготовленном в ноябре 1936 г. для членов

---

[1] Ibid.
[2] *Blyth R J*. The Empire of the Raj. India, Eastern Africa and the Middle East, 1858-1947. Basingstoke, N. Y., 2003. P.47.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.376.
[4] Ibid. Col. 377.

парламента аналитическом документе, специалисты военного ведомства подчёркивали, что «военные статьи документа способствовали устранению многих существовавших недостатков и поводов для недовольства, существовавшего среди египтян»[1]. В числе таковых упоминались вопросы, связанные с передислокацией британских войск и порядком их размещения в зоне Суэцкого канала. По мнению авторов документа, позитивное отличие окончательного текста договора заключалось как в обеспечении механизма эффективной защиты канала от «внешних угроз», так и в урегулировании вопросов, связанных с совместным строительством коммуникаций и военной инфраструктуры[2].

Особое значение, в данной связи, отводилось положениям 5-го пункта 4-го параграфа приложения к 8-й статье договора. В них оговаривалось обязательство египетской стороны, подтверждённое премьер-министром страны, выделить 4 млн. ф.ст. на строительство бараков для британских военнослужащих, а также 4 млн. ф. ст. на обустройство коммуникаций, связывающих новые объекты военной инфраструктуры.

Из общей суммы дополнительных военных расходов в 8 млн. ст., на долю бюджета Великобритании должно было прийтись не более 1 млн. ф.ст. В одном из отчётов, подготовленных военным ведомством для парламента отмечалось, что британская сторона не должна нести расходов, «связанных со строительством помещений для военно-воздушных сил, с обеспечением работ по осушению земель и водоснабжению,… а также с обеспечением жильём гражданского персонала. Единственное наше финансовое обязательство состоит в необходимости оплаты четверти расходов по строительству новых армейских бараков для более чем восьми тысяч человек»[3].

Кроме того, как отмечал в комментариях к документу лорд Плимут, представлявший правительство в Палате лордов, «в соответствии с 4-м

---

[1].Ibid. Col. 379.
[2] Ibid.
[3] *Clayton A*. Op. cit. P.408.

пунктом 8-й статьи Правительство Его Величества выплатит реальную сумму, которую Египетское Правительство потратило до 1914 г. на строительство новых бараков, являвшихся альтернативой военным помещениям в Каср-эль-Ниле в Каире»[1]. По его словам, эта сумма должна была составить 390 тыс. ф. ст.[2] Наряду с этим, египетское правительство обязалось выплатить Великобритании 400 тыс. ф. ст. за передачу в его пользование военных объектов, освобождавшихся в связи с передислокацией британских войск[3].

Вместе с тем, египетская сторона обязалась оказать содействие в строительстве систем водоснабжения для новых военных объектов, а также в финансировании работ по осушению болот на прилегающей к ним местности в целях предотвращения возможных вспышек эпидемических заболеваний[4]. Их реализация, по мнению британских экспертов, была призвана не только улучшить условия пребывания в зоне канала военнослужащих Великобритании, но и способствовать экономическому развитию данных территорий[5].

В то же время, в период обсуждения окончательного текста договора, некоторые представители Консервативной партии высказывали опасения относительно перспектив реализации ряда его положений. По мнению лорда Ллойда, в вопросах, касающихся внутреннего положения египетского государства политика Форин офиса демонстрировала «постепенное, но уверенное отступление от принципов, заложенных в рапорте комиссии Милнера»[6]. Ряд положений договора, связанных в частности с обеспечением гарантий иностранцев на египетской территории, он охарактеризовал как «бегство» от обязательств, которые ранее приняло на себя британское правительство. «Безопасность иностранных граждан, - отмечал лорд Ллойд в одном из своих выступлений,- равно как и защита национальных

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.398.
[2] Ibid.
[3] *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East… P. 158.
[4] *Collins R. O., Tignor R.* L. Op.cit. P.140
[5] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.378.
[6] Ibid.

меньшинств, а также обеспечение наших коммерческих интересов и благополучия египтян, были принесены в жертву главной цели – скорейшему достижению стратегического альянса с Египтом»[1]. При этом значительная часть подобных критических замечаний сводилась к тому, что необходимой протекции лишались британские подданные, имевшие коммерческие и иные интересы на египетской территории.

Не возражая, в принципе, против идеи ликвидации капитуляционных ограничений и восстановления суверенитета Египта критики договора считали необходимым сделать более продолжительным переходный период, связанный с изменением юрисдикции смешанных судов, реформой законодательства, систем юстиции и налогообложения[2]. Поспешная реализация данных положений, по мнению скептиков, могла вызвать и международные осложнения, так как создавала потенциальную угрозу интересам других государств, обладавших капитляционными привилегиями в Египте[3]. Как отмечалось в одном из политических документов: «… Правительство, на наш взгляд, не в полной мере осознаёт глубину опасений, связанных с перспективами дальнейшего сохранения стабильности, которые существуют как среди британских и иных иностранных подданных, так и среди самих египтян, которые связывают стабильность своего существования с нашей протекцией»[4].

Критическое отношение у части британских политиков вызывали и статьи договора, касавшиеся статуса Суэцкого канала, и создававшие, по их мнению, «туманные перспективы» для его будущей безопасности[5]. В качестве примеров такого рода приводились положения 8-й и 16-й статей документа, устанавливавшие, по мнению некоторых британских экспертов, существенные ограничения для Великобритании в плане размещения и

---

[1] Ibid. Col.380.
[2] The Yorkshire Post. 1936. 24th August. P.8.
[3] *Morewood S*. Op. cit. P. 260.
[4] Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. P.53.
[5] Суэцкий канал (факты и документы). С.131.

переброски войск, необходимых для защиты зоны канала в случае возникновения внешних угроз[1].

В данной связи выдвигались определённые сомнения относительно «справедливости той цены, которой пожертвовало Правительство Его Величества для достижения целей, обусловленных текущей ситуацией»[2]. Скептики апеллировали, в том числе, и к мнению наиболее известного британского чиновника, имевшего опыт администрирования в Египте – лорда Кромера, высказывавшего в своё время мнение о том, что «политическая судьба последних десятилетий неминуемо определяет участь египтян стать частью Британской империи… Ни одно иное решение в нынешних условиях не возможно»[3].

Обращаясь к традиционной для классического империализма фразеологии, представители консервативной части британского политического истеблишмента высказывали сомнения относительно «принципиальной возможности населения бассейна Нила обеспечить собственное благополучие без содействия иностранного интеллекта, энергии, финансов и предпринимательской инициативы»[4]. Более того, в британской прессе данного периода встречались утверждения о том, что «успехи, достигнутые египтянами в последние несколько десятилетий, несмотря на заметный прогресс египетских институтов в различных сферах, вряд ли можно связать с их собственным трудом»[5].

В связи с этим, как подчёркивалось в одной из публицистических работ, появившихся в период завершения англо-египетских переговоров, «довольно распространённой в политических кругах является точка зрения о том, что следствием вывода британских войск из крупных египетских городов, а также сокращения европейского элемента в полицейских и судебных структурах станет рост экономической ксенофобии, равный тому,

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.381.
[2] Aberdeen Press and Journal. 1936. 13th December. P. 6.
[3] *Mansfield P*. Op. cit. P.278.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936), vol.103. Col.359.
[5] Ibid.

который происходил в других восточных странах вследствие отмены аналогичных ограничений»[1]. В качестве негативного примера «поспешной отмены капитуляций британские эксперты часто обозначали кемалистскую Турцию, где этатистские преобразования вызвали «отток иностранного капитала и упадок предпринимательской активности»[2].

В посланиях, адресованных руководству Форин офиса представителями некоторых британских финансовых структур, имевших свои интересы в Египте, содержался перечень конкретных угроз банковской системе, которые могли возникнуть вследствие поспешной реализации договора. К их числу относилось возможное прекращение деятельности двух из четырёх крупнейших банковских структур, игравших важнейшую роль в финансовой системе Египта[3]. Кроме того, необходимость сохранения «протекции Правительства Великобритании» объяснялась растущей конкуренцией со стороны других европейских, в первую очередь, французских банков, а также необходимостью «сохранить сложившуюся систему связей с банком «Мыср» и другими ведущими египетскими банковскими структурами»[4].

Опасения, связанные с утратой благоприятных условий для коммерческой деятельности в Египте, где у Великобритании были существенные экономические интересы, являлись, таким образом, одним из главных оснований для критики положений договора, явившегося итогом длительных усилий Форин офиса. На этом основании, некоторые британские политики, представлявшие в основном Консервативную партию, призывали правительство и, в первую очередь, Форин офис, к максимальной сдержанности в реализации той части договора, которая касалась отмены капитуляционных ограничений. Как отмечалось в одном из парламентских документов, «отдавая должное стремлению египтян к независимости, нам

---

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.382.
[2] Ibid.
[3] В традиционную финансовую группу «Кассел» входили Национальный банк Египта, Аграрный банк, Ипотечная компания, Компания Вади Команбо.
[4] *Hopwood D.* Tales of Empire. The British in the Middle East, 1880-1952. L., Tauris, 1989. P. 268.

необходимо осознавать, что стремительный переход Египта от режима интернационализации к полному суверенитету в определённых отношениях может создать для нас серьёзные угрозы»[1].

Так же, как и в случае с конституционной реформой в Индии, подписание англо-египетского договора вызвало внутри Консервативной партии определённые оппозиционные настроения, направленные, в данном случае в основном против главы Форин офис Э. Идена. Основным объектом дискуссии являлся вопрос о способности египетского правительства реализовать возлагавшуюся на него долю ответственности, связанную с передачей ему части функций, являвшихся по декларации 1922 г. прерогативой Великобритании и ликвидацией существовавших ранее механизмов, позволявших осуществлять внешний контроль над различными египетскими институтами[2].

В комментариях парламентской комиссии, связанных с юридической оценкой отдельных положений договора, отмечалось, что прерогативы некоторых властных структур Египта по своему объёму превышали объём полномочий аналогичных органов в США или Франции. Объектом особого внимания явился, в частности, новый порядок деятельности египетской апелляционной судебной системы, получавшей в соответствии с новыми договорённостями возможность «полного произвола в отношении иностранных граждан без необходимости обращаться в каждом конкретном случае к мнению представителей других государств…»[3].

В отдельных документах и выступлениях представителей Консервативной партии высказывалась точка зрения о «нецелесообразности» и даже «опасности» передачи неограниченных властных функций «молодой, неопытной, неискушённой и незрелой государственной структуре, лишённой эффективных элементов парламентского контроля»[4]. Уступки, сделанные в данной связи правительством Великобритании, были обусловлены, по

[1] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936), vol.103, Col.401.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.384.
[3] Ibid. Col.385.
[4] The Austen Chamberlain Diary Letters… P.305.

мнению лорда Ллойда и разделявших его точку зрения консерваторов, «непродуманными действиями социалистов», впервые согласившихся обсуждать с представителями правительства Египта вопрос «об отмене вето в сфере египетского законодательства»[1].

Последующие действия Форин офиса, а также британских представителей в Египте в вопросах, касавшихся положения иностранцев, а также военного сотрудничества, а также статуса Судана, носили, по их мнению, «поспешный и пренебрежительный характер…, напрямую отразившийся в содержании подписанного в 1936 г. договора»[2]. На этом основании критики политики правительства предлагали поиск «компромиссного решения», которое позволило бы, по их мнению, минимизировать негативное влияние «необдуманных решений, главной жертвой которых может стать сама египетская сторона»[3].

В практической плоскости реализация данного компромисса должна была включать сохранению особого правого статуса британских граждан на территории Египта, которые по прежнему должны были оставаться в сфере исключительной юрисдикции британских судов. Такое решение, по мнению его сторонников, соответствовало формулировкам двух параграфов 13-й статьи документа и не могло существенно навредить суверенным правам египетского государства, «за исключением случаев, связанных с гипертрофированным проявлением националистических чувств»[4].

Наряду с этим правительству предлагалось с максимальной осторожностью подойти к возможной перспективе изменения компетенции консульских судов, а также сокращения европейского полицейского персонала, игравшего существенную роль в обеспечении безопасности иностранных граждан в крупных египетских городах[5].

---

[1] Daily Express. 1936. 15th November. P. 6.
[2] Ibid.
[3] *Dean D. W*. Contrasting Attitudes of the Conservative and Labour Parties to the Problems of Empire, 1922-1936. L., 1974. P. 254.
[4] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col. 386.
[5] Ibid. Col.387-389.

По мнению представителей Форин офиса, данные обвинения носили конъюнктурный политический характер. Как отмечал в одной из бесед Э. Иден, «сохранение за смешанными судами права вето в отношении определённой части законодательных актов, касающихся иностранцев, фактически налагает на них квазизаконодательные функции. В дальнейшем это может привести к возникновению конфликтов с египетскими властями»[1].

Исходя из этого, представители Форин офиса полагали более эффективным способом защиты прав иностранцев использование дипломатических механизмов, которые предоставлял договор, включая возможное посредничество Совета Лиги наций. Аналогичным образом, по их мнению, могли быть обеспечены гарантии продолжения свободной деятельности британцев в культурной и образовательной сферах Египта[2]. Кроме того, реализация договора, с точки зрения руководителей внешнеполитического ведомства, должна была способствовать более эффективному решению вопросов, связанных с выплатой денежных компенсаций британским служащим, которые были задействованы в разных сегментах и сферах египетского управленческого аппарата[3].

По сообщениям британской прессы подписание договора с Великобританией было в целом положительно воспринято большей частью египетских политических сил, а его текст не вызвал существенной критики при обсуждении в парламенте Египта. Вместе с тем, британские чиновники, работавшие в египетских правительственных структурах сообщали о наличии в Каире определённых протестных настроений, связанных с отсрочкой на четыре года вывода британских войск из каирской цитадели Каср-эл-Нил[4]. Ссылаясь на источники в городской полицейской службе, они сообщали о том, что основными зачинщиками протестов являлись каирские студенты[5].

---

[1] Ibid. Col.400-401.
[2] *Chamley J.* Lord Lloyd and the Decline of the British Empire. L.:1987. P.184.
[3] *Connell J.* «The Office». A Study of British Foreign Policy and its Makers, 1919-1951. L., 1958. P.195.
[4] *Голдобин А. М.* Национально-освободительная борьба народа Египта 1918-1936 гг. М., 1989. С.294.
[5] Там же.

Тем не менее, несмотря на отдельные эксцессы, британские политические деятели в целом позитивно оценивали воздействие договора на дальнейшее развитие англо-египетских отношений. Побывавший в Каире осенью 1936 г. лорд Моттисон, являвшийся членом специальной парламентской комиссии, отмечал в отчёте о поездке, что главным её итогом явилась «убеждённость в том, что договор явился лучшим из всех возможных решений, которые мы могли бы принять в отношении Египта»[1]. По его словам, он, несомненно способствовал стабилизации обстановки в стране, достижению консенсуса между ведущими политическими партиями, а также «прекращению беспорядков, продолжавшихся в течение последних восемнадцати лет»[2].

Данную точку зрения поддержал и другой влиятельный член парламентской комиссии, лорд Крю, заявивший в одном из выступлений, что «для Египта было бы неприемлемым любое половинчатое решение на пути от аннексии к независимости» [3]. В подготовленном им позднее отчёте подчёркивалась особая символическая роль данного «жеста», который означал «реализацию главного, что мы обещали со времён сэра Элдона Горста и лорда Кромера: независимости и установления постоянного Альянса и дружеских отношений на условиях признания наших особых интересов»[4].

Отвечая на критические замечания, связанные с сохранением стратегически важных позиций Великобритании в регионе, представители правительства ссылались на то, что 8-я статья договора предусматривала «обеспечение наших жизненно важных интересов в сфере безопасности зоны Канала, а также недвусмысленно предполагала возможность продолжения

[1] The British Empire. A report of its Structure and Problems by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. Oxford, 1938. P.47.
[2] Ibid.
[3] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.390-392.
[4] Ibid. Col. 393.

пребывания здесь британских войск, до того момента, пока египетские силы не окажутся в состоянии самостоятельно выполнять задачи по его защите»[1].

В то же время, важной составной частью пропагандистской компании, сопровождавшей подготовку, подписание и последующее публичное обсуждение англо-египетского договора, явилась идея о выполнении Великобританией основной части своей «исторической миссии», связанной с «созданием наилучшей формы управления для народа, находящегося на достаточно низкой стадии цивилизации»[2].

Эволюция англо-египетских взаимоотношений в межвоенный период являлась основой, закладывавшей вектор британской политики в ближневосточном регионе. Англо-египетский договор, заключённый в 1936 г. был призван стать новым, более гибким механизмом обеспечения долгосрочной реализации британских военно-политических и экономических интересов в долине Нила, а также гарантировать сохранение контроля Великобритании над стратегически важным Суэцким каналом. По словам лорда Бальфура, договорная модель отношений позволяла Лондону сохранять «преобладающий экономический и политический контроль», осуществляя его в форме «дружественной и ненавязчивой кооперации с арабским населением, которая, тем не менее, позволяла бы нам реализовывать наши необходимые интересы»[3].

Вместе с тем, сам факт признания де-юре независимого статуса Египта, стал важным свидетельством глубоких изменений в британской колониальной стратегии. Её важнейшей составляющей стал переход от попыток сохранения прежней системы администрирования к более гибким и завуалированным формам контроля над стратегически и экономически важными владениями. Отказ от традиционных, в основном силовых методов реализации своих имперских интересов, в свою очередь, стал ключевой предпосылкой последующего постепенного демонтажа крупнейшей в

---

[1] *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 210.
[2] Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318. Col.394-397.
[3] *Porter B.* Op.cit. P. 246.

истории колониальной системы. В то же время, данная стратегия позволила Великобритании сохранять своё доминирование в стратегически значимом для неё регионе вплоть до середины 1950-х гг.

Заключение

Межвоенный период ознаменовался принципиально важными тенденциями в развитии британской колониальной системы. Вызванные Первой мировой войной социально-экономические и политические изменения, сдвигами в массовом сознании населения метрополии, а также её обширных владений, обуславливали постепенную смену приоритетов в сфере колониальной идеологии и стратегии по управлению колониальными владениями. Несмотря на то, что колониальная политика не являлась приоритетной сферой общественного внимания, её проблемы оставались важной составляющей повестки ведущих политических сил Великобритании, оказывая заметное влияние на динамику настроений внутри британского истеблишмента.

Положение Великобритании в качестве одного из ключевых элементов международной системы в межвоенные десятилетия в значительной степени определялось наличием у неё огромного ресурсного потенциала обеспечиваемого обширной колониальной периферией. К началу Первой мировой войны Британская империя объединяла в своём составе обширный перечень различных по характеру своего административно-политического устройства и уровню социально-экономического развития территориальных элементов.

Идеологическим основанием активной колониальной экспансии являлась концепция британского империализма, сложившаяся в виде полноценной доктрины в поздневикторианский период и являвшаяся одним из наиболее важных феноменов интеллектуальной жизни Великобритании рубежа XIX-XX вв. Её основные идеи, разделяемые значительной частью политической элиты, являлись одним из ключевых элементов формировавшейся в данный период британской государственной пропаганды.

Вместе с тем, с начала XX в. сфера колониальной политики оказалась подвержена заметным переменам, отражавшим важные процессы, происходившие в различных сферах жизни британского общества и государства. Точкой их отсчёта явились 1900-е гг., что было обусловлено как переходом британского государства к политике либерального реформизма, так и усилением антиимпериалистических настроений вследствие англо-бурской войны. В полной мере данные изменения проявили себя после завершения Первой мировой войны, оказавшейся тяжёлым испытанием как для метрополии, так и для её обширной колониальной и полуколониальной периферии.

На момент завершения Первой мировой войны британская политическая элита, и, в первую очередь, та её часть, которая относилась к представителям Консервативной партии, продолжала оставаться в основном приверженной принципам империалистической идеологии. Укрепление позиций Великобритании в послевоенном мире не в последнюю очередь связывалось её представителями с дальнейшим расширением колониальных владений, в первую очередь, на азиатском и африканском континенте. Данная задача являлась важной составляющей деятельности британской дипломатии, как в годы войны, так и на последующем этапе формирования новой системы мироустройства.

Несмотря на одержанную в войне победу британскому политическому руководству на рубеже 1910-х -1920-х гг. пришлось столкнуться с рядом серьёзных вызовов, затрагивавших различные сегменты имперской организации и проявлявших себя в сферах экономики, политики и идеологии. В экономической сфере основным негативным трендом явилось относительное экономическое ослабление Великобритании, вызванное последствиями войны, а также обострившейся международной экономической конкуренцией. Кроме того, оно сопровождалось заметным ростом экономической самостоятельности различных элементов империи,

включая как доминионы, так и некоторые непосредственно колониальные владения, в первую очередь, Индию.

Важным фактором воздействия на механизм принятия решений в сфере колониальной стратегии явилось заметное изменение в расстановке британских политических сил, связанное как с послевоенными социальными проблемами, так и с тяжёлым кризисом внутри Либеральной партии, приведшим к выдвижению на роль второй ведущей политической силы лейбористов, выступавших с критикой сложившейся в начале XX в. модели колониализма.

Сдвиги в политической сфере находились в тесной взаимосвязи с существенными изменениями, касавшимися массовых общественных настроений. Морально-психологическое состояние британцев, обусловленное шокирующим воздействием событий Великой войны, привело к заметному кризису веры в традиционные имперские ценности, а также нарастанию пацифистских и антиимпериалистических настроений, ставших одним из главных компонентов общественно-политической жизни Великобритании межвоенных десятилетий.

Несмотря на свой огромный международный вес, Британская империя была вынуждена в немалой степени приспосабливаться к новым реалиям международно-политической системы, в немалой степени, основанной на реализации вильсонианских принципов, создававших негативный международно-правовой фон для дальнейшего существования традиционных колониальных систем. В силу этого британское политическое руководство было вынуждено активнее прибегать к использованию косвенных и завуалированных форм и механизмов колониального администрирования.

В межвоенные десятилетия британская имперская система вступила в качественно новый этап развития, связанный с преобладанием центростремительных тенденций, приведших к постепенной трансформации Британской империи в слабо централизованное Британское Содружество наций.

События Первой мировой войны послужили существенным стимулом к усилению деволюционных процессов, приведших к фактическому обретению доминионами государственного суверенитета и последующему образованию Британского содружества наций. Ключевыми событиями, связанными с ним, явилось принятие декларации Бальфура в 1926 г. и утверждение британским парламентом Вестминстерского статута в 1931 г. Наряду с традиционными доминионами громадного прогресса в продвижении к независимому статусу в данный период добилась Ирландия.

Принципиально иным образом центробежные тенденции проявили себя во взаимоотношениях Великобритании с колониальными и зависимыми территориями, расположенными в Азии и Африке. Основополагающей для метрополии проблемой явилось складывание в ряде восточных колоний на рубеже 1910-х-1920-х гг. качественно нового по своему характеру национально-освободительного движения, связанного с организационной и идеологической институционализацией политических движений, главной целью которых являлось достижение независимости. Несомненным лидером данного процесса являлась Британская Индия. В отличие от доминионов, движение которых к независимости носило во многом согласованный с метрополией характер и не вызывало существенного противодействия со стороны британского политического истеблишмента, политические процессы в некоторых колониальных владениях имели для Уайтхолла существенный элемент внезапности и неуправляемости.

Реакцией на возникновение данных трудностей явился поиск новых стратегических решений, осуществлявшийся, в первую очередь, идеологами двух ведущих политических партий данного периода – Консервативной и Лейбористской. Его итогом явилось складывание своеобразного межпартийного реформаторского консенсуса, основанного на осознании необходимости преобразований в сложившейся организации колониального механизма. Лейбористами при этом активно использовался предыдущий интеллектуальный опыт Либеральной партии, а также различные

компоненты социал-реформистской идеологии, в первую очередь, идеи фабианства.

Данный процесс послужил основой для складывания концепции «социалистического империализма», в которой главные акценты делались на идеях морального долга и ответственности британцев за социально-экономическое развитие азиатских и африканских владений, а также их постепенную подготовку к дальнейшему самостоятельному политическому развитию. Внутри Консервативной партии, при этом, заметные позиции занимали скептики, воспринимавшие выдвигавшиеся критики реформистские проекты в колониальной сфере как угрозу традиционным ценностям и основам международного могущества Великобритании.

В сложившихся после Первой мировой войны условиях, британская политическая элита была вынуждена прибегнуть к сложным манёврам, связанным с поиском новым политико-административных механизмов управления подконтрольными территориями. Данная стратегия, не отличалась единством своего внутреннего содержания, а также последовательностью в процессе реализации. В то же время, её важнейшей целью являлась определённая оптимизация системы колониального управления, которая позволила бы сделать его более дешёвым и эффективным.

Основным содержанием политико-административных преобразований данного периода являлся ярко выраженный акцент на использовании косвенных механизмов управления. Они предполагали, в частности, тесное взаимодействие с частью местных элит, а также переход к формально равноправной договорной модели политико-правовых отношений с отдельными из контролируемых территорий, в числе которых в межвоенные десятилетия оказался ряд британских владений на Ближнем Востоке. При всём многообразии форм конкретной реализации данной стратегии, наиболее важными, с точки зрения дальнейшего вектора эволюции взаимоотношений

Великобритании со своими восточными владениями, являлись изменения, произошедшие в рассматриваемый период в Индии и Египте.

Ключевым элементом модернизации системы колониального управления, начавшейся после Первой мировой войны, явилась административно-политическая реформа в Индии, прошедшая в рассматриваемый период два основных этапа. Юридически оформленная Биллем британского парламента в декабре 1919 г. система «диархии» впервые предполагала введение существенных элементов самоуправления в административной системе крупнейшей британской колонии. Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании, отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции её колониальной политики. Он был связан с постепенной и в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима управления восточными колониями.

В последующий период политика Великобритании в Индии не отличалась последовательностью, что отражало наличие серьёзных разногласий в данной сфере между различными группами британской политической элиты. Новый этап реформирования системы управления крупнейшей британской колонией был связан с деятельностью вице-короля лорда Ирвина в конце 1920-х гг. Ключевыми событиями, определившими данную тенденцию, стали деятельность комиссии Дж. Саймона, а также созыв конференции «круглого стола», к участию в которой были приглашены представители различных индийских политических сил. Период обсуждения законопроекта о конституционной реформе в Индии стал одним из важнейших этапов, обозначивших существенное влияние колониального фактора на политические процессы в метрополии. Наиболее серьёзные последствия он имел для ситуации внутри Консервативной партии. Партийное меньшинство, неформальным лидером которого являлся У. Черчилль, выступило категорически против предложенного правительством

законопроекта, расценив его как предательство фундаментальных национальных интересов Великобритании.

Принятый в июле 1935 г. последний в истории Акт об управлении Индией, так же как и Билль 1919 г., явился итогом сложного компромисса интересов между различными группами британской политической элиты. Он стал ключевым этапом в ликвидации важных элементов британской гегемонии на полуострове Индостан, складывавшихся на протяжении полутора столетий, фактически предопределив последующее быстрое продвижение Индии к полностью суверенному статусу.

Важным элементом принятой в августе 1935 г. первой индийской конституции являлась сложная система федеративного устройства, позволявшая Великобритании сохранять заметные рычаги воздействия на ситуацию. Основными из них являлись элементы традиционной стратегии «дурбара», позволявшие опираться на часть княжеской знати, а также использование активно обозначившихся после Перовой войны индуистско-мусульманских политических противоречий.

Акцентом на использовании косвенных методов управления и завуалированных форм реализации влияния отличалась британская политика не только в отношении колониальных владений. Он являлся важной составляющей и применительно к территориям, находившимся в различных формах полуколониальной зависимости от Великобритании. Регионом, в котором система «завуалированного протектората» получила наиболее активное применение, оказался Ближний Восток. Одним из первых важных шагов в её реализации стал отказ Уайтхолла от попыток сохранения статуса протектората в Египте и признание его формальной независимости, состоявшееся в 1922 г. Одной из главных причин, заставивших британское правительство принять столь непростое для него решение, явилось формирование в Египте мощного и достаточно организованного антибританского политического движения.

Суверенный статус египетского государства при этом реально ограничивался жёсткими политико-правовыми рамками, предусматривавшими сохранение британского контроля над его внешней и внутренней политикой, присутствие британских войск на египетской территории, фактический вывод из-под суверенитета Египта зоны Суэцкого канала. Система завуалированного контроля, впервые апробированная в Египте, послужила моделью для сохранения в сфере контроля Великобритании и других ближневосточных территорий, в частности, Ирака и Трансиордании, переданных под британское управление на основании мандата Лиги Наций.

Развитие внутренней ситуации в египетском государстве, а также сложная динамика международной обстановки в Восточном Средиземноморье и бассейне Красного моря, побуждали британское внешнеполитическое руководство к дальнейшему совершенствованию политико-правовых механизмов контроля над Египтом. Переговорные усилия в данном направлении после почти полутора десятилетий переговоров увенчались подписанием в августе 1936 г. окончательного текста полномасштабного англо-египетского договора, вызвавшего определённые дискуссии в британской политической среде. Он сочетал в себе, с одной стороны, признание международно-правового статуса Египта в качестве суверенного государства, а с другой – обеспечивал сохранение «особых» прав британской стороны на его территории.

Оформленная договором 1936 г. система англо-египетских отношений позволила Великобритании сохранять своё господство в стратегически значимом для неё регионе на протяжении последующих двух десятилетий.

Формирование договорной модели взаимоотношений с Египтом, будучи, главным образом, прерогативой Форин офиса, тем не менее, также явилось итогом сложного компромисса внутри британской политической элиты. Дискуссии, сопровождавшие процесс подготовки и утверждения англо-египетского договора, отражая, с одной стороны, наличие разных

позиций в политических кругах Великобритании, свидетельствовали, тем не менее, о наличии принципиального консенсуса в руководстве ведущих британских партий относительно стратегического видения дальнейшего решения колониальных проблем.

Сложные процессы, связанные с трансформацией британской колониальной стратегии в межвоенные десятилетия, в немалой степени определяли дальнейшие тенденции развития системы международных отношений в целом. Обусловленные разнообразными факторами изменения в формах и методах её осуществления, закладывали основы для появления принципиально новых механизмов реализации интересов ведущих держав на международной арене, что в немалой степени предопределило тенденции развития мировой политики в последующий период. В то же время, изменения в восприятии колониальной политики британским обществом и британской политической элитой, а также существенная перестройка механизма её формирования предопределили не только многие принципиально важные тенденции в эволюции крупнейшей колониальной системы, но и оказали заметное влияние на динамику внутренних процессов в самой Великобритании в последующие десятилетия.

Библиография

I. Источники

Архивные материалы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 69. Референтура по Англии. Оп. 6. П.12/1. Ноты британской миссии в Москве в адрес НКИД (1921 г.). – 53 л.
2. АВП РФ. Ф. 69. Референтура по Англии. Оп. 6. П.12/2. Ноты МИД Великобритании в адрес НКИД. – 75 л.
3. АВП РФ. Ф. 69. Референтура по Англии. Оп.10. Д. 79. Информация полпреда СССР в Лондоне за март 1922 г. – 183 л.
4. АВП РФ. Ф. 69. Референтура по Англии. Оп. 12. Д.1-2. Ноты английского консульства в НКИД (1924 г.). – 196 л.
5. АВП РФ. Ф. 69. Референтура по Англии. Оп. 12. Разрыв официальных отношений между СССР и Великобританией (1927 г.). – 47 л.
6. АВП РФ. Ф. 69. Референтура по Англии. Оп. 12. П.47. Обзор английской прессы (апрель-сентябрь 1926 г.). – 82 л.
7. АВП РФ. Ф. 69. Референтура по Англии. Оп. 19. Д. 11. Информация по английской прессе (1931 г.) – 194 л.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ). Ф. 495 Коммунистическая партия Великобритании. Оп. 100. Д.85. Всеобщие выборы 1922 г. – Л. 1-17.
9. РГАСПИ. Ф. 495 Коммунистическая партия Великобритании. Оп. 100. Д.87. Сообщение о 22-й ежегодной конференции Лейбористской партии (1922 г.). – Л.1-125.
10. РГАСПИ. Ф. 495 Коммунистическая партия Великобритании. Оп. 100. Д.88. Материалы предвыборной агитации. – Л.1-9.

Опубликованные источники

Официальные документы

1. Colonial Conference. 1921. Minutes of proceedings. L.: HMSO, 1921. 67p.
2. Colonial Conference, 1926. Minutes of proceedings of the Imperial conference. L., HMSO, 1926. 62 p.
3. Colonial office list. London, HMSO, 1862-1966. The Colonial Office List, L.: H.M.S.O.
4. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Series 1-2. L.: HMSO, 1947-1986.
5. Egypt Parliamentary Committee. The Milner Report. L.: HMSO, 1921. 40 p.
6. Extracts from Imperial Conferences 1930. Canberra, 1930. 47 p.

7. Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. 1918. L.: HM Stationary Office, October, 1918. 264 p.
8. Government of India (Reforms) Act. URL https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/ (дата обращения: 14.10.2016).
9. Imperial Conference 1923. Appendices to the Summary of Proceedings. L.: HMSO, 1923. 88p.
10. Imperial Conference 1923. Summary of Proceedings// The Round Table. 1923. n. 53, p. 207-475.
11. Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3, Calcutta, 1948–49. 572 p.
12. Survey of Overseas Markets. Committee on Industry and Trade. L., 1925. *31 p*.
13. The most gracious speeches to Parliament. 1900-1974. Statements of Government Policy and Achievements. L.: The Macmillan Press Ltd., 1975. 1683 p.
14. The Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth Series. Vols. 110-351. L.: HMSO, 1918-1939.
15. The Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. Vols. 33 - 114. L.: HMSO, 1918-1939.

Документы политических партий. Труды государственных и политических деятелей

1. 1918 Conservative Party General Election Manifesto. URL http://www.conservativemanifesto.com/1918/1918-conservative-manifesto.shtml (дата обращения: 4.11.2013).
2. 1922 Conservative Party General Election Manifesto. URL http://www.conservativemanifesto.com/1922/1922-conservative-manifesto.shtml(дата обращения: 5.11.2013).
3. 1923 Conservative Party General Election Manifesto. URL http://www.conservativemanifesto.com/1923/1923-conservative-manifesto.shtml(дата обращения: 5.11.2013).
4. Baring E., Lord Cromer. Modern Egypt. L.: Macmillan, 1908. 1194 p.
5. Baring E., Lord Cromer. The Modern Egypt. L.: Macmillan, 1911. 931 p.
6. Baring E., Lord Cromer. After-War Problems. L.: Macmillan, 1917. 366 p.
7. Baring E., Lord Cromer. Political and Literature Essays, 1908-1919. N. Y., 1969. 486 p.
8. Blunt W. C. Secret History of the English Occupation of Egypt: Being a Personal Narrative of Events. N.Y.: Knopf, 1922. 444 p.
9. Bose S. C. The Indian Struggle, 1920-1942. N.Y.: Oxford University Press, USA, 1998. 432 p.

10. British general election manifestos. 1900 – 1974. L., 1975. 496 p.
11. British Electoral Facts, 1885-1975. / ed. by Craig F.W.S. L.: Macmillan, 1976. 200 p.
12. Bundock C. J. Direct Action and the Constitution pamphlet. L.: Independent Labour Party, 1920. 16 p.
13. Butler G., Butler D. British political facts, 1900-1994. L.: Macmillan, 1994. 541 p.
14. Butler G., Butler D. Twentieth-Century British Political Facts, 1900-2000. L.: Palgrave Macmillan, 2000. 606 p.
15. Churchill W.S. India: Speeches and in Introduction. L.: T. Butterworth, Limited, 1931. 140 p.
16. Churchill W.S. Thoughts and Adventures. L.: Odhams; N.Y.: Norton, 1932. 378 p.
17. Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / Ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000. 496 p.
18. Curtis L. The Commonwealth of Nations: An Inquiry into the Nature of Citizenship in the British Empire, and into the Mutual Relations of the Several Communities Thereof. L.: MacMillan and Co, 1916-1917. 786 p.
19. Curtis L. The Windows of Freedom. // The Round Table, December 1918. P. 5-33.
20. Liberal League Publications. № 37 (1902).
21. Labour Party. The Colonial Empire. L.: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926. 25 p.
22. Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997 / Ed. by Dale I. L.: Routledge, 2007. 416 p.
23. Liberal Party General Election Manifestos, 1900-1997 / Ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000. 384 p.
24. Marquis of Crewe. Lord Rosebery. L., 1931. Vol. II.
25. Memorandum of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. May 16, 1925. Manchester, 1926.
26. Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933 / Reader L. «Not Yet Able to Stand by Themselves»: Leonard Woolf, Socialist Imperialism, and Discourses of Race, 1925-1941. Irvine, 2011. P.102-130.
27. Report of the 29th annual conference. L.: The Labour Party, 1929. 38 p.
28. Henderson A. Labour's Foreign Policy. L.: Labour Party, 1933 35 p.
29. Henderson A. Labor’s Way to Peace. L.: Methuen, 1935. 132 p.
30. Lord Lloyd. Egypt since Cromer. Volume I-II. L.: MacMillan And Co. Limited, 1933-1934. 434 p.
31. Lugard F. The Dual Mandate in British Tropical Africa. L.: Routledge, 1922.686 p.
32. MacDonald J.R. Labour and the Empire. L.: G. Allen, 1907. 112 p.
33. MacDonald J.R. The awakening of India. L.: Hodder and Stoughton, 1910. 311 p.

34. MacDonald J.R. A Policy for the Labour Party. L.: Leonard Parsons, 1920. 188 p.
35. MacDonald J.R. The Government of India. N.Y: Huebsch, 1920. 291 p.
36. Milner G. C. England in Egypt. L.: E. Arnold, 1909. 517 p.
37. Milner. Empire and Nation. L.: Constable and Company Ltd, 1913. 574 p.
38. Nehru J. The Discovery of India. N.Y.: John Day Company, 1946. 595 p.
39. Nehru J. The Unity of India: Collected Writings, 1937-1940. L.: Drummond, 1942. 422 p.
40. The Fabian Colonial Essays. L.: George Allen And Unwin Ltd, 1954. 263 p.
41. Woolf L. Empire and Commerce in Africa: a study of economic imperialism. L.: Allen & Unwin, 1920. 374 p.
42. Woolf L. Economic imperialism. Oxford: Swarthmore Press Limited, 1920. 111 p.

Мемуары. Документы частного характера

1. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. 3- 4. М.: Соцэгиз, 1935.
2. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах: в 2 т. М.: Соцэгиз, 1957.
3. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М. Издательство иностранной литературы., 1960. 686 с.
4. Amery L. S. My Political Life. Vol. 2. War and Peace, 1914-1929. L.: Hutchison, 1953. 516 p.
5. Asquith H.H. Fifty years of British Parliament. Boston: Little, Brown, and Company, 1926. 336 p.
6. Asquith H.H. Memoirs and Reflections. 1852-1927. Vol. II. Boston, 1928.
7. Attlee C. R. As It Happened. L.: Heinemann, 1954. 227 p.
8. Balfour A. Opinions and argument from speeches and addresses of the earl of Balfour, 1910-1927. L., 1927. 323 p.
9. Browne. H. J. Chamberlain. Radical and imperialist. Extracts from Letters. L.: Longman Higher Education, 1959. 336 p.
10. Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5: 1928-1935 / Ed. by James R. R. New York and London: Chelsea House & Bowker, 1974. 1141 p.
11. Dalton H. Call Back Yesterday. Memoirs 1887-1931. L.: Muller, 1953. 330 p.
12. Eden A. The Eden memoirs: Facing the Dictators. L.: Cassell & Company, 1962. 659 p.
13. Haldane R. B. Universities and National Life. L.: John Murray, 1913. 319 p.
13. Haldane R. H. An Autobiography. L.: Hodder & Stoughton, 1929. 368 p.

14. Lord Parmoor. A Retrospect: Looking Back on the Life of More than Eighty Years. L.: Heinemann, 1936. 350 p.
15. Papers of James Ramsay MacDonald, 1893-1937. Manchester: John Rylands University Library, 1995. 106 p.
16. Snowden P. Labour and National Finance. L.: Leonard Parsons, 1920. 159 p.
17. Snowden P. An Autobiography. L.: Nicholson & Watson, 1934. 570 p.
18. Spender J.A. Life, Journalism and Politics. In 2 vols. L.: Cassell, 1927.
19. The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with his Sisters Hilda and Ida, 1916-1937 / ed. by Self R. C. Cambridge and L.: Cambridge University Press, The Royal Historical Society, 1995. 548 p.
20. The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries, 1929-1945 / Ed. by Barnee J., Nicholson D. L.: Hutchinson, 1988. 1153 p.
21. The Milner Papers. Ed. by C. Headlam. L., 1931-1933. 2 vols.
22. The Papers of Leopold Amery// http: //janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
23. The Earl of Oxford and Asquith. Memories and Reflections 1852 to 1927. Vol. 2. Whitefish: Kessinger Publishing, 2004. 368 p.
24. The means of victory: a speech delivered by the Rt. Hon. Edwin Montagu, M. P., minister of munitions, on the 15th August, 1916. L., T. F. Unwin, 1916. 54 p.
25. Turner E. Catalogue of the Papers of Alfred Milner, Viscount Milner, 1824-1955. Bodleian Library,1979. Он-лайн версия: UPL: http:// http://www.bodley.ox.ac.uk/dept/scwmss/wmss/online/modern/milner/milner.html (дата обращения: 1.11.2015).

Публикации документов. Справочная литература.

1. Райзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. М., 2012
2.Суэцкий канал. Сборник документов. М.: Институт международных отношений, 1957. 179 с.
3. Суэцкий канал (факты и документы) / Ред. А. Ф. Султанов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 246 с.
4. Abstract of British Historical Statistics. Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge: Cambridge Univesity Press, 1962. 513 p.
5. British electoral facts, 1832-2006. Parliamentary research services / Ed. by Railings C., Thrasher M. Aldershot: Ashgate, 2007. 298 p.
6. Chronology of British Parliamentary Elections. 1833-1987 / Complied and ed. by F. W. S. Craig. Chichester: Parliamentary research services, 1987. 383 p.
7. Constructive Criticism by Leading Indians on the Montagu-Chelmsford Scheme. Madras, 1918.
8. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta: Nabu Press, 2012. 486 p.

9. Documents of English History, 1832-1950. Ed. by Barker, W.A., St. Aubyn, G.R.; Ollard, R.L. L.:A. & C. Black, 1954. 320 p.
10. Documents on British political history. Ed. Wroughton J. L.: Macmillan, 1973. 124 p.
11. Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Magisty. L., October, 1918. 268 p.
12. Great Britain and Egypt. 1914-1936. L.: The Royal Institute of International Affairs, 1952. 67 p.
13. Gupta P. S. Towards Freedom: Documents on the Movement for Independence in India. Oxford University Press, New Delhi, 1996-1997. 3 vol.
14. Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary record. Princeton, 1956. Vol. 2. N. Y.: D. Van Nostrand, 1972. 291 p.
15. Kinley D. The Financial History of Great Britain. N.Y.: Oxford University Press, 1918. 116 p.
16. Magdoff H. Colonialism (1763-1970). // Encyclopedia Britannica, 15th ed. L., 1974.
17. Papers Regarding the Negotiations for a Revision of the Anglo Egyptian treaty of 1936. L., 1947. 74 p.
18. Selected documents on British policy. Ed. by Keith A. B. Vol. 2, 1918-1931. From Self-government to National Sovereignty. Vol. 2. Oxford, 1961.
19. Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy, 1763-1917. In Two Volumes. Volume II. Edited by Arthur Berriedal Keith. L., 1918.
20. The British Empire. A report of its Structure and Problems by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. Oxford: Oxford University Press, 1938. 336 p.

Публицистика. Художественная литература.

1. Оруэлл Дж. Эссе, статьи, рецензии. Пермь: Издательство «КАПИК», 1992. Т.II. 320 с.
2. Berard V. British Imperialism and Commercial Supremacy. L.: Longmans, Green and Co, 1906. 324 p.
3. Broughton U. H. The British Empire at War. L.: 1916. 256 p.
4. Brand R. H. War and National Finance. L.: Edward Arnold & Co, 1921. 245 p.
5. Byers E. The British Empire: It's Origin and Destiny. Ottawa, 1921. 182 p.
6. Chirol V. The Egyptian Problem. L.: Macmillan,1921. 356 p.
7. Dilnot F. England after the War. N. Y.: Doubleday, Page & Company, 1920. 332 p.
8. Gibbons H. A. Great Britain in Egypt. N. Y., 1920. 46 p.

9. Hyndman H. M. The Awakening of Asia. L.: Boni and Liveright, 1919. 280 p.
10. Jackson T. A. The British Empire. L., 1921. 40 p.
11. Jenks E. The Government of the British Empire. Boston: Little, Brown, 1919. 369 p.
12. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: The Study in the Politics of Reconstruction. L., 1919. 227 p.
13. Mackinder H. J. The World War and After. L.: George Philip, 1924.195 p.
14. Orwell G. Burmese Days. L.: Important Books, 2001. 218 p.
15. Prothero M. The Development of the British Empire. L., 1917. 116 p.
16. Raj L. England's Debt to India. N.Y.: Knopf, 1918. 453 p.
17. Robinson H. The Development of the British Empire. Boston, N. Y., Chicago, S.-F., 1922. 550 p.

Периодическая печать

1. Aberdeen Press and Journal (1936, 1937).
2. Belfast News Letters (1922, 1926, 1930).
3. Daily Chronicle (1922).
4. Daily Herald (1922)
5. Daily Express (1920, 1933, 1936)
6. Daily Mail (1920, 1930, 1931, 1933, 1935)
7. Daily News (1922, 1931).
8. Daily Telegraph (1922, 1932).
9. Economic, 18/1. (1931).
10. Economic, vol.4, issue 16 (November 1937), p. 386-405.
11. Evening Standard (1927).
12. Evening Herald (1925).
13. Glotchester Echo (1933).
14. Labour Leader (1933).
15.Liberal League Publications. № 37 (1902).
16. Liberal Magazine (1937).
17. Morning Post (1920, 1921, 1922, 1924, 1933).
18. New Leader (1918, 1924).
19. Observer (1920).
20. The Evening News (1933)
21. The London Gazette (1934)
22. The Manchester Guardian (1917, 1919).
23. The Round Table (1918, 1920, 1921, 1931).
24. The Times (1900, 1901, 1914, 1917, 1919, 1920, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1929, 1931, 1932, 1934, 1936).
25. The Western Daily Press (1928, 1929, 1931, 1933).
26. The Western Times (1929).
27. The Yorkshire Post (1936).

28. Westminster Gazette (1920, 1922).

II. Исследования

1. Ар-Рафии А. Восстание 1919 в Египте. М.: Восточная литература, 1954. 432 с.
2. Алаев Л.Б. Индия: Национально-освободительное движение и обострение конфессиональных разногласий // История Востока. Т. 5. Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. Р.Г. Ланда (отв. ред). М.: Восточная литература, 2006. 717 с.
3. Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 470 с.
4. Алаев Л.Б., А.А. Вигасин, А.Л. Сафронова А. Л. История Индии. М.: Дрофа, 2010. 542 с.
5. Ахмедова Л. Ш. Политика Англии в зоне Персидского залива в последней трети XIX - начале XX в. (1870-1914). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 158 с.
6. Байчоров А.М., Неоколониализм: социально-политические цели и методы экспансии. Минск: Беларусь, 1984. 174 с.
7. Беглов И.С. Четвёртая власть: британская модель. М.: Издательство МГУ, 2002. 256 с.
8. Беер М. Англия на перепутье. М.- Л.: Госиздат, 1926. 72 с.
9. Белокреницкий В.Я. История Пакистана в XX в. М.: ИВ РАН, 2008. 566 с.
10. Блосфельд Е.Г. Английский левый лейборизм, 1918-1945. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1990. 174 с.
11. Блосфельд Е. Г. Вопросы социального прогресса в трудах Г. Ласки и программных документах левого лейборизма 1920-1930-х годов. Ленинград, 1990. 80 с.
12. Блосфельд Е.Г. Идеология английского левого лейборизма (1918-1945). М.: Прометей, 1991. 105 с.
13. Блосфельд Е.Г. Левые лейбористы и всеобщая забастовка 1926 года в Великобритании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, Религиоведение, Международные отношения. 2017, №6 (том 22). С. 145-153.
14. Большаков А.П. Эволюционные процессы в британском обществе начала XX века и возникновение правого радикализма // Британская история XIX-XX: люди, события, идеи. Челябинск, 1997. С. 102-129.
15. Бондаревскнй Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX - начало XX в.). М.: Наука, 1968. 542 с.

16. Британская империя в XX веке / Под ред. Пегушева А.М. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. 296 с.
17. Британская империя: становление, эволюция, распад / Под ред. Высоковой В.В. Екатеринбург: Волот, 2010. 188 с.
18. Брутенц К. Н. Колониализм без империй. М.: Знание, 1963. 359 с.
19. Брутенц К. Н. Новая форма порабощения народов. М.: Политиздат, 1969. 94 с.
20. Будилин Е., Королев А. Англия конца XIX и начала XX вв. М.: Издательство Академии РККА, 1939. 84 с.
21. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
22. Валиахметова Г.Н. Нефть и независимость. К истории отмены британского мандата на Ирак, 1928-1932 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 224 с.
23. Валиахметова Г.Н. Иракская нефть в политике великих держав на Ближнем Востоке, 1932-1941. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 444 с.
24. Васильев А.М. Египет и египтяне. М.: Мысль, 1986. 120 с.
25. Виноградов В.Н. У истоков лейбористской партии (1889-1900). М.: Наука, 1965. 446 с.
26. Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л.: Издательство ЛГУ, 1975. 224 с.
27. Винцер Ю.И. Английские капиталовложения за границей в период империализма. М.: Издательство ИМО, 1960. 791 с.
28. Волков Ф.Д. Великобритания: трудные времена. М.: Знание, 1977. 67 с.
29. Володин А.Г. Индия. Становление институтов буржуазной демократии. М.: Научная литература, 1989. 214 с.
30. Волынский В.Я. Английская рабочая партия. М.: Красная новь, 1924. 59 с.
31. Гаврилов Ю.Н. Британское Содружество наций: из опыта сохранения и упрочения влияния метрополии // Международное сотрудничество на пороге XXI века. М.: Издательство Российской академии государственной службы (РАГС), 1999. С. 104-132.
32. Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. М.: Соцэкгиз, 1937. 408 с.
33. Гелла Т. Н. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX начале XX в. Орел.: Издательство Орловского государственного педагогического института, 1992. 130 с.
34. Гелла Т.Н. Идея имперской федерации в свете концепций политики британских либералов в последней трети XIX века.// Опыт европейского федерализма. История и современность. М.: ИВИ РАН, 2002. С.40-55.

35. Гелла Т. Н. К вопросу о внутрипартийной борьбе либералов в годы англо-бурской войны 1899—1902 годов // Новая история. Британская империя: современные подходы и оценки / Отв. ред. М. П. Айзенштат. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 107-132.
36. Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX-начале XX веков. Орёл: Орловский государственный университет, 2009. 170 с.
37. Гелла Т. Н. Россия и страны Запада в системе международных отношений в начале XX века: к предыстории Первой мировой войны // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2014, №5, с. 35-41.
38. Гелла Т. Н. Белые колонии в идеологии и практике британских политических и общественных кругов в последней трети XIX в. // Pax Britannica: история Британской империи и созданного ею мира: сборник научных работ к 60-летию профессора В.В. Грудзинского. Под ред. Нохрина И.М. Челябинск, 2016. С. 39-61.
39. Гобсон, Дж. Империализм. Л.: Соцэкгиз, 1927. 286 с.
40. Гобсон Ч. Экспорт капитала. Пер. с англ. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1928. 260 с.
41. Голдобин А.И. Египетская революция 1919. Л.: Издательство ЛГУ, 1954. 96 с.
42. Голдобин А. М. Национально-освободительная борьба народа Египта 1918-1936 гг. М.: Наука, 1989. 329с.
43. Голлан Дж. Политическая система Великобритании. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 224 с.
44. Гранат И. Классы и массы в Англии в их отношении к внешней торговле: К постановке вопроса. М.: Мосполиграф, 1927. 192 с.
45. Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.), Е. В. Ананьевой. М.: Весь мир, 2014. 480 с.
46. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX первая четверть XX вв.). Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 1996. 312 с.
47. Давидсон А.Б. Сесил Родс и его время. М.: Наука, 1984. 367 с.
48. Давидсон А.Б. Сесил Родс: Строитель империи. М., Смоленск: Олимп, Русич, 1998. 448 с.
49. Датт Р. П. Кризис Британии и Британской империи. М.: Иностранная литература, 1959. 138 с
50. Дворкин И. Н. Идеология и политика правых лейбористов на службе монополий. М.: ГИПЛ, 1953. 472 с.

51. Дронова Н.В. Колониальная экспансия Великобритании в 70-х годах XIX века: очерк идеологии и практики. Тамбов: Издательство ТГУ, 1993. 107 с.
52. Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов: Издательство ТГУ, 1998. 180 с.
53. Дубинский Л.С. Монополии и экономика Англии (до второй мировой войны). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 47с.
54. Еремин Л.Н. Некоторые проблемы генезиса идеологии британского империализма в английской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. М.: Издательство МГУ, 1977. С. 261-315.
55. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815 – 1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959. 263 с.
56. Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. М.: Мысль, 1967. 280с.
57. Заболотный В.М. «Имперский консенсус» первой половины XX в.: последняя попытка Англии предотвратить распад Британской империи // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история, 2012, №1. С. 41-49.
58. Западноевропейский коллективный неоколониализм (ЕЭС и развивающиеся страны). Реферативный сборник / Составители Зубченко Л. А., Шабаева В. И. М.: ИНИОН, 1981. 210 с.
59. Захаров С.В. Англия в 1918-1922 гг. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1941. 31 с.
60. Захаров С.В. Англия 1918-1939. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1952. 54 с.
61. Зеленев Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 370 с.
62. Зигфрид А. Англия наших дней. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1926. 204 с.
63. Зигфрид А. Кризис Британии XX века. М.-Л.: Московский рабочий, 1931. 175 с.
64. Зимулина Л.А. Доминионы и неоколониалистическая политика Англии. Владимир: Издательство Государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского, 1990. 93 с.
65. Зимулина. Л. А. Политические разногласия в английских доминионах в борьбе за государственный суверенитет. // Борьба идей в меняющемся мире: актуальные проблемы политики и идеологии XIX XX вв.: межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский университет, 1993. С. 87-103.
66. Зимулина Л. А. Великобритания и эволюция имперских отношений в годы Первой мировой войны. // История

зарубежных стран и международных отношений в новое и новейшее время: сборник научных статей Владимир: ВГПУ, 2003.
67. Исави Ш. Египет в середине XX в. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 242 с.
68. История дипломатии. Под ред. Громыко А.А. и др. Т.3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1965. 834 с.
69. Капитонова Н.К, Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016. 840 с.
70. Караваева (Фёдорова) Д.Н. Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании // Международный журнал исследований культуры (International Journal of Cultural Research), 2013, № 2 (11). С. 61-68.
71. Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М.: ГИЗ, 1922. 122 с.
72. Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: Мысль, 1990. 541 с.
73. Кобыш В.И. Британия великая и малая. М.: Известия, 1973. 256 с.
74. Ковалевский С.Л. Великобритания. (Экономика, политический строй, внутренняя и внешняя политика). Алма-Ата, 1947.
75. Кожекина М.Т., Федорова И.Е. Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии. М.: Наука, 1989. 176 с.
76. Котов С.А. Английский политический строй на рубеже XIX-XX вв. в освещении русской либерально-буржуазной публицистики// Проблемы британской истории. М.: Наука, 1980. С. 217-228.
77. Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке. М.: Наука, 1975. 189 с.
78. Кошелев В. С. Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции, 1879-1981. Минск, 1984. 204с.
79. Кошелев В. С. Египет: От Араби-паши до Саада Заглула, 1879-1924. М.: Накуа,1992. 288 с.
80. Кручинина Н.А. Британские политические традиции: либерализм, консерватизм, социализм. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. 168 с.
81. Крылов Б.С. Государственный строй Великобритании. М.: Госюриздат, 1957. 82 с.
82. Кузнецова Н.Ю. Политическая система Британской империи конца XIX-начала XX вв.: проблема самоуправляющихся колоний // Вопросы территориально-политического

устройства государства в развитии политической системы общества. Свердловск, 1990. С.119-125.
83. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX-начале XX в. М.: Наука, 1981. 190 с.
84. Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии. М.: Восточная литература, 1963. 592 с.
85. Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919-1925. М.: Госполитиздат, 1947. 488 с.
86. Либерализм Запада XVII-XX вв. / Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С. М.: Издательство ИВИ РАН, 1995. 228 с.
87. Лоцманова Г.И. Из истории формирования колониальной идеологии английского империализма // Вопросы истории, 1963. №2. С. 102-111.
88. Лурье С. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации. В сб.: Цивилизации и культуры / Под ред. Б.С.Ерасова. Вып. II, М., 1995. С. 252-273.
89. Лурье С. Российская и Британская империи: культурологический подход // Общественные науки и современность, 1996, №4. С. 69-77.
90. Лурье С. Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // Общественные науки и современность, 1997, № 2. С. 146-159.
91. Лурье С. IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО – XXI, 2012. 174 с.
92. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М.: Наука, 1965. 259 с.
93. Матковский Н. С. Великобритания. М.: Воениздат, 1950. 178 с.
94. Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики Лейбористской партии. М.: Прогресс, 1964. 508 с.
95. Модель Д.А. История британской империи: без всякого пристрастия?// Идейно-политические проблемы исторической науки. М., 1987. С. 122-131.
96. Мортон А.Л. История Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. 464 с.
97. Мортон А., Тейт Д. История английского рабочего движения. М.: Издательство ИМО, 1959. 263 с.
98. Мочульский Н.Ф. Кризис лейбористской партии в 1931 году. М.: Издательство МГУ, 1956. 233с.
99. Мстиславский С.Д. Рабочая партия. От О'Брайена к Макдональду. М.: Госиздат, 1924. 134 с.
100. Мун П. Т. Империализм и мировая политика. М., Л.: Красный пролетарий, 1928. 430 с.
101. Мюр Р. Как управляется Британия. М.: Соцэкгиз, 1936. 312 с.

102. Райков А.В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. 1905-1930. М.: Наука, 1979. 270 с.
103. Науменков О.А. Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. 159 с.
104. Некрасов В.Н. Выбор перед Англией. М.: Госполитиздат, 1961. 152 с.
105. Некрич А.М., Поздеева Л.В. Государственный строй и политические партии Великобритании. М.: Издательство АН СССР, 1956. 264 с.
106. Неоколониализм: формы и методы эксплуатации развивающихся стран. Реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1986. 175 с.
107. Неоколониализм: сущность, формы, методы / Л. В. Виноградова, М. Я. Волков, И. А. Егоров и др. М.: Наука, 1987. 271 с.
108. Николаев А. Н. Правовой режим Суэцкого канала и национализация Египтом Суэцкой компании. М.: Госюриздат, 1960. 175 с.
109. Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
110. Озадовский А.А. США и Африка. Проблемы неоколониализма. М.: Мысль, 1977. 327 с.
111. Осипова И.Н., Парфенов И.Д. «Реабилитация» теории империализма Д. Гобсона в современной английской историографии // Новая и новейшая история: Межвузовский сборник. Вып. 16. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1997. С. 62 – 72.
112. Остапенко Г.С. Британские консерваторы и деколонизация. М.: ИВИ РАН, 1995. 173 с.
113. Остапенко Г.С. Британский колониализм: духовное влияние метрополии // Британия и Россия. Сб. ст. М.: Издательство РАН, 1997. С. 68-77.
114. Остапенко Г.С. Британская модель деколонизации // Россия и Британия. Вып. 2. М.: Наука, 2000. С. 52-62.
115. Павлов В.И. Формирование индийской буржуазии. М.: Изд. восточной литературы, 1958. 319 с.
116. Павлович М.П. Восток в борьбе за независимость. М.: Наука, 1980. 263 с.
117. Парфёнов И.Д. Актуальные проблемы истории колониализма // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М.: Наука, 1989. Вып. 2. С. 135-145.

118. Парфенов. И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: (Движущие силы, формы и методы) / И. Д. Парфенов. М.: Наука, 1991. 188 с.
119. Парфёнов И.Д. Об исторической роли колониализма. Проблемы историографии // Новая и новейшая история: Межвузовский сборник. Вып. 13. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1993. С. 48- 68.
120. Парфёнов И.Д. Британская империя: взаимодействие и трансляция культур (полемика в английской историографии) // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник. Вып. 18. Саратов, 1999. С. 3-15.
121. Парфёнов И.Д. «Культура и империализм». Взгляд историка // Восток Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2001. С. 211 – 220.
122. Перегудов С.П. Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М.: Наука, 1976. 412 с.
123. Полякова Е.Ю. Федерализм в Великобритании: идеи и реальность // Опыт европейского федерализма. История и современность. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 56-68.
124. Райков А.В. Пробуждение Индии. Деятельность национально-революционных организаций Индии в 1900-1918 гг. М.: Наука, 1968. 150 с.
125. Райков А.В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905-1930 гг. М.: Наука, 1979. 270 с.
126. Райков А.В. Амритсарская трагедия 1919 г. М.: Наука, 1985. 133 с.
127. Распад Британской империи / Отв. ред. А. Г. Милейковский. М.: Наука,1964. 647 с.
128. Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. 2-е изд., М.: Издательство восточной литературы, 1959. 367 с.
129. Ротштейн Э. Внешняя политика Англии и ее критики 1830-1950. М.: Прогресс, 1973. 153 с.
130. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: «Русский мир», 2006. 640 с.
131. Сергеев Е. Ю. Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX — начале XX века: опыт сравнительного анализа // Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления XIX-XX века / Отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Наука, 2006. С. 228-247.
132. Сергеев Е. Ю. Структура и система представлений имперских элит Великобритании и России (опыт сравнительного анализа) // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние

века, новое и новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 / отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 2010. С. 86-90.
133. Сергеев Е. Ю. Комитет имперской обороны – главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / Отв. ред. А.А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 4. Восток на Западе, Запад на Востоке. С. 129-143.
134. Сергеев Е. Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 303 с.
135. Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А. Британская империя. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2004. 444 с.
136. Согрин В.В. Британский либерализм: этапы развития и течения // Новая и Новейшая история. 1996. № 4. С. 28-42.
137. Солодовников В. Г. Неоколониализм: теория и практика. М.: Наука, 1966. 52 с.
138. Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1976. 268 с.
139. Судейкин А.Г. Британская империя и лейбористы до второй мировой войны // Политическая и духовная культура Европы. Пермь: 1992. С. 92-101.
140. Судейкин А. Г. Об историческом месте колониализма // Россия и Британия. Вып. 2. М. 2000. С. 30 - 35.
141. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871—1919 / Тарле Е. В. Собрание сочинений. Т. V. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 596 с.
142. Тартыгина О.О., Гурин И.Г. Имперская идея в представлении элиты Великобритании XIX-начала XX вв. // Вестник Самарского университета. Самара, 2007. № 5/3 (55). С. 89-95.
143. Тартыгина О.О. Об образе британских либералов и его трансформации в 20-е годы XX века // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. Екатеринбург, 2008. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. С. 152-161.
144. Тихонов Ю.Н. Афганская война Третьего рейха. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 383 с.
145. Тихонов Ю. Н. Политика великих держав а Афганистане и пуштунские племена, 1919-1945. М.-Липецк: Информ, 2007. 384 с.
146. Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: ЭКМО, Яуза, 2008. 746 с.

147. Торопова С. Ю. Д. Ллойд Джордж и радикальная политика британских либералов в 20-е годы XX века // Британская история XIX-XX: люди, события, идеи. Под ред. Высоковой В.В. Челябинск, 1997. С. 149-167.
148. Трухановский В.Г. Новейшая история Англии. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 591 с.
149. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918-1939 гг.). М.: Издательство ИМО, 1962. 411 с.
150. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1989. 452 с.
151. Ушкевич Н. Ф. Консервативные ценностные ориентации в культуре Англии в межвоенный период // Исследования по консерватизму. Вып. 5. Пермь, 1995. С.28-31.
152. Фергюсон Н. Чем современный мир обязан Британии. М.: Corpus, 2013. 560 с.
153. Фридман А. Капиталистическое развитие Египта (1882-1939). М.: Наука, 1963. 365 с.
154. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.) М.: Соцэкгиз, 1959. 210 с.
155. Халфин Н. А. Создание и распад Британской колониальной империи. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 106 с.
156. Ходнев, А. С. Окончание Первой мировой войны и создание Лиги Наций // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 8. С. 3-12.
157. Ходнев, А.С. Мандатная система в деятельности Лиги Наций: современные дискуссии и новые интерпретации // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919-1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю.Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 301-311.
158. Ходнев А.С. Марк Сайкс – «лучший знаток Малой Азии» // Новая и Новейшая история, 2016, № 4. С 157-165.
159. Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии в 1947 г. М.: Восточная литература, 2012. 390 с.
160. Черешнева Л.А. Пурна сварадж и Вторая мировая война. Борьба политических сил колониальной Индии в 1939-1945 гг. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. 384 с.
161. Черняк Е.Б. Адвокаты колониализма: Неоколониалистская историография. М.: Мысль, 1964. 375 с.
162. Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX — первой половине XX в. М.: Наука, 1979. 164 с.

163. Чолганская В.Л. Британские парламентские и ведомственные издания. Источниковедческий обзор. 1900 - 1970. М.: Наука, 1974. 288 с.
164. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 920 с.
165. A Companion to Early Twentieth Century Britain. / Ed. by Ch. Wrigley. Oxford, 2003.608 p.
166. Adelman P. The Rise of the Labour Party 1880-1945. London, New York: Longman, 1986. 144 p.
167. Adams J. T. Empire of the Seven Seas. N.Y., L.: Charles Scribners Sons, 1940. 391 p.
168. After the Imperial Turn. Thinking with and through the Nation / Ed. by Antoinette Bourbon. Durcham, 2003.434 p.
169. Andrew C. M. France, Britain and the Peace Settlement: A Reconsideration // The Great Powers and the Middle East, 1919-1939. N. Y. L., 1988. P. 252-272.
170. Adelman P. The Rise of the Labour Party 1880-1945. London, NY: Longman, 1986. 144 p.
171. An Economic and Social History of Britain, 1760-1990. Ed. by May T. L.: Longman, 1996. 536 p.
172. Antonius G. The Arab Awakening. The Story of Arab National Movement. L.: Routledge, 2000. 482 p.
173. Aossey D.W. Reading Arabia: British Orientalism in the Age of Mass Publication 1880 –1930. N.Y.: Syracuse University Press, 2014. 264 p.
174. Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University press, 2001. 245 p.
175. Ashworth L.M. International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918-1945. L.: I.B. Tauris Academic Studies, 2007. 293 p.
176. Ashworth W. An Economic History of Britain, 1870-1939. L.: Routledge, 1960. 456 p.
177. Ball S., Holliday I. Mass conservatism: the Conservatives and the public since the 1880s. L.: Routledge, 2002. 248 p.
178. Ball S. The Conservative Party and British Politics, 1902-1951. L., N.Y.: Routledge, 2013. 177 p.
179. Barclay G. St. The Empire is marching: a study of the military effort of the British Empire, 1800-1945. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1976.
180. Bell D. The Idea of Great Britain. Princeton: Princeton University Press, 2007. 277 p.
181. Beloff M. Imperial Sunset. Vol. 1: Britain's Liberal Empire, 1897-1921. L.: Palgrave Macmillan UK, 1969. 387 p.
182. Bentley M. The Climax of Liberal Politics, 1868-1916: British Liberalism in Theory and Practice. L.: Hodder Arnold, 1987 176 p.

183. Best G. Churchill: A Study of in Greatness. L.: Oxford University Press, 2001. 400 p.
184. Bergue J. Egypt: Imperialism and Revolution. N.Y.: Praeger, 1972. 736 p.
185. Blake R. The Conservative Party from Peel to Thatcher. L.: Methuen Publishing, 1985. 416 p.
186. Blyth R J. The Empire of the Raj. India, Eastern Africa and the Middle East, 1858-1947. Basingstoke, N.Y.: Palgrave and Macmillan, 2003. 272 p.
187. Boehmer E. Immensurable Strangeness in Imperial Times: Leonard Woolf and W. B. Yeats/ Modernism and Empire. Ed. by Booth H. J. and Rigby N. N.Y., 2000. P. 93-111.
188. Boehmer E. Empire, the National and Postcolonial, 1890-1920: Resistance in Interaction. L.: Oxford university press, 2002. 248 p.
189. Bosanquet B. The Philosophical Theory of State. L., 1899. 376 p.
190. Bowle J. The Imperial Achievement. The Rise and Transformation of the British Empire. Boston-Toronto: Little Brown, 1975. 484 p.
191. Brett R. S. A History of the British Empire and Commonwealth. L.: Nelson, 1966. 576 p.
192. Bridge C. Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution. N.Y.: Envoy. 1986. 220p.
193. Brown J. Gandhi: Prisoner of Hope. New Haven; L.: Yale University Press, 1989. 440 p.
194. Brown J. M. Modern India: The Origins of an Asian Democracy. L.: Oxford university press, 1994. 459 p.
195. Burgess M. The British tradition of federalism. L.: Leicester University Press, 1995. 197 p.
196. Burke S. M., Quraishi S. A. The British Raj in India. L.: Oxford university press, 1995. 718 p.
197. Burt A. L. The Evolution of the British Empire and Commonwealth from the American Revolution. Boston, 1956. 950 p.
198. Busch B.C. Britain, India and Arabs, 1914-1921. Berkeley: University of California press, 1971. 522 p.
199. Butlin R Geographies of Empire: European Empires and Colonies, 1880-1960 Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 692 p.
200. Cain P. J., Hopkins A. G. British Imperialism. In 2 vols. L., 1993. Vol.II. 504 p.
201. Cain P. J., Hopkins A. G. British Imperialism, 1688-2000. L.: Routledge, 2002. 784 p.
202. Callahan J. The Labour Party and Foreign Policy: A History. L.: Routledge, 2007. 352 p.
203. Carey H.M. God's empire: religion and colonialism in the British world, c. 1801-1908. N.Y., Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 446 p.

204. Carrington. The Liquidation of the British Empire. Toronto, 1961. 190 p.
205. Carlton D. MacDonald versus Henderson, N.Y.: Humanities Press, 1970. 239 p.
206. Carrothers W.A. Emigration from the British Isles with special reference to the development of the overseas dominions. L.: King, 1929. 328 p.
207. Cell J. W. Colonial Rule. The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. N.Y.: Oxford University Press, U.S.A, 1999. 800 p.
208. Chamley J. Lord Lloyd and the Decline of the British Empire. L.: Littlehampton Book Services Ltd, 1987. 312 p.
209. Claeys G. Imperial Skeptics: British Critics of Empire, 1850-1920. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2010. 356 p.
210. Clarke P. F. Lancashire and the New Liberalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 488 p.
211. Clayton A. The British Empire as a Superpower, 1919-1939. L.: MacMillan, 1986.545 p.
212. Cohen S. P. The Indian Army. Berkeley: University of California press, 1971. 216 p.
213. Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton: Princeton University Press, 1996. 189 p.
214. Cole G. D. H. British Trade and Industry: Past and Future. L.: Macmillan, 1932. 466 p.
215. Cole G.D.H. A History of the Labour Party from 1914. L.: Routledge & K. Paul, 1948. 517 p.
216. Cole M. The Story of Fabian Socialism. L.: Heinemann, 1961. 366 p.
217. Collen N. The Butcher of Amritsar: General Reginald Dyer. L.: Bloomsbury Academic, 2005. 576 p.
218. Collins R. O., Tignor R. L. Egypt and the Sudan. Englewood-Cliffs: Prentiss Hall, 1967. 180 p.
219. Colonialism and Culture. / Ed by N.B. Dirks. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. 402 p.
220. Colonialism and Welfare: Social Policy and the British Imperial Legacy. / Ed. by Midglay J., Piachaud D. L.-N. Y., 2011. P. 190-192.
221. Cook C., Stevenson J. The Longman Handbook of Modern British History. L.: Pearson, 2001. 506 p.
222. Cook C. The Age of Alignment: Electoral Politics in Britain, 1922-1929. L.: Macmillan, 1977. 377 p.
223. Connell J. «The Office». A Study of British Foreign Policy and its Makers, 1919-1951. L.: Wingate, 1958. 367 p.
224. Copland I. India 1885-1947. The Unmaking of Empire. L.: Routledge, 2001. 156 p.

225. Copland I. The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917-1947. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 318 p.
226. Court W. H. B. British Economic History, 1870-1914. Cambridge: Cambridge University press, 1965. 471 p.
227. Cultures of Empire. Colonizers in Britain and he Empire in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Ed. by C. Hall. N.-Y.: Routledge, 2000. 390 p.
228. Cumming H. H. Franco-British Rivalry in Post-War Near East. L.: Oxford University Press, 1938. 229 p.
229. Cyr A. Liberal Party Politics in Britain. New Brunswick, New Jersey: Transaction Inc., 1977. 318 p.
230. Dafoc J. W. Great Britain and the Dominions. Chicago, 1928. 510 p.
231. Dangerfield G. The Strange Death of Liberal England. L: Stanford University Press, 1935. 366 p
232. Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East. N.Y: St. Martin's press, 1981. 333 p.
233. Darwin, J. The End of the British Empire: The Historical Debate. Oxford: Basil Blackwell, 1991. 128 p.
234. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 811 p.
235. Darwin J. Unfinished Empire: The Global Expansion of Britain. N.Y.: Bloomsburg, USA, 2013. 496 p.
236. Davidson W.L. Political thought in England. The utilitarian's from Bentham to J.S. Mill. L., 1929. 268 p.
237. Davidson R. Whitehall and the Labour Problem in Late Victorian and Edwardian Britain. A study in official statistics and Social Control. L.: Croom Helm, 2001. 293 p.
238. Dawson W.H. R. Cobden and foreign policy. L.: Allen & Unwin, 1926. 349p.
239. Dean D. W. Contrasting Attitudes of the Conservative and Labour Parties to the Problems of Empire, 1922-1936. L., 1974. 385 p.
240. Digby K. Prosperous British India, L.: I Fisher Unwin, 1901. 731 p.
241. Dilke Ch. W. The British Empire. L.: Leopold Classic Library, 1899. 172 p.
242. Dobb M.H. Some Aspects of Economic Development: Three Lectures. Delhi, 1951.
243. Douglas R. The History of the Liberal Party, 1895-1970. L.: Sidgwick & Jackson , 1971. 331 p.
244. Drummond I.M. Imperial Economic Policy, 1917-1939. L., 1974.
245. Dutt R.P. India today. L.: V. Gollancz, Ltd., 1940. 544 p.
246. Dutt R.P. Britain's Crisis of Empire. L.: Lawrence & Wishart, 1949.162 p.

247. Dutt E.P. The crisis of Britain and the British Empire. L.: Lawrence and Wishart, 1957.535 p.
248. Dutton P. A history of the liberal party in the twentieth century. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 360 p.
249. Edwardian England. L., Canberra: Croon Helm, 1982. 186 p.
250. Egerton H. E. British Colonial Policy in the XXth century. L.: Cambridge University Press, 1922. 280 p.
251. Egerton H. E. A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. L.: Cambridge University Press, 1924. 524 p.
252. Egerton W. Ideology, Diplomacy and International Organization: Wilsonism and the League of Nations in Anglo-American Relations, 1918-1920 //Anglo-American Relations in 1920s: the Struggle for Supremacy. Ed. by B.J.C. McKercher. Edmonton, 1990. 260 p.
253. Elliot W. Y. The New British Empire. N. Y. and L., 1932. 519 p.
254. Empire Development & Colonialism: Past and Present / Ed. by M. Duffield & V. Hewitt. L., 2009. 223 p.
255. Etherington N. Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital. Totowa: N.J.: Barnes & Noble Books, 1984. 296 p.
256. Ferguson N. Empire: the Rise and Demise of the British World Order and Lessons for Global Power. N.Y.: Basic Books, 2004. 400 p.
257. Feuchtwanger E.J. Democracy and Empire. Britain 1865 -1914. L.: Bloomsbury Academic, 1975. 416 p.
258. Fieldhouse D.K. The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century. N.Y.: Delacorte Press, 1967. 450 p.
259. Fieldhouse D. Economics and Empire, 1830-1914. N. Y.: Cornell University Press, 1973. 527 p.
260. Fisher J. Curzon and British Imperialism in the Middle East, 1916-19, L.: Psychology Press, 1999. 342 p.
261. Fitzsimons M.A. Britain and the Middle East in the Twentieth Century. L., 1964. 235 p.
262. Elgood P. G. Egypt and the Army. L.: Oxford University Press, 1924. 385 p.
263. Elgood P. G. The Transit of Egypt. L.: Longmans Green & Co, 1928. 342 p.
264. Foot A. R. D. British Foreign Policy since 1898. L., 1956. P. 30-31.
265. Foster R. F. Modern Ireland 1600-1972. N.Y.: Penguin books, 1989. 688 p.
266. Fox R. The Class Struggle in Britain in the Epoch of Imperialism. 2 vols. L., 1933.
267. Fraser L. India under Curzon and After. L., 1911. 516 p.
268. Fraser P. Joseph Chamberlain. Radicalism and Empire, 1868-1914. L.: Cassell, 1966. 349 p.

269. Freeden M. Liberalism divided. A study in British political thought. 1914 – 1939. Oxford: Oxford University Press, 1986. 400 p.
270. Galloway R. The Order of the British Empire. L.: Central Chancery of the Orders of Knighthood, 1996. 188 p.
271. Garni L., Duignan P. Burden of Empire: An Appraisal of Western Colonialism in Africa South of the Sahara. N.Y.: F. A. Praeger, 1968. 435 p.
272. Gathorne-Hardy G. M. A short history of international affairs 1920 to 1939. L.: Oxford University Press, 1939. 540 p.
273. Cibral M. Sh. The History of Anglo-Egyptian Negotiations. N.Y.: Praeger, 1952. 444 p.
274. Gilbert B. B. British Social Policy, 1914-1939. London: Batsford, 1970. 343 p.
275. Glendevon J. The Viceroy at Bay: Lord Linlithgow in India, 1936-1943. London and Glasgow: Harper Collins Distribution Services, 1971. 288 p.
276. Gopal S. The Viceroyalty of Lord Irwin, 1926-1951. Oxford: Clarendon Press, 1957. 168 p.
277. Gopal R. Indian Muslims. A Political History (1858-1947). N.Y.: Asia Publishing House, 1959. 351 p.
278. Grainger J. H. Patriotism: Britain 1900-1939. L.: Routledge & Kegan Paul, 1986. 441 p.
279. Grayson R.S. Liberals International Relations and Appeasement. London and Portland, Frank Cass, 2001. 317 p.
280. Grant M. Propaganda and the Role of the State in Inter-War Britain. Oxford: Clarendon Press, 1994. 296 p.
281. Greenberger A. J. The British image of India: A Study in the Literature of Imperialism 1880-1960, Oxford: Oxford University Press, 1969. 234 p.
282. Green E.H.H. Ideologies of Conservatism. Oxford: Oxford University Press, 2002. 320 p.
283. Griffiths P. Empire into Commonwealth. L: Oxford University Press, 1969. 391 p.
284. Grigg E. The Greatest Experiment in history. New Haven: Yale University Press, 1924. 228 p.
285. Guedalla Ph. A Gallery. L.: Constable, 1924. 285 p.
286. Gupta P. S. Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964. L.: Palgrave Macmillan UK, 1975. 454 p.
287. Guttsman W.L. The British political elite. L.: MacGibbon & Kee, 1963. 398 p.
288. Hale O. J. The Great Illusion, 1900-1914. N.Y.: Harper & Row, 1971. 361 p.
289. Hall W. P. Empire to Commonwealth. Thirty Years of British Imperial History. N.Y.: H. Holt and Company, 1928. 526 p.

290. Hall H. D. History of the British Commonwealth. L.: Van Nostrand Reinhold, 1971. 1015 p.
291. Hancock W. L. Survey of British Commonwealth Affairs. Vol. 1. Problems of Nationality, 1918-1936. Oxford: Oxford University Press, 1937. Vol. I. 673 p.
292. Hancock W.L. Survey of British Commonwealth Affairs. Vol. II. Problems of Economic Policy. L.: Royal Institute of International Affairs, 1940. 324 p.
293. Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2000. 478 p.
294. Harlow V. T. The Character of British Imperialism. L., 1939. 192 p.
295. Harlow V. The Historian and British colonial History. Oxford: Oxford University Press, 1951. 246 p.
296. Harrison T.R. Britain in the Middle East: 1619-1971. L.: Bloomsbury Academic. 304 p.
297. Hart D.M. Interests, Ideas, and Entrepreneurship. URL http://www. http://oll.libertyfund.org/pages/lm-ideas. (дата обращения: 22.04.2016).
298. Haslam J. No Virtue like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli. N.Y.: Yale University Press, 2002. 272 p.
299. Hearnshaw F. J. C. Democracy and the British Empire. L.: Constable and Company Ltd., 1920. 230 p.
300. Heussler R. Yesterday's Rulers: The Making of the British Colonial Service. N.Y.: Syracuse University Press, 1963. 260 p.
301. Hiden R. Empire and after. L., 1949. 243 p.
302. Higham R. The Military intellectuals in Britain. 1918-1939. New Brunswick: Greenwood Press, 1966. 282 p.
303. Hill C.P. British Economic and Social History. L.: Arnold, 1986. 323 p.
304. Hinsley F. H. Nationalism and the International System. N.Y.: Oceana Publications, 1973. 192 p.
305. History of India under the Government of the Crown. Oxford: Clarendon Press, 1920. 870 p.
306. Hobhouse L.T. Mind in evolution. L.: Macmillan, 1901. 415 p.
307. Hobhouse L.T. Morals in evolution, a study in comparative ethics. L.: Chapman and Hall, 1906. 676 p.
308. Hobhouse. L.T. Development purpose. L.: Book on Demand Ltd, 1913. 404 p.
309. Hobsbawn E.J. Industry and Empire. L.: Penguin, 1986. 432 p.
310. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 206 p.
311. Hobson J. Imperialism. L., 1902. 412 p.

312. Hobson J. Problems of a New World. L.: Routledge, 1921. 278 p.
313. Hobson J. A. The Economics of Unemployment. L.: Allen & Unwin, 1922. 166 p.
314. Hobson J. A. The Conditions of Industrial Peace. L.: Allen and Unwin, 1927. 123 p.
315. Hobson J. A. From Capitalism to Socialism. Richmond: Hogarth Press, 1932.53 p.
316. Holt P. M. Egypt and the Fertile Crescent 1516-1922. N.Y.: Longmans, Green and Co., 1966. 349 p.
317. Hopwood D. Tales of Empire. The British in the Middle East, 1880-1952. L.: Tauris, 1989. 256 p.
318. Horne E. A. The Political System of British India. Oxford: The Claredon Press, 1922. 184 p.
319. Howe S. Anticolonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918-1964. Oxford: Clarendon Press, 1994. 392 p.
320. Howell D. MacDonald's Party: Labour Identities and Crisis, 1922-1931. Oxford: Oxford University Press, 2002. 452 p.
321. Hudson R. The Raj: An Eyewitness History of the British in India. L.: The Folio Society, 1999. 648 p.
322. Hunt R., Harrison J. The District Officer in India, 1930-1947. L.: Scolar Press, 1980. 500 p.
323. Hyam R. Britain's Imperial Century, 1815-1914: a Study of Empire and Expansion. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 377 p.
324. Hyam R. Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 484 p.
325. Hyde H. Montgomery. Baldwin: The Unexpected Prime Minister. London: Hart-Davis MacGibbon, 1973. 616 p.
326. Hynes W. G. The Economics of Empire. Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1985. L.: Longman, 1980. 162 p.
327. Ilbert C. P. The Government of India. Oxford: Clarendon Press, 1922. 154 p.
328. James L. The Rise and Fall of the British Empire. L.: St. Martin's Griffin, 2000. 704 p Imperial Defence. The Old World Order, 1856-1956 / Ed. by Kennedy G. L.: Routledge, 2008. 352 p.
329. Ingram E. The British Empire as a world power. L.: Routledge, 2001.296 p.
330. Jeffries Ch. The Colonial Office. Westport (Connecticut): Greenwood Press, 1983. 222 p.
331. Judd D., Slinn P. The Evolution of the Modern Commonwealth, 1902-1980. L.: Macmillan, 1982. 188 p.
332. Judd D. Empire: the British Imperial Experience, 1756 to the Present. N.Y., 1996. 520 p.
333. Judd D. Empire. The British Imperial Experiment from 1765 to the Present Phoenix. L.: Basic Books, 2001. 568 p.

334. Judd D. The Lion and the Tiger: the Rise and Fall of the British Raj, 1600-1947. Oxford University Press, 2004. 234 p.
335. Jullian Ph. Edward and Edwardians. N. Y.: Viking Press, 1967. 312 p.
336. Kapow J. Western Civilization. Mainstream Readings & Radical Critiques. Vol. II. From the French Revolution to the Present. N.Y.: Knopf, 1973. 426 p.
337. Keir D. L. The Constitutional History of Modern Britain. 2 ed. L., 1943. 568 p.
338. Keith A.B. Responsible Government in the Dominions. Vol. 1-2. L., 1909.
339. Keith D. The king, constitution, the Empire and foreign affairs. L.: Longmans, Green, 1936-37. 448 p.
340. Kennedy P. The Realities behind Diplomacy. Background Influences on Britain External Policy, 1865-1980. L.: Fontana Press, 1985. 416 p.
341. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.: Fontana Press, 1989. 898 p.
342. Kennedy D. Imperial History and Post-Colonial Theory // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1996. Vol. 24. № 3. September. P. 180-203.
343. Kennedy D. Britain and Empire, 1880-1945. L.: Routledge, 2014. 156 p.
344. Khantia P. The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. L.: Random House, 2008. 496 p.
345. Kinley D. The Financial History of Great Britain. N.Y.: Oxford University Press, 1918.116p.
346. Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World: The Cairo Conference of 1921. Baltimore and London: The Johns Hopkins Press, 1970. 336 p.
347. Knaplund P. The British Empire 1815-1939. N.Y.: Harper & Brothers, 1941. 850 p.
348. Koebner R., Schmidt H. D. Imperialism: the Story and Significance of a Political World, 1860-1940. Cambridge, 1964. 432 p.
349. Krishna K. Tummala. Public Administration in India. Mumbai: Allied Publishers Ltd., 1994. 361 p.
350. Langer W. L. The Diplomacy of Imperialism. N.Y.: A. Knopf, 1935. 797 p.
351. Lanver M. The British in Egypt: Community, Crime and Crises 1882-1922. N.Y.: I.B. Taurus, 2011. 320 p.
352. Laybourn K., Reynolds J. Liberalism and the Rise of Labour 1890-1918. Beckenham: Croom Helm, 1984. 261 p.

353. Laybourn K. A Century of Labour: A History of the Labour Party, 1900-2000. Stroud: Sutton Publishing, 2001. 256 p.
354. Lawlins J. The Rise and fall of the British Empire. L.: Abacus, 2005. 736 p.
355. Lawrince J. The Rise and Fall of the British Empire. N.Y: St' Martin's Press. 1991. 744 p.
356. Lee C. H. The British economy since 1700: a macroeconomic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 308 p.
357. Lee S. J. Aspects of British Political History 1914-1995. London: Routledge, 1996. 448 p.
358. Levine Ph. The British Empire: Sunrise to Sunset. L.: Pearson Education. 2007. 264 p.
359. Liddell Hart. When Britain Goes to War. Adaptability and Mobility. L.: Faber & Faber, 1935. 338 p.
360. Lloyd T. O. Empire to Welfare State. English history. 1906-1985. 3nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p.
361. Lloyd T. O. Empire: The History of the British Empire. L.: Hambledon Continuum, 2001. 256 p.
362. Louis W. R. The British Empire in the Middle East. L.: Oxford University Press. 1984. 820 p.
363. Louis W. R. Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez, Decolonization. N.Y.: Hardcover, 2006. 1065 p.
364. Low D. A. Britain and Indian Nationalism: The Imprint of Ambiguity, 1929–1942. N. Y., Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 358 p.
365. MacDonagh O. The Anti-Imperialism of Free Trade. L., 1962.
366. Lucas Ch. The British Empire. L.: Macmillan and Company, limited, 1923. 250 p.
367. Mackenzie J. M. Propaganda and Empire: The manipulation of British public opinion, 1880-1960. Manchester: Manchester University Press, 1984. 277 p.
368. Maclntyre W.D. Colonies into Commonwealth. L.: Blandford Press, 1966. 391 p.
369. Magnus Ph. King Edward the Seventh. N.Y.: Dutton, 1964. 528 p.
370. Mandler P. The English National Character: The History of an idea from Edmund Burke to Tony Blair. New Haven: Yale University Press, 2006. 320 p.
371. Manela E. The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. Oxford: Oxford University Press, 2007. 352 p.
372. Mansergh N. Survey of British Commonwealth Affairs 1931-1939. Problems of External Policy. Oxford: Oxford University Press, 1952. 481 p.
373. Mansfield P. The British in Egypt. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 351 p.

374. Mansfield P. The Ottoman Empire and its Successors. L.: Palgrave Macmillan, 1973. 210 p.
375. Mallet B., George C. O. British budgets: Third series, 1921-22 to 1932-33. L.: MacMillan, 1933. 575 p.
376. Marlowe J. A. Anglo-Egyptian Relations 1800-1953. L.: The Cresset Press, 1954. 444 p.
377. Marlowe J. A. History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations, 1800-1956. L.: Hamden Conn., 1965. 469 p.
378. Marlowe J. Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics. L.: The Cresset Press, 1961. 416 p.
379. Marlowe J. A. Cromer in Egypt. L.: Elek, 1970. 332 p.
380. Matikkala M. Empire and Imperial Ambition. Liberty, Englishness and Anti-imperialism. N.Y.: Tauris Academic Studies, 2011. 304 p.
381. Marriott J. A. K. Modern England 1885-1945. A history of my own times. L.: Methuen, 1960. 591 p.
382. Martin R. M. Colonial Policy of the British Empire. L., 1938. 100p.
383. Martin T., Moore B., Butler L.J. Crises of Empire: Decolonization and Europe's Imperial States, 1918-1975, L.: Hodder Education, 2008. 457 p.
384. Marsh P. T. Joseph Chamberlain. Joseph Chamberlain: Entrepreneur in Politics. New Haven: Yale University Press, 1994. 744 p.
385. Marshal P. J. The Cambridge Illustrated History of the British Empire. Cambridge University Press, 2001. 400p.
386. Marwick A. Britain in the century of total war. War, peace and social change. 1900-1967. L.: Penguin, 1968.
387. Matikkala M. Empire and Imperial Ambition: Liberty, Englishness and Anti-imperialism in Late Victorian Britain. L.: I.B. Tauris, 2011. 288 p.
388. Matthew H. C. G. The Liberal Imperialists. The ideas and politics of a post-Gladstonian elite. Oxford: University press, 1973. 331 p.
389. McCarran M. P. Fabianism in the Political Life of Britain, 1919-1931. Chicago: Heritage Foundations, 1954. 432 p.
390. McHenry D. E. His Majesty's opposition: structure and problems of the British Labour party, 1931-1938. Berkeley: University of California Press, 1940. 320 p.
391. McKenzie R. T. British Political Parties: The Distribution of Power within the Conservative and Labour Parties. L.: Heinemann, 1964. 694 p.
392. McKibbin R. The Evolution of the Labour Party 1910-1924. Oxford: Clarendon Press, 1984. 280 p.
393. Mclntyre W. D. Colonies into Commonwealth. L.: Blandford Press, 1966. 377 p.

394. Medicott W. N. British Foreign Policy since Versailles. L.: Methuen, 1940. 316 p.
395. Middlemas K., Barnes J. Baldwin. L.: Macmillan, 1969. 1196 p.
396. Money, Finance and Empire. 1790-1960 / Ed. by A.N. Porter and R.F. Holland. L.: Frank Cass, 1985. VIII, 184 p.
397. Monroe E. Britain's Moment in the Middle East 1914-1971. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981. 254 p.
398. Morewood S. The British Defence of Egypt, 1935-1940: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean. L., N.Y., 2005. 274 p.
399. Morewood S. Suez: the Canal Before the Crisis. L.: Oxford University Press, 2006. 310 p.
400. Morgan K. O. Consensus and Disunity: The Lloyd George Coalition Government 1918-1922. Oxford: Oxford University Press, 1986. 435 p.
401. Morgan A. J. Ramsay MacDonald. Manchester: Manchester University Press, 1987. 320 p.
402. Morgan D. The Official History of Colonial Development. In 5 vols. L.: Macmillan, 1980.
403. Morgan K. O. Lloyd George. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1974. 224 p.
404. Morgan K. O. The New Liberalism and the Challenge of Labour: The Welsh Experience, 1885-1929 // Essays in Anti-Labour History: Responses to the Rise of Labour in Britain / Ed. by: Brown K. D. L.: Macmillan, 1974. P. 159-182.
405. Morgan K. O. Ramsay MacDonald. London: Haus Publishers, 2006. 176 p.
406. Morris J. Pax Britannica. The climax empire. L.: Penguin, 1979. 544 p.
407. Morgan K. James Ramsay MacDonald. L.: Haus Publishing, 2006. 266 p.
408. Morris J. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L: Mariner Books, 1980. 576 p.
409. Monroe E. Britain's Moment in the Middle East, 1914-1971. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981. 254 p.
410. Mowat C. Britain between the Wars: 1918-1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 698 p.
411. Muldoon A. Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act of the Raj. Metropolitan State College of Denver, USA, 2009. 288 p.
412. Naidis M. The Second British Empire, 1783-1965: a start history. Addison-Wesley, 1970. 273p.
413. Nasson B. Britannia's Empire: making a Britain Great. Stroud: Tempus, 2006. 254p.
414. Nearling S. European colonial expansion since 1871. Chicago, 1941. 647 p.

415. Neuendorff G. Studies in the Evolution of the Dominion Status. L.: George Allen And Unwin Ltd., 1942. 398 p.
416. Nicholson H. Curzon: The Last Phase, 1919-1925: A Study in Post-war Diplomacy by Nicholson H. Boston and New York, Houghton Miffin K°, L.: Constable & Company, Limited, 1934. 416 p.
417. O' Brien T. Milner. L., 1979. 156 p.
418. Omissi D. E. Air power and colonial control: the Royal Air Force, 1919-1939. Manchester: Manchester University Press, 1990. 288 p.
419. Owen R. Lord Cromer. Victorian Imperialist, Edwardian Proconsul. Oxford: Oxford University press, 2004. 436 p.
420. Parker J.G. Lord Curson, 1859-1925. A bibliography. N.Y., 1991. 136 p.
421. Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University press, 2015. 592 p.
422. Phillips G. The Diehards: Aristocratic Society and Politics in Edwardian England. Cambridge (Mass.), L.: Harvard University Press, 1979. 228 p.
423. Phillips G. The Rise of the Labour Party 1893-1931. L.: Routledge, 1992. 80 p.
424. Piatt D. Finance, Trade and Politics in British Foreign Policy: 1815-1914. Oxford: Oxford University Press, 1968. 454 p.
425. Pichmond I.C. Egypt 1798-1952. N.Y.: Columbia University Press, 1977. 243 p.
426. Pittock M. Celtic Identity and the British Image. Manchester: Manchester University Press, 1999. 192 p.
427. Pocock J.G.A. Discovery of Islands: Essays in British History. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 358 p.
428. Porter B. Porter B. Critics of Empire: British Radical Attitudes to Colonialism in Africa. N.Y.: St. Martin's Press, 1968. 369 p.
429. Porter B. The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983. L.: Routledge, 1984. 484 p.
430. Porter B. Absent-minded imperialists what the British really thought about empire. N.Y., L.: Oxford University Press, 2004. 475 p.
431. Powell D. British Politics, 1910-35: The Crisis of the Party System. L.: Routledge, 2004. 223 p.
432. Private, conscience and public duty in modern Britain. Essays. L., N. Y., 1994. 279 p.
433. Quigley C. The Round Tables Groups in Canada. // Canadian Historical Review, September 1962. P. 204-224.
434. Ramsden J. An Appetite for Power: A History of the Conservative Party since 1830. L.: Harper Collins, 1998. 512 p.
435. Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin: 1902-1940. L.: Longman, 1979. 437 p.

436. Rayner R. M. The twenty years truce 1919-1939. N.Y.: Longmans, Green&Co., 1943. 248 p.
437. Reese T.R. The History of the Royal Commonwealth Society. 1868 -1968. Oxford: Oxford University Press, 1968. 280 p.
438. Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. L.: Routledge, 1991. 392 p.
439. Rich P.B. Race and Empire in British Politics. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1986. 272 p.
440. Rickmond H. British Strategy, Military and economic. Cambridge, 1941. 400 p.
441. Roberts J. British Imperialism. L.: Palgrave, 2003. 304 p.
442. Rose N. The Cliveden Set. L.: Jonathan Cape, 2000. 287 p.
443. Royle T. The Last Days of the Raj. Kolkata: Rupa & Co, 1997. 291p.
444. Sahni J. N. Fifty Years of Indian Politics, 1921-1971. New Delhi: Allied Publishers, 1982. 182 p.
445. Said Amin. The Political History of Egypt. Cairo, 1959. 283 p.
446. Said E.W. Culture and Imperialism. N.Y.: Vintage House. 1993. 380 p.
447. Said E.W. Orientalism. N.Y.: Panteon Books, 1978. 368 p.
448. Said Kifat. The History of the Socialist Movement in Egypt 1900-1925. Cairo, 1959. 348 p.
449. Schultz B., Vorouxaks G. (ed.) Utilitarianism and Empire. Lanham: Lexington Books, 2005. 274 p.
450. Self R. The Evolution of the British Party System, 1885-1940. L.: Routledge, 2000. 224 p.
451. Semmel B. Imperialism and Social Reform. English Social-Imperial Thought. 1895-1914. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960. 283 p.
452. Semmel B. The Liberal ideal and the demons of empire: theories of imperialism from Adam Smith to Lenin. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1993. 240 p.
453. Sergeev E. The Great Game 1856-1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press – Baltimore, M.D.: The Johns Hopkins University Press, 2013. 530 p.
454. Setton-Williams M.V. Britain and the Arab States. A Survey of Anglo-Arab Relations, 1920-1948. L.: Luzac, 1948. 330 p.
455. Sheppard E. W. A short history of British army. L., 1926. 395 p.
456. Shepherd J., Laybourn K. Britain's First Labour Government. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. 255 p.
457. Skidelsky R. Politicians and the Slump: The Labour Government of 1929-1931. London: Macmillan, 1967. 448 p.
458. Slesser A. A History of the Liberal Party. L.: Hutchinson, 1944. 172 p.

459. Smith I. R. The Emir Pasha Relief Expedition. 1886-1890. Oxford: Clarendon press, 1972. 335 p.
460. Smith S. C. British Imperialism, 1750-1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 132p.
461. Somervell D. C. British Politics since 1900. L.: Dakers, 1953. 276 p.
462. Sontag R J. European Diplomatic History. 1871-1932. N. Y, 1961. 443 p.
463. Spivak G. Ch. Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues / Ed. by Sarah H. N.Y., L.: Routledge, 1990. 176 p.
464. Stephen C. The Making of British Colonial Development Policy 1914-1940. L., 1987. 350 p.
465. Stewart J. The British Empire. McFarland, 1996, 370p.
466. Stokes E. The English Utilitarians and India. Oxford: Clarendon Press, 1959.
467. Stockwell S. E. The British Empire: themes and perspectives. L.: WB, 2008. 384p.
468. Strackey J. The End of Empire. L., 1959. 267 p.
469. Symonds R. In the Margins of Independence: A Relief Worker in India and Pakistan, 1942-1949. Oxford: Oxford University Press Inc., 2001. 164 p.
470. Survey of British Commonwealth Affairs: Problems of War time Cooperation and Post-War Change, 1932 - 1952. L., 1958. 469 p.
471. Al-Sayyid M. Egypt's Liberal Experiment: 1922-1936. Berkeley: University of California Press, 1977. 276 p.
472. Taylor A. J. P. English history, 1914-1945. N.Y.: Oxford University Press, 1970. 880 p.
473. Taylor A. J. P. The Trouble-Makers: Dissent over Foreign Policy. L.: Faber and Faber. 1957. 208 p.
474. Terry J. J. The Wafd, 1919-1952: Cornerstone of Egyptian Political Power . L., 1982. 304 p.
475. The British Commonwealth: it’s Place in the Service of the World. L.: Liveright publishing corporation, 1944. 265 p.
476. The British World: Diaspora, Culture and Identity/ Ed. by C. Bridge, K. Fedorovich. L., 2003. 248 p.
477. The Cambridge History of British Foreign Policy. 1783-1919 / Ed. by A. Ward and G. Gooch. V. III. 1866-1919. Cambridge, 1923. 664 p.
478. The Cambridge History of the British Empire / Gen. ed. J. Holland Rose, A. P. Newton, E. A. Benians. The Cambridge History of British Empire. In 8 vols. Cambridge, 1929-1959. Vol. III. Cambridge, 1959. 908 p.
479. The Cambridge Illustrated History of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 404 p.

480. The Concept of Empire. Burke to Attlee. 1774-1947. Ed. by G. Bennet. L.: A. &Ch. Black, 1953. 434 p.
481. The development of Dominion status, 1900-1936 / Ed. by Dawson R. L., 1937. 466 p.
482. The Empire and British Politics / Thompson A. (ed.): Britain's Experience of Empire in the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 2012. 368 p.
483. Grigg E. The Faith of an Englishman. L.: Macmillan, 1936.405 p.
484. Themes in Modern European History 1890-1945 / Ed. by Atkin N., Biddiss M. Oxford: Routledge, 2009. 416 p.
485. Thomson Wh. Global Expansion: Britain and its Empire, 1870-1914. L.: Phuto Press, 1999. 160 p.
486. Thorpe A. A History of the British Labour Party. Basingstoke: Palgrave, 2008. 368 p.
487. Thornton A. P. The Imperial idea and its enemies. L.: Macmillan & Company Limited, 1959. 370 p.
488. Thornton A.P. Doctrines of Imperialism. N.Y., L., Sydney: John Wiley & Sons, 1965. 246 p.
489. Tidrick K. Empire and the English Character. L.: I. B. Tauris, 1990. 338 p.
490. Tignor R. L. Modernization and British Colonial Rule in Egypt, 1882-1914. Princeton: Princeton University Press, 1966. 430 p.
491. Tignor R. L. Egyptian Textiles and British Capital, 1930-1956. Cairo: American University in Cairo Press, 1984. 157 p.
492. Tignor R. L. State, Private Enterprise and Economic Change in Egypt, 1918-1952. Princeton, 1998. 336 p.
493. Tivley L. Interpretation of British Politics. The image and the system. N.Y., L. 1988. 492 p.
494. Tomlinson B. R. The Political Economy of the Raj, 1914-1947. L.: Palgrave Macmillan UK, 1979. 202 p.
495. Toynbee A.J. The Islamic World since the Peace Settlement. Survey of International Affairs, 1925. Vol. 1. L.: Oxford University Press, Royal Institute of International Affairs, 1927. 636 p.
496. Vatikiotis J. A History of Modern Egypt. N. Y.: Praeger, 1969. 512 p.
497. Vernon B. Devolution in the United Kingdom. Oxford, N. Y., 1999. 331 p.
498. Vickers R. The Labour Party and the World. Vol. 1: The evolution of Labour's foreign policy 1900-1951. Manchester: Manchester University Press, 2004. 232 p.
499. Walker. E. The British Empire, its Structure and Spirit, 1497 - 1953. Cambridge (Mass.): Bowes & Bowes, 1956. 352 p.
500. Warburg C.R. Egypt and the Sudan. Studies in History and Politics. L.: Taylor & Francis Ltd, 1985. 253 p.

501. Ward P. British Culture and the End of Empire. Manchester: Manchester University Press, 2001. 241 p.
502. Webster A. The Debate on the Rise of British Imperialism. Manchester: Manchester University Press, 2006. 198p.
503. White A. The character of British democracy. Glasgow: Craig and Wilson, 1945. 314 p.
504. Williams K. Britain and the Mediterranean. L., 1939. 292 p.
505. Wilson. H. The Relevance of British Socialism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1964. 115 p.
506. Wilson P. The International Theory of Leonard Woolf: A Study in Twentieth Century Idealism. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 269 p.
507. Williamson J. A. A Short History of British Expansion. L.: Macmillan and Company Ltd., 1922. 645p.
508. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p.
509. Wilson T. The Downfall of the Liberal Party 1914-1935. L.: Collins, 1966. 415 p.
510. Winkler H. K. British Labour Seeks a Foreign Policy, 1910-1940. London: Transaction Publishers, 2005. 207 p.
511. Worley M. The Foundations of the British Labour Party: Identities, Cultures and Perspectives, 1900-39. Farnham: Ashgate Publishing, 2009. 260 p.
512. Wotton S. Lord Hailey. The Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War. L.: Palgrave Macmillan UK, 2000. 221 p.
513. Wrigth L. B. Religion and Empire: the Alliance Between Piety and Commerce in English Expansion, 1558-1925. N. Y.: Octagon Books, 1968. 546 p.
514. Windscheffel A. Man or measures? Conservative Party Politics. 1851 -1951 // The Historical Journal. 2002. Vol. 45. December. P. 937 - 951.
515. Young K. Stanley Baldwin. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1976. 161 p.

Диссертации

1. Абрамкин П.А. Джеймс Рамсей Макдональд и адаптация британских лейбористов к власти. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Челябинск, 2002. 235 с.
2. Абрекова Ж. А. Эволюция английской монархии в первой половине XX века. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004. 178 с.

3. Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX- начале XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 2014. 28 с.
4. Алфёрова Е.С. От федерализма к деволюции: трансформация Британской империи: 1884-1921 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Владимир, 2007. 210 с.
5. Бажан Н.С. Движущие силы колониальной политики Великобритании в Египте. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. М., 2010. 159 с.
6. Богомолов С.А. Концепция "нового империализма" в Великобритании последней трети XIX - начала XX вв. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Саратов, 2013. 47 с.
7. Бурьян М.С. Колониальная политика Великобритании в Египте в 1918-1924 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1989. 273 с.
8. Гаврикова А.С. Эволюция партийно-политической системы Великобритании и российская оценка английского опыта в контексте трансформации российского самодержавия. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Тамбов, 2015. 208 с.
9. Грудзинский В.В. Великобритания и ее доминионы в последней трети XIX – в первой четверти XX вв.: идейно-политическая эволюция и проблема имперского единства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПб, 1993. 40 с.
10. Захарова О. В. Имперская стратегия британского парламента в Канаде: 1921-1931 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Владимир, 2006. 191 с.
11. Киселёв К. А. Судано-египетский субрегион: общественно-политическое развитие и особенности колониальной зависимости. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2004. 421 с.
12. Кошелев В. С. Социально-политическая борьба и антиколониальное движение в Египте, 1879-1924. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Минск, 1988. 491 с.
13. Кузьменко И.В. Колониализм: когнитивно-политические модели исследования. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2010. 152 с.

14. Лурье С. Российская и британская империи на Среднем Востоке в XIX-начале XX вв.: идеология и практика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Институт Востоковедения РАН. 1996. 22 с.
15. Поддубный В. К. Вопросы внешней политики и международных отношений в идеологии и деятельности индийского национального конгресса 1917-1947 гг. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 1991. с.
16. Степанов И.В. Идеология и практика британского милитаризма в конце XIX - начале XX вв. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Самара, 2006. 217 с.
17. Тартыгина О.О. Либеральная элита Великобритании в первой четверти XX в. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Казань, 2012. 242 с.
18. Толстов С. В. Английское общество в XX в. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук Киев, 1982. 244 с.
19. Цененко А. А. Индийское национально-освободительное движение в 1919-1929 гг., роль партии свараджистов внутри Всеиндийского национального конгресса в конституционно-парламентской системы Британской Индии. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Владимир, 2002. 195 с.
20. Ценин С. Б. Первое лейбористское правительство Великобритании. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Рязань, 2010. 250 с.
21. Чекунов В.И. Колониальная политика Англии и деятельность консервативных организаций Индии в 1927-1935 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1992. 18 с.
22. Черешнева Л.А. Проблема независимости и раздела колониальной Индии в 1939-1947 гг.: борьба политических сил. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Липецк, 2009. 739 с.
23. Чернов В.В. Трансформация колониальной системы в первой трети XX в. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 2006. 22 с.
24. Чумак О.А. Эволюция политического курса британских консерваторов, 1906-1931 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Самара, 1999. 274 с.